

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Великий Октябрь и народы Восточной Азии

Расцвет советского Приморья

Цюй Цю-бо о новой России

Современное положение в КНР

Кризис буржуазной идеологии Японии

Наследие Бичурина и современность

3

1977

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

**60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

- 3 Великий Октябрь озарил путь национального и со-
циального освобождения народов Восточной Азии
М. И. Сладковский
- 20 Расцвет Советского Приморья
В. П. Ломакин
- 38 Из истории солидарности советских трудящихся с
борющимися Китаем (1917—1920)
Е. Ф. Ковалев
- 52 Кризис буржуазных концепций общественно-исто-
рического развития в Японии
Б. В. Поселов

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 67 Социалистическое содружество и его пекинские
недрузи
*Ю. С. Ширяев,
А. Г. Яковлев*
- 81 О некоторых аспектах внутривластного поло-
жения в КНР
*Л. М. Гудошников,
В. Г. Карымов*
- 91 К итогам XXXIII сессии ЭСКАТО
*В. Л. Борисов,
И. А. Рогачев*

ИСТОРИЯ

- 101 Знаменательная страница истории народной рево-
люции в Китае
О. А. Михайлов
- 113 Создание китайской Красной армии
М. Ф. Юрьев
- 123 Образование единого национального фронта в Ки-
тае
*Р. А. Мировицкая,
В. Н. Никифоров,
А. С. Титов*

КУЛЬТУРА

- 142 Проблема наследия
Н. Т. Федоренко

ПУБЛИКАЦИИ

- 160 Путевые заметки о новой России
Цюй Цю-бо

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- 168 Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность
В. С. Мясников

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 178 Современный Сингапур
В. Н. Усов
- 179 «Белая книга» о милитаризации Японии
Л. П. Пинаев
- 183 В мире образов китайской классической драмы
В. Ф. Сорокин
- 186 Сотрудничество лингвистов Советского Союза и КНДР
В. Н. Дмитриева
- 189 Символическая фигура феодального прошлого
А. Н. Желоховцев
- 191 К истории монгольского кино
С. А. Торопцев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 194 Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай
Н. В. Бирюлин
- 197 ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО
- 198 НОВЫЕ КНИГИ

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великий Октябрь озарил путь национального и социального освобождения народов Восточной Азии

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР

Провозглашение ленинской политики по отношению к народам Востока

Великие свершения Октябрьской социалистической революции в России имели всеобщее, международное значение для судеб народов, борющихся за национальное и социальное освобождение. С победой Октябрьской революции классовая борьба между трудом и капиталом приняла международные масштабы. Мир распался на две противоположные социально-экономические системы — старому реакционному миру эксплуататоров были противопоставлены силы прогресса, борющиеся за национальное освобождение и социальное равенство, за мир и демократию, за социализм.

«Победа Октября — главное событие XX века, — говорится в Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г., — коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма»¹.

В ходе Октябрьской революции в условиях многоукладной и многонациональной России, под руководством партии большевиков, возглавляемой великим Лениным, были осуществлены вековые мечты трудового народа и города и деревни, и промышленных центров и далеких национальных окраин России. Многогранность и комплексность задач, выдвинутых и решавшихся Октябрьской революцией и последующей борьбой советского народа за утверждение ее идеалов, придали ей универсальное значение, а ее опыт стал достоянием всех революционных народов.

Октябрьская революция, провозгласившая свободу и равенство народов, уважение национальных прав и социальную справедливость, имела особо важное значение для народов Востока. В. И. Ленин и руководимая им партия большевиков в борьбе за утверждение социалистического строя отводили первейшее место решению национальных проблем, установлению национального равенства народов Советского госу-

---

¹ Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1977, стр. 3—4.

дарства; своим союзником в борьбе с международным империализмом они считали угнетенные народы Востока. Уже в первые дни существования Советской республики вслед за Декретом о мире (8 ноября) и Декларацией о правах народов России (15 ноября 1917 г.) Советское правительство обратилось с дружественным посланием к угнетенным народам Востока. В «Обращении» Совета Народных Комиссаров к трудящимся мусульманам России и Востока говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраняйте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Далее, во второй части «Обращения», адресованной трудящимся массам зарубежных народов Востока, говорилось: «Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!.. Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран»².

Реальным подтверждением новой, равноправной политики Советского правительства в отношении угнетенных народов и стран явились его акты об аннулировании договоров царского правительства, в частности, об отказе от всех привилегий, установленных царскими договорами, нарушавшими независимость и суверенитет стран Востока. Советское правительство предложило правительству Китая вступить в переговоры об аннулировании Договора 1896 г., Пекинского («боксерского») Протокола 1901 г. и всех соглашений России с Японией, заключенных в период 1907—1916 г. в отношении Китая.

Советская политика, основывавшаяся на принципе равноправия и независимости наций, вызывала злобу и ненависть империалистических держав. Потеряв капиталы, инвестированные в русскую экономику, лишившись возмещения военных долгов царской России, империалистические круги должны были ощутить влияние Октября и на международной арене, в том числе в далеких колониях, поработенные народы которых под воздействием революционных идей пробуждались и готовились вступить в решительный бой со своими поработителями.

В империалистических планах военной интервенции против Советской республики, особенно после того, как провалились расчеты на молниеносное крушение советского строя и интервенция затягивалась на годы, империалистические круги особое место отводили экономической и политической блокаде, изолированию Советской республики от внешнего мира, прежде всего от соседних азиатских стран. Оккупация Сибири, русского Дальнего Востока и создание на этих территориях марionеточных контрреволюционных режимов должны были, по замыслам интервентов, ослабить Советскую республику и «уберечь» Китай и другие страны от «красной угрозы».

Вторжение империалистических интервентов, особенно многочисленных японских войск, действительно на 2—4 года лишило Советскую республику возможности устанавливать непосредственные контакты с соседними странами, задержали реализацию новой, ленинской внешней

² Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина и Народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. — Документы внешней политики СССР, т. I, М., 1957, стр. 34—35.

политики. Более того, империалистическим кругам на первых порах даже удалось использовать реакционеров восточных стран в борьбе против Советской республики. Под нажимом империалистических держав реакционное правительство Пекина, возглавляемое Дуань Ци-жуем, вопреки интересам своей страны включилось в антисоветский, антидемократический фронт. По соглашению с Японией оно направило китайские войска на территорию советского Дальнего Востока и вместе с японскими интервентами приняло участие в империалистическом нашествии на Советскую республику.

Не считаясь с униженным положением своей страны, пекинское реакционное правительство попыталось продолжить захватническую политику цинской империи в отношении Внешней Монголии. В октябре 1919 г. оно направило в Ургу свои войска под командованием реакционного генерала Сюй Шу-чжэна и силой и запугиванием «русской революцией» понудило монгольских феодалов капитулировать и отказаться от автономии Внешней Монголии, завоеванной аратством в 1911 г.³ Китайские милитаристы с помощью Японии попытались превратить Внешнюю Монголию в антисоветский форпост, изолировать народы Монголии и Китая от революционной России.

Однако барьеры и препятствия, создаваемые империалистическими державами и китайскими милитаристами, не могли задержать победоносное продвижение Красной Армии на Восток Советской республики. К середине 1919 г. Красная Армия полностью разгромила контрреволюционные войска Колчака, вступила в Сибирь и, двигаясь в направлении Дальнего Востока на воссоединение с революционными отрядами этих краев, непосредственно вышла к границам Монголии и Китая.

25 июля 1919 г. Правительство РСФСР опубликовало Обращение к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая⁴. В этом документе излагались основные принципы внешней политики Советского правительства и определялись конкретные условия установления новых, равноправных отношений.

«Советская Россия и советская Красная Армия после двухлетней войны, после невероятных усилий, — говорится в Обращении, — идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ»⁵.

Сам характер «Обращения» (к народу и двум правительствам) подчеркивал особое внимание и уважение Советского правительства к китайскому народу исходя из конкретной ситуации в Китае, определявшейся борьбой революционного Юга с реакционным Севером. Оно на первое место ставило Южное правительство, возглавлявшееся доктором Сунь Ят-сеном, которое не было официальным правительством Китая, но зато выражало волю народа.

В «Обращении» отмечалось, что уже в первые недели после Октябрьской революции Советское правительство «предложило Китайскому Правительству вступить в переговоры об аннулировании Договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с

³ Во время Синьхайской революции в Китае (1911 г.), приведшей к свержению маньчжурской монархии, во Внешней Монголии поднялось движение за автономию Внешней Монголии. 16 декабря 1911 г. в Урге состоялась церемония восшествия на ханский престол главы ламанстской церкви — богдо-гэгэна, который сформировал автономное правительство.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, стр. 221—223.

⁵ Там же, стр. 221.

1907 по 1916 г.), по условиям которых царское правительство либо самостоятельно, «либо заодно с японцами и Союзниками» вмешивалось во внутренние дела Китая, нарушало суверенные права китайского народа. Переговоры, проводившиеся до марта 1918 г. по этому вопросу, были прерваны, так как «неожиданно Союзники схватили за горло Пекинское Правительство, — говорилось в «Обращении», — засыпали пекинских мандаринов и китайскую печать золотом и заставили Китайское Правительство отказаться от всяких сношений с Российским Рабоче-Крестьянским Правительством»⁶.

Отдавая себе отчет в том, что «Союзники и Япония сделают все возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошел бы до китайского народа»⁷, Советское правительство разоблачало империалистические замыслы по отношению к Китаю и предлагало китайскому народу в лице его правительства «ныне же вступить с нами в официальные сношения и выслать своих представителей навстречу нашей армии»⁸.

Империалистические державы, однако, все еще оставались достаточно сильными, чтобы продолжать борьбу и с Советской республикой и сохранить свое господство в Китае. Положение стало меняться лишь после того, как минули «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни» и славная революционная советская армия «на Тихом океане свой закончила поход». «К пятилетию победоносной Октябрьской революции, — писал В. И. Ленин, — Красная армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма»⁹.

Воздействие Октября на революционные процессы в дальневосточных странах

Укрепление Советской республики, изгнавшей иностранных интервентов со своей земли и преодолевшей голод и разруху народного хозяйства, пугало мировые империалистические круги. «У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши, — писал В. И. Ленин. — Но китайской стеной не отгородиться от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д.»¹⁰. Идеи Октября проникали в самые отдаленные уголки мира, призывали передовых рабочих следовать примеру советского народа, будили отсталые, поработанные народы зависимых и колониальных стран, вдохновляли их на борьбу с угнетателями.

Летом 1919 г. при активном участии сына бедного арата, наборщика ургинской типографии Сухэ Батора¹¹ создается первый революционный

⁶ Там же, стр. 221—222.

⁷ Там же, стр. 222.

⁸ Там же, стр. 223.

⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 236.

¹⁰ Там же, т. 35, стр. 324.

¹¹ Сухэ Батор родился в 1893 г. в семье бедного арата; во время провозглашения автономии Внешней Монголии он был призван в армию, успешно окончил военную школу и стал командиром эскадрона. В 1917—1918 гг., находясь в монгольской армии вблизи русско-монгольской границы, Сухэ Батор получал информацию от прогрессивных русских людей о происходящих революционных событиях, о деятельности рабоче-крестьянской власти Советской Республики.

кружок в Урге, ставивший перед собой задачу изгнания оккупантов — китайских милитаристов и ликвидацию власти реакционных лам. Вскоре возникает и второй революционный кружок — «консульский» — при участии Х. Чойбалсана, обучавшегося в Иркутске. 25 июня 1920 г. состоялось объединение кружков в одну организацию под названием «Монгольская Народная партия», принявшую «Присягу партийцев», в которой провозглашались цели — «очистить страну от лютых врагов... непреклонно защищать монгольскую нацию, пересмотреть и изменить внутреннюю политику страны, всемерно заботясь об интересах аратских масс, защищать их права и положить конец страданиям трудящихся масс и угнетению человека человеком»¹².

С приближением Советской армии к границам Монголии, руководство МНП установило непосредственные связи с органами Советской власти, а в августе 1920 г. в Иркутск прибыла делегация МНП, возглавляемая Сухэ Батором и Чойбалсаном, для переговоров о получении помощи у РСФСР. В Обращении Делегации к правительству РСФСР говорится: «Мы, члены Народной партии, от имени своей партии обращаемся к великой России с просьбой о помощи. Мы в союзе со служилыми элементами (монгольскими военнослужащими) своей страны, на военную силу которых рассчитываем, стремимся восстановить автономию Монголии, сохранив за хутухтой-богдо титул ограниченного монарха... Добившись независимости страны, мы, используя опыт других стран, развернем борьбу за права и интересы своего народа. Рост национального самосознания аратства позволит нам через год-другой двинуть революцию дальше, с тем чтобы окончательно ликвидировать права владетельных князей»¹³.

Три члена Делегации (Данзан, Лосол и Чагдаржав) были направлены из Иркутска в Москву для встречи с В. И. Лениным и передачи ему Обращения МНП.

Борьба монгольского народа протекала в трудных условиях. Оккупационные власти китайских милитаристов во главе с генералом Го Цай-тянем установили кровавый режим на территории Внешней Монголии. Затем в страну вторглись отступавшие под натиском советской Красной Армии белогвардейские банды барона Унгерна.

Однако монгольская революционная организация, возглавляемая Сухэ Батором, сумела преодолеть препятствия. После проведения I съезда Монгольской Народной партии (1 марта 1921 г. в Кяхте) революционная борьба монгольского трудового аратства поднялась на новую ступень, приняла организованные военно-политические формы. В эти тяжелые годы и для советской Восточной Сибири и Дальнего Востока, когда русская белогвардейщина и японские интервенты готовили новый поход против Советской республики, используя в качестве военных плацдармов Маньчжурию (банды Семенова и др.) и Внешнюю Монголию (Унгерн), между молодой Монгольской Народно-революционной армией и Красной Армией РСФСР сложился боевой союз. Объединенное наступление частей Красной Армии и Монгольской Народно-революционной армии привели к полному изгнанию белогвардейских банд Унгерна, и на всей территории власть перешла в руки Временного Народного правительства. Советско-монгольские отношения были определены Соглашением между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией, подписанным в Москве 5 ноября

¹² История Монгольской Народной Республики. М., 1967, стр. 280.

¹³ Там же, стр. 282.

1921 г. В тот же день монгольская делегация, подписавшая Соглашение, в составе Данзана, Сухэ-Батора, Церен-Доржи, Эрденэ Ширина, Дамдина была принята В. И. Лениным.

Беседа Ленина с монгольской делегацией имела весьма важное принципиальное значение. В ходе этой беседы Владимир Ильич в развитие своих тезисов по колониальному вопросу, принятых II конгрессом Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.), глубоко обосновал идею возможности и необходимости некапиталистического пути развития Монгольской Народной Республики¹⁴.

Ленинские советы Монгольская Народная партия положила в основу программы развития своей страны, успешно осуществляемой с помощью Советского Союза.

Оценивая значение Октябрьской революции для народов Вьетнама, тов. Хо Ши Мин писал: «Великая Октябрьская революция была для всех угнетателей как удар грома среди ясного неба. Эта революция оказала огромное воздействие на ход исторических событий во Вьетнаме. Она разбудила классовую

Она разбудила классовую борьбу рабочих, крестьян, всех трудящихся, вселила в них историческую роль и просвободительной борьбу первого в мире государств на борьбу, более решительную и решительную»¹⁵.

Уже в первые десятилетия на международной арене активно выступали рабочие и социальную свободу, среди которых вьетнамского народа тов. Хо Ши Мин. В 1920 г., участвуя в национального конгресса социалистической партии Франции, тов. Хо Ши Мин решительно встал на сторону созданного под руководством В. И. Ленина III Коммунистического Интернационала. В 1924 г. как представитель Французской коммунистической партии и делегат от французских колоний, тов. Хо Ши Мин прибыл в Москву для участия в работе V конгресса Коминтерна и остался там для работы в качестве постоянного члена Восточного отдела Исполкома Коминтерна. Затем он включается в активную теоретическую и организационную партийную деятельность: в феврале 1930 г. участвует (в Гонконге) в объединенном совещании трех коммунистических партий стран Индокитая и в создании единой Коммунистической партии Индокитая.

Подпольная партийная деятельность, огромный опыт революционной борьбы, настойчивое изучение теории марксизма-ленинизма (в Международной ленинской школе в Москве в 1934—1939 гг.) позволили тов. Хо Ши Мину стать выдающимся деятелем международного коммунистического движения, вождем коммунистов и всего народа Вьетнама. В течение всей своей славной и долгой жизни тов. Хо Ши Мин высоко нес пролетарское знамя марксизма-ленинизма и привел вьетнамский народ к блистательной победе.

Китайская стена не помешала проникновению и распространению идей Октября в крупнейшей стране Азии — Китае. Дошедшие до Китая сведения о революции в России вызвали широкий интерес и энтузиазм в передовых кругах китайской общественности.

«Самодержавная власть, существовавшая в России на протяжении многих веков, — писала газета «Миньго жибао», — свергнута правитель-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

¹⁵ Хо Ши Мин. Заря над Азией. Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 275.

ством Ленина. Огромный материк заливают волна демократической власти. Теперь уже трудно проводить в жизнь принципы агрессии и узурпации. Правительство Ленина в России укрепилось потому, что оно руководствуется миролюбивыми принципами невмешательства. Для Китая это пример, достойный подражания»¹⁶.

Профессор Ли Да-чжао, один из первых марксистов и организаторов Коммунистической партии Китая, с первых же дней смог оценить международное значение Октябрьской революции, в том числе и для Китая. Он писал: «Мы в этом мрачном Китае, в мертвом Пекине, ощущаем ее светлый луч, который, как маленькая звезда в глубоком мраке, освещает путь нового человечества. Мы должны использовать этот свет, упорно стремиться вперед, работать для блага человечества. Это и будет нашим чествованием эпохи»¹⁷.

Октябрьскую революцию горячо приветствовал и Сунь Ят-сен. «Революция в России, — писал Сунь Ят-сен, — породила у всего человечества великую надежду»¹⁸.

Статья Ли Да-чжао «Мое марксистское мировоззрение» (ноябрь 1919 г.) положила начало перехода прогрессивной китайской интеллигенции под влиянием Октябрьской революции на позиции марксизма-ленинизма. В 1920 г. в Китае возникли два первых коммунистических кружка: в Шанхае — под руководством Чэнь Ду-сю и в Пекине — во главе с Ли Да-чжао. Эти кружки закладывали идеологическую и организационную основу для создания коммунистической партии. При содействии Коминтерна в июле 1921 г. был созван Первый организационный съезд, положивший начало созданию Коммунистической партии Китая.

Ведущая роль в националистическом и демократическом движении Китая в первой четверти XX столетия принадлежала выдающемуся революционному демократу доктору Сунь Ят-сену и созданной им партии — гоминьдан. После окончания первой мировой войны Сунь Ят-сен иллюзорно оценивал складывавшуюся международную обстановку, поддавался демагогическим «миролюбивым» увещаниям президента США Вильсона и питал надежды при широкой помощи великих держав, прежде всего США, превратить Китай в передовое индустриальное государство. Опыт, извлеченный Сунь Ят-сеном к началу 20-х годов, заставил его сделать вывод, что союзником китайского народа в борьбе за создание «прекрасного величественного здания Китайской Республики» не могут быть западные буржуазные государства. Таким союзником может быть только Советская Россия. «Франция и Америка — это республики старого типа, — говорил Сунь Ят-сен. — В настоящее время только Россия является республикой нового типа»¹⁹. Поясняя свои представления о Китайской Республике нового типа, Сунь Ят-сен писал: «В теперешней России нет никаких классов. Они образовали большую компанию, в которой все люди участвуют в распределении прибыли. Тот новый мир, который я стремлюсь построить, — это как раз такое прекрасное государство»²⁰.

¹⁶ Цит. по: А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.) М., 1972, стр. 331.

¹⁷ «Синь циньнянь», 1918, № 5.

¹⁸ Цит. по: А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба, стр. 331.

¹⁹ Сунь Ят-сен. Избр. произв., т. 1, Пекин, 1956, стр. 438 (на кит. яз.)

²⁰ Там же, стр. 551.

Поставив задачу изучить опыт Советского Союза, Сунь Ят-сен 21 августа 1921 г. обратился к Советскому правительству с письмом, в котором писал о своем желании ознакомиться в России с организацией Советов, армии, системы образования и др.²¹

Надежды Сунь Ят-сена на успешное и столь важное для Китая сотрудничество с СССР полностью оправдались. Его три революционные установки — союз с СССР, союз с КПК и поддержка рабочих и крестьян — оказали большое воздействие на весь ход китайской революции.

Революционные идеи Октября проникали и в японскую колонию — Корею, находили отголоски и в самой Японии.

В марте 1919 г. Корея была охвачена широким народным восстанием против колониального господства японского империализма. Оно выливалось в массовые демонстрации, стачки и даже вооруженные столкновения. Японским колонизаторам удалось жестокими репрессиями утопить это восстание в крови патриотов — более 8 тыс. участников было казнено, 15 тыс. ранено и свыше 40 тыс. брошено в тюрьмы. Жесточайшая расправа не могла приостановить процесс антиколониального движения корейского народа. Прогрессивные общественные деятели Кореи сознавали, что одной из причин поражения восстания было отсутствие руководителей у трудовых классов и предательский оппортунизм корейской буржуазии. Важную роль в дальнейшем развитии национально-освободительного и народно-демократического движения в Корее сыграли революционные организации, созданные под влиянием Октябрьской революции корейцами, проживавшими на территории России. В апреле 1919 г. во Владивостоке состоялся съезд корейских социалистов и Союза новых граждан, образовавших социалистическую партию, принявшую решение о вступлении в Коминтерн²².

Несмотря на жесточайшие репрессии и разжигание милитаристскими кругами «духа бусидо» — самурайского фанатизма, в прогрессивных общественных кругах Японии пробивались антиимпериалистические тенденции осуждения интервенции Японии против Советской Республики. Участники первомайской демонстрации в 1920 г. в Токио выдвигали требование немедленного отзыва японских оккупационных войск из Советской России. Антиимпериалистические настроения среди трудящихся Японии особенно усилились после побед Красной Армии над иностранными интервентами и вынужденной эвакуации японских войск с территории советского Дальнего Востока.

На съезде народов Дальнего Востока, происходившем в январе — феврале 1922 г. в Москве, японские делегаты, представлявшие различные общественные организации («Общество пробуждения народа» и др.), среди которых был Сэн Катаяма, только что прибывший из США, вступили в прямые связи с руководящими деятелями Советской Республики и Коминтерна. Большую роль в распространении марксизма-ленинизма сыграл переведенный Сэн Катаяма ленинский труд «Государство и революция». 15 июля 1922 г. в Токио состоялся первый съезд Коммунистической партии Японии, в создании которой наряду с Сэн Катаяма участвовали Ватанабэ Масаноскэ и Токуда Кюити.

Несмотря, однако, на большую активность и идейную стойкость коммунистов, они не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на государственный курс Японии, выдвигавшейся в число ведущих и наиболее активных империалистических государств в Восточной Азии.

²¹ См. «Большевик», 1950, № 19, стр. 46—48.

²² См. М. А. Персиц. Восточные интернационалисты в России. — «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 79.

Успех борьбы с японским империализмом мог быть достигнут лишь международными прогрессивными силами в надлежащих исторических условиях.

Советская республика — центр международного революционного движения

Советская республика, рожденная Великим Октябрем, явилась социалистической Родиной международного пролетариата, революционной базой трудящихся всего мира. На советской земле коммунисты мира, представители международных организаций обрели право свободно осуществлять свои революционные обязанности, изучать опыт, вести свободные дискуссии. Москва стала местом пребывания исполнительных органов Коминтерна. Проводившиеся в Москве конгрессы III Коммунистического Интернационала, постоянно функционировавшие там Исполнительный комитет и другие органы Коминтерна оказывали идеологическую, организационную и всякую другую помощь коммунистическим партиям, особенно в колониальных и зависимых странах. Уже на I конгрессе Коминтерна, состоявшемся в марте 1919 г. в Москве, вопросы национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран были выдвинуты в число важнейших международных проблем.

В наиболее концентрированном виде коммунистические взгляды по колониальному вопросу изложены в докладе В. И. Ленина и программных документах, рассмотренных II конгрессом Коммунистического Интернационала (19 июля — 7 августа 1920 г.). В. И. Ленин отмечал, что после войны не менее миллиарда с четвертью населения (около 70% всего населения мира. — М. С.) подвергается колониальному гнету, подвергается эксплуатации капитализма, что империализм обострил классовые противоречия и «внутри каждой страны-победительницы»²³ и, таким образом, является международным эксплуататором, врагом угнетенных и трудовых народов всего мира. В этих условиях «во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу, — говорил В. И. Ленин, — должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»²⁴.

При оценке международного положения В. И. Ленин предлагал непременно исходить из того, что «после империалистической войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира»²⁵.

При рассмотрении национального и колониального вопросов В. И. Ленин учитывал преимущественно аграрный характер экономики колониальных стран. Центральное место он отводил вопросу о крестьянстве. Анализируя социальный состав крестьянства, В. И. Ленин выделил в нем три группы, которые, по его убеждению, могут быть союзниками

²³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 219, 242.

²⁴ Там же, стр. 163.

²⁵ Там же, стр. 242.

пролетариата в борьбе за социалистические преобразования деревни.

К первой В. И. Ленин относил сельскохозяйственный пролетариат, наемных рабочих и считал, что «привлечение его на сторону Советской власти и диктатуры пролетариата является *основной* задачей коммунистических партий во всех странах»²⁶.

Ко второму — полупролетариев и parcelных крестьян, тех, кто «снискивает себе средства к жизни частью наемной работой», а «частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли»²⁷.

К третьему — мелких земледельцев, владеющих «на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы»²⁸.

Наличие этих трех категорий крестьян обеспечивает полностью, говорил В. И. Ленин, «успех пролетарского переворота не только в городах, но и в деревне»²⁹.

В отношении среднего крестьянства, то есть мелких земледельцев, прибегающих «к найму чужой рабочей силы»³⁰, следует «ограничиться задачей нейтрализовать его, т. е. сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией»³¹.

Рассматривая как надежного союзника трудовое крестьянство (третья категория), которое «способно решительно поддержать революционный пролетариат», но «лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»³², В. И. Ленин в то же время в колониальных и зависимых странах ставил вопрос о союзе пролетариата с другими классами. Он отмечал, что при рассмотрении этого вопроса на комиссии конгресса было единодушно принято решение поддерживать национально-революционное движение, хотя оно и носит буржуазно-демократический характер «всякое национальное движение, — говорил Ленин, — может быть лишь буржуазно-демократическим»³³, оговариваясь при этом, что «мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны»³⁴.

Определяя позицию коммунистов по отношению к национальной буржуазии колониальных стран, В. И. Ленин обращал внимание на то, что «между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»³⁵.

В. И. Ленин указывал на невероятные трудности, стоящие на пути вовлечения трудового крестьянства в сознательное революционное движение в колониальных странах, «ибо важнейшей характерной чертой

²⁶ Там же, стр. 170.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 171.

²⁹ Там же, стр. 172.

³⁰ Там же, стр. 173.

³¹ Там же, стр. 174.

³² Там же, стр. 173.

³³ Там же, стр. 243.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении»³⁶. Вместе с тем, ссылаясь на опыт русских коммунистов в такой отсталой царской окраине, как Туркестан, В. И. Ленин пришел к выводу, «что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата»³⁷. Этот опыт позволил Владимиру Ильичу выдвинуть идею создания крестьянских Советов. Он отмечал, что «крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями»³⁸.

Величайшей заслугой В. И. Ленина перед народами колониальных стран является не только то, что он открыл первичные формы политической власти самого многочисленного класса этих стран — трудового крестьянства, но и осветил им путь дальнейшего продвижения к социализму.

В условиях изменившейся мировой обстановки, когда единая империалистическая цепь была разорвана Октябрьской социалистической революцией, а образовавшаяся Советская республика продемонстрировала свою жизненную силу и явилась действенным примером для всех других стран, когда идеи коммунизма овладевали умами миллионов людей во всех уголках земного шара и когда наряду с этим национальная буржуазия колониальных стран обнаружила свою двойственность, склонность к союзу с империализмом, для отсталых народов, избавившихся от империалистического господства, появилась необходимость, не уступая политического руководства буржуазии, при содействии международного рабочего класса, направить развитие страны по пути к социализму и коммунизму, минуя капитализм.

В. И. Ленин обращаясь к участникам II конгресса Коминтерна, сказал: «...Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»³⁹.

Учение В. И. Ленина по вопросам национального и социального освобождения имело особое значение для народов Востока, всех колониальных и зависимых стран. К. Маркс и Ф. Энгельс, жившие в эпоху до перерастания капитализма в монополистическую стадию развития, когда империалистические противоречия и борьба за передел мира еще не приняли международный, определяющий характер, не могли выявить закономерности наступившей новой, империалистической стадии капитализма. В этих условиях колониальный вопрос и его роль в общей антиимпериалистической борьбе не могли получить должного и конкретного освещения. Эту задачу выполнил В. И. Ленин.

Ленинская внешняя политика Советской республики — воплощение идей Великого Октября

Советское государство под руководством Коммунистической партии Советского Союза на протяжении всей шестидесятилетней истории свое-

³⁶ Там же, стр. 244.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 245.

³⁹ Там же, стр. 246.

го существования последовательно и неуклонно проводило ленинскую внешнюю политику, претворяя в жизнь идеалы трудового народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Особенность политики Советской республики в отношении стран Востока состояла в том, что, руководствуясь ленинским учением, Советское правительство и в годы тяжелых испытаний военного времени и в годы блистательных побед и расцвета своей Родины всегда оказывал всемерную помощь и поддержку угнетенным народам, борющимся против империализма и реакционных классов.

После оказания военной поддержки монгольскому народу в изгнании иностранных интервентов, что обеспечило условия для создания Монгольской Народной Республики, Советский Союз, на основе Протокола от 12 марта 1936 г. вступил в союзные отношения с МНР, гарантировав тем самым безопасность и мирный труд монгольскому народу. События на реке Халхин-Гол в 1939 г. убедительно показали силу и прочность союзных отношений советского и монгольского народов, армии которых нанесли сокрушительный удар японским агрессорам и заставили их считаться с независимостью МНР.

В годы смертельной войны с германским фашизмом советско-монгольская дружба еще более окрепла на основе марксизма-ленинизма, на принципах пролетарского интернационализма. Советский Союз, несмотря на тяжелый экономический урон, нанесенный гитлеровской оккупацией жизненно важным центрам страны, продолжал обеспечивать монгольский народ необходимыми промышленными товарами, а народное хозяйство МНР — топливом, оборудованием. В свою очередь и дружественный монгольский народ оказывал посильную помощь советскому народу в обеспечении победы над фашистской Германией. На добровольные средства монгольских трудящихся были сформированы и переданы Красной Армии танковая колонна и боевые самолеты, монгольские араты поставляли лошадей для советской кавалерии, монгольские рабочие готовили теплую обувь, полушубки для советских воинов.

Плодотворное советско-монгольское сотрудничество продолжается в возрастающих масштабах и в наши дни. Только за минувшие 10 лет с технико-экономической помощью и на средства Советского Союза в МНР построено и сдано в эксплуатацию более 150 важнейших народно-хозяйственных объектов. На предприятиях, построенных и реконструированных с помощью Советского Союза, в настоящее время производится около 50% валовой промышленной продукции МНР, в том числе 90% электроэнергии, 85% угля, 100% мытой шерсти и шерстяных изделий, около 70% кондитерских и хлебобулочных изделий⁴⁰.

Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР тов. Ю. Цеденбал, оценивая советско-монгольские отношения, сказал: «Отношение Советского Союза к МНР, которое всегда отличалось искренностью и классовой солидарностью, беззаветной верностью союзническому долгу и принципам интернационализма, в ходе многолетнего сотрудничества и совместной борьбы за строительство нового общества, против общих врагов переросло в нерушимую, ленинскую дружбу советского и монгольского народов.

Монгольский народ по праву связывает свои революционные завоевания с братской дружбой и интернациональной помощью Советского Союза, которые имели решающее значение в завоевании и укреплении

---

⁴⁰ Д. Гомбожав. Развитие внешнеэкономических связей МНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, стр. 35.

свободы и национальной независимости, в преодолении вековой отсталости МНР и дальнейшем развитии ее по пути социализма»⁴¹.

Ленинская внешняя политика СССР по отношению к Вьетнаму явилась образцом братских, интернациональных отношений двух социалистических стран в различных условиях мировой ситуации.

Оценивая пройденный исторический путь и значение Октябрьской социалистической революции, тов. Хо Ши Мин писал: «Опираясь на опыт Октябрьской революции, претворяя в жизнь учение великого Ленина и применяя его в конкретных вьетнамских условиях, Партия трудящихся Вьетнама наметила правильную стратегическую и тактическую линию революции... Наш народ превосходно знает, сколь многим обязана вьетнамская революция славной Октябрьской революции, великому Советскому Союзу. Советский Союз оказал огромную помощь борьбе за национальное освобождение Вьетнама. Сегодня Советский Союз также оказывает братскую помощь нашей стране в построении социализма в Северном Вьетнаме и в борьбе за мирное объединение нашей родины»⁴².

В длительной и тяжелой борьбе против американского империализма и марионеточного реакционного режима вьетнамский народ под руководством марксистско-ленинской партии вьетнамских коммунистов проявил исключительное мужество и героизм. Вместе с этим в этой борьбе были продемонстрированы сила пролетарского интернационализма — главного орудия пролетариата в борьбе с капитализмом и величие негаснущих идей Октября. Борьба вьетнамского народа против империализма и реакции находила горячую поддержку Советского Союза, других социалистических стран, прогрессивной общественности всего мира. Вьетнамский народ, вьетнамские коммунисты с трибуны IV съезда КПВ выразили сердечную благодарность за эту помощь.

«За эти 60 лет, прошедших со времени победы Октябрьской социалистической революции, — говорится в постановлении Политбюро ЦК КПВ, — мировая революция и вьетнамская революция одержали огромные победы. Политбюро ЦК Коммунистической партии Вьетнама решило, чтобы вся наша партия, весь наш народ и все наши вооруженные силы отметили 60-ю годовщину Октябрьской революции достойным образом, отвечаящим огромному значению этого великого исторического события»⁴³.

Освобождение советскими войсками территории Северной Кореи от японских оккупантов имело решающее значение для судеб корейского народа в этой части страны. Основываясь на принципах пролетарского интернационализма, Советский Союз и после образования КНДР постоянно оказывал корейскому народу всестороннюю помощь и поддержку в ликвидации последствий колониального господства, в строительстве самостоятельной национальной экономики. Важное значение для развития советско-корейского сотрудничества имело заключение в марте 1949 г. соглашения между СССР и КНДР об экономическом и культурном сотрудничестве. В соответствии с ним были заключены соглашения о товарообороте и платежах, об оказании КНДР технической помощи, о предоставлении ей долгосрочного кредита в сумме 212 млн. руб. на закупки товаров, необходимых для развития народного хозяйства моло-

⁴¹ Ю. Цеденбал. К социалистическому общественному строю, минуя капитализм. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, стр. 17—18.

⁴² Хо Ши Мин. Заря над Азией. — Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 276—277.

⁴³ Резолюция Политбюро ЦК КПВ. Сообщение Вьетнамского Информационного агентства от 21 мая 1977 г.

дой республики⁴⁴. Огромную безвозмездную экономическую и военную помощь советский народ оказал КНДР в период борьбы корейского народа против империалистической агрессии (1950—1953). В первые послевоенные годы Советский Союз предоставил безвозмездную помощь КНДР в размере 1,3 млрд. руб. (в старом исчислении) на нужды восстановления и развития ее народного хозяйства⁴⁵. При техническом содействии Советского Союза в счет этой безвозмездной помощи были восстановлены, реконструированы и построены ведущие промышленные предприятия, которые составили основу национальной экономики КНДР.

На протяжении всего последующего периода советско-корейское экономическое сотрудничество неуклонно расширяется. Только в последние годы при техническом содействии Советского Союза на основе льготных кредитов в КНДР построено и строится более 30 промышленных предприятий и объектов, которые обеспечивают КНДР значительный прирост в промышленном производстве. Ввод в эксплуатацию этих предприятий и объектов позволяет увеличить выпуск важнейших видов промышленной продукции по сравнению с 1970 г.: стали — на 30%, проката — на 40, угля — на 30, электроэнергии — более чем на 40, азотных удобрений — на 25% и т. д.⁴⁶

Большая помощь оказывается КНДР Советским Союзом в подготовке национальных квалифицированных кадров непосредственно на предприятиях, строящихся при техническом содействии Советского Союза, и на аналогичных предприятиях нашей страны.

Сотни советских специалистов постоянно трудятся на строительных площадках КНДР, оказывая техническую помощь корейским друзьям в строительстве предприятий, монтаже и наладке оборудования.

В приветственной телеграмме Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу в связи с 70-летием со дня его рождения Генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Ир Сен выразил уверенность в том, что традиционные отношения дружбы и сотрудничества между партиями и народами двух стран — Кореи и Советского Союза, основанные на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, и впредь будут крепнуть и развиваться в интересах народов обеих стран. «Центральный Комитет Трудовой партии Кореи и корейский народ, — подчеркивается в телеграмме, — с удовлетворением отмечают, что хорошо развиваются отношения дружбы и сотрудничества между партиями и народами наших двух стран, и дорожат этими отношениями»⁴⁷.

Незыблемость и последовательность ленинской внешней политики находили полное подтверждение в политике СССР и по отношению к Китаю. Как бы маоистское руководство КНР, ставшее на враждебные социализму позиции и вступившее в сговор с империалистическими и реакционными кругами, ни пыталось фальсифицировать историю советско-китайских отношений, оклеветав бескорыстную помощь советского народа, ему не удастся вытравить из памяти китайского народа, мировой прогрессивной общественности реальные факты, события, с предельной ясностью подтверждающие благотворность ленинской внешней политики Советского Союза на всех этапах борьбы китайского народа за национальное и социальное освобождение. В далекие 20-е годы, когда только отгремели раскаты гражданской войны в Советской России, советский народ пришел на помощь китайской революции. Осенью 1923 г.

⁴⁴ Современная Корея. М., 1971, стр. 216.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 6.

⁴⁷ «Правда», 19.XII.1976.

по просьбе Сунь Ят-сена в Южный Китай была направлена группа советских политических и военных советников: М. М. Бородин, П. А. Павлов, В. К. Блюхер и др. Были организованы морские коммуникации из портов Советского Союза в южнокитайский порт Гуанчжоу (Кантон), по которым систематически направлялись поставки вооружения, горючего и различных материалов. Советская военная, экономическая и политическая помощь сыграла важнейшую роль в организации и успешном проведении «Северного похода» национально-революционных войск против милитаристов Центрального, Восточного и Северного Китая.

Складывающаяся международная обстановка, твердый дружественный курс Советского правительства в отношении Китая вызвали растущую оппозицию антисоветской политике нанкинского правительства. Для всех китайцев, кто задумывался над судьбой своей страны, становилось ясным, что реальную внешнюю поддержку Китай может получить только от Советского Союза, что восстановление дружественных отношений с СССР является объективно необходимым условием сохранения национальной независимости Китая.

Даже среди руководящей правогоминьдановской верхушки появились сторонники незамедлительного восстановления дипломатических отношений с СССР. Некоторые из них (Сун Цзы-вэнь, Кун Сян-си) ратовали за сближение с СССР из-за желания обострить советско-японские отношения и таким путем ослабить нажим Японии на Китай. Такие соображения были одобрены и Чан Кай-ши, после чего (6 июня 1932 г.) Центральный политический совет гоминьдана принял решение вступить в переговоры с Советским Союзом о нормализации отношений.

Возвращение правогоминьдановского руководства к политике нормализации советско-китайских отношений, их стремление найти поддержку у Советского Союза для отражения японской агрессии явилось в то же время признанием пагубности антисоветского курса в международных делах, разоблачением клеветнических утверждений о «советской угрозе» Китаю и т. д.

Сближение Китая с Советским Союзом на условиях противодействия агрессии Японии не устраивало империалистические круги США, Англии и других стран, которые все еще не теряли надежды использовать Японию в антисоветских целях на международной арене и для уничтожения «красных бандитов» внутри Китая. Правящие круги США и Англии понуждали гоминьдановское правительство искать пути умиротворения Японии, откупиться у нее уступкой Маньчжурии и т. д. Однако компромиссы и уступки правительства Чан Кай-ши, «благоприятный» нейтралитет США и Англии лишь разжигали аппетит японских милитаристов. Вслед за вторжением в Северный Китай (капитулянтское «перемирие в Тангу» — 1933 г.) в июле 1937 г. последовало вторжение Японии во Внутренний Китай. Над Китаем нависла угроза колониального порабощения, превращения в колонию Японии.

В этот грозный для Китая час только Советский Союз оказался на стороне Китая. В то время когда западные страны продолжали расширять торговлю с Японией, обильно снабжая ее нефтепродуктами, машинами, продовольствием, Советский Союз предоставил борющемуся Китаю три займа на общую сумму 250 млн. ам. долл., в счет которых поставлял самолеты, танки, артиллерию и другие виды вооружения. Советская военная, техническая и политическая помощь способствовала созданию единого национального антияпонского фронта на основе союза двух главных партий — гоминьдана и КПК.

На следующем историческом этапе, когда гоминьдановские армии окончательно утратили боеспособность, Народно-освободительная ар-

мня под руководством КПК не имела современного оружия, а союзные американо-английские войска не рисковали высаживать десанты на территорию Китая, и Япония в связи с этим могла рассчитывать на затяжную, изнурительную войну, на помощь китайскому народу вновь пришел Советский Союз. Советская Армия, в соответствии с союзными обязательствами (с США, Англией и Китаем), разгромила главные силы Японии на территории Китая и вынудила ее безоговорочно капитулировать. На обширной территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), занятой советскими войсками, где сосредоточивались важнейшие отрасли промышленности (свыше 20% общекитайского производства), китайские народно-демократические организации под руководством КПК получили возможность создать крупную военно-экономическую базу. На этой территории были сформированы новые крупные подразделения Народно-освободительной армии под командованием Линь Бяо, которые с помощью Советского Союза были оснащены современной военной техникой и сыграли решающую роль в разгроме реакционных гоминьдановских армий и ликвидации гоминьдановского режима, развязавшего гражданскую войну в Китае.

После образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.) Советский Союз был первым государством, признавшим ее и пришедшим на помощь китайскому народу в строительстве социализма.

Советские займы, научно-техническая помощь, большая часть которой была предоставлена Советским Союзом безвозмездно, участие советских специалистов в сооружении важнейших промышленных предприятий, в создании новых отраслей производства (самолетостроение, автотракторная промышленность, оборонная промышленность и др.) позволили КНР в период с 1949 г. по 1958 г. создать первичную основу социализма в стране и обеспечить осуществление генеральной линии КПК, предусматривавшей превращение Китая в течение 18 лет (1949—1967 гг.) в передовое индустриально-аграрное социалистическое государство.

Руководители КПК многократно выражали глубокую признательность Советскому Союзу и высоко оценивали советскую помощь в осуществлении социалистической генеральной линии КПК.

VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.), подводя итоги успешного выполнения первого пятилетнего плана и намечая перспективы, отмечал: «Мы должны и впредь крепить братскую солидарность с коммунистическими и рабочими партиями всех стран, должны продолжать изучать опыт Коммунистической партии Советского Союза и коммунистических партий других стран в деле революции и строительства. Мы должны любовно и скромно относиться к любой из братских партий, должны решительно бороться с любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма»⁴⁸.

Китайские коммунисты, участвовавшие в работе VIII съезда КПК, имели полное основание предупреждать об угрозе проявления в партии великодержавного шовинизма и национализма. Жизнь подтвердила эти опасения. Великоханьский шовинизм — главное направление политического курса маоистского руководства КНР. Этот курс привел маоистов в лагерь опаснейших и злейших врагов социализма, родины Ленина.

Маоистские руководители — не «первооткрыватели» антисоветизма, они продолжают пагубный курс китайских милитаристов и реакцион-

⁴⁸ Политический отчет ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду партии. Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, часть 1, Пекин, 1956, стр. 111.

ных гоминьдановцев, пользуются даже терминологией своих предшественников, утверждая, что «социал-империализм», то есть Советский Союз (Чан Кай-ши употреблял термин «красный империализм»), более опасен, чем американский империализм («белый империализм»). Различие между прежними и нынешними антисоветчиками в Китае состоит в том, что последние рядятся в тогу «коммунистов», прикрывают свою разнузданную антисоциалистическую деятельность прошлым революционным авторитетом КПК. Беря на вооружение избитые и обанкротившиеся лозунги и приемы старых китайских реакционеров, маоисты в то же время старательно замалчивают пагубные результаты политики своих предшественников. Для оправдания антисоветского, антисоциалистического курса маоистам приходится искажать, фальсифицировать всю историю китайской революции, прежде всего историю советско-китайских отношений.

* * *

Советский народ встречает славный юбилей 60-летия Октябрьской социалистической революции в обстановке творческих успехов по выполнению исторических решений XXV съезда КПСС. По всей стране развернулось всенародное обсуждение проекта новой Конституции, в котором отражены глубокие изменения, происшедшие в советском обществе, за минувший период. Наряду с грандиозными успехами в области экономики, развивающейся как единый мощный народнохозяйственный организм, в нашей стране происходит сближение всех наций и народностей, сложилась новая историческая общность людей — советский народ. «С построением зрелого социализма, — говорится в Информационном сообщении о работе майского Пленума ЦК КПСС, — с переходом на идейно-политические позиции рабочего класса всех слоев населения — и государством наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство»⁴⁹.

Новая Конституция СССР, в которой найдут отражение все черты развивающегося советского общества, несомненно, будет иметь большое значение для народов других стран, особенно для многонациональных государств Востока, где империализм и реакционные классы постоянно пытаются разжигать национальную рознь и использовать ее для сохранения своего господства.

Успехи Советского Союза, осуществляющего идеалы Октября, учение Ленина, как признают трудовые народы всех стран, послужили и служат им на пользу. Аккумулируемый Советским Союзом исторический опыт будет, несомненно, и в будущем важен всем народам, ведущим борьбу за демократию и социализм. «Призвание и роль нашей политики на международной арене, — говорит Л. И. Брежнев — мы видим в том, чтобы всегда быть на стороне тех, кто борется против империализма, против всех форм эксплуатации и гнета, за свободу и человеческое достоинство, за демократию и социализм»⁵⁰.

⁴⁹ «Правда», 25.V.1977.

⁵⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, стр. 461.

Расцвет Советского Приморья

В. П. Ломакин,

первый секретарь Приморского крайкома КПСС

Великая Октябрьская социалистическая революция — главное событие XX в., коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Победа Советской власти в нашей стране открыла новую, замечательную страницу в развитии экономики и культуры Дальнего Востока, в том числе Приморского края, на примере которого ярко и убедительно видны результаты огромных социально-экономических преобразований.

Трудящиеся Приморского края с огромным интересом ознакомились с проектом новой Конституции СССР и единодушно одобряют этот исторический документ, разработка которого осуществлялась под непосредственным руководством и при активном участии Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева. Всенародное обсуждение проекта Основного Закона нашей страны в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции стало впечатляющей и убедительной демонстрацией тех огромных изменений, которые произошли в Советском Союзе и во всем мире под влиянием идей марксизма-ленинизма, победы Октября. Одним из ярких свидетельств, отраженных в проекте Конституции СССР великих побед советского государства могут служить достижения в экономическом и культурном строительстве в Приморском крае.

Дореволюционное Приморье — это 70 тыс. патриархально-общинных и мелкокрестьянских хозяйств, немногим более 2 тыс. рабочих на 126 заводах, крупнейший из которых — винокуренный купца Пьянкова. Основная часть населения занималась прибрежным рыболовством и пушным промыслом так, как это делалось столетиями прежде. На Дальнем Востоке старой России было всего 14 городов. В 1914 г. в общеобразовательных школах края обучалось 35 тыс. детей, имелись одно среднее специальное и одно высшее учебное заведение, неграмотные составляли 70% населения. В Приморье было всего 33 больницы, в которых работало 113 врачей.

За годы Советской власти объем промышленного производства в Приморье вырос в 182 раза, посевные площади расширились в 3,5 раза. О масштабах развития экономики края свидетельствует и то, что государственные капитальные вложения в народное хозяйство за 1976 г. составили почти 1,3 млрд. руб., что в 200 раз больше, чем в 1918 г.

Приморье является одним из крупных экономических районов страны. Благодаря всесторонней заботе и огромной помощи Коммунистической партии и Советского государства, самоотверженному труду дальневосточников здесь идет активное освоение богатейших природных богатств. Приморье занимает одно из первых мест в Сибири и на Дальнем Востоке по количеству разведанных месторождений на единицу площади. За годы Советской власти на территории края выявлено 223 крупных месторождения полезных ископаемых, в том числе общесоюзного значения: олова, вольфрама, свинца, цинка, висмута, редких металлов, флюорита, борного и цементного сырья, фарфорового камня. За годы пятилеток создано многоотраслевое народное хозяйство, оснащенное совре-

менной техникой. Построены промышленные предприятия, рудники, угольные разрезы, крупные морские порты. Функционируют мощные рыбопромысловые и китобойные флотилии, два морских пароходства.

Бурное развитие экономики потребовало создания энергетической базы, современной строительной индустрии, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Ускоренными темпами развиваются такие отрасли как машиностроение, судоремонтная, металлообрабатывающая, горнорудная и химическая промышленность. У нас имеются благоприятные возможности для развития многоотраслевого сельского хозяйства.

В экономике Дальневосточного района наш край занимает весьма важное место. На его долю приходится почти треть промышленного и сельскохозяйственного производства, основных производственных фондов и населения Дальнего Востока.

Научную и культурную жизнь края сейчас представляют Дальневосточный научный центр Академии наук СССР с 16 научно-исследовательскими институтами, действует большое количество отраслевых НИИ, в том числе рыбного хозяйства и океанографии, сельского хозяйства, гидрометеорологический, несколько проектных институтов, функционирует 5 театров, филармония, 2 цирка, 5 музеев, сотни клубов, домов и дворцов культуры, кинотеатров, библиотек. Сегодня здесь 768 общеобразовательных школ, 54 ПТУ, 34 средних специальных и 12 высших учебных заведений. Мы располагаем 183 лечебными учреждениями, где на страже здоровья людей стоят 6,5 тыс. врачей и около 20 тыс. человек среднего медицинского персонала. В крае 20 тыс. учителей и преподавателей, 9 тыс. творческих работников. Высокий уровень культуры, органической составной части социалистического образа жизни, находит свое выражение и в том, что 180 тыс. трудящихся участвуют в художественной самодеятельности, 20 агитационно-художественных бригад выступают перед рыбаками и сельскими тружениками, выезжают в соседние области и на БАМ.

Важным шагом на пути развития экономики и культуры края явилась девятая пятилетка. За эти годы нам удалось решить многие крупные социальные и экономические задачи, определенные решениями XXIV съезда партии, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов».

Наш край досрочно выполнил пятилетний план по общему объему промышленного производства и реализации продукции. За годы пятилетки объем производства увеличился на 43%, производительность труда — на 32%, сверх плана реализовано продукции на 250 млн. руб. Значительно возросла доля машиностроения и металлообработки, объем производства в этой отрасли увеличился на 67%, производительность труда — на 52%, это высшее достижение в крае. Также увеличился удельный вес электроэнергетики, химической и легкой промышленности. Улучшилось качество выпускаемой продукции.

Активнее решались вопросы ускоренного внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, опыта передовиков и новаторов производства, совершенствования управления производством и научной организации труда. На Дальзаводе в годы девятой пятилетки только за счет реконструкции действующих мощностей почти на 40% увеличен объем производства, на 41,6% — производительность труда и на 10,1% — рентабельность. В объединении «Бор» производительность одного из цехов была увеличена таким же путем в 3 раза. Ввод новых мощностей для получения этого прироста потребовал бы в 10 раз больших затрат. Коллективы предприятий Приморья оборудовали

700 комплексно-механизированных и полуавтоматических линий, ввели более 1700 современных технологических процессов, освоили выпуск около 2 тыс. новых изделий. В крае проведено 16 тыс. мероприятий по введению новой техники, технологии, НОТ. Экономический эффект рационализаторских предложений составил 152 млн. руб.

Транспорт в Приморье — чрезвычайно важная отрасль хозяйства, здесь сосредоточено 13% рабочих и служащих края, 10% основных фондов и 9% капиталовложений. За пятилетие флот получил более 80 крупных транспортных судов, было сооружено два лесных причала во Владивостоке, контейнерный терминал в Находке. Объем контейнерных перевозок увеличился в 7 раз. К концу пятилетки мы получили две новые железнодорожные линии, значительно возросли перевозки автотранспортом и авиацией. Широкое распространение и в этой отрасли получили передовые методы труда, развернулось комплексное соревнование, которое позволило объединить всю систему транспортного обслуживания края.

Достигли больших успехов рыбаки Приморья, благодаря которым рыбная промышленность края смогла увеличить объем производства на 38% и дать сверхплановой продукции на 137 млн. руб., в том числе 51 млн. усл. банок рыбных консервов. Возросла мощность добывающего флота.

В соответствии с долгосрочной программой развития Дальневосточного экономического региона государственные капитальные вложения на строительство и техническое оснащение отраслей народного хозяйства за годы девятой пятилетки превысили 4 млрд. руб., что на 35% больше, чем в восьмой пятилетке. В эксплуатацию введено 150 новых промышленных предприятий и цехов, в том числе Бикинский угольный разрез, заводы Дальхимпром, Лесозаводский биохимический, Сибирцевский комбинат стройматериалов. По решению XXIV съезда КПСС в крае осуществляется строительство таких объектов общесоюзного значения, как порт Восточный и Приморская ГРЭС. Сегодня уже действуют лесной, контейнерный, щеповой причалы нового порта, оснащенные самой современной высокопроизводительной техникой, которая позволяет обрабатывать десятки иностранных судов. По завершении строительства грузооборот одного порта Восточный значительно превзойдет мощность всех ныне действующих дальневосточных портов вместе взятых. На Приморской ГРЭС действуют уже четыре турбоагрегата, станция продолжает строиться и наращивать энергопотенциал. Бурно растет молодой город Находка, где, кроме двух торговых, действует и рыбный порт. Тысячи рыбаков трудятся здесь на крупнейшей в крае базе активного морского рыболовства. С каждым годом развивается в Находке строительная индустрия.

Широкий размах получило у нас жилищное и социально-бытовое строительство. В крае только за годы девятой пятилетки сооружено около 5 млн. м² жилой площади, построено зданий школ и детских учреждений на 68 тыс. мест. За последние пятнадцать лет во Владивостоке строители сдали жилья намного больше, чем было построено за предшествующее столетие, в годы пятилетки четверть населения Приморья улучшили свои жилищные условия. Активно ведется строительство больниц и поликлиник. Введены в строй уникальные здания Дома Науки, гостиницы «Океан» на 900 мест, цирка на 2350 мест, краевого драматического театра им. М. Горького на 920 мест, проект и сооружение которого удостоены Государственной премии РСФСР. Строители Приморья внесли значительный вклад в решение задач девятой пятилетки. Механизованность в строительстве возросла на 70%. Только в 1975 г. около 300 строителей-приморцев получили высокие правительственные награды. Боль-

шой объем работ выполнен мелиораторами края по программе защиты от наводнений, обслуживания рисоводческих хозяйств и культурно-технических работ.

В Приморье активно развивается сельское хозяйство, которое производит самую разнообразную продукцию: зерновые, в том числе рис, ценную техническую культуру — сою, картофель и овощи, молоко, мясо и яйца. В последние годы большое развитие получили клеточное пушное звероводство и оленеводство. Ежегодные капиталовложения в сельское хозяйство составили почти 170 млн. руб., а среднегодовой валовой объем продукции — 352 млн. руб. Посевные площади возросли на 22,6 тыс. га, в том числе под рис — на 11 тыс. га. По сравнению с восьмой пятилеткой прирост среднегодового объема производства составил 7%. В девятой пятилетке построены крупные животноводческие объекты: откормочный комплекс на 12 тыс. голов свиней, 2 птицефабрики, 3 молочных комплекса. Животноводство стало давать 63% валовой сельскохозяйственной продукции. На селе проведена широкая программа социального и культурного развития.

Дальнейший подъем сельского хозяйства — дело всего советского народа, тот непосредственно общественный интерес, который может сформироваться и проявить себя только при социализме, поэтому сотрудничество города и села — важнейший элемент нашей хозяйственной жизни. В ходе девятой пятилетки коллективы более 200 предприятий и организаций Приморья, а также воины Вооруженных Сил провели большую шефскую работу: построены 116 коровников, 24 механизированных зернотока, оборудованы 52 животноводческих помещения, освоено производство десятков изделий, узлов и механизмов для сельского хозяйства.

Девятая пятилетка стала крупным шагом на пути дальнейшего роста материального и культурного благосостояния трудящихся Приморья. Выпуск товаров народного потребления увеличился в 1,7 раза. Значительное развитие получила служба быта и коммунальное хозяйство. Так, объем услуг, оказываемых населению края, возрос в 1,5 раза, а в сельской местности — в 1,7 раза. Сегодня жителям Приморья оказывается до 600 видов услуг. Объем производства местной промышленности по сравнению с 1965 г. возрос в 4 раза. Дальнейшее развитие получила пищевая индустрия.

Сумма денежных доходов населения края возросла на 39,2%, в том числе заработная плата рабочих и служащих — на 20%, что в 1975 г. составило в среднем 184,2 руб., то есть несколько выше уровня, запланированного в целом по стране на 1980 г. На 90,7 млн. руб. увеличилась выплата пенсий, пособий и стипендий, на 23% — товароборот в расчете на душу населения.

Все показатели уровня жизни трудящихся края имели устойчивую и динамичную тенденцию роста. Высшие и средние специальные учебные заведения Приморья выпустили за пятилетие 65 тыс. специалистов. Во Владивостоке были открыты новые учебные заведения: индустриально-педагогический техникум и морское училище Министерства рыбного хозяйства СССР. В конце пятилетки на тысячу рабочих и служащих края приходилось 200 специалистов (в 1970 — 162), 30 тыс. молодых людей обучались к этому времени в ПТУ.

Партийные организации Приморского края в годы девятой пятилетки накопили большой положительный опыт руководства экономикой, постоянно и глубоко занимались вопросами совершенствования социалистического соревнования, развития творческой активности трудящихся, инициативы инженерно-технических работников и новаторов производства, внедрением передовой техники и прогрессивной технологии, распростра-

нением передового опыта и на этой основе добились повышения производительности труда и рентабельности транспорта, ускорения технического прогресса и повышения качества всей работы.

Новые горизонты открывает перед нашим краем десятая пятилетка. На XXV съезде КПСС подчеркивалось, что и в новой пятилетке опережающими темпами будут развиваться восточные районы, и особенно Сибирь, где промышленное производство намечено увеличить в 1,5 раза. В районах Сибири и Дальнего Востока получают ускоренное развитие энергоемкие производства, топливная промышленность, сельское хозяйство и одновременно весь комплекс социальной инфраструктуры, включающей жилье, объекты коммунального хозяйства и культурно-бытового назначения, городской транспорт.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с трибуны съезда обратился с теплым приветствием к труженикам Советского Дальнего Востока, которые ставят на службу Родине огромные природные богатства, и подчеркнул необходимость дальнейшего ускоренного развития этого района страны.

«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают обеспечить на Дальнем Востоке «комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производства продукции лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности»¹. В десятой пятилетке партия ставит перед трудящимися Приморья большие задачи в области развития цветной металлургии и энергетики, машиностроения и геологоразведки, лесной и деревообрабатывающей, рыбной и микробиологической промышленности, комплексных исследований Мирового океана и освоения новых объектов промысла в его водах, производства мелиоративных работ и выращивания сои, расширения морского и речного транспорта.

Приморцам предстоит увеличить в эти годы объем промышленного производства на 44%, т. е. больше, чем в среднем по стране, и выше прироста, достигнутого промышленностью Приморья в девятой пятилетке. Для обеспечения этого роста потребуется повышение производительности труда не менее, чем на 30%. Высокими темпами будет осуществляться прирост энергетических мощностей. Выработку электроэнергии предполагается увеличить за это время в 1,6—1,7 раза. На Приморской ГРЭС впервые на Дальнем Востоке будут смонтированы турбины большой мощности (до 670 т пара в час), намечается строительство ЛЭП-500 Приморская ГРЭС — Уссурийск и другие линии. Запланировано строительство не менее 35 км магистральных теплосетей. Все это позволит полнее обеспечить нужды народного хозяйства и населения в электрической и тепловой энергии. Резкое увеличение выработки электроэнергии повлечет за собой значительный рост добычи угля, которая возрастет к концу пятилетки в 1,6 раза и достигнет 16—18 млн. т в год, что потребует роста производительности труда в отрасли почти на 50%. Этот объем позволит выровнять топливно-энергетический баланс края.

Глубокие качественные изменения произойдут в структуре промышленного производства. Доля машиностроения, металлообработки и судоремонта увеличится с 19% в 1975 г. до 25—26% в 1980 г. Мощности судоремонтных заводов возрастут за счет дальнейшей реконструкции действующих Находкинского, Приморского и других заводов. В целом объемы производства в машиностроении, металлообработке и судоремонте к 1980 г. увеличатся не менее чем в 1,6 раза.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 227.

Дальнейшее развитие получат предприятия горнорудной промышленности. Будут введены новые мощности по добыче и переработке руды, в целом в этой отрасли объем производства увеличится более чем в 1,5 раза. Выпуск продукции на предприятиях горнохимической, лесохимической и микробиологической промышленности увеличится не менее, чем в 1,7 раза, в основном за счет расширения и реконструкции действующих предприятий и объединений, дальнейшее развитие получат лесная и деревообрабатывающая промышленность, производство стройматериалов (производство цемента возрастет в 2,7 раза).

Когда говорят об экономике Приморья, то обычно имеют в виду прежде всего рыбную индустрию. Шестьдесят лет назад у нас по существу не было промышленного рыболовства. Сегодня сотни добывающих и обрабатывающих судов ведут промысел на просторах Тихого и Индийского океанов. Рыбная промышленность — ведущая отрасль нашей экономики, она дает половину рыбы и морепродуктов, добываемых на Дальнем Востоке. Предусматривается дальнейший рост производства пищевой рыбопродукции. Ускоренными темпами будут развиваться мощности береговых предприятий.

Предстоит осуществить обширную программу капитального строительства. Его объем возрастет за пятилетие на 24—26%. За пятилетку будет реконструировано 38, расширено 17 действующих производств и вновь построено 148 предприятий и цехов, в том числе 93 крупных промышленных предприятия, 28 объектов сельскохозяйственного производства и 6 научных учреждений. На капитальное строительство направляется более 5 млрд. руб. капитальных вложений, что на один миллиард больше, чем в предыдущем пятилетии, причем главной особенностью текущей пятилетки является то, что не менее 2/3 капиталовложений предстоит освоить на пусковых и действующих объектах, поэтому заметно ускорятся темпы научно-технического прогресса. К 1980 г. предстоит механизировать 130 цехов, внедрить 207 автоматических и комплексномеханизированных линий. Использование станков с программным управлением, современного прессово-штамповочного оборудования, прогрессивных методов литья и механической обработки металла приведет к сокращению трудоемких процессов, механизации и автоматизации труда. Несколько тысяч рабочих смогут перейти со вспомогательных производств на основные, повысить свою квалификацию, возрастет их интерес к труду и творческая активность.

Большие задачи в новой пятилетке поставлены также перед работниками сельского хозяйства по укреплению материально-технической базы, повышению культуры земледелия и животноводства. В этой области будет проведена большая работа по повышению эффективности производства в целях обеспечения края собственными овощами, картофелем, продуктами животноводства, а также значительного увеличения производства риса и сои. Широкое развитие получат садоводство, пчеловодство и звероводство. Предстоит на 5 ц с га поднять урожайность зерновых, расширить посевные площади под рис до 40 тыс. га (в 1975 г. — 28 тыс. га), культурные пастбища — до 11 тыс. га, поднять уровень заготовки кормов не менее, чем до 25 ц на голову скота. В 1980 г. труженики села должны произвести 116 тыс. т зерна, 85 тыс. т картофеля, 102 тыс. т овощей, 75 тыс. т сои, 68 тыс. т мяса, 260 тыс. т молока, 340 млн. штук яиц, 5,9 тыс. т плодов, ягод и винограда, 4,2 тыс. т меда.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют огромную заботу о развитии сельского хозяйства края. Приморье получит 375 млн. из 1 млрд. руб. капиталовложений на мелноративные работы в районе Дальнего Востока, будет создана мощная индустриально-строи-

тельная база на селе. Мелнораторы подготовят к использованию 80 тыс. га орошаемых и осушенных земель. Будет создано 7 новых совхозов, в том числе 4 рисоводческих, продолжится строительство животноводческих комплексов, птицефабрик, тепличных комбинатов. Получат дальнейшее развитие шефские связи города и села, как это предусмотрено решениями XXV съезда КПСС. Сельскому хозяйству будет поставлено на 60% больше минеральных удобрений, чем в 9-й пятилетке. Достижение новых рубежей потребует глубоких структурных изменений, большой работы по специализации и концентрации производства: картофель будут выращивать 99 колхозов и совхозов вместо 130, овощи — 86 вместо 136. Внедрение достижений науки и передовой практики, интенсификация производства, улучшение качества продукции и труда в сочетании с широкой идейно-политической и организаторской работой партийных организаций позволят с честью выполнить напряженные задания пятилетнего плана.

Повышение материального и культурного благосостояния народа является важнейшим социальным результатом и органической составной частью наших планов. В десятой пятилетке предусмотрен ускоренный рост уровня жизни населения Приморья: возрастут денежные доходы трудящихся, расширится выпуск товаров народного потребления, объем бытовых услуг, получат дальнейшее развитие социальное обеспечение, медицинское обслуживание, народное образование, система профессионально-технической подготовки, наука и культура края. Будет введена надбавка к заработной плате рабочих и служащих за стаж работы на Дальнем Востоке, предусмотрены более высокие темпы роста строительства жилых домов и культурно-бытовых учреждений. Из 2 млрд. руб., ассигнованных на развитие непромышленной сферы, 1,1 млрд. руб. направляется на жилищное строительство, 5 млн. м² жилья обеспечат улучшение условий жизни 420 тыс. приморцев. Будет построено школьных зданий на 50 тыс. мест, 15 новых комплексов ПТУ (в девятой пятилетке — 9) на 5 тыс. мест и общежития на 24 тыс. мест. Откроются двери 50 новых библиотек, многих музыкальных и художественных школ, домов и дворцов культуры. Предприятия строительной индустрии приступят к выпуску высококачественных отделочных материалов и новых серий жилых домов с улучшенной планировкой. Реальные доходы на душу населения увеличатся на 21%, значительную прибавку получают малообеспеченные семьи. Зарботная плата рабочих и служащих возрастет на 17%, оплата труда колхозников — на 26%. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления за пятилетие возрастут на 30%.

Пенсиями, пособиями и стипендиями будет обеспечено 240 тыс. человек (271 млн. руб.). От снижения государственных розничных цен только за два первых года пятилетки население края выиграет не менее 9,5 млн. руб.

Особое внимание в годы пятилетки уделяется увеличению количества, расширению ассортимента и улучшению качества товаров народного потребления. В связи с этим одной из главных задач стало систематическое освоение новых видов изделий, повышение сортности и категории качества этих товаров. За пятилетие предстоит освоить выпуск не менее 230 новых видов продукции для народного потребления.

Итоги первого года десятой пятилетки свидетельствуют о высокой эффективности социалистической экономики, росте трудовой активности масс, огромных возможностях Советского Приморья, преимуществе нашей страны в развитии жизни. Годовой план 1976 г. по объему производства выполнен труженниками края 23 декабря, план по реализации в промышленности — к 27 декабря, освоено 200 новых видов продукции, объем произ-

водства продукции высшей категории качества увеличился вдвое. В машиностроительной, судоремонтной и металлообрабатывающей промышленности прирост производства составил 16%, производительности труда — 14%. Высоких технико-экономических показателей добились большинство предприятий края, коллективы транспортников и строителей. Прибыльность транспорта возросла на 9%. В число действующих вступила первая очередь Новоспасского цементного завода, завод КПД-80 в Находке, первая очередь птицефабрики «Уссурийская», помещения на 11 тыс. голов крупного рогатого скота. Перевыполнен годовой план по вводу в эксплуатацию жилья, детских садов. Повысилось качество строительных работ.

Выполняя решения партии и правительства, труженики Приморья освоили 150 новых видов товаров народного потребления, перевыполнив свои социалистические обязательства.

Проявлением огромного внимания партии и правительства явилась забота о развитии материально-технической базы сельского хозяйства в Приморье. Край получил в первом году новой пятилетки 1578 тракторов, 378 зерновых и около 450 специализированных комбайнов, 650 грузовиков, более 400 тыс. т минеральных удобрений. Работники сельского хозяйства добились заметных успехов в повышении эффективности производства, ими выполнены социалистические обязательства по продаже государству зерна, молока, яиц, меда, шкурок норки, пантов, план по заготовкам мяса и другой продукции, значительно увеличено поголовье свиней и птицы. 1976 г. стал рекордным годом по производству и урожайности зерновых, сверх плана произведены тысячи тонн мяса и молока, в результате чего значительно возрос уровень самообеспечения края продовольствием. Валовой объем сельскохозяйственной продукции в 1976 г. составил почти 480 млн. руб. при капиталовложениях в размере 189,2 млн. руб. В хозяйственный обиход введено 14,9 тыс. га орошаемых и осушенных земель, увеличены посевы риса, сои, кормовых культур и т. д. Урожайность зерновых увеличилась на 1,4 ц с га, овощей на 15 ц с га, поголовье крупного рогатого скота достигло 423,6 тыс., оленей — 48 тыс. В первом году новой пятилетки трудящиеся городов и рабочих поселков убрали 77% овощей, заготовили сотни тысяч тонн кормов. В сельском хозяйстве работали 1262 механизатора — горожанина. Владивостокский рыбный порт первым выполнил свои шефские обязательства. Всего за год владивостокцы провели 596 лекций и докладов, 1094 беседы, 374 концерта для тружеников села, передали им более 5 тыс. экземпляров художественной литературы, приняли участие в оформлении красных уголков.

В соответствии с главной задачей новой пятилетки были сделаны важные шаги в деле подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся Приморья как в плане общесоюзном, так и специально касающемся населения нашего края.

Повышение минимальной и увеличение заработной платы среднеоплачиваемой категории работников непродуцированной сферы позволили населению края получить еще 60 млн. руб. денежных доходов. Прибавка коснулась 42 тыс. медработников, 60 тыс. работников торговли и общественного питания, большого числа работников просвещения и культпросветучреждений. Общие денежные доходы населения возросли на 4,2%, увеличилось производство и продажа товаров народного потребления, улучшилось их качество. Трудящиеся края получили в минувшем году 17,8 тыс. новых квартир (890 тыс. м² полезной площади), общий жилой фонд в крае составил 16,6 млн. м². Построено школ на 7 тыс. мест, дет-

ских дошкольных учреждений на 4,2 тыс. мест, больниц на 495 коек. Газифицировано 19,3 тыс. городских квартир и 10,7 тыс. на селе (на 58,9% больше, чем в 1975 г.), всего в крае газифицировано 65,6 тыс. квартир.

Из общественных фондов потребления наряду с жилищным строительством и социальным обеспечением также расходуются средства на образование и здравоохранение. Рост производительных сил края обеспечивался развитием его материально-технической базы, а также широкой системы профессиональной подготовки. 14,6 тыс. молодых квалифицированных рабочих подготовили ПТУ (из них 2,2 тыс. со средним образованием), курсы и другие виды обучения прошли 65 тыс. человек, 250 тыс. рабочих повысили свою квалификацию. Всеми видами обучения охвачено в нашем крае около 713 тыс. человек, из них 303,2 тыс. учащихся общеобразовательных школ, 16,1 тыс. студентов вузов и 33,8 тыс. учащихся техникумов и других средних специальных учебных заведений. В Приморье 1189 дошкольных детских учреждений (более 130 тыс. детей), 753 массовых библиотеки с книжным фондом в 9168 тыс. экземпляров, 781 клубное учреждение, более 1000 киноустановок. В 1976 г. имели место 50 млн. посещений киносеансов, 1,6 млн. посещений театральных постановок, 950 тыс. посещений цирка. В санаториях, домах отдыха, профилакториях, турбазах отдыхали 160 тыс. трудящихся, в пионерских лагерях — 65,6 тыс. детей.

Итоги первого квартала 1977 г. свидетельствуют о том, что труженики Советского Приморья успешно решают задачи и второго года десятой пятилетки, вносят достойный вклад в деятельность всего советского народа по осуществлению огромных задач коммунистического строительства. Квартальные задания по объему производства, реализации продукции и росту производительности труда выполнили работники промышленности. Ускоренными темпами развиваются электроэнергетика (прирост 13% по сравнению с уровнем I квартала 1976 г.), микробиологическая промышленность (25%), машиностроение и металлообработка (11%), стеклянная и фарфоро-фаянсовая промышленность (9%). Произведено на 37,5 млн. руб. товаров народного потребления больше, чем в 1976 г. Наиболее успешно начали второй год пятилетки коллективы производственных объединений «Приморрыбпром», «Бор», «Приморскдрев», молочной промышленности, управления Дальморепродукт, энергетики. В этом году завершится сооружение Артемовского гидроузла, одной из крупнейших строек Приморья. В тело плотины укладываются 2,5 млн. м³ грунта и камня, десятки тысяч кубометров бетона.

Приморье — край широкого применения передовой техники и технологии. Только на предприятиях города Арсеньева действуют 150 станков с числовым программным управлением. Технический прогресс осуществляется и в сельском хозяйстве. В 1976 г. трест «Спасскводстрой» применил лазерную установку «Калина — 1» для контроля планировки рисовых полей десятью скреперами одновременно, что позволило достичь высокой производительности и точности работ. В нынешнем году используются три такие установки. В крае созданы также специальные типы экскаваторов, рассчитанные на работы в условиях больших перепадов температур и переувлажненного грунта.

Яркой демонстрацией творческой заинтересованности в решении задач, поставленных XXV съездом КПСС, явилось участие трудящихся Приморья в Ленинском субботнике 16 апреля 1977 г. В день «красной субботы» более миллиона трудящихся края показали высокие образцы коммунистического отношения к труду. На Дальзаводе производительность труда была в этот день на 12% выше обычной, в объединении «Спасскцемент» вышли на работу 3100 цементников, в том числе более

500 членов их семей и 200 ветеранов труда, коллектив сейнера-траулера «Саяк» в 4 раза перекрыл среднюю дневную норму. Промышленность Приморья произвела в этот день на 3,6 млн. руб. товаров народного потребления. Труженики села в день коммунистического субботника широко развернули предпосевные работы и сев ранних зерновых, а совхозы «Искра» Октябрьского района и «Новокагалинский» Ханкайского района завершили эти работы. На полях и фермах трудились 98 тыс. человек, в том числе 20 тыс. рабочих и служащих предприятий-шефов, произведено работ более, чем на 790 тыс. руб. «Красная суббота» стала для приморцев подлинным праздником труда, днем высокого трудового подъема, сплоченности вокруг Ленинской партии. Приморцы показали готовность упорным трудом претворить в жизнь вдохновляющие решения XXV съезда КПСС, успешно выполнить планы и обязательства второго года десятой пятилетки.

Важным направлением работы всех трудовых коллективов Приморья стали вопросы улучшения качества. В крае разработана широкая и всесторонняя программа управления качеством продукции с учетом львовского опыта комплексной системы управления качеством — КСУКП. Эта программа, призванная обеспечить высшую экономию и эффективность, включает в себя полное и рациональное использование ресурсов Приморья, совершенствование службы стандартизации и метрологии, улучшение технического контроля и повышение ответственности за своевременное введение и строгое соблюдение стандартов и технических условий.

Значительный опыт улучшения качества продукции был накоплен уже в девятой пятилетке. Стабильно давали продукцию высшей категории Владивостокский инструментальный завод, объединения «Бор», им. В. И. Ленина; многие предприятия рыбной промышленности и др. Существенные перемены должны произойти в десятой пятилетке. В 1975 г. выпускалось с государственным Знаком качества 3,7% продукции, подлежащей аттестации, в 1976 г. — 5,4%, а к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Приморского края обязались довести этот показатель до 8%. За 1977 г. предстоит увеличить количество изделий со Знаком качества со 175 до 288. Трудящиеся Приморья проявляют высокую активность, заинтересованность и инициативу в борьбе за качество. В 1976 г. 92% продукции было отмечено 1-й категорией качества, 80 наименованиям, вместо 78 по обязательству, был присвоен Знак качества.

Большой вклад в эту работу вносят ученые края. В научно-исследовательских институтах и проектно-конструкторских организациях общий объем научно-технических разработок для производства превысит 25 млн. рублей. Ученые Приморья имеют значительные достижения в решении задач повышения эффективности научных исследований, использования достижений научно-технической революции в интересах общественного прогресса, содействия росту народного благосостояния и культуры. В составе Дальневосточного научного центра, кроме академических институтов, имеются ботанический сад, горно-таежная станция, станция службы Солнца, несколько заповедников и морских станций. В системе ДВНЦ работают 7000 сотрудников, из которых около 2000 непосредственно заняты научными исследованиями. В их числе 3 академика, 11 членов-корреспондентов АН СССР, 64 доктора и 762 кандидата наук. Более половины ученых Дальнего Востока трудятся в Приморье.

ДВНЦ — первое научное объединение, занимающееся комплексным исследованием и проблемами использования ресурсов Мирового океана

и прилегающей суши. Ведущее место в деятельности центра занимают геологические исследования Тихоокеанского рудного пояса, проблемы строения и динамики земной коры, истории формирования рудных месторождений ценных ископаемых, разработка методов прогноза землетрясений, опытные прогнозы изменений географической среды под воздействием человеческой деятельности, исследование структуры и кадастрирование пахотных почв Приморья и др. В результате крупных биохимических и химических исследований морских организмов и их экологии выработаны рекомендации по разведению лососевых рыб, методы противообрастающей покраски судов, созданы зоны безвирусного картофельного семеноводства и т. д. Научный центр постоянно сотрудничает со 160 предприятиями народного хозяйства края. Только за 1975 г. экономический эффект от внедрения в производство научных методов и автоматических систем управления составил 4 млн. руб. Ученые-экономисты разрабатывают предложения по размещению и развитию производительных сил региона. В годы девятой пятилетки внедрено в производство 19 законченных исследований приморских ученых, а за один только 1976 г., первый год десятой пятилетки, — 8, в том числе по проблемам, связанным со строительством БАМ.

Крупные исследования ведутся в области истории и культуры народов Дальнего Востока и смежных зон Азии. Годичная сессия Ученого совета Института истории, археологии и этнографии подвела итоги работы за 1976 г. и наметила основные направления дальнейших исследований. Они воплотятся в следующих фундаментальных изданиях: «История Дальнего Востока СССР» в нескольких томах, серии трудов «Народы Дальнего Востока СССР (историко-этнографический очерк)», «История Маньчжурии (XVII—XX вв.)» в трех томах и др. Ученые-обществоведы ведут большую работу по разоблачению антинаучных буржуазных и мелкобуржуазных воззрений по вопросам развития стран Дальнего Востока, опираясь на реальный опыт достижений трудящихся СССР под руководством партии Ленина. Весьма актуален в этом плане был доклад директора Института, члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова «Теоретические концепции исторического процесса на Дальнем Востоке СССР в XVII—XX вв. советских и зарубежных авторов».

Выступая на торжественном заседании, посвященном 250-летию Академии наук СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил значительные успехи ученых ДВНЦ. Большому числу ведущих сотрудников вручены высокие правительственные награды, четверо молодых исследователей удостоены премии Ленинского Комсомола. В десятой пятилетке при ДВНЦ будут созданы институты экономики и космофизики, новые экспериментальные базы и опытные производства, предстоит большая и ответственная работа, возрастают требования к вопросам координации и организации комплексных научных исследований.

Замечательные люди — высшая ценность нашего края — живут и работают в Приморье. Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция, представители многих национальностей, люди разных поколений самоотверженно и плодотворно трудятся во имя расцвета нашего социалистического Отечества, нашего прекрасного края. Звания Героя Социалистического Труда удостоены 29 приморцев, 11,5 тыс. передовиков награждены орденами и медалями СССР, в том числе 965 человек — орденом Трудовой Славы III степени. Более 70 тыс. тружеников края отмечены нагрудными знаками «Победитель социалистического соревнования» и «Ударник девятой пятилетки». За выдающиеся трудовые успехи в первом году новой пятилетки 10 работников сельского хозяйства Приморья награж-

дены орденом Ленина, 16 — орденом Октябрьской революции, многие десятки приморцев — орденом Трудового Красного Знамени и другими орденами и медалями.

Среди делегатов XXV съезда КПСС было немало знатных труженников, которые после съезда работают с еще большим вдохновением и успехом. М. А. Немчинова — фрезеровщица машиностроительного ордена Трудового Красного Знамени завода «Аскольд», кавалер ордена Трудового Красного Знамени, секретарь партбюро цеха, член Арсеньевского городского комитета КПСС — обучила мастерству 16 молодых рабочих. В. К. Тихоступов в 1973 г. назван лучшим капитаном Дальневосточного пароходства, в 1976 г. удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, ходил во Вьетнам, в Хайфоне разгружался под бомбами. Звеньевой кормодобывающего звена совхоза «Краснореченский» Кировского района, Герой Социалистического Труда С. Т. Борисов в завершающем году девятой пятилетки вместе со своими товарищами почти полностью обеспечил кормами потребности всего совхоза, заготовив 2,5 тыс. т сена, а двумя годами раньше благодаря продуманной организации труда и умелому, талантливому использованию техники звено С. Т. Борисова запрессовало 1750 т при среднем по району показателе 280 т! Лучший пахарь России — В. О. Катеринич живет и трудится в Приморье. Важный вклад в развитие Приморья вносит социалистическая интеллигенция. Широко известны в нашей стране и за рубежом научные школы академика А. А. Воронова, членов-корреспондентов АН СССР заслуженного деятеля науки РСФСР Е. А. Радкевич, Г. Б. Елякова, А. В. Жирмунского, А. П. Капицы, А. И. Крушанова, докторов наук Н. П. Васильковой, О. Г. Кусакина и др. Интеллигенция края ведет широкую и плодотворную массово-политическую и культурно-воспитательную работу под руководством партийной организации Приморья.

Проявлением высокой общественной активности, творческой инициативы, глубокого сознания гражданского долга, широким полем применения народного таланта является социалистическое соревнование. Новый этап его развития неразрывно связан с решениями XXV съезда КПСС, вдохновившего трудящихся края, как и весь советский народ, на новые трудовые свершения во имя торжества коммунистических идеалов, в честь 60-летия Великого Октября. Для труженников Приморья 1977 г. примечателен еще и тем, что 55 лет назад Красная Армия победоносно завершила борьбу с интервентами и белогвардейцами, освободив 25 октября 1922 г. Владивосток, поэтому приморцы чувствуют в этом году особенную ответственность за результаты своего труда, полны желания продемонстрировать огромные успехи развития края, ставшие возможными только при Советской власти, на пути, указанном Великим Лениным, на пути научного социализма и пролетарского интернационализма, под руководством Коммунистической партии.

По инициативе рыбаков-приморцев в крае развернуто социалистическое соревнование под девизом: «Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами!» Победитель соревнования — коллектив крупнейшего в стране Владивостокского ордена Трудового Красного Знамени морского рыбного порта — получил по итогам пятилетия переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Грузооборот порта увеличился почти на 1/3, производительность труда — на 48%, степень механизации переработки грузов достигла 98%, 75% грузов шли по системе «борт — вагон».

Глубокая заинтересованность рабочего класса в дальнейшем социальном прогрессе вызвала к жизни ряд творческих починов приморцев. В ответ на решения XXV съезда КПСС коллективы заводов «Аскольд» и

Владивостокского инструментального выступили с инициативой развернуть соревнование за повышение технического уровня производства и качества продукции, за превращение десятой пятилетки в пятилетку эффективности и высокого качества. Шахтеры объединения «Приморскуголь» предложили такие формы соревнования, как движения под девизами: «За массовость трудовых рекордов», «Личный рекорд — закон рабочей чести» и др. На Дальневосточном горно-металлургическом комбинате имени В. И. Ленина десять бригад заключили договоры о соцсоревновании за досрочное, в 3,5 года, выполнение пятилетнего задания по примеру бригад Героев Социалистического Труда Ю. И. Рахманова и А. В. Коркина, которые добились подобных результатов еще в девятой пятилетке. На предприятиях объединения «Дальрыба» развернулось соревнование за звание «Коллектив имени XXV съезда КПСС». Главной чертой социалистических обязательств приморцев на десятую пятилетку стало большее внимание к повышению эффективности, улучшению качества продукции и всей работы. В результате совершенствования технологии и организации производства в 1976 г. высвобождены с непроемительных, трудоемких и ручных работ около 5 тыс. человек, получена экономия на сумму более 40 млн. руб.

В юбилейном году трудящиеся Приморья обязались выполнить годовой план к 28 декабря, реализовать сверхплановой продукции на 40 млн. руб., дополнительно, на 1%, увеличить производительность труда, получить за счет ее роста не менее 85% увеличения объема производства, освоить 228 новых видов товаров народного потребления и дать их сверх плана на сумму 3,8 млн. руб. 450 тыс. рабочих и специалистов Приморья участвуют в движении за коммунистическое отношение к труду. Высокую активность проявляют комсомольско-молодежные коллективы в движении под лозунгом «Наследники революции! 60-летию Великого Октября — личный трудовой подарок!» Докеры комсомольско-молодежной бригады А. И. Полубоярова (Находкинский рыбный порт), выполнив задание 1-го квартала 1977 г. на 8 дней раньше срока, обязались к 7 ноября завершить программу первых 2,5 лет пятилетки. Труженники сельского хозяйства взяли обязательство по продаже сверх плана значительного количества основных видов продукции и повышению эффективности производства.

Партийные комитеты разработали программу политического, идеологического и организационного обеспечения массового всенародного движения в честь Великого Октября. Подписан договор о социалистическом соревновании трудящихся Приморского края с нашими соседями из Хабаровского края и Амурской области. Принято решение о систематическом подведении итогов соревнования, о гласности его хода и результатов, о повышении ответственности за принятые обязательства.

* * *

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал на XXV съезде: «Мы видим во внешнеэкономических связях эффективное средство, способствующее решению и политических, и экономических задач. На путях экономической интеграции укрепляются мощь и сплоченность содружества стран социализма. Сотрудничество с развивающимися странами облегчает перестройку их экономики и общественной жизни на прогрессивных началах. Наконец, экономические и научно-технические связи с капиталистическими государствами упрочивают и расширяют материальную базу политики мирного сосуществования. Одна из особенностей нашего времени — растущее использование международного раз-

деления труда для развития каждой страны, независимо от ее богатства и достигнутого ею экономического уровня. Мы, как и другие государства, стремимся использовать преимущества, которые дают внешнеэкономические связи, в целях мобилизации дополнительных возможностей для успешного решения хозяйственных задач и выигрыша времени, для повышения эффективности производства и ускорения прогресса науки и техники»².

Высокие темпы развития народного хозяйства края обеспечивают ему положение важной экспортной базы страны. Сотни наименований различных товаров свыше 60 предприятий экспортируются более, чем в 50 стран мира. Наряду с традиционными экспортно-импортными операциями, проводящимися в соответствии с действующими соглашениями, на Дальнем Востоке продолжает развиваться прибрежная торговля. Общий экспортно-импортный оборот по сравнению с 1965 г. возрос в 9 раз. В настоящее время 44% от общего объема экспорта по прибрежной торговле падает на Приморский край, включая экспортную продукцию, поставляемую Всесоюзным рыболовным объединением «Дальрыба», и определяет его ведущее место среди других десяти участников прибрежной торговли зоны Дальнего Востока и Сибири. Сегодня суда Дальневосточного пароходства работают на семи регулярных международных линиях.

Перспективы развития экономики Дальнего Востока и Приморья, в частности в течение ближайших трех пятилеток, будут складываться под воздействием быстрого роста экономики Сибири, расширения экспортно-импортных связей СССР со странами Тихоокеанского бассейна. Еще более возрастут объемы перевозок народнохозяйственных и внешнеторговых грузов. Огромные возможности открываются для экспорта транспортных услуг на иностранном рынке стран Юго-Восточной Азии, Западного берега американского континента. Объем перевозок грузов в заграничных плаваниях возрос за 1976 г. на 10%. Дальневосточное морское пароходство увеличило в девятой пятилетке валютную выручку на 118%. Рост масштабов и эффективности внешнеторговых связей Приморья продолжается и в десятой пятилетке.

Наш край называют окном СССР в Тихий океан. Это географическое положение формирует ряд особенностей его экономической, социально-политической и духовной жизни. Примечательно и его прошлое. Приморье было ареной крупных исторических событий, которые сыграли большую роль в судьбах не только советских народов, но и других стран. Это и освоение Сибири, а также части Дальнего Востока в XVII в., и «великое переселение» середины XIX в., и прокладка Транссибирской магистрали, революция и гражданская война, стремительные и бурные пятилетки, Великая Отечественная война.

В то же время Советское Приморье чутко реагировало на события в районе Тихого океана, зарубежного Дальнего Востока, это край, вносящий заметный вклад в борьбу нашей страны за коллективную безопасность в Азии, за развитие международного сотрудничества, за мир во всем мире. Приморцы не забывают, что именно на их земле была достигнута в ноябре 1974 г. Владивостокская договоренность, касающаяся жизненно важных проблем разрядки международной напряженности и сдерживания гонки вооружений. Они внимательно следят за попытками некоторых американских официальных лиц и милитаристских кругов предать забвению или подвергнуть ревизии эти соглашения.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 56.

Большую работу по расширению общественных и культурных связей Приморья с зарубежными странами проводят государственные и общественные организации края. Активно действуют Общества советско-вьетнамской и советско-корейской дружбы, отделение общества «СССР — Япония» в Находке. В минувшем году в этом городе открылось отделение Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки. Развиваются связи трудящихся Приморья с провинцией Северный Хамген КНДР, партийных и общественных организаций Владивостока — с городом Хайфон Социалистической Республики Вьетнам; у нас регулярно проводятся месячники солидарности с борьбой корейского народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи и воссоединение страны, собрания и митинги советско-вьетнамской дружбы, встречи с экипажами судов социалистических стран.

Трудящиеся Советского Приморья не раз демонстрировали высокое сознание своего интернационального долга. Братская дружба связывает их с героическим вьетнамским народом, наши мирные корабли первыми вошли в Дананг и Сайгон памятной весной 1975 г. Развиваются связи с Корейской Народно-Демократической Республикой. Вопреки происходящим в Пекине вспышкам антисоветской истерии не забыты нами и традиции совместной борьбы и сотрудничества приморцев с китайским народом. Трудящиеся Приморья активно участвуют в борьбе советского народа за укрепление мира. С каждым годом увеличивается число индивидуальных и коллективных поступлений на счет Советского Фонда Мира. В минувшем году все взрослое население нашего края единодушно подписало под Воззванием Всемирного Совета Мира, отдав свой голос за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку.

Экономические интересы сопредельных стран, в том числе и капиталистических, объективно диктуют необходимость широкого развития сотрудничества и упрочения отношений с СССР, и в частности связей с Советским Приморьем. Трудящиеся нашего края широко содействуют этому процессу. Моряки Дальневосточного пароходства ходят в 300 портов 64 стран. В 1976 г. наши суда, находившиеся в заграничном плавании, посетили более 150 тыс. граждан стран Дальнего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии, Западного побережья США. Они присутствовали на 2600 киносеансах советских фильмов и 320 концертах, организованных советскими моряками. Ежегодно за рубежом работают около 25 тыс. жителей нашего края, 60 тыс. рыбаков и моряков совершают заграничные рейсы. В одном только 1975 г. около 4 тыс. туристов, ученых, специалистов и спортсменов из Приморья побывали за границей. В 1976 г. в Находке побывали 16 тыс. иностранных туристов, прошли более 700 деловых встреч, порт посетили 557 судов из 20 стран мира.

Непосредственное общение с советскими людьми и наблюдение социалистической действительности не может не сказываться на настроениях и образе мыслей граждан зарубежных стран. Это конструктивное и устойчивое влияние силы примера имеет огромное значение для утверждения авторитета нашей страны в современном мире, для активизации движения за всеобщий мир, социальный прогресс и доверие между народами. Об этом свидетельствуют многочисленные отклики на визиты советских людей в зарубежные страны. «Не только судно, а и его команда были частью неофициального советского визита доброй воли» («Пост интеллиженс бизнес», США). «Наконец-то мы увидели русских, и, надо признаться, они покорили нас вежливостью, опрятностью не только внешней, но и своим отношением к нам. Они очень развиты, и это еще раз подтверждает наше представление о России» («Сабао старз», Малайзия).

В одной из гонконгских газет были помещены и такие строки: «Теплоход «Байкал» — отличная реклама советского образа жизни... Если это и есть Россия, я за нее». В порту Нейпир моряки с английского теплохода «Хобарт стар» были приглашены в гости экипажем танкера «Айон» Приморского морского пароходства. После встречи один из англичан заявил: «Вы, советские, какие-то особенные. Главное, вас не тревожат заботы о завтрашнем дне, потому что вы в своей стране — хозяева положения». Репортеры японского города Отару были буквально потрясены, узнав в беседе с делегатами Приморья, что Л. И. Гнездилова, одна из членов делегации, представитель горисполкома Находки — токарь судоремонтного завода. «Женщина-рабочая — в органе государственной власти!» Не меньшим было изумление иностранных моряков — гостей Находки, когда они узнали, что Г. М. Попова, делегат XXV съезда КПСС, член Центрального Комитета нашей партии, Герой Социалистического Труда — крановщица Находкинского торгового порта. Приморцы видят, как удивлены бывают гости из капиталистических стран, оказавшись лицом к лицу с советской действительностью, с размахом нашего созидания, отсутствием враждебности к иностранцам, с которыми они сталкиваются в несоциалистическом мире.

Приморье — край пограничный. Около четверти населения его прямо или косвенно, на родной земле или за рубежом в той или иной мере сталкиваются с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, антисоветской или антикоммунистической пропагандой, стремящейся ослабить международное воздействие нашей действительности, исказить наш опыт. Поэтому идеологическая работа краевой партийной организации носит активный наступательный характер в борьбе с любыми попытками дискредитации советского строя, клеветы на наш образ жизни. Она имеет своей целью формирование у советских людей глубоко осознанной преданности делу социализма, политике Коммунистической партии, воспитание любви к социалистическому Отечеству, советскому народу, чувства гордости за его великую и незаменимую роль в судьбах человечества, разъяснение содержания интернационального и патриотического долга трудящихся, дальнейшее упрочение дружбы и сплоченности народов нашей страны, борьбу против националистических пережитков и антисоветских идеологических диверсий, за укрепление солидарности с трудящимися других стран и братского сотрудничества с народами мировой системы социализма.

Наша идейно-политическая и организаторская работа охватывает все сферы общественной жизни, она призвана вооружить трудящихся края опытом классового подхода к идейным, политическим, социальным и экономическим явлениям, политической культурой, которая позволяет советским людям вносить огромный вклад в дело оздоровления международной обстановки, создания прочного мира и развития добрососедских отношений государств и народов вопреки протискам противников социализма и разрядки международной напряженности.

Культурные связи приморцев с зарубежными странами проходят в форме обмена делегациями, информации о культурной и общественной жизни, проведения кинофестивалей и выставок.

Важной сферой интернационального сотрудничества и средством упрочения взаимопонимания является совместная научная деятельность представителей различных стран. Ученые ДВНЦ также вносят достойный вклад в это благородное дело. Они участвуют в совместных исследованиях проблем Мирового океана, структуры и динамики земной коры, вопросов охраны окружающей среды и обмениваются научной информацией с учеными США, Японии, Австралии и Новой Зеландии. В 1977 г.

шесть институтов ДВНЦ в ходе комплексного изучения Тихого океана начинают сотрудничать со своими коллегами из США, ФРГ, Франции и других стран в программе глубоководного бурения океанского дна. В частности, ученые Приморья вошли в состав международной экспедиции на корабле «Гломар Челлинджер».

Также порождены заботой о мире и являются новой формой сотрудничества дружеские связи породненных городов. Городами-побратимами в СССР и Японии стали Находка и Майдзуру, Хабаровск и Ниигата, Иркутск и Канадзава, Ленинград и Осака, Одесса и Йокагама и т. д. В минувшем году отмечался 10-летний юбилей установления подобных связей между Находкой и японским городом Отару, был проведен вечер дружбы, на котором присутствовал мэр Отару. Гости посетили промышленные предприятия и детские учреждения Находки, представители «Дальноторга» и японские кооператоры подписали взаимовыгодные контракты по товарообмену. Доброй традицией стали поездки японских детей в Советское Приморье. Здесь они знакомятся с жизнью и интересами советских людей, своих сверстников, с которыми вместе проводят лето в пионерских лагерях. Происходят также советско-японские встречи молодежных кораблей дружбы, совместные митинги, концерты самодеятельности, спортивные соревнования. В нашем крае прошли 7 фестивалей японского кино, в Майдзуру и Отару — просмотры советских фильмов. Растут в городах-побратимах Аллеи дружбы — символы миролюбия и добрососедства.

Представители японской общественности неоднократно подчеркивали, что в движении за дружбу с Советским Союзом активно участвуют самые широкие круги населения Японии. Взаимовыгодные торгово-экономические связи породненных городов по линии прибрежной торговли, систематические взаимные демонстрации товаров служат бесспорным доказательством необходимости и возможности мирного сотрудничества. И в нынешнем году, как и прежде, будут продолжаться контакты жителей Советского Приморья с японской общественностью. «Корабль Дружбы» из Отару впервые посетил новый порт Восточный. Выставку икэбана смогут посмотреть тысячи приморцев. К нам приезжают гости из нескольких префектур Японии, делегации женщин и детей Майдзуру.

Перечисленные факты свидетельствуют о глубокой заинтересованности японского народа в дружественных отношениях с нашей страной. Нелепыми и странными выглядят на этом фоне попытки искусственно обострить японо-советские отношения, развязать антисоветскую кампанию в Японии, и тем более неестественно то, что к этим попыткам внутренней реакции оказываются причастными представители партий, обычно именующих себя «прогрессивными». Подобные действия недалековидны и нереалистичны. Расширение контактов японской общественности с советскими людьми будут несомненно способствовать краху подобных устремлений. Трудящиеся Советского Приморья со своей стороны готовы и впредь содействовать упрочению добрососедских отношений с японским народом и народами других стран зоны Тихого океана.

Еще один побратим Находки — американский порт Окленд, штат Калифорния. В прошлом году делегация приморского города-порта была приглашена на торжества, посвященные 50-летию основания Окленда. Жители американского города смогли посмотреть фотовыставку о жизни и достижениях Советского Приморья. В нынешнем году ожидается ответный визит в СССР делегации портовых рабочих Окленда, одного из крупнейших портов тихоокеанского побережья США. Знаменательно и в этом случае то, что подобные добрососедские встречи успешно проти-

водействуют антисоветскому курсу верхушки американских профсоюзов и кое-кого из официальных кругов в Соединенных Штатах.

Знаменательные и очевидные успехи Советского Приморья — результат комплекса закономерных причин, следствие общего развития страны, торжества социалистических общественных отношений. Это результат планомерно и научно организованного прогресса советского общества. Достижения Приморского края стали возможными благодаря огромной заботе Коммунистической партии, Советского правительства о всестороннем и гармоническом развитии всей страны, эффективном использовании в интересах народа ее природных ресурсов. Это результат глубокой заинтересованности трудящихся края в решении задач коммунистического строительства и сознания своей ответственности за судьбы Родины.

Успехи социалистического Приморья убедительно опровергают любые антисоветские, антинаучные политические и идеологические спекуляции, авантюристические выпады против действительного и действительного социализма, откуда бы они ни исходили.

Все развитие советского общества проходит под нарастающим воздействием решений XXV съезда КПСС, определившего главные задачи коммунистического строительства на современном этапе. Революционный творческий дух идей XXV съезда воплощен в повседневных делах нашей партии, всего советского народа.

В эти дни трудящиеся нашего края, как и все советские люди, с большой заинтересованностью и высокой активностью участвуют во всенародном обсуждении проекта новой Конституции СССР. Они горячо одобряют проект Основного закона Советского государства, положения и выводы, содержащиеся в докладе товарища Л. И. Брежнева на майском (1977) Пленуме ЦК КПСС, видят в них развернутую программу деятельности нашей партии, всего советского народа в решении великих задач коммунистического строительства.

Горячо поддерживая внутреннюю и внешнюю политику партии, ее Центрального Комитета, Политбюро во главе с товарищем Л. И. Брежневым, приморцы самоотверженно трудятся над выполнением заданий десятой пятилетки.

Включившись во всенародное движение под девизом «Работать лучше, повышать эффективность и качество!», коммунисты, все трудящиеся орденоносного Приморья внесут свой достойный вклад в осуществление исторических решений XXV съезда КПСС, в дело дальнейшего укрепления могущества нашей социалистической Родины.

Из истории солидарности советских трудящихся с борющимся Китаем (1917—1920)

---

*Е. Ф. Ковалев,
доктор исторических наук*

С давних пор трудящиеся нашей страны с пониманием и сочувствием относились к борьбе китайского народа за свободу и независимость. Разнообразные связи и пограничная близость двух государств давали трудовому населению нашей страны возможность непосредственно наблюдать бедственное положение Китая и протест его народа против средневековых порядков.

Неравноправные договоры, закреплявшие в прошлом господство иностранных держав в Китае и сводившие эту страну на положение полукolonии, тройной гнет — со стороны иностранного капитала, феодалов-помещиков и туземной буржуазии — все это вместе с полуфеодальным политическим строем и жестоким подавлением освободительной борьбы объединенными силами внутренней реакции и империализма вызывало в Китае широкое национально-освободительное, антиимпериалистическое и антифеодальное движение.

Мощный толчок национально-освободительному движению в Китае дала революция 1905 г. в России. «Мировой капитализм и русское движение 1905 г., — писал В. И. Ленин в статье «Пробуждение Азии», — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹.

Движение китайского народа против иностранного вмешательства во внутренние дела Китая и подчинения его иностранному капиталу и феодалам-помещикам неизменно пользовалось сочувствием со стороны русского рабочего класса и его марксистского революционного авангарда. Российская социал-демократическая рабочая партия во главе с В. И. Лениным придавала огромное значение народным движениям на Востоке, в частности в Китае. Ленинские труды, написанные до Октябрьской революции — «Китайская война», «Демократия и народничество в Китае», «Обновленный Китай», «Пробуждение Азии», «Отсталая Европа и передовая Азия» и др., — явились не только ценнейшим вкладом в марксистскую теорию национально-колониального вопроса, но и свидетельством того внимания, которое партия уделяла революционным процессам в Китае. Пражская конференция РСДРП (январь 1912 г.) писал В. И. Ленин, «констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае...»². А в статье «Демократия и народ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 146.

² Там же, т. 21, стр. 155.

ничество в Китае» (ноябрь 1912 г.), анализируя платформу тогдашнего временного президента Китайской республики Сунь Ят-сена, В. И. Ленин написал проникновенные слова: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и *бороться* с вековыми угнетателями Китая»³.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало «глубоким, всеохватывающим социальным переменам... дала могучие революционные импульсы всем отрядам международного рабочего движения, открыла новые возможности и перспективы для развертывания национально-освободительной борьбы в колониальных и полуколониальных странах»⁴. Октябрьская революция вдохновила народы колониальных и полуколониальных стран на борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Уже в первых послеоктябрьских выступлениях китайских трудящихся мир увидел огромные потенциальные революционные силы почти полумиллиардного народа.

Советские люди с искренней симпатией следили за борьбой китайских трудящихся против империалистического и феодального гнета.

С первых же дней после победы Октябрьской революции, воплощая в жизнь ленинские идеи международной солидарности трудящихся, наша партия настойчиво прививала советским людям классовую заинтересованность к борьбе пролетариев Запада и угнетенных народов Востока.

Солидарность советских трудящихся с борющимся Китаем наиболее концентрированно проявлялась в формировании советского общественного мнения и в идейно-политической и организационной работе советских и партийных органов с китайскими трудящимися, проживавшими на территории Советской России.

Не претендуя на полноту освещения, автор пытается проследить этот процесс в первые три с лишним года существования Советского государства (1917—1920). Этот период, отмеченный героической борьбой советских рабочих и крестьян против иностранных интервентов и гражданской войной, является ярким свидетельством того, как, несмотря на невероятные внешние и внутренние трудности, в которых находилась Страна Советов, советские трудящиеся высоко несли знамя братской солидарности с борющимся Китаем.

* * *

Орган ЦК РКП(б) газета «Правда» и орган Советского правительства газета «Известия» были основными периодическими изданиями в стране, которые с первых послеоктябрьских дней в соответствии с линией партии и правительства формировали общественное мнение по широкому кругу международных проблем и вопросов внешней политики Советской России, в частности в отношении Китая.

С 16 ноября 1917 г. [здесь и далее даты по нов. стилю] «Правда» стала публиковать материалы под рубрикой «Международный пролетариат и Октябрьская революция», а с 18 ноября — «Заграница о русской революции». Примерно под такими же шапками помещали аналогичные материалы и «Известия».

Советским рабочим и крестьянам, только что сбросившим иго капиталистов и помещиков, была понятна и близка борьба китайского народа за свое национальное и социальное освобождение.

³ Там же, стр. 401.

⁴ Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». «Правда», 1.11.1977.

Материалы «Правды» и «Известий» первых послеоктябрьских лет о Китае были проникнуты уважением к национальным правам китайского народа, симпатией к его стремлению обрести свободу и демократию, встать на путь социальных преобразований. Эти чувства советских людей проявлялись в оценке различных вопросов внешнего и внутреннего положения Китая.

25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. состоялся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, объявивший о переходе всей власти в стране в руки Советов. В числе основных решений съезд принял Декрет о мире, с докладом о котором выступил В. И. Ленин. В Декрете о мире говорилось, что Советское правительство отменяет тайную дипломатию, «приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года», и объявляет «все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено... к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам... к доставлению и немедленно отмененным»⁵.

В развитие тезисов Декрета о мире центральные партийные и правительственные органы печати приступили к публикации тайных договоров и комментариев к ним, включая и относящиеся к Китаю.

Одним из первых разоблачению было подвергнуто тайное соглашение между царской Россией и Японией, подписанное 3 июля (20 июня) 1916 г. министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым и японским послом в Петербурге, заключенное по 1 (14) июля 1921 г. По этому поводу в конце 1917 г. «Правда» выступила со статьей «Порабощение Китая (По секретным документам бывшего министерства иностранных дел)»⁶. Автор статьи А. Алек охарактеризовал соглашение как «типичный империалистический документ», цель которого «деление Китая между Россией и Японией». Вскрывая беспримерный цинизм тогдашних японских правящих кругов, закамуфлированный политикой «дружественной опеки над Китаем», вытекающей якобы из того, что «Китай не может устроить свою судьбу без Японии», а «экономическое развитие Японии немыслимо без Китая», автор статьи подчеркивал, что на деле под японской «опекой» имеется в виду поддержка Японией реакционного Севера против революционного Южного Китая. В статье дана резко отрицательная характеристика американо-японского соглашения, оформленного 2 ноября 1917 г. путем обмена в Вашингтоне нотами между государственным секретарем США Р. Лансингом и японским послом в США К. Исии. Соглашение признавало «специальные интересы» Японии в Китае, то есть юридически закрепляло японские притязания в Китае. Соглашение, заключенное империалистическими державами за спиной Китая в ущерб кровным интересам его народа, под давлением китайской общественности было отвергнуто пекинским правительством. Бывший царский посланник в Пекине князь Н. А. Кудашев 27 октября (ст. ст.) 1917 г. секретной телеграммой доносил в Петербург, что по оценке пекинских газет «признание двумя правительствами специальных интересов одного из них в пределах третьего государства есть оскорбление последнему»⁷. Статья А. Алека заканчивалась выражением твердой уверенности в том, что хотя американо-японское соглашение — это «завязка грядущей трагедии» китайского народа, тем не менее она

⁵ «Правда», 10. XI. 1917.

⁶ «Правда», 29. XII. 1917.

⁷ Там же.

«через ряд испытаний и потоки крови приведет великий народ к новому фронту», противостоящему внешним и внутренним врагам Китая.

Пользуясь политической и экономической слабостью Китая, японский империализм навязывал ему кабальные договоры и соглашения, усиливавшие зависимость от Японии. В 1918 г., поддаваясь нажиму Страны Восходящего Солнца, пекинское правительство Дуань Ци-жуя подписало ряд соглашений с Японией,⁸ попиравших суверенитет Китая. Об одном из таких соглашений в заметке «Япония и Китай», сообщая, что «китайская печать опубликовала проект секретного договора между Японией и Китаем, предложенный японским правительством» и являющийся «почти точной копией... японо-китайского соглашения», навязанного Японией Китаю в 1915 г.,⁹ «Правда» писала, что «проект договора фактически превращает Китай в японскую провинцию». И далее: «Быть может... обращение Китая к общественному мнению отсрочит час превращения его во вторую Корею»¹⁰. Пекинское правительство, находясь под пятой японского империализма, не осмеливалось обращаться к общественному мнению. Правительство Дуань Ци-жуя опасалось, как бы такое обращение не подлило масла в огонь недовольства широкой китайской общественности капитулянтской политикой Пекина, побаивалось и хозайского окрика японских милитаристов.

В конце того же года «Правда» разоблачила попытку Германии и Японии заключить тайный договор, направленный против Китая и Советской России, предпринятую в переговорах между японским представителем Ода и германским посланником Луцнусом в Стокгольме. В передовой статье «Тайный японо-германский договор» «Правда» писала, ссылаясь на проектируемое соглашение, что Германия «будет грабить Южный Китай, Персию, Центральную Азию», а Япония — «Маньчжурию, Корею, Монголию и Восточную Сибирь»¹¹. Передовая сопровождалась текстом указанного договора из 9 статей, полученного в конце октября 1918 г., и объяснительной запиской договаривающихся сторон. В статье «Сибирские уроки» тогдашний член редколлегии «Правды» Н. Мещеряков писал, что «германская революция (ноябрь 1918 г. — Е. К.) помешала осуществлению союза Германии и Японии»¹².

Рассматривая разоблачение грабительского характера тайных и опубликованных договоров и соглашений против Китая как выражение братской солидарности советских трудящихся с китайским народом, советская общественность одновременно выступала в поддержку справедливого решения вопроса о роли и месте Китая на Дальнем Востоке после мировой войны 1914—1918 гг.

Союзники, заинтересованные в получении живой силы и стратегических материалов из Китая, оказывали на него постоянное давление, стремясь вовлечь Китай в войну против Германии и Австро-Венгрии. 14 марта 1917 г. правительство Дуань Ци-жуя порвало дипломатические

---

⁸ Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая. 1917—1945 гг. М., 1973, стр. 10.

⁹ «Правда», 30.IV.1918. По сообщению «Шанхай газетт», тайный японо-китайский договор предусматривал: «Китайская полиция реорганизуется Японией. Япония заведует всеми китайскими арсеналами и верфями... получает право разработки во всех частях Китая железа и угля... получает все привилегии во Внутренней Монголии и Маньчжурии...» Японии передается «заведывание китайским железнодорожным телеграфом... установка и действие беспроволочных телеграфных станций...». — «Правда», 6.VI.1918.

¹⁰ «Правда», 30. IV.1918.

¹¹ Там же, 22.XI.1918.

¹² Там же, 26. XI. 1918.

отношения с Германией и Австро-Венгрией, а 14 августа того же года Китай объявил им войну.

При всей непопулярности акции пекинского правительства широкие круги китайской общественности рассматривали выполнение Китаем своих военных обязательств как плату за возможность для страны добиться национальной независимости, рассчитывая при этом на поддержку США. Эта возможность, однако, оказалась несостоятельной, как это убедительно показала послевоенная мирная конференция, открывшаяся в Париже 18 января 1919 г.

Хотя Китай считался партнером Антанты и по окончании войны был зачислен в ряды «победителей», тем не менее союзники грубо игнорировали национальные интересы, честь и достоинство Китая. Прежде всего это проявилось в том, что Китай был допущен на мирную конференцию на правах страны, «имеющей интересы частного характера», а Япония — «общего характера»¹³. С первых же дней конференции Япония, добиваясь удовлетворения своих требований за счет Китая, заняла резко выраженную антикитайскую позицию при молчаливом одобрении США. За месяц до открытия мирной конференции, как бы предвидя развитие событий на ней в отношении Китая, «Правда» в передовой, озаглавленной «Сора при дележе», писала: «Одна из основных проблем всей европейско-американской колониальной политики... — это *китайская* проблема. Раздел Китая — желанная мечта капиталистических разбойников. Еще знаменитый «китайский» поход всех «цивилизованных» негодяев поставил над огромной страной знак раздела. Теперь обнаруживается, Япония одна, без других, «не считаясь с общими интересами», то есть интересами всех громил, собирается положить себе Китай в карман»¹⁴. «Правда» информировала и об японских угрозах применить военные санкции против Китая, если он откажется «сделать Японию преемником» особых прав и привилегий Германии в Китае, которые она потеряла в результате поражения в войне¹⁵.

Предвидение «Правды», выразившей точку зрения советской общественности, целиком подтвердилось. Империалистические державы превратили «китайскую проблему» в объект торга¹⁶. Основные требования Китая сводились к тому, чтобы передать ему все ранее полученные Германией права и привилегии в провинции Шаньдун (включая возвращение Китаю Цзяочжоу, железной дороги Циндао — Цзинань) и ликвидировать все права и привилегии империалистических держав в Китае, в частности политические и экономические права Германии и Австро-Венгрии. Державы отказались рассматривать китайские требования и вынесли на обсуждение лишь вопрос о Шаньдуне.

В ходе конференции центральные партийные и правительственные органы печати Советской России осуждали происки империалистических держав, рассматривавших Китай как мелкую разменную монету в торге с Японией. «Правда» охарактеризовала японские требования как «домогательства»¹⁷ и перепечатала из «Poulaige» от 15 января 1919 г. воззвание китайских демократов, содержавшее протест против империалистического образа действий Японии по отношению к Китаю¹⁸.

¹³ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 140.

¹⁴ «Правда», 17. XII. 1918.

¹⁵ Там же, 1. III. 1919.

¹⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. М., 1973, стр. 291.

¹⁷ «Правда», 3. V. 1919.

¹⁸ Там же, 9. II. 1919.

Японским дипломатам, за спиной которых стояли агрессивные круги Японии, сперва удалось склонить на свою сторону Англию, Францию, Италию, а затем и США. 30 апреля державы приняли статьи 156—158 Версальского договора, по которым все права и привилегии, ранее полученные Германией по соглашениям с Китаем, целиком переходили к Японии. Японский нажим взял верх, Китай потерпел поражение.

Несправедливые и унижительные для Китая статьи Версальского договора вызвали взрыв возмущения широких слоев китайского населения. В Китае возникло массовое антиимпериалистическое «движение 4 мая» 1919 г. Советские трудящиеся, осуждая позорные решения мирной конференции, солидаризировались с антиимпериалистическим движением китайского народа. Газета «Известия» в статье «Япония и Китай» подвергла резкой критике решения конференции, в частности относившиеся к Китаю¹⁹. В другой статье газета писала, что на конференции империалистические хищники «намыливали веревку» для народов Дальнего Востока²⁰. А. Меньшой, автор статьи «Шаньдун», подчеркнув, что «Китай — это страна великая», осуждал проводимую в нем американскую политику «открытых дверей», которая «значит... приходи и грабь всякий, кому охота»²¹.

Выражением братской солидарности советских трудящихся с борющимся Китаем явился выдающийся документ Советской власти — Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. Обращение по времени совпало с продолжавшимся в Китае антиимпериалистическим движением против решений Парижской конференции. Обращение предлагало «раз навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними Российскими правительствами совместно с Японией и союзниками», заявляло об отказе Советской России «от получения с Китая контрибуции за Боксерское восстание 1900 года», провозглашало, что «если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале..., пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин... и его Красная армия»²². Откликаясь на обращение, газета «Известия» призывала «протянуть руку помощи тем народам Дальнего Востока, которые могут быть искренними союзниками Советской России. Такими союзниками на Дальнем Востоке у нас могут быть Корея, борющаяся сейчас с Японией за независимость, ...Монголия и революционный Китай. Особенно последний. Версальские разбойники сделали все, чтобы отбросить Китай от себя...»²³.

Несмотря на трудности получения информации о политическом положении в Китае, объясняемые отсутствием нормальных советско-китайских отношений и блокадой Советской России империалистами, все же она поступала в советскую печать, свидетельствуя о развитии антиимпериалистических и антифеодальных процессов в Китае. Информация «Правды» и «Известий» за 1918—1920 гг. отмечена сочувственными сообщениями об антиправительственных выступлениях народных масс в различных районах Китая, например, о «революционном брожении в

¹⁹ «Известия», 31.V.1919.

²⁰ «Известия», 17.VI.1919.

²¹ «Правда», 27.VII.1919.

²² Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, стр. 222—223.

²³ «Известия», 26.VII.1919.

Мукдене»²⁴ и о «большом восстании» в районе р. Янцзы²⁵, о том, что «волнения в Китае не прекращаются»²⁶, «в Илийской провинции Китая началось революционное движение на почве недовольства существующей властью»²⁷, «в Китае растет антиправительственное движение»²⁸, в Пекине «участились студенческие демонстрации»²⁹, в Шанхае «усиливается антияпонское движение. Бойкот японских товаров остановил всю деловую жизнь... Толпой ранено несколько японских офицеров»³⁰, «часть Северного Китая охвачена восстанием»³¹, в Маньчжурии «атакуют партизаны», в связи с чем «принимаются репрессивные меры против рабочих»³², «в Шанхае полицейские власти закрыли студенческие организации и клубы за их революционное направление»³³.

«Правда» акцентировала внимание на выступлении национальных меньшинств Тибета, добивавшихся полной независимости от Китая³⁴, а «Известия» — на восстании туземных племен на острове Формоза (Тайвань), вынудившие местные японские власти «принять» ряд суровых мер. Особые отряды полицейских летчиков метали бомбы в непокорные деревни, но восстание приняло еще большие размеры»³⁵, повстанцы «разгромили военные склады. Происходят стычки с японскими войсками»³⁶.

Движение народных масс подталкивало китайскую общественность на антияпонские выступления. Так, «Правда» в заметке, озаглавленной «Антияпонское движение», сообщала, что состоявшийся в Пекине митинг потребовал от правительства ликвидации секретных японо-китайских договоров³⁷. «Известия» сообщали, что «события в Китае... вызвали ненависть всего китайского народа к аньфуистам, проводникам интересов Японии»³⁸.

Советская общественность не скрывала, что ее симпатии на стороне революционного правительства Сунь Ят-сена в Южном Китае, а не на стороне прояпонского правительства в Пекине.

В инструкции НКВД РСФСР от 22 февраля 1918 г., разосланной Международным отделам краевых Совдепов, указывалось, что «нынешнее пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного Севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику. В Северном Китае действуют, совершенно независимо от Пекина, генералы-монархисты...»³⁹.

Сунь Ят-сен приветствовал Октябрьскую революцию. Весной 1918 г. он высказался за признание Советской России и установление контактов руководимой им партии с РКП(б). Еще в конце 1917 г. революционный Южный Китай получил высокую оценку советской обществен-

²⁴ «Правда», 28.IV.1918.

²⁵ «Правда», 12.IX.1918.

²⁶ «Правда», 2.X.1918.

²⁷ «Правда», 3.IV.1919.

²⁸ «Правда», 6.VIII.1919.

²⁹ «Правда», 31.VIII.1919.

³⁰ «Правда», 31.VIII.1919.

³¹ «Правда», 10.IX.1919.

³² «Известия», 7.VII.1920.

³³ «Известия», 6.VIII.1920.

³⁴ «Правда», 26.IX.1918.

³⁵ «Известия», 17.VIII.1920.

³⁶ «Известия», 22.VIII.1920.

³⁷ «Правда», 3.IX.1919.

³⁸ «Известия», 27.VIII.1920.

³⁹ Документы внешней политики СССР, т. 1, М., 1957, стр. 110.

ности. В вышеупомянутой статье А. Алека была дана такая характеристика этой части страны: «Этот Китай — по другую сторону реки Янцзы... страшен «купцам и чиновникам» своим революционным огнем», его «революционный энтузиазм уже не раз выводил народ на верный путь. Этот Китай, молодой и чуткий, оценит происшедшее иначе... Он хорошо знает, что означает японская опека...»⁴⁰ над Китаем. В развитие и подкрепление этой характеристики Южного Китая через полгода «Правда» подчеркнуто опубликовала выдержки из передовой «Leipziger Volkszeitung» от 7 июня 1918 г., выделив из них указывавшие на антиимпериалистическую направленность движения на юге: «Япония заключила договор с правительством Северного Китая (16 мая 1918 г. — Е. К.), которое является контрреволюционным... С революционерами... южанами Японии вряд ли удалось заключить договор: они стремятся к самостоятельному развитию страны и являются противниками японского вмешательства»⁴¹ в дела Китая. И в последующие годы в советской печати можно найти немало сообщений, проникнутых открытой симпатией к набравшему силу революционному движению в Южном Китае и его лидеру Сунь Ят-сену.

Нсотьемлемой частью формирования общественного мнения в пользу братской солидарности советских трудящихся с борющимся Китаем был призыв к установлению дружбы между Советской Россией и Китаем.

Рождение и дальнейшее развитие первого в мире социалистического государства, открывшего в истории человечества первую страницу перехода от капитализма к социализму, потрясло капиталистический мир Европы и Америки. Усматривая в государстве рабочих и крестьян прямую угрозу своему дальнейшему существованию, империалистические державы объявили поход против Советской России. Уже в январе 1918 г., то есть через два с небольшим месяца после Октябрьской революции, во владивостокской бухте «Золотой рог» появились военные корабли интервентов — Японии, Англии и США. Особую агрессивность проявляла Япония. Вскрывая подоплеку японской агрессии, «Правда» в передовой, озаглавленной «Заговор отечественной контрреволюции и японский империализм», писала: «По соглашению с некоторыми из бывших наших союзников, Япония готовится высадить десант во Владивостоке, чтобы оккупировать Приморскую область и взять под свой контроль линию сибирской железной дороги»⁴². Обзор «На Дальнем Востоке» «Правда» сопроводила выдержками из газеты «Забайкальский рабочий». В них подчеркивалось, что интервенция на Дальнем Востоке проводится под лозунгами борьбы «против большевиков», «за покорение Сибири капиталу и против советской власти», потому что «русская революция стала угрозой капитализму». Говоря о роли и месте Китая в этой интервенции, «Забайкальский рабочий» отмечал, что «Китай давно привлекает аппетиты «дружественных» ему держав. Чтобы дать им отступное, заслужить их благоволение, он (Китай. — Е. К.) вынужден теперь держать не свою, а их, чужую, политику, именно проявить агрессивность по отношению к России...»⁴³.

Оказывая нажим на прояпонское пекинское правительство Дуань Ци-жуя, Японии удалось склонить Китай к участию в антисоветской

⁴⁰ «Правда», 29.XII.1917.

⁴¹ «Правда», 21.VI.1918.

⁴² «Правда», 9.III.1918.

⁴³ «Правда», 14.III.1918.

интервенции на Дальнем Востоке.⁴⁴ 16 мая 1918 г. была подписана японо-китайская конвенция об отправке японских и китайских войск под общим японским командованием в Сибирь и районы советского Дальнего Востока, а в сентябре того же года — другая японо-китайская конвенция, специально уточнявшая действия китайских войск под японским командованием в Амурской области и Забайкалье. Участие Китая в интервенции империалистов на Советском Дальнем Востоке вызвало возмущение китайской колонии в Москве. 21 сентября 1918 г. делегация китайских граждан сообщила НКВД РСФСР, что китайская колония на «своем общем собрании 15 сентября 1918 г. постановила довести до сведения Китайской республики и всего китайского народа, что названная колония... энергично протестует против активного вмешательства Китайской республики во внутренние дела Российской Федеративной Советской Республики путем вооруженного вторжения в пределы Российской территории с целью территориального захвата и низвержения существующей социалистической коммунистической власти». Резолюция заканчивалась выражением глубокой веры в то, что «Советская власть является единственной властью в мире из народа и для народа, и здравницей в честь Советской власти и ее «великого вождя Владимира Ильича Ленина»⁴⁵. В вышеуказанной передовой «Leipziger Volkszeitung» «Правда» не случайно выделила характеристику японо-китайского договора как обязывающего Китай «во всех областях военного дела... следовать указаниям Японии...» и тот факт, что тем самым «Китай превращается в японскую колонию...»⁴⁶. В передовой, озаглавленной «Интернационал Микадо», «Правда» резко осудила как выделяющееся «своей наглостью» заявление японских властей, оправдывавших интервенцию Японии на Советском Дальнем Востоке тем, что-де «Сибирь была вовлечена в беспорядки, и мы решили ее спасти»⁴⁷.

Разоблачая японо-китайский альянс, его антисоветскую основу, советское общественное мнение неизменно подчеркивало, что оно стремится к установлению дружественных отношений с Китаем. Это стремление было подтверждено в официальном годовом отчете НКВД РСФСР VIII съезду Советов. «Первые попытки установления связей с теми общественными силами в Китае, которые борются за его освобождение от внешнего гнета и насилий и за превращение его в объединенную демократическую страну, составляют в настоящее время содержание нашей политики в этой области»,⁴⁸ — говорилось в отчете НКВД РСФСР.

* * *

Революционная борьба русского народа открыла глаза китайским трудящимся, эмигрировавшим в царскую Россию в поисках работы и куска хлеба, пробуждала в них чувство пролетарской солидарности. «Мы поняли,— писал в своих воспоминаниях один из китайских рабо-

⁴⁴ Подробно см.: М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 16—18; М. И. Светачев. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). — «Новая и новейшая история», 1970, № 5, стр. 36—48; «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». М., 1973, стр. 32; Б. Г. Сапожников. Китайские милитаристы — пособники интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922). — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, стр. 187—190.

⁴⁵ «Известия», 22.IX.1918.

⁴⁶ «Правда», 21.VI.1918.

⁴⁷ «Правда», 3.X.1918.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 730.

чих, находившихся в России,— что все капиталисты на земле одинаковы, что русские капиталисты ничуть не лучше китайских... А русскому народу в то время было еще тяжелее, чем нам. У него было еще одно горе — его гнали на войну» (первую мировую. — Е. К.)⁴⁹.

После Октябрьской революции китайцы, как и все остальные народы, населявшие в то время Россию, были освобождены от экономического гнета и политического бесправия. Передовые элементы китайских рабочих стихийно потянулись к установлению интернациональных связей с русскими большевистскими организациями, олицетворявшими для них новый мир, строившийся в Советской России. Некоторые вступили в ряды РКП(б) и по поручению партии выступили инициаторами создания первых революционных организаций китайских трудящихся в РСФСР.

Большевистская партия, придавая огромное значение делу расширения и укрепления интернациональных связей советских трудящихся с трудящимися зарубежных стран и интернациональному воспитанию иностранных трудящихся, находившихся на территории Советской России, проводила большую идейную и организационную работу среди китайского населения России⁵⁰. 19 ноября 1918 г. было образовано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б). В отделе международной пропаганды среди народностей Востока этого бюро была образована китайская секция⁵¹. Секция вела среди китайских трудящихся в РСФСР разъяснительную работу по основам научного социализма, внешней и внутренней политики Советской власти, издавала массовую политическую литературу на китайском языке.

Уже в то время возникшие на территории Советской России в Москве и Петрограде организации китайских рабочих поддерживали мероприятия Советской власти, посильно помогали Красной Армии. Тогда же назрела необходимость объединения организаций китайских рабочих, действовавших в РСФСР, в одну организацию в масштабе всей страны. Под руководством китайской секции Центрального бюро мусульманских организаций РКП(б) в декабре 1918 г. в Петрограде состоялось совещание китайских и корейских рабочих организаций в России, которое образовало Всероссийский Союз китайских рабочих. Союз объединил 40 — 60 тыс. рабочих. В принятом совещанием воззвании говорилось: «Китайские рабочие в России волею судьбы оказались ныне в среде авангарда мировой революции. Они должны помнить, что судьба революции Китая тесно связана с судьбой русской рабочей революции. Только в тесном единении с русским рабочим классом возможна победа революции в угнетенном Китае. Да здравствует солидарность русского и китайского пролетариата! Да здравствует единение рабочих всего мира!» Было принято решение созвать в январе 1919 г. первый Всероссийский съезд китайских рабочих России⁵². Об отношении РКП(б) и Советской власти к Всероссийскому Союзу китайских рабочих можно судить по одному из документов НКВД РСФСР, в котором

⁴⁹ Цит. по: А. А. Стручков, В. М. Устинов. Яркое проявление пролетарского интернационализма. (Об участии китайских трудящихся в защите молодой Советской Республики). — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 17.

⁵⁰ Одним из свидетельств пропагандистской и агитационной работы РКП(б) среди китайских рабочих в РСФСР является «Программа Коммунистической партии» — брошюра на китайском языке, изданная не ранее марта 1918 г. Отделом советской пропаганды при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. (см.: А. Г. Шпринцин. Интересный документ. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 129).

⁵¹ Восьмой съезд РКП(б). М., 1959, стр. 498.

⁵² «Правда», 15.XII.1918.

гозорилось, что Союз «является организацией пролетарской, законно зарегистрированной, как действующей на территории РСФСР; эта организация... выделила из своей среды коммунистическую ячейку, издает китайский коммунистический орган «Китайский рабочий», ведет пропаганду не только в России, но и в Китае, работает рука об руку с Рабоче-Крестьянским правительством»⁵³.

В местных отделениях Всероссийского Союза китайских рабочих создавались коммунистические ячейки из китайских коммунистов, которые вливались в состав местных организаций РКП(б). Члены РКП(б) — китайцы под руководством местных организаций РКП(б) воспитывали китайских трудящихся, находившихся на территории РСФСР, в духе пролетарского интернационализма, защиты отечества трудящихся всего мира — Советской России, борьбы за Советскую власть.

Вскоре после Октябрьского переворота китайские рабочие стали добровольно вступать в красногвардейские отряды Петрограда, Москвы, Перми, Владивостока, Петрозаводска и других городов РСФСР. В 1918 г. формируются части китайских добровольцев, которые принимают участие в операциях Красной Армии на различных фронтах гражданской войны, а также в партизанском движении. В этой совместной борьбе ковалась дружба народов Советского Союза и Китая.

Для китайских трудящихся огромными тиражами издавалась агитационно-пропагандистская литература, в которой популярно рассказывалось о РКП(б), о положении Советской России, борьбе Красной Армии с интервентами, международном положении, революционном движении в Китае. На такие темы китайские коммунисты выступали на митингах и собраниях китайских трудящихся, читали им лекции в различных городах РСФСР. Многие китайские коммунисты учились на политико-просветительных курсах и в партийных школах, в частности на курсах Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б).

Возросший размах деятельности РКП(б) и китайских коммунистических организаций среди китайских трудящихся требовал дальнейшего организационного укрепления деятельности китайских коммунистов в Советской России. Назрела потребность в создании единого центрального партийного органа для руководства деятельностью китайских коммунистических организаций в РСФСР. Важным событием на пути к созданию такого единого органа явился III Всероссийский съезд китайских рабочих, открывшийся 18 июня 1920 г. в Москве. На съезд прибыло свыше 60 делегатов, представлявших около 100 тыс. организованных рабочих. Почетными председателями съезда были избраны В. И. Ленин и Сунь Ят-сен⁵⁴. Выступавший на съезде Председатель ВЦИК М. И. Калинин пожелал китайским рабочим одержать победу над своими врагами, а нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил: «Мы два отряда одной и той же мировой федерации социалистических народов, торжество которой будет уже скоро. То, что мы переживаем, все эти трудности — этот момент подходит к концу и я с радостью предвкушаю тот момент, когда мы сможем праздновать победу»⁵⁵.

От имени съезда Сунь Ят-сену были направлены две телеграммы: в одной сообщалось об избрании Сунь Ят-сена почетным председателем съезда, в другой — передавался текст обращения съезда к Сунь Ят-сену, общественным организациям, партиям и гражданам Китая об оказании

⁵³ Цит. по: Н. А. Попов. Они с нами сражались за власть Советов. Л., 1959, стр. 29.

⁵⁴ «Известия», 22.VI.1920.

⁵⁵ Цит. по: А. А. Стручков, В. М. Устинов. Указ. соч., стр. 19.

содействия антиимпериалистической деятельности китайской молодежи, признании Советской России, установления с ней дружеских отношений и об отказе оказывать помощь державам, «выступающим против России»⁵⁶.

24 июня съезд закрылся. На следующий день, 25 июня, коммунистическая фракция съезда послала письмо В. И. Ленину, в котором заявила: «Российская социалистическая республика — это наша крепость и надежда. Мы добьемся освобождения китайских рабочих и крестьян, и тогда 500 млн. трудящихся Китая протянут руку пролетариату России»⁵⁷.

Коммунистическая фракция съезда внесла предложение о создании единого органа по руководству китайскими коммунистическими организациями в РСФСР. 25 июня 1920 г. было образовано Центральное организационное бюро китайских коммунистов (ЦОБК) как часть иностранных групп РКП (б). 1 июля Оргбюро ЦК РКП (б) утвердило Центральное организационное бюро и указало, что оно является органом китайских коммунистических организаций в Советской России, работающим в тесном контакте с ЦК РКП (б) и под его руководством Центральные партийные органы китайских коммунистов в РСФСР утверждались ЦК РКП (б), а местные организации — губернскими комитетами РКП (б). Был разработан устав Центрального организационного бюро китайских коммунистов, в котором говорилось, что «китайские коммунисты считают своей прямой обязанностью перед пролетариатом всех стран проведение социальной революции»⁵⁸ и поддержку политики РКП (б).

Летом 1920 г. начали создаваться местные бюро по руководству китайскими партийными организациями в различных районах РСФСР. Так было создано Оргбюро китайских коммунистов при Дальбюро ЦК РКП (б).

Помощь РКП (б) китайским коммунистическим организациям в интернациональном воспитании китайских трудящихся, находившихся на территории Советской России, укрепляла узы братской дружбы между советским и китайским народами. Китайские коммунисты, проживавшие в РСФСР, проникались сознанием интернационального долга защиты от белогвардейцев и интервентов молодого пролетарского государства, отечества трудящихся всего мира — Советской России. Они первыми из китайских трудящихся шли в Красную Армию и проявляли инициативу по вовлечению остального боеспособного китайского населения в ряды вооруженных сил Советской Республики. Вступление в ряды Красной Армии носило исключительно добровольный характер. 25 ноября 1919 г. в Москве состоялся митинг китайских красноармейцев, на котором был заявлен решительный протест против попыток пекинского правительства воспрепятствовать китайцам вступать в ряды интернациональных отрядов, защищавших Советскую Россию. Китайские красногвардейцы отвели клеветнические измышления империалистиче-

⁵⁶ Текст первой телеграммы см.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964, стр. 252—253; второй — «Документ III Всероссийского съезда китайских рабочих. — «Советское китаеведение», 1958, № 1, стр. 140. Ответ Сунь Ят-сена о том, что он получил вторую телеграмму 10 июля 1920 г. и опубликовал ее. — «Известия», 16.VIII.1920; С. С. Хусейнов. Новый документ революционной солидарности советского и китайского народов. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 72.

⁵⁷ Цит. по: В. М. Устинов. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920). — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 111.

⁵⁸ Цит. по: А. А. Стручков, В. М. Устинов. Указ. соч., стр. 20—21.

ской прессы о том, что китайские красногвардейские отряды в России будто бы формируются насильственно и будто бы китайским гражданам чинятся препятствия в возвращении в Китай. На митинге было заявлено также, что Советское правительство не только никогда не чинило препятствий к свободному выезду китайцев из России, но наоборот, содействовало выезду китайских граждан в Китай (до начала вооруженной интервенции в Сибири в Китай выехало около 40 тыс. китайских граждан, проживавших в РСФСР). Участники митинга заявили, что китайские интернациональные отряды формируются по почину самих китайцев, их собственными силами, их собственным командованием из китайских революционеров-добровольцев и никакая клевета империалистов их не запугает.⁵⁹

Боевое содружество народов Советской России и китайских трудящихся в период гражданской войны в СССР — яркое проявление пролетарского интернационализма народов, борющихся за мир, свободный от угнетения человека человеком. Справедливы слова Письма Всероссийского Союза китайских рабочих в НКВД от 1 декабря 1920 г. о мотивах, побудивших китайских трудящихся встать на защиту Советской России и об оценке поведения китайских бойцов: «Но вот настает Октябрьская революция. Лозунги III Интернационала проникли в самую гущу китайских рабочих, эти лозунги глубоко запали им в душу. И когда раздался клич: «За оружие, на защиту Октябрьской революции!» — десятки тысяч китайских кули добровольно вошли в ряды передовых борцов. Они испытали всю тяжесть гражданской войны на всех фронтах, они честно защищали лозунги и знамя III Интернационала, они честно и мужественно умирали»⁶⁰.

Октябрьская революция показала китайским трудящимся выход из колониального рабства. Рожденная Октябрем Советская Россия стала могучим фактором развертывания революционных сил китайского народа. В пролетарском государстве китайские трудящиеся видели реальное воплощение нового справедливого социального порядка. Вместе с народами Советской России они боролись за власть Советов, и эта совместная борьба наиболее убедительное свидетельство животворных идей пролетарского интернационализма и дружбы народов Советского Союза и Китая.

Идейно-организационная работа центральных и местных организаций РКП(б), направленная на выработку у китайских трудящихся, проживавших на территории Советской России, преданности идеалам пролетарского интернационализма и готовности превратить их в практические дела, являлась конкретным свидетельством интернационалистической политики партии, проявлением ею и советским народом братской солидарности с борющимся Китаем. Эти усилия, обобщенно выражая исторический опыт победы и упорной борьбы советского народа, позволяли китайским трудящимся полнее уяснить и свою роль в той борьбе, которую в то время вели народные массы Китая под влиянием Великого Октября.

* * *

В наше время, когда обстановка в Китае все еще остается противоречивой и характеризуется безрассудными антисоветскими выпадами, нелишне напомнить, как уже в первые годы после Октябрьской революции советские трудящиеся, несмотря на тягчайшие трудности, по-

⁵⁹ «Советско-китайские отношения». 1917—1957. М., 1959, стр. 45—46.

⁶⁰ Письмо Всероссийского Союза китайских рабочих в НКВД 1 декабря 1920 г. — Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. М., 1961, стр. 136—137.

рожденные гражданской войной, хозяйственной разрухой и голодом в стране морально и политически солидаризировались с национально-освободительным движением в Китае.

Обозревая отношение РКП(б) и Советского государства к Китаю в период с Октябрьской революции 1917 по 1920 г., уместно охарактеризовать его словами В. И. Ленина, относящимися к 1918 г.: «Мы... ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении»⁶¹.

Уже в первые годы своего существования Советское государство считало своим интернациональным долгом проводить политику братской солидарности советских трудящихся с борющимся Китаем. Конкретным выражением этой политики было не только формирование в стране общественного мнения о морально-политической поддержке национально-освободительного движения в Китае, но и идейно-организационная работа в духе пролетарского интернационализма среди китайских трудящихся, проживавших на территории Советской России. Верность интернациональному долгу в отношении Китая вытекала из сущности Советского государства как государства нового типа, которого до этого не знала мировая история. Стремясь к дружбе с китайским народом, Советская Россия не преследовала никаких своекорыстных целей, руководствовалась исключительно соображениями добрососедского сотрудничества с Китаем, желанием поддержать его право на свободу и прогресс в социальном развитии.

Оглядываясь с высоты шести десятилетий, прошедших со времени Великого Октября, советские люди испытывают чувство патриотической гордости не только за то, что они построили новый мир на обломках старого эксплуататорского общества, но и за то, что они неизменно проявляли солидарность с народами, борющимися за свою свободу и независимость. Среди тех народов мира, к которым советские трудящиеся всегда проявляли братскую заинтересованность в их судьбе и солидарность с их борьбой, был и остается народ Китая.

Это историческое достижение, рожденное Великим Октябрем, никаким духовным оруженосцам буржуазии, ни китайским националистам, ни другим противникам советско-китайской дружбы не удастся очернить и принизить. Советские люди верят в светлую перспективу классово-солидарности и сотрудничества народов Советского Союза и Китая.

---

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 80.

Кризис буржуазных концепций общественно-исторического развития в Японии

---

*Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук*

События всемирно-исторического значения, происшедшие за 60 лет после Великой Октябрьской социалистической революции, озарили немеркнущим светом марксистско-ленинскую теорию общественно-исторического процесса, подтвердили истинность марксистско-ленинского учения о движущих силах мировой истории и направлении ее развития. Это учение является идейным оружием мирового коммунистического движения, международного рабочего класса в их борьбе за уничтожение капитализма и построение социалистического общества.

Не случайно буржуазные ученые считают своей главной целью сокрушение марксизма-ленинизма как идеологии, выработку таких теорий и концепций, которые смогли бы опровергнуть марксистско-ленинское учение о законах исторического развития. Вместо подлинно научной, основанной на материалистическом понимании истории трактовки причин и мотивов исторической деятельности людей, вместо классового подхода к общественным явлениям они пытаются распространять концепции, утверждающие идеалистическую основу исторического процесса, выхолащивающие классовое содержание исторических событий. С каждым новым этапом исторического развития, каждой новой ступенью поступательного движения человеческой истории и развития революционной борьбы народов мира, подтверждавшими истинность марксистско-ленинского учения, формы и методы борьбы идеологов мировой империалистической буржуазии против марксизма-ленинизма менялись. Но их содержание и классовая направленность оставались прежними. Путем распространения антимарксистских теорий исторического развития они стремились и стремятся задержать развитие классового самосознания трудящихся, укрепить идейно-теоретическую базу буржуазной идеологии и таким образом способствовать сохранению и укреплению буржуазных общественных отношений.

Жизнь неизменно опрокидывала эти замыслы буржуазных идеологов, сама логика исторических событий разоблачала ложность антимарксистских концепций. Непреодолимое развитие мирового революционного процесса, опровергая домыслы буржуазных идеологов, лишь способствовало утверждению марксизма-ленинизма как научной идеологии рабочего класса. Теоретическая борьба марксистов против буржуазных концепций неизменно обогащала марксизм, укрепляя его позиции как наиболее влиятельного и мощного идейного течения современности.

* * *

Борьба буржуазных идеологов против марксизма началась с момента его возникновения. Великая Октябрьская социалистическая револю-

ция, означавшая торжество идей марксизма-ленинизма, ознаменовала наступление нового этапа в противостоянии пролетарской и буржуазной идеологий. Она оказала огромное влияние на развитие мирового революционного движения и передовой общественно-политической мысли, стимулируя распространение ленинского учения по всем странам и континентам.

В Японии, в силу специфики ее социально-политического развития, широкое распространение марксизма-ленинизма началось после Великой Октябрьской социалистической революции, которая способствовала активизации революционного процесса в стране. Под ее непосредственным влиянием произошел резкий подъем освободительной борьбы японского рабочего класса, возникло коммунистическое движение, началось систематическое, глубокое изучение марксистской революционной теории.

Если ранее, до 1917 г., представители передовой японской общественности знакомились с марксизмом по работам теоретиков II Интернационала, то после победы Октября главным источником для изучения марксистских идей в Японии стали работы В. И. Ленина. Деятели японского рабочего движения, прогрессивные ученые, представители передового студенчества с жадностью внимали каждой весточке, рассказывающей о революции в России, стремились донести правду о Великом Октябре в широкую рабочую аудиторию. В такой обстановке работы В. И. Ленина, посвященные целям и задачам социалистической революции в России, сыграли особенно важную роль в распространении марксистских идей. Показывая марксизм в действии, иллюстрируя конкретными примерами связь марксистской теории с революционной практикой, ленинские работы способствовали восприятию марксизма как боевого, революционного учения, защищая его от извращений социал-реформистскими теоретиками II Интернационала. Лучшие представители философской и общественно-политической мысли Японии в условиях жесточайшего полицейского гнета делали все возможное для того, чтобы ленинские идеи стали достоянием как можно большего числа участников революционного движения.

Буквально за считанные годы после Великой Октябрьской социалистической революции на японском языке появились многие важнейшие труды В. И. Ленина. В 1920-х годах здесь были изданы 10 томов избранных произведений вождя трудящихся, сыгравшие огромную роль в распространении ленинизма. Марксизм-ленинизм стал авторитетным течением японской общественно-политической мысли. В Японии были изданы многие труды классиков марксизма-ленинизма, работы советских ученых по вопросам марксистско-ленинской теории, появилась обширная литература по политическим и экономическим проблемам, созданная японскими учеными-марксистами. Начали функционировать объединения ученых-марксистов, возникли научно-исследовательские институты, ставившие своей задачей изучение и распространение марксистско-ленинской теории.

В 1924 г. в Токио было создано Научно-исследовательское бюро промышленности и труда, осуществившее ряд исследований в области экономики и политики на основе марксистско-ленинской теории. Большую роль в распространении марксистско-ленинской теории сыграли созданный в 1929 г. Пролетарский научно-исследовательский институт и Общество изучения материализма, оформившееся в самостоятельную организацию в 1932 г.

Огромную роль в распространении идей марксизма-ленинизма в Японии сыграло создание в 1922 г. Коммунистической партии, стремив-

шейся в своей деятельности к сочетанию марксистско-ленинской теории с революционной практикой.

Несмотря на то что господствующие классы в условиях монархического режима при помощи полицейских репрессий и драконовских законов могли ограничивать масштабы политических выступлений трудящихся, что широко применявшиеся ими террор и насилие вырывали из рядов участников революционной борьбы наиболее стойких защитников интересов рабочего класса, ослабляя тем самым руководство революционным движением, монополистическая буржуазия никакими репрессиями не могла приостановить распространение в Японии передовых идей. Идеино-политическая ситуация, сложившаяся в стране, требовала от господствующих классов идеологических методов борьбы с марксизмом-ленинизмом. На это и были брошены все силы буржуазного научно-пропагандистского аппарата. В этот период влияние марксизма-ленинизма в Японии стало настолько значительным, что он начал целиком определять поведение своих идейных врагов из буржуазного лагеря, заставив их в интересах сохранения идеологических основ буржуазного строя разрабатывать концепции, которые, сохраняя видимость научности, могли бы быть использованы для борьбы против марксизма-ленинизма.

Видный буржуазный философ Танабэ Хадзимэ писал: «В то время, как раз после советской революции, Японию охватила мощная волна мирового пролетарского движения. Теоретическая борьба марксистов потрясла философские круги. Сложилось положение, когда все, кто имел отношение к этим кругам, в большей или меньшей степени оказались втянутыми в нее»¹.

Известно, что вся система категорий и понятий марксизма-ленинизма дает обоснование положения о смене общественно-экономических формаций, о неотвратимости социалистической революции в результате обострения классовой борьбы, о неизбежности крушения капиталистического строя. Опирающееся на строго научный анализ исторического процесса, это положение в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции из научной теории превратилось в реальность. Последнее более всего страшило японскую монополистическую буржуазия, которая в первую очередь была заинтересована в опровержении именно этой части марксистско-ленинской теории².

Отражая прямо или косвенно ее классовые интересы, японские буржуазные идеологи направили основной удар против марксистско-ленин-

¹ Танабэ Хадзимэ. Поли. собр. соч., т. 3, Токио, 1963, стр. 73.

² В Японии существует обширная марксистская литература, посвященная влиянию Великого Октября на японское революционное движение. Этот вопрос освещен в ряде работ советских ученых. Однако в изучении степени и масштабов идейного влияния ленинских идей на японскую общественно-политическую мысль первого послеоктябрьского десятилетия у нас сделаны только первые шаги. Для изучения этого вопроса в полном объеме необходимы усилия японоведов различных специальностей — историков, философов, экономистов и т. д.

Небезынтересно отметить, что мимо вопроса об идейном влиянии марксизма-ленинизма на Японию в 1920—1930 гг. не проходят и западные буржуазные ученые. Об исключительно широком распространении в Японии марксистско-ленинских идей пишут, в частности, американские востоковеды Дж. Фэйрбэнк, Э. Рейшауэр и А. Крейг: «По развитию теории и количеству научных трудов, созданных в это время на основе марксизма, Япония, очевидно, стоит впереди всех стран, исключая Россию и Германию» (John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, Albert M. Craig. East Asia: The Modern Transformation. Boston, 1965, p. 55). Однако причины такого явления в их книге раскрыты неполно или ошибочно; правильное истолкование сущности идейно-политических процессов в Японии того периода возможно только с позиций марксистской науки.

ского учения о путях общественно-исторического развития. Марксистскому историческому материализму они противопоставили различные антимарксистские концепции, начиная от либерально-буржуазных и кончая открыто монархическими. При этом своей основной задачей идеологи буржуазно-помещичьих кругов Японии считали опровержение самой методологической базы марксистско-ленинского учения — диалектического и исторического материализма. С точки зрения буржуазных теоретиков, только путем ниспровержения диалектико-материалистического метода и доказательства неправомочности его распространения на общественные явления они могли рассчитывать на успех в идейно-теоретической борьбе против марксизма-ленинизма.

Этому была призвана служить так называемая «философия истории», представлявшая собой методологическую основу антимарксистских концепций исторического развития в Японии. Данное течение буржуазной философской и общественно-политической мысли исходило из идеалистической трактовки исторического процесса и ставило своей основной целью опровержение марксистского диалектико-материалистического метода в исторических исследованиях. Вплоть до разгрома японского империализма во второй мировой войне «философия истории» представляла собой главное течение буржуазной философской и общественно-политической мысли Японии и служила основой милитаристской идеологии японской монополистической буржуазии и буржуазно-помещичьих кругов. Японская «философия истории» впитала в себя западные философские, государственно-правовые и политические теории монополистической буржуазии эпохи империализма. Вместе с тем немаловажную роль в ней играли категории и понятия, почерпнутые из традиционных восточных реакционных учений периода феодализма. Такая черта философско-исторических концепций японской буржуазии отражала особенности социально-классовой структуры буржуазно-помещичьей Японии и преследовала цель теоретически оправдать идейно-политическую программу японского военно-феодалного империализма во внутренней и внешней политике.

Основоположником японской «философии истории» является философ-идеалист Нисида Китаро. Его взгляды сложились как реакция на марксизм-ленинизм, как попытка противопоставить марксистскому философскому материализму воинствующий идеализм иррационалистического толка. «Маркс не дает мне покоя даже во сне», — писал раздраженный Нисида в своем дневнике, говоря о направлении своих научных изысканий. В основе «философии истории» Нисиды лежала сформулированная им «диалектика небытия». Несмотря на постоянные рассуждения о диалектике, концепция Нисиды проповедовала метафизический идеализм, утверждала субъективно-идеалистический подход к явлениям действительности. Эти черты воззрений Нисиды особенно явственно проявились в его концепции исторического процесса. Философ широко пользовался такими понятиями, как «среда», «исторический мир», «историческая практика», вкладывая в них сугубо идеалистическое содержание. «Среду», например, он связывал с тезисом о неразличимости субъекта и объекта, то есть она не мыслилась им без субъекта. То же самое касается «исторической практики». Этому понятию Нисида придавал смысл индивидуальной деятельности на основе пресловутой «свободной воли», «свободного выбора» целепологающего сознания в соответствии с некими «вечными истинами». Находящийся под влиянием неокантианской философии истории и философско-исторических взглядов представителей буржуазной «философии жизни», Нисида доказывал «индивидуальный», неповторимый характер исторических событий, непознавае-

мость исторических явлений, которые в его толковании недоступны научному знанию.

Аналогичный прием опровержения диалектического и исторического материализма избрал другой крупный японский буржуазный философ довоенной Японии — Танабэ Хадзимэ. Видя в марксистском диалектико-материалистическом методе мощное оружие познания и преобразования общественных отношений, Танабэ провозгласил так называемую «абсолютную диалектику», призванную подменить диалектику марксистскую. Сам Танабэ по этому поводу писал, что после Великой Октябрьской социалистической революции «материалистическая диалектика быстро приобрела необычайную силу в кругах университетской молодежи. Часть некритически настроенных людей стали верить в нее как во всемогущую теорию, подобную волшебной палочке, и считали, что достаточно овладеть ею, как все научные знания будут доступными... Я как один из преподавателей, занятых в области логики, почувствовал, что не могу молчать»³.

В основе «абсолютной диалектики» Танабэ лежало утверждение о взаимном переходе друг в друга субъекта и объекта, духа и материи. Не имеющее ничего общего с подлинно научным решением вопроса о соотношении духовного и материального в природе и обществе, о процессе познания человеком объективной реальности, это утверждение преследовало цель опровергнуть марксистский материалистический метод, отстаивающий первичность материи и вторичность сознания и распространяющий сферу действия диалектики на объективно существующие природу и общество. Теоретические положения философии Танабэ вылились в открытое отрицание им исторического материализма. Тытаясь опровергнуть марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе как объективно существующих факторах исторического процесса, этот теоретик в качестве его движущей силы рассматривал «моральную практику», определяемую в конечном итоге субъективной волей людей. Танабэ прямо провозглашал, что его философско-историческая теория появилась в ответ на положение исторического материализма о том, что борьба за утверждение диктатуры класса пролетариев является содержанием исторической практики рабочего класса.

В годы подготовки и развязывания японским империализмом второй мировой войны в «философии истории» выделилось течение «философия мировой истории», представлявшее собой крайне правое крыло японской буржуазной науки. Его представители — Косака Масааки, Кояма Ивао, Ниситани Кэйдзи, Осима Ясумаса и другие — с предельной откровенностью продемонстрировали идейно-политическую направленность философско-исторических концепций японской буржуазии. Эти теоретики открыто провозглашали в качестве основы общественного развития иррационалистический идеализм в той форме, какую он принял в эпоху империализма. Путем гальванизации категорий и понятий, заимствованных из конфуцианства, буддизма и синтоизма, они дополнили свою концепцию религиозным мистицизмом. Одним из главных элементов «философии мировой истории» был так называемый принцип историзма, заимствованный японскими буржуазными идеологами у представителей немецкой исторической школы XIX в. Это течение возникло в Германии в ответ на материалистические, атеистические теории идеологов французской буржуазной революции, в которых реакционное немецкое бюргерство усмотрело угрозу своим традиционным понятиям и представлениям о сущности государства и политической власти. Такое

³ Танабэ Хадзимэ. Полн. собр. соч., т. 3, Токио, 1963, стр. 77.

родство японской «философии мировой истории» и концепции немецких реакционных историков объяснялось сходством идейно-политических целей, которые они преследовали. Каждое из этих течений на определенном этапе развития буржуазной общественно-политической мысли отражало усилия реакции приостановить поступательное движение истории, сохранить существующие идеологические и политические институты абсолютистских монархий. В конечном итоге те и другие при помощи своих философско-исторических теорий стремились утвердить националистическую идеологию, доказать исключительность процесса исторического развития своей нации. Категории и понятия исторических концепций таких немецких авторов, как Ранке, перенесенные на японскую почву, оказались пригодными для теоретического обоснования японского буржуазного национализма, который японская монополистическая буржуазия стремилась противопоставить марксистско-ленинской идеологии.

Не последнюю роль в складывании японской «философии мировой истории», широко использовавшей категории и понятия из общественно-политических концепций идеологов прусской монархии, сыграло идейное родство германского фашизма и японского милитаризма. Прослеживаемая в истории японского абсолютизма, начиная с периода Мэйдзи, тенденция к заимствованию у идеологов пруссачества политических и правовых концепций обернулась в годы подготовки и развязывания второй мировой войны стремлением к использованию «теоретического багажа» немецкого нацизма.

В исторических изысканиях идеологических защитников прусской монархии и немецкого нацизма особенное внимание уделялось обоснованию и применению к конкретной истории таких понятий, как «моральная энергия», «земля и кровь» и другие. К этим же категориям апеллировали японские авторы «философии мировой истории», пытаясь с их помощью объяснить источник и движущие силы исторического процесса. Косака, например, в «гармонии земли и крови» усматривал «историческую субстанцию», которая непосредственно творит историю. Из этого постулата он выводил понятие «субъективности», трактуя его как основу «исторического мира» — экономического и политического строя государств. Категория «моральной энергии» занимает одно из центральных мест в философско-исторической концепции Кояма. Последний отрицал рациональное, основанное на данных науки постижение истории, квалифицируя такое отношение к историческим фактам как «неистинное». Во взглядах этого теоретика на исторический процесс особенно большую роль играли конфуцианские и буддистские мотивы, соединенные с положениями, почерпнутыми из идеалистических философских течений Запада.

Буржуазная «философия истории» сыграла весьма отрицательную роль в развитии общественной мысли довоенной Японии. Утверждая субъективно-идеалистический метод в общественно-исторических науках, она способствовала появлению махровых реакционных общественно-политических теорий, использовавшихся монополистической буржуазией для борьбы против марксизма-ленинизма.

В идейно-политической области буржуазная «философия истории» вылилась в открытую апологетику японского монархо-фашизма. Она использовалась для оправдания проводившегося господствующими классами курса на подавление марксистско-ленинских идей, всякой прогрессивной мысли, служила обоснованию агрессивной политики японского империализма.

Пытаясь опровергнуть марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, идеологи японской монополистической буржуазии проповедовали классовую гармонию, основанную на «единстве нации». «Субъектом в историческом мире, формирующим среду, является нация. Нация в свою очередь формирует субъекта»⁴, — провозглашал Нисида. Нация и субъект, доказывал он, «с точки зрения созидательной исторической деятельности должны быть единими... В этом единстве должна растворяться классовая борьба»⁵. Идею «национального единства», призванную подменить марксистско-ленинское учение о классовой борьбе, проповедовал Косака. В нации он видел «общность кровных связей и культуры», источник «моральной энергии» как условие исторической активности. Доведенные до своего логического конца, эти утверждения выливались в расистские концепции.

Выступая против марксистско-ленинского учения о сущности буржуазного государства как орудия классового господства буржуазии, против лозунга слома этого государства и замены его государством диктатуры пролетариата, буржуазные идеологи Японии идеализировали буржуазное государство, обосновывали его незыблемость, выступали в качестве апологетов абсолютистской власти и военно-бюрократического режима. Нисида стремился представить государство как некую этическую категорию, воплощающую внутренние побуждения людей. Считая, что японская государственная система основана на «моральном долге», он отстаивал идею об «особых», неповторимых чертах «японского национального государственного строя». В качестве апологета японской абсолютистской монархии выступал Танабэ Хадзимэ. Он проповедовал «единство монарха и народа», утверждал, что каждый человек может «проявлять свою внутреннюю жизнь в неразрывном единстве с государством». Государственное регулирование и внутренняя жизнь индивида непосредственно объединены и составляют единое целое, провозглашал этот теоретик, призывая «гордиться такой особенностью» японского монархо-фашистского государства⁶.

Марксизм-ленинизм — это теория, раскрывающая источник империалистических войн, осуждающая войну как величайшее бедствие для человечества. Борьба за мир как условие развертывания классовой борьбы и революционного движения, курс на мирное сосуществование — вот основные положения марксистско-ленинского учения в вопросах войны, мира и революции. Это учение стало краеугольным камнем всей политики советского государства в течение шестидесяти лет после Великого Октября.

Японские буржуазные идеологи выдвинули милитаристскую концепцию войны, беззастенчиво оправдывавшую агрессивную политику японского империализма. Для Косака, например, война — это явление, с помощью которого нация «осознает и поддерживает свой суверенитет как государства». По существу, само существование наций этот теоретик связывал с войной. «Поскольку в основе общества лежит существование рас, — утверждал он, — то для возвышения до духовной жизни между ними должна вестись война, путем войны история обновляется». «В подлинной войне заключено этическое, мудрое начало», «моральным долгом государства является ведение войн»⁷, — подобными утвержде-

⁴ Нисида Китаро. Полн. собр. соч., т. 6, Токио, 1953, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Танабэ Хадзимэ. Полн. собр. соч., т. 8, Токио, 1963, стр. 160.

⁷ Косака Масааки. Рэкиситэки сэкай. Гэнсё — гакутэки сикирон (Исторический мир. Опыт феноменологического анализа). Токио, 1937, стр. 260, 266.

ниями, носящими характер подстрекательских призывов к войне, провозглашена вся концепция «исторического мира» Косака.

Открыто прославляли войну как естественное, необходимое состояние общества и другие представители «философии истории». Нисида, например, пытался оправдать войны, которые вел японский империализм, отрицанием права народов Азии на национальный суверенитет. Танабэ открыто призывал к вооруженному вмешательству в дела Китая с целью подавления революционного движения. Он же был автором концепций, обосновывавших пресловутую политику «восьми углов под одной крышей», означавшую закабаление народов Азии японским империализмом. Кояма теоретизировал по поводу идейно-философского содержания японо-китайской «сферы совместного процветания», подводя псевдонаучную базу под агрессивную политику Японии против китайского народа.

Марксизм-ленинизм сформулировал законы исторического развития, общие для всех стран. Его учение об общественно-экономических формациях является основой концепции мирового исторического процесса. Следуя своему тезису о неповторимости исторических событий, авторы «философии истории» пытались доказать «исключительность» исторического развития Японии, ее «национального государственного строя», воплощенного в абсолютистской монархии. Распространяя принципы своей псевдодиалектики на историю Японии, Нисида, в частности, утверждал, что прошлое японского государства всегда характеризовалось противоречиями между императорским домом и конкретными носителями власти, ему якобы неизменно был присущ принцип «незыблемости основ» и на основе этого отрицал марксистское учение о смене общественно-экономических формаций. Историческое развитие Японии Нисида толковал с позиций, утверждавших незыблемость ее государственного строя, рассматривал тогдашний ее государственный строй как «реставрацию», как «возвращение к прошлому». В постоянном «возвращении к прошлому» он усматривал движение японской истории вперед, которое в его толковании осуществлялось в результате столкновения феодальных правителей со средой. Народные массы были исключены этим теоретиком из исторического процесса, движущую силу процесса развития он видел в «несоответствии субъективного фактора среде», что, согласно его концепции, вело к тому, что «общественная форма заходит в тупик». В такие моменты, согласно Нисиде, и происходит «возвращение к прошлому» как «шаг в новый мир». При помощи подобных псевдонаучных рассуждений об особых законах развития японского общества глава японской академической философии пытался доказать неприменимость марксистско-ленинского учения к истории Японии. В его рассуждениях сквозил страх перед социальными революциями, путь к которым был проложен Великой Октябрьской социалистической революцией, желание направить развитие японской истории в спокойное русло частных реформ, не затрагивающих основ абсолютистского режима.

Марксизм-ленинизм в качестве принципа взаимоотношений между нациями и народами провозглашает интернационализм, международное единство всех трудящихся, их солидарность в классовой борьбе. Этот принцип со времен Великой Октябрьской социалистической революции начертан на знамени мирового коммунистического движения, ему неизменно стремились следовать японские коммунисты, развернувшие после создания КПЯ широкую интернационалистскую деятельность. Принципу интернационализма идеологи японской монополистической буржуазии противопоставляли буржуазный национализм, утверждения об особой миссии Японии в Азии и во всем мире. «Необходимо преодо-

леть коммунизм» — призывал манифест общества Сёва, созданного при японском правительстве в середине 30-х годов. Состоявшее из сторонников «философии истории», верных слуг японских господствующих кругов, оно играло роль центра разработки внешнеполитического курса японского правительства. В качестве идейного оружия борьбы с марксизмом-ленинизмом авторы документа выдвигали тезис о «японском духе», который в их глазах был призван «противостоять разрушительной механистической тенденции исторического материализма, а также пустому, абстрактному интернационализму, способствовать росту самосознания, подлинного превосходства японской нации»⁸. Читая эти строки, особенно ясно представляешь себе всю глубину классовой ненависти идеологов монархо-фашистской Японии к марксизму-ленинизму, всю ту гнетущую духовную атмосферу, которую стремился создать в стране режим, насаждавший идеологию безудержного антикоммунизма.

Таковы некоторые черты исторических концепций и опиравшейся на них антикоммунистической идеологии японской монополистической буржуазии периода подготовки и развязывания второй мировой войны. Иррационализм, крайний национализм, переросший в расизм, антикоммунизм и антисоветизм идеологии японского империализма придали ей черты одной из наиболее воинствующих, наиболее реакционных идеологий мирового империализма.

Разгром японского империализма во второй мировой войне вызвал крах всей реакционной милитаристской идеологии, служившей обоснованию внутренней и внешней политики японских монополий. Он обнажил преходящий характер и историческую обреченность буржуазных концепций общественного развития, еще раз подтвердил всю иллюзорность, нежизненность идеологических систем, воспевающих идеи антикоммунизма, направленных на борьбу с марксистско-ленинским учением. Крах реакционной идеологии, антимарксистских концепций общественно-исторического развития, распространявшихся буржуазными идеологами, означал, таким образом, победу передовой идеологии, передового мировоззрения, питавшего те общественные силы, участие которых во второй мировой войне придало ей справедливый, освободительный характер. В конечном итоге этот крах означал торжество марксистско-ленинских идей, их победу над реакционной идеологией, которую господствующие круги Японии пытались противопоставить марксистско-ленинскому учению.

* * *

Несмотря на усилия буржуазных идеологов ниспровергнуть марксизм-ленинизм, несмотря на репрессии, обрушившиеся на японских коммунистов, всех сторонников марксистско-ленинского учения в период подготовки и развязывания второй мировой войны, идеи марксизма-ленинизма жили в сердцах участников революционной борьбы японского народа, духовно не сломившихся в условиях господства реакционной буржуазно-националистической идеологии. Пустившие в послеоктябрьский период глубокие корни, идеи марксизма-ленинизма после военного разгрома японского империализма начали возрождаться с новой си-

⁸ Мики Киёси. Полн. собр. соч., т. 17, Токно, 1968, стр. 557.

лой, оказав решающее воздействие на развитие идейно-политической ситуации в стране. Успехи мирового революционного движения, образование мировой системы социализма дали новый мощный стимул распространению марксистско-ленинских идей во всем мире, в том числе и в Японии.

Возродилась японская марксистско-ленинская наука, истоки которой восходят к первому послеоктябрьскому десятилетию. Благодаря усилиям ученых-марксистов, развернувших теоретическую борьбу против буржуазной идеологии, были развенчаны многие реакционные концепции исторического развития.

Но реакция не дремала. Вскоре после окончания войны, поддерживаемая американскими оккупационными властями, японская буржуазия стала восстанавливать свои позиции. Эти процессы нашли отражение и в сфере идеологии. Оживилась деятельность буржуазных идеологов, сотрудничавших в прошлом с военщиной в вопросах ведения войны. Начался новый этап идеологической борьбы, еще резче обострилось противоборство двух идеологических систем — марксистско-ленинской и буржуазной.

В новых исторических условиях старый метод отрицания марксизма-ленинизма путем открытого противопоставления ему реакционно-националистических концепций общественного развития, наподобие «философии истории», уже не оправдывал себя. Нужны были более гибкие приемы борьбы с марксистско-ленинским учением, которые не обнажали бы так откровенно свою реакционность, отталкивая от себя общественное мнение своим демонстративным служением господствующим классам. В послевоенные годы в Японии получили широкое хождение исторические концепции, представляющие собой буржуазную фальсификацию марксизма. В этом отношении Япония не является исключением: фальсификация основных положений исторического материализма путем наполнения их содержанием, почерпнутым из реакционных, идеалистических теорий, является излюбленным методом буржуазных ученых во всех капиталистических странах.

Примером такого отношения к марксизму-ленинизму может служить позиция, занятая Танабэ Хадзимэ. Этот теоретик, в прошлом один из идеологов японского монархо-фашизма, стал рядиться в марксистские одежды, рекламируя себя как «последователя» Маркса. Больше того, Танабэ начал призывать буржуазных идеологов взять дело распространения марксистских идей в свои руки и даже наставлял на том, чтобы само государство руководило изучением идей Маркса, чтобы были созданы государственные учебные пособия по марксизму. Обращаясь к буржуазным обществоведам, Танабэ писал: «Основная наша задача самим вернуться к истокам теории Маркса... и на этой основе по-новому интерпретировать ее»⁹. Эта «новая интерпретация Маркса» у Танабэ вылилась в беззастенчивое искажение марксизма, в попытку дать такую трактовку марксистской теории общественного развития, в которой от подлинного марксизма как революционно-преобразующей теории не осталось и следа. Танабэ, в частности, пытался рассматривать марксистский исторический материализм в одном ряду с философией истории Гегеля и идеалистической концепцией Ранке. Задачей буржуазной науки он провозгласил соединение этих трех учений. Подобный конгломерат несопоставимых теорий, по замыслу японского философа, должен был подменить марксистский исторический материализм так называемым

⁹ Танабэ Хадзимэ. Полн. собр. соч., т. 11, Токио, 1963, стр. 100.

«практическим реализмом», который вылился в открытую проповедь идеализма в толковании исторического процесса.

Говоря о буржуазной общественно-политической мысли послевоенной Японии, о буржуазных концепциях исторического развития, нельзя не отметить присущих им исторического пессимизма, неверия в способности человека целенаправленно творить историю, познав ее объективные законы, разумно направлять общественно-исторический процесс. Особенно это характерно для бывших авторов «философии истории», обанкротившейся в результате военного разгрома японского милитаризма. Родившаяся на гребне империалистической агрессии, в период временных военных успехов империалистической Японии и фашистской Германии, она по-своему была последовательной, уверенной в своих концепциях и идеях. Ее крах в результате военного разгрома японского империализма поставил буржуазных идеологов перед необходимостью выработки новых исторических теорий. Так родилась религиозно-пессимистическая трактовка истории, получила широкое распространение фальсификация марксизма, переходящая в его прямое отрицание, путем попыток соединить его с религией или отождествить с одним из вероучений. За соединение марксизма с религией путем наполнения его идеями дзэн-буддизма и христианства, ратовал, например, Танабэ Хадзимэ. Беспорывно разглагольствуя об «исторической практике» как основе исторического развития, он наполнил эту категорию религиозным содержанием. «Религия — вот основа исторической практики», — доказывает этот теоретик, сводя весь исторический процесс к проявлению «свободной воли» через религию.

Отождествить марксизм с религией пытался Кояма Ивао. Он утверждал, что хотя марксистское учение и относится к идеологическим системам, «открыто выступающим против религии», однако во взгляде на историю оно якобы «не может не использовать структуру и идеи религиозного взгляда»¹⁰. Одним из религиозных элементов в марксизме этот теоретик считает учение о пролетарской революции. Логика рассуждений этого буржуазного идеолога такова: раз-де марксизм — это религиозная вера, а его учение о неизбежности пролетарской революции — не более как религиозный миф, то в марксизм можно и не верить. В качестве доказательства «религиозного характера» марксизма Кояма использует заимствованную у неокантианства концепцию приоритета индивидуального, единичного в истории. «Историческое в своем изначальном смысле — это единичный случай, иными словами, то, что не повторяется, подобно явлениям природы. Историческое знание обращает главное внимание на эту единичность, религия же проявляет интерес к определению и толкованию смысла этого явления»¹¹, — утверждает он. Таким путем отрицается всеобщность и общезначимость марксизма, истинность его положений. «Взгляд на историю изначальным образом устанавливается как религиозный взгляд, в основе его неизбежно заключена религиозная вера»¹², — провозглашает этот теоретик, пытаясь во что бы то ни стало опровергнуть марксистскую концепцию исторического процесса как научную теорию.

С попытками японских буржуазных идеологов отождествить марксизм с религией смыкаются усилия некоторых из них доказать «иррациональный» характер марксистско-ленинского учения, «несовмести-

¹⁰ Кояма Ивао. Гэндай-но фуан то сукё (Современное состояние обеспокоенности и религия). Токно, 1972, стр. 242.

¹¹ Там же, стр. 242.

¹² Там же, стр. 240.

мость с рациональным познанием» основных положений его революционной теории. Пытаясь утвердить антимарксистское толкование исторического процесса, внести сомнения в образ мышления представителей тех непролетарских слоев населения, которые в условиях идейного краха японского империализма стали склоняться к марксизму, немало усилий для распространения подобных взглядов приложил, в частности, Косака Масааки. Продолжая начатую еще в довоенные годы линию на отрицание марксистско-ленинского учения, этот буржуазный фальсификатор марксизма-ленинизма пытался обосновать «иррациональность» содержания учения о бесклассовом обществе. Будучи не в состоянии понять источника революционности пролетариата как класса, олицетворяющего передовые общественные отношения, клеветая на рабочий класс, Косака объявил присущие этому классу революционный пафос, решимость, наличие коллективной воли также «иррациональными», опирающимся на религиозное чувство. Косака прямо заявлял, что целью его философско-исторической концепции является «противостояние марксизму»¹³. «В чем заключается движущая сила истории? Если она включает в себя иррациональное, то в каких пределах это иррациональное рационализируется?»¹⁴ — вот вопросы, к которым сводит этот теоретик свою историческую концепцию. Верный выдвинутому им положению об «иррациональной силе, творящей историю», Косака до предела мистифицирует эту «силу». Эта сила у него «независима от человека», «находится вне человека», «беспредельна», «отрицает человека» и т. д. Иными словами, культ непознаваемой таинственной силы, лежащей якобы в основе истории, Косака сопровождает принижением человека, лишением его тех качеств, которые делают его активным участником исторического процесса. В этом вопросе историческая концепция японского теоретика в послевоенные годы стала смыкаться с экзистенциализмом — наиболее распространенным течением буржуазной философии эпохи империализма.

Такие черты буржуазных исторических концепций, как исторический пессимизм, неверие в человека, стремление подменить научное знание верой и т. д., отражают обреченность самого бытия буржуазии как класса, ее бессилие изменить направление исторического развития. Они отражают также крах всех буржуазных экономических и общественно-политических теорий эпохи империализма, при помощи которых монополистическая буржуазия тщетно пытается преодолеть противоречия капиталистического способа производства. Это создает у буржуазных идеологов иллюзию непознаваемости причин этих противоречий, всесторонне раскрытых марксистско-ленинской наукой, невозможности научного предвидения в истории.

В то же время подобные аспекты буржуазных исторических концепций означают кризис буржуазной исторической науки, идейное банкротство буржуазных теоретиков, которые не находят и не могут найти подлинно научных доказательств для опровержения марксистско-ленинской теории и поэтому вынуждены апеллировать к религии, подменяя научное знание верой. Но там, где предпринимаются попытки соединить науку с религией, примирить научное знание с верой, там кончается наука как таковая. Это и происходит с буржуазными теориями общественного развития.

¹³ Косака Масааки. Рэкиси-но нми то соно юкиката (Смысл и направление развития истории). Токно, 1950, стр. 2.

¹⁴ Там же, стр. 4.

* * *

Наряду с попытками опровергнуть марксистско-ленинское учение с позиций религии буржуазными идеологами послевоенной Японии предпринимаются усилия для опровержения марксизма с помощью псевдонаучных рассуждений. Такие идеологи не могут не сознавать уязвимости позиции тех буржуазных обществоведов, которые пытаются отрицать марксизм с позиций религии или иррационалистической философии. Так же, как и в первый послеоктябрьский период, некоторые из них развернули полемику с марксизмом в области диалектики. Революционная материалистическая диалектика как метод познания и предвидения исторических событий оставалась и остается наиболее грозным для буржуазии оружием революционного движения.

Так, против марксистского толкования исторического процесса на основе материалистической диалектики, против материалистической интерпретации соотношения субъективного и объективного в исторической деятельности людей выступает известный буржуазный философ Ивасаки Такэо. Фальсифицируя исторический материализм, он приписывает историческим взглядам марксизма-ленинизма такие черты, которые не имеют ничего общего с духом марксистского учения и характерны для метафизических, идеалистических теорий исторического процесса. Пафос исторической концепции самого Ивасаки — в отрицании исторического детерминизма, в попытках доказать непознаваемость исторических явлений, в фальсификации и прямом искажении марксистско-ленинского учения о движущих силах истории. Пытаясь опровергнуть марксистское положение о роли производительных сил и производственных отношений в развитии человеческого общества, он стремится доказать, что основа исторического развития — это позиция утилитаризма, позиция личной выгоды каждого отдельного человека, совершающего действия в соответствии со своими субъективными стремлениями. Такое решение вопроса отражает стремление буржуазии к утверждению индивидуалистического мировоззрения.

В конце 1950-х — начале 60-х гг., в связи с ускоренными темпами развития японского капитализма, в кругах японской буржуазии получила распространение теория «модернизации», возводящая в эталон общественно-исторического развития путь стран, являющихся цитаделью мирового империализма, прежде всего США. В ответ на обострение классовых противоречий в условиях углубления общего кризиса капитализма, начавшегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях усиления революционизирующего влияния мировой социалистической системы на общий процесс развития человечества эта теория допускает возможность отдельных реформ с целью укрепления основ буржуазного строя, не отрицает она и социальных изменений в рамках буржуазного государства, направленных на смягчение накала классовой борьбы. В идейно-теоретическом плане теория «модернизации» противостоит марксизму-ленинизму и призвана опровергнуть его.

Одним из сторонников этой теории в Японии является известный буржуазный социолог и историк Хаяси Кэнтаро. Воинствующий антимарксист, он поставил перед собой задачу опровергнуть исторический материализм путем научнообразных рассуждений и псевдотеоретических положений, призванных доказать «научность» полемики, которую он ведет с марксизмом. Но в действительности исторические концепции Хаяси так же антинаучны, как и те теории, которые он использует для опровержения марксистско-ленинского учения. В качестве союзника по борьбе с марксизмом Хаяси избрал, в частности, американского экономиста и

социолога У. Ростоу, теория стадийного экономического роста которого рассматривается в буржуазных кругах как противостояние против марксизма. Известно, что эта теория эклектически соединяет в себе различные вульгарно-экономические и социологические концепции и характеризуется чисто поверхностным рассмотрением истории человеческого общества. Однако Хаяси возводит эту теорию в ранг подлинно научной концепции и пытается противопоставить ее марксизму. Основное достоинство теории американского экономиста Хаяси усматривает в ее антимарксистской направленности. Оценивая ее идейно-политическое содержание, он прямо ставит в заслугу Ростоу то, что его теория «сознательно противостоит теории Маркса и родилась из желания преодолеть ее»¹⁵. Суть критики, которую японский социолог направляет против марксизма, опираясь на теорию Ростоу, заключена в утверждении, характерном для многих буржуазных идеологов, сознательно фальсифицирующей проблему соотношения объективного и субъективного в исторической концепции марксизма. Хаяси объявляет учение Маркса о движущих силах истории «экономическим детерминизмом» и обвиняет его в «голом экономизме». Однако «голым экономизмом» насквозь грешит именно теория Ростоу, которая при всей кажущейся материалистичности его рассуждений о роли индустриализма в общественном развитии, в конечном итоге представляет собой заурядную идеалистическую концепцию исторического процесса, поскольку конечной движущей силой исторического развития американский экономист признает факторы «выбора» и «волевого» решения, определяющие в его интерпретации историческую деятельность людей. Обнажая идеализм своих воззрений, Хаяси отстраняет исторический плюрализм. В качестве движущей силы истории японский социолог рассматривает множество факторов: и «свободную волю человека», и экономическую деятельность, и «волю к власти», и политику, философию, религию и т. д., не видя, что при всей их относительной самостоятельности они определяются в конечном счете совокупностью материальных, производственных отношений.

Одной из характерных черт исторических воззрений Хаяси является попытка утвердить идею о том, что историческая деятельность людей должна развиваться в рамках буржуазного государства. Отождествляя государство с нацией, он рассматривает его в качестве общественного института, определяющего направление развития буржуазного общества. При этом японский социолог не обходится без ставших уже традиционными в буржуазной науке утверждений о развитии буржуазной демократии, изменении эксплуататорской сущности капитализма, которые, по его мнению, изменяют и характер самого буржуазного государства, превращая его в «народ»¹⁶. Все это совершается с целью доказательства «несоответствия» учения марксизма действительному развитию истории, фальсификации марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы как движущей силы общественного прогресса.

* * *

Итак, буржуазные исторические концепции в Японии, противопоставляемые марксистско-ленинской теории общественного развития, при всем разнообразии методов, используемых для подтверждения содержа-

¹⁵ Хаяси Кэнтаро. Рэкиси то гэндзидзу (История и современность). Токио, 1969, стр. 224.

¹⁶ Хаяси Кэнтаро. Айкокусюги ни цуйтэ (О патриотизме). — В кн. Айкокусин (Патриотизм). Токио, 1970, стр. 157.

щихся в них положений, направлены на опровержение самих методологических принципов марксистско-ленинской исторической науки. Проповедуется идеализм в толковании исторических явлений. Отрицается закономерность связи событий в историческом процессе, доказывается «плюрализм» движущих сил истории, принижается роль народных масс как творца истории, отрицается само существование истории как науки. Идеино-политические цели подобного рода критики марксистской концепции исторического развития носят сугубо классовый характер. Эта критика призвана доказать случайность социалистических революций, совершенных в 1917 г. в России, а затем в ряде других стран, провести мысль об отсутствии в мировом революционном процессе общих черт и закономерностей, позволяющих говорить о том, что мировое революционное движение, несмотря на различие форм и методов революционной борьбы, развивается в одном направлении, которое было проложено Великой Октябрьской социалистической революцией в России шестьдесят лет назад. Воплотившись в народно-демократических революциях, совершенных в других странах, оно привело к образованию мировой социалистической системы, к отпадению от системы капитализма все большего числа государств.

Такое развитие и такая перспектива исторического процесса, сеющие панику в буржуазном лагере, заставляют японских буржуазных идеологов со все увеличивающимся рвением вырабатывать исторические концепции, в которых весь арсенал буржуазной науки используется для обоснования антимарксистских теорий общественного развития. В свое время В. И. Ленин писал, что «и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленное и жизненнее»¹⁷.

В наши дни, по прошествии шестидесяти лет после Великого Октября, марксизм-ленинизм, как никогда, проявляет свою жизненность, как никогда, крепка вера участников революционной борьбы в окончательную победу ленинских идей, как никогда, стойки и идейно закалены ряды мирового коммунистического движения, развивающегося на единой марксистско-ленинской основе. Об это единство разбиваются все атаки буржуазных теоретиков, предопределяя идейное банкротство их концепций, крах распространяемых ими антимарксистских теорий общественного развития.

---

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17.

Социалистическое содружество и его пекинские недруги

Ю. С. Ширяев,

доктор экономических наук

А. Г. Яковлев,

кандидат экономических наук

Одной из определяющих черт великодержавного шовинистического курса маоистского руководства Китая на международной арене являлась его откровенная направленность против большинства социалистических государств, их братского содружества — международного союза нового типа. В последних публикациях китайской печати, в выступлениях руководящих деятелей КНР отчетливо прослеживается преемственность этого курса с теорией и практикой маоизма, принципиальная оценка которому дана Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС, в материалах съездов других коммунистических и рабочих партий¹.

Факты показывают, что нынешние руководители КНР, к сожалению, идут по старому пути вражды к социалистическим странам. Более того, борьба Пекина против социалистического содружества приобретает характер глобального противодействия любым усилиям стран социализма, направленным как на решение их собственных социально-экономических задач, так и на оздоровление международной обстановки. Особое раздражение в Пекине вызывают успехи социалистических стран, объединившихся в Совете Экономической Взаимопомощи.

Братание китайских руководителей с империалистической и всякой иной реакцией в последние годы приобрело совершенно откровенный характер. Произошло именно то, против чего международное коммунистическое движение, КПСС предостерегали Компартию Китая еще в начале 60-х годов. В частности, на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС М. А. Суслов говорил: «...Мы, как и все марксисты-ленинцы мира, испытываем чувство законной тревоги за то, на какой опасный путь тащат китайские руководители свою великую страну. Как бы не получилось, что, идя по своему неверному, антиленинскому пути, китайские руководители не пришли к фактическому смыканию с реакционными, воинственными элементами империализма...»².

Продолжение великодержавного милитаристского курса дает все основания реакционным силам Запада рассматривать Китай в качестве «козырной карты» в их попытках усилить давление на Советский Союз, на социалистическое содружество, о чем прямо писала «Вашингтон пост» 15 марта 1977 г. Подыгрывая этим силам, китайское руковод-

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 10—11.

² М. А. Су л о в. Избранное. Речь и статьи. М., 1972, стр. 382.

ство во все более жестких формах демонстрирует свою враждебность к социалистическому содружеству, смыкаясь с наиболее экстремистскими кругами антикоммунизма в их атаках на социалистические и другие антиимпериалистические силы мира. Как говорится, стремясь быть большим роялистом, чем сам король, Пекин в 1974 г. объявил, что-де социалистический лагерь перестал существовать³. До такого пренебрежения очевидностью, реалиями жизни не докатывались даже самые неразборчивые в средствах и безответственные пропагандисты антикоммунизма. Впрочем, по части клеветы на социалистический мир Пекин давно перешагнул буржуазные средства информации на Западе и по сей день продолжает удерживать пальму первенства в этом малопочтенном деле.

«Заккрытие» социалистического лагеря — отнюдь не вершина «творческой» мысли маоизма. «Исходя из научного анализа, сделанного председателем Мао Цзэ-дуном относительно трех миров»⁴, китайское руководство вообще перечеркнуло социализм как фактор мирового развития в современную эпоху. В схеме «трех миров» (СССР и США — «первый мир», все прочие развитые страны — «второй мир», развивающиеся страны, включая КНР, — «третий мир») нет ни социализма, ни капитализма, а есть лишь, с одной стороны, «две сверхдержавы» и, с другой — «малые и средние государства, подвергающиеся контролю, эксплуатации и третированию» со стороны СССР и США. При этом, согласно «теории трех миров», положение «американской сверхдержавы» настолько плачевно, что она, по существу, скорее союзник, чем противник, «малых и средних» государств, в том числе и Китая.

Из этой «научной» схемы вытекает вывод, что стержнем современного мирового развития является не борьба между социализмом и капитализмом, не классовая борьба, а движение всех стран за независимость от «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной». Таково наивысшее достижение маоистской мысли, которое нынешнее китайское руководство кощунственно объявляет «великим вкладом» в сокровищницу марксизма-ленинизма, «дальнейшим развитием» этого революционного пролетарского учения.

Взяв на вооружение этот «вклад», нынешнее китайское руководство продолжает вести дело к еще более тесному слиянию своей политики по отношению к социалистическим силам мира с политикой самых твердолобых и экстремистских кругов империализма, все еще надеющихся «отбросить» социализм, повернуть вспять колесо истории.

В рамках журнальной статьи невозможно даже бегло коснуться всех аспектов пособничества националистических элементов в руководстве КНР империализму и реакции в их борьбе против международных социалистических сил. Поэтому целесообразно сосредоточиться на показе взаимодействия Пекина с империализмом на главном направлении их стратегического удара, а именно — в деле подрыва позиций социалистического содружества, единства и сплоченности того самого социалистического лагеря, существование которого, как полагают в Чжуннаньхае, можно перечеркнуть одним росчерком пера.

* * *

Каким бы словесным камуфляжем китайское руководство на разных этапах ни прикрывало свою подрывную деятельность в мировой со-

³ «Жэньминь жибао», 23.I и 10.IV.1974.

⁴ «Жэньминь жибао», 1.V.1977.

циалистической системе, во всех случаях эта деятельность отвечала стратегическим классовым целям империализма, способствовала его активизации на решающем участке исторического противоборства с международным рабочим классом, международными силами мира и прогресса. Характеризуя политику китайского руководства, Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС подчеркнул: «Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»⁵.

Мировая социалистическая система — ведущая сила интернационального движения против капитализма, против всех и всяких форм и видов социального и национального угнетения. От единства и сплоченности социалистической системы в огромной степени зависит единство мирового антиимпериалистического движения, сила его ударов, наносимых старому миру. Идеологическое и политическое обособление КНР в этой системе, острейший конфликт Китая с большинством социалистических государств, инспирированный пекинским руководством, безусловно, нанесли ощутимый удар по позициям мирового социализма, а следовательно, и всего антиимпериалистического движения. Эту деструктивную роль китайских лидеров в мировом революционном процессе компартии мира глубоко и всесторонне раскрыли в решениях своих съездов, в документах региональных и всемирных совещаний. Этой роли многократно касались руководители компартий в своих выступлениях и заявлениях. В частности, Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного Совета и Совета Министров Республики Куба Фидель Кастро в интервью журналу «Африк — Ази» в мае с. г. сказал: «Ныне я абсолютно убежден в том, что речь идет не об ошибках, а о сознательной политике предательства интернационализма и политике союза с империализмом... Совершив подобное предательство, китайское правительство создало глубокий раскол между революционными силами во всем мире именно тогда, когда они вплотную подошли к возможности достичь решающего изменения соотношения сил в пользу торжества социализма во всем мире»⁶.

Противопоставив Китай социалистическим и другим революционным, прогрессивным силам мира, пекинское руководство на протяжении многих лет осуществляет пресловутую «дифференцированную» политику в отношении стран социалистической системы, политику, которая и по форме и по существу совпадает с известной империалистической политикой «наведения мостов». Обе эти политики пытаются использовать прежде всего антисоветизм для разъединения братских стран. Обе они преследуют одну цель — затормозить, сорвать углубляющийся процесс сближения социалистических государств, по возможности полно подменить их взаимные связи связями с миром капитализма.

Кстати сказать, пекинское руководство при всех его китаеццентристских амбициях выступает зачастую как рьяный пропагандист такой подмены, как агент по рекламе неких преимуществ, которые якобы дают социалистическим странам связи с Западом по сравнению с внутрисистемными связями. В сущности маонистская концепция «трех миров», подчеркивая мифическую общность коренных интересов стран «второго мира», то есть всех развитых государств, призывает к всестороннему сплочению «малых и средних» социалистических государств с «малыми и средними» империалистическими державами.

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 10.

⁶ «Правда», 8.V.1977.

Сам Пекин показывает, так сказать, личный пример экономической ориентации на Запад. В последние годы на развитые капиталистические страны приходится примерно две трети внешнеторгового оборота КНР. В целом во внешней торговле Китая львиная доля приходится на несоциалистические страны. В 1975 г. на них приходилось 86,2%, в 1976 г. — 84,4% внешнеторгового оборота КНР, а на страны социалистической системы соответственно 13,8 и 15,6%.

Словом и делом рекламируя свое сближение с мировым капиталистическим хозяйством, Пекин, однако, избегает касаться вопроса об эффективности этого сближения. И не случайно. Темпы индустриального развития КНР после того, как маоисты в 60-х годах переориентировали ее внешние экономические связи на Запад, остаются в несколько раз ниже, чем в 50-х годах, когда КНР тесно сотрудничала и шла вместе со странами мировой социалистической системы.

В 60-х годах именно Пекин заклинал социалистические и развивающиеся страны всемерно опираться на собственные силы с тем, чтобы избежать зависимости от капиталистического мира, от таких его мощных экономических объединений, как Европейское экономическое сообщество. Теперь ЕЭС и НАТО под пером китайских пропагандистов чудесным образом превратились в оплот справедливости и миролюбия в Европе. Пекин настойчиво призывает к укреплению этих организаций империализма. «Мы рады видеть рост мощи Западной Европы», — заявил с трибуны ООН 5 октября 1976 г. китайский делегат. Понося СЭВ как якобы сферу жесточайшего диктата со стороны «советской сверхдержавы», китайские лидеры рекомендуют социалистическим странам Европы всемерное развитие связей с ЕЭС в качестве единственного пути к «подлинной» хозяйственной независимости на основе полного сохранения национального суверенитета. Однако собственная практика Пекина, все более усиливающая экономическую ориентацию на связи с Западом, служит ярчайшим образчиком сдачи именно суверенных позиций китайского государства, подчинения национальных интересов китайского народа интересам мирового империализма. Бесспорным является тот факт, что резкий крен КНР в сторону экономического сотрудничества с Западом сопровождается усиливающейся активностью китайского руководства как прямого пособника империализма в борьбе с социалистическим содружеством.

Экономические интеграционные процессы, совершающиеся в мире, все более становятся сферой острого соревнования двух мировых социальных систем. Именно поэтому в последние годы китайское руководство особенно усердствует по части распространения клеветнических домыслов относительно существа, а также различных конкретных проявлений социалистической интеграции. В течение 1976 г. только «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и журнал «Хунци» опубликовали более 80 материалов по вопросам функционирования СЭВ, Организации Варшавского Договора и отношений отдельных социалистических стран с СССР. Это вдвое больше, чем в 1975 г. Менее чем за три месяца 1977 г. те же три периодических издания поместили 32 материала по указанным вопросам. Их составители всячески поносят СЭВ как организацию, в существовании которой якобы заинтересован лишь Советский Союз, будто бы рассматривающий ее как свою вотчину и навязывающий странам-членам экономическую интеграцию, ограничивающий их суверенитет и право на развитие их национальной экономики»⁷.

⁷ «Жэньминь жибао», 20.V.1976.

Следует подчеркнуть, что антисоветизм, которым густо приправлены блюда пекинской пропагандистской кухни, выпускающей такого рода «продукцию», служит лишь внешним прикрытием для откровенных выпадов против суверенных социалистических государств, для высокомерных поучений в их адрес. В Пекине явно не могут примириться с тем, что братские страны не желают руководствоваться его рецептами, а выбирают тот внешнеэкономический курс, который отвечает коренным интересам их народов, интересам укрепления позиций мировой социалистической системы.

В этой связи полезно посмотреть, как оценивают значение интеграции для развития их национальных хозяйств сами страны СЭВ, «бедственное положение» которых китайская пресса расписывает особенно красочно. В статье заместителя Председателя правительства ЧССР Рудольфа Рогличека «Фактор ускоренного развития» читаем: «Объективные условия ныне таковы, что Чехословацкая Социалистическая Республика, как и другие государства — члены СЭВ, не может обойтись без интенсивного включения в международное разделение труда, в первую очередь социалистическое, не может обойтись без дальнейшего расширения и углубления специализации и кооперационных связей с братскими странами. Хозяйственное сотрудничество, социалистическая экономическая интеграция — важные факторы роста нашей экономики, достижения высокого технического уровня и дальнейшего повышения эффективности общественного производства»⁸.

Член ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, председатель Исполнительного комитета СЭВ Казимеж Ольшевски недавно писал: «При достигнутом уровне экономического потенциала интеграция стала необходимым и существенным фактором дальнейшего социально-экономического прогресса, отвечающим интересам каждой страны — члена Совета Экономической Взаимопомощи, так и всего содружества. Значение этого фактора закономерно возрастает по мере того, как экономика наших стран крепнет, становится все более зрелой»⁹.

В статье «За социалистическую экономическую интеграцию» секретарь Комиссии Совета Министров Венгрии по внешним связям Я. Сита подчеркивает, что «социалистической экономической интеграцией связаны все элементы нашего хозяйства. В настоящее время ни теоретически, ни практически нельзя разграничить, какие результаты экономического развития нашей страны и в какой мере являются следствием социалистической экономической интеграции, поскольку они просто неотделимы от прочих факторов экономического развития». В экономических связях нового типа, пишет далее автор, «последовательно реализуется принцип взаимной выгоды — ни одна социалистическая страна не стремится к получению односторонних выгод»¹⁰.

Как отмечает журнал «Румынская внешняя торговля», «Румыния развивала и развивает многоплановое тесное экономическое сотрудничество и кооперирование с социалистическими странами. Это сотрудничество занимает видное место в ее внешнеэкономических связях. Как член — учредитель СЭВ, Румыния активно содействует углублению экономического сотрудничества в рамках этой первой международной экономической организации социалистических стран и вносит свой вклад в дело выполнения Комплексной программы, направленной на развитие

⁸ «Правда», 17.V.1977.

⁹ «Проблемы мира и социализма», № 5, 1977, стр. 39.

¹⁰ «Figyelo», 11.V.1977.

народного хозяйства каждой страны в отдельности, на повышение уровня стран с менее развитой промышленностью, на сближение и выравнивание уровней экономического развития стран-участниц»¹¹.

Как известно, китайская пропаганда особенно плодотворна по части домыслов о положении Монголии в социалистическом содружестве. Разумеется, в Пекине не интересуются фактами, характеризующими МНР как динамично развивающуюся страну и показывающими роль содружества в обеспечении более высоких темпов ее экономического роста. А эти факты таковы. Только в текущей пятилетке с помощью Советского Союза в Монголии сооружается около 250 объектов. В итоге этого содействия и освоения новых мощностей в 1980 г. по сравнению с 1975 г. валовая продукция топливно-энергетической промышленности возрастет в 1,8 раза, горнорудной — в 6,7 раза, легкой и пищевой — на 33,2—40,7%¹². Растущее экономическое и научно-техническое содействие МНР оказывают и другие братские страны.

«Эффективное использование преимуществ тесного экономического сотрудничества и возрастающей экономической помощи Советского Союза и других братских стран на основе максимальной мобилизации внутренних ресурсов страны — надежный залог успешного решения намеченных партией планов построения социалистического общества в МНР», — подчеркивается в статье заместителя постоянного представителя МНР в СЭВ Ц. Давадоржа «Что дает Монголии участие в СЭВ»¹³.

Маоистская пропаганда, расписывающая в самых мрачных тонах тяготы, которые легли на плечи «малых и средних» стран, якобы непосредственно вовлеченных в СЭВ, всячески избегает сопоставления результатов экономического развития Китая, отгородившегося от социалистического содружества, и успехов выполнения народнохозяйственных планов в странах СЭВ. А сравнение это весьма поучительно.

Объем промышленной продукции стран — членов СЭВ в 1976 г. на 56% превысил уровень 1970 г., тогда как в развитых капиталистических государствах аналогичный показатель составил лишь 18%. Примерно на 20% возрос за те же годы объем сельскохозяйственной продукции¹⁴. На этой основе неуклонно растет жизненный уровень населения. Дальнейший прогресс экономики братских стран предусмотрен их народнохозяйственными планами на 1976—1980 гг.

Рост экономики всех стран СЭВ в целом сопровождается сближением их уровней хозяйственного развития, увеличением того вклада, который вносит каждая из этих стран в общий экономический и научно-технический потенциал содружества. Опыт прошедших лет подтвердил, что основным внешнеэкономическим фактором повышения хозяйственного и технического уровня в прошлом менее развитых стран социализма является их широкое участие в планомерном разделении труда, в формировании и развитии ведущих отраслей народного хозяйства с непрерывным учетом рациональной международной специализации и кооперирования производства. Развитие народного хозяйства ряда стран — членов СЭВ в текущем пятилетии характеризуется следующими данными:

¹¹ «Румынская внешняя торговля», 1977, № 1.

¹² См. Д. Ломбо. Главный фактор нашего развития и процветания. — «Новости Монголии», 18.III.1977.

¹³ Проблемы мира и социализма, № 10, 1976, стр. 72.

¹⁴ См. «Экономическая газета», 1977, № 8, стр. 20.

Т а б л и ц а

Основные показатели роста народного хозяйства ряда стран СЭВ
на 1976—1980 гг. (в %)¹⁵

	НРБ	ВНР	ГДР	ПНР	СРР	СССР	ЧССР
Национальный доход	40—45	30—32	27—30	40—42	65	26	27—29
Промышленное производство	55	33—35	34—36	48—50	70	36	32—34
Среднегодовой объем сельскохозяйственного производства	20	16—18	20	15—16	34—41	16	14—15
Капитальные вложения в народное хозяйство	50	25—26	29—31	37—40	77	26	25
Производительность труда в промышленности	50	30—32	30—32	—	55	31	—
Реальные доходы на душу населения	20—25	18—20	21—23	16—18	—	21	23—25

Для более ускоренного подтягивания уровня экономического развития МНР и Кубы социалистическое содружество предусматривает целую систему мер. На XXX заседании Сессии СЭВ, проходившей в Берлине в июле 1976 г., правительства стран—членов СЭВ подтвердили готовность продолжать осуществление специальных мероприятий, направленных на ускорение развития и повышение эффективности экономики МНР и Кубы. Как отмечено в коммюнике о XXXI заседании сессии СЭВ (Варшава, июнь 1977 г.), «на основе предложений Республики Куба и Монгольской Народной Республики разрабатываются мероприятия, направленные на ускорение развития и повышения эффективности их экономики»¹⁶. Братские страны оказывают этим двум странам широкую и разнообразную помощь в развитии промышленного и научно-технического потенциала, а также традиционных отраслей экономики — животноводства в МНР и производства сахара на Кубе. Основные виды экспортной продукции МНР братские страны покупают по повышенным ценам. Монголия получает кредиты от Международного банка экономического сотрудничества и Международного инвестиционного банка на гораздо более льготных условиях, чем другие страны СЭВ.

С каждым годом складываются все более благоприятные предпосылки для глубокого и органичного включения в социалистическую экономическую интеграцию и этих двух самых молодых членов СЭВ, условия строительства социализма в которых отличаются большой спецификой, связанной с состоянием и особенностями их экономики и другими факторами.

¹⁵ См. Б. Н. Ладыгин, Г. С. Остроумов. Укрепление единства, развитие сотрудничества и упрочение международных позиций социалистических стран. М., 1976, стр. 34.

¹⁶ «Правда», 25. VI. 1977.

Маоистская экономическая мысль, скованная и ограниченная мелкобуржуазно-националистическим подходом к социальным явлениям и процессам, оказалась не в состоянии подняться до понимания объективного характера тенденции выравнивания экономических уровней социалистических стран. В 1960 г. в замечаниях к советскому учебнику политэкономии Мао Цзэ-дун с недоумением вопрошал: «Каким образом можно добиться выравнивания, если в странах неодинаковое население, различны экономические ресурсы, неодинаковые исторические условия, если в одних из них революция произошла раньше, в других позже?» Как неотразимое подтверждение абсолютной правомерности своего недоумения Мао приводил следующее рассуждение: «Допустим, что у одного отца больше десяти сыновей, одни из них высокие, а другие низкорослые, одни старше, другие моложе, одни умнее, а другие глупее. Как можно их выровнять?»¹⁷.

Трудно, конечно, вообразить, что человек, которому в Китае приписывают честь разработки целостной теории строительства социализма¹⁸, не подозревал о существовании критериев, позволяющих оценивать уровень экономического развития стран, независимо от их демографических, исторических, территориальных и прочих различий. Но факт остается фактом: ни сам Мао, ни его последователи не смогли ни понять, ни принять ту истину, что «социалистическое движение... творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»¹⁹.

Мелкобуржуазная сущность маоизма предопределила его узкий, замкнутое провинциальный, националистический подход к проблемам мирового развития и к проблемам развития социализма как мировой системы государств. В борьбе с интернационалистами в КПК маоистское крыло китайского руководства с самого начала демонстрировало свое негативное отношение ко всем мерам социалистических стран, отражавшим объективный процесс интернационализации хозяйственной жизни. До 1956 г. руководство КНР вообще не высказывало своего отношения к СЭВ и не принимало участия в его работе. Однако по мере нарастания темпов социалистического строительства в Китае, по мере повышения роли внешних связей в ходе этого строительства интернационалистические силы в руководстве КНР, все более укреплявшие свои позиции, сумели добиться некоторого перелома в отношении Пекина к экономической интеграции социалистических стран. В пункте 16 предложения VIII съезда КПК по второму пятилетнему плану (1958—1962) было записано, что «разделение труда и кооперирование в области экономики, техники, научно-исследовательской работы и т. д. позволяет полностью на взаимных началах использовать материальные ресурсы, потенциальные возможности производства и научно-технические достижения этих стран и тем самым ведет к ускорению развития народного хозяйства, к общему подъему экономики и культуры стран социализма, возглавляемых Советским Союзом»²⁰.

¹⁷ Чтобы как-то подорвать доверие к теоретической обоснованности процесса выравнивания экономического уровня социалистических стран, «Жэньминь жибао» 18 мая 1976 г. туманно рассуждала о «переиздании пресловутой бухаринской теории равновесия».

¹⁸ «Жэньминь жибао», 16. IV. 1977.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 39—40.

²⁰ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», М., 1956, стр. 505.

С 1956 г. КНР начала посылать своих представителей на сессии СЭВ и участвовать в работе его постоянных комиссий. Однако Мао Цзэ-дун на разного рода закрытых совещаниях упорно стремился дискредитировать эту коллективную экономическую организацию социалистических стран. Выступая в Циндао 17 июля 1957 г., он заявил: «Нас приглашают принимать участие в экономических совещаниях (социалистических стран), некоторые товарищи, кажется, считают, что отказываться от участия нельзя. А чего ради участвовать? На обычные международные совещания мы посылаем только наблюдателей». В марте 1958 г. в связи с приглашением КНР на предстоявшее в мае того же года Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ с участием представителей всех других стран социалистической системы Мао Цзэ-дун вновь попытался бросить тень на СЭВ. В выступлении на совещании в Чэнду 9 марта он сказал: «Стоит ли участвовать в совещаниях 12 стран по сотрудничеству и вступать в официальные члены? Суть проблемы в том, действительно ли это взаимное сотрудничество, а участвовать или не участвовать (в совещаниях) — этот вопрос не так важен»²¹.

В упоминавшихся замечаниях к советскому учебнику политэкономии Мао Цзэ-дун утверждал уже вполне безапелляционно, что международное социалистическое разделение труда — «это плохой метод». В подкрепление данной оценки он написал следующее: «Мы не ставим так вопрос даже в отношении провинций. Мы выступаем за всестороннее развитие и не говорим, что каждой провинции не обязательно производить ту продукцию, потребность в которой удовлетворяется за счет поставок из других провинций». Лишь для очень маленьких стран Мао признал необходимым участие в разделении труда, ибо «развитие всех хозяйственных отраслей в экономическом отношении для них нерационально и невыполнимо». Дальше этих причин Мао в своих представлениях о необходимости и эффективности межрайонной и международной кооперации и специализации так и не поднялся.

С 1961 г. КНР начала свертывать связи с СЭВ. В 1962 г. она отказалась принять участие в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ, на котором были приняты «Основные принципы международного социалистического разделения труда». Отказ мотивировался тем, что Китай должен создавать целостную систему хозяйства и что будто бы специализация порождает условия для давления одной страны на другую экономическими средствами. Подобная мотивировка была приведена, хотя в Пекине прекрасно знали, что принципы социалистического разделения труда ни в коей мере не препятствуют созданию целостных комплексов экономики в социалистических странах, не ущемляют их государственного суверенитета. В «Основных принципах...» совершенно четко записано, что «имеются благоприятные условия не только для последовательного и планомерного углубления разделения труда между странами, но и для образования в каждой из них рационального комплекса взаимосвязанных и взаимодополняющих отраслей народного хозяйства».

К открытым выпадам против интеграционных мер, принимавшихся социалистическими странами, китайское руководство начало прибегать со времени публикации известного маоистского документа «Предло-

²¹ Явно вразрез с этими заявлениями Мао Цзэ-дуна «Жэньминь жибао» 20 мая 1958 г. писала: «Международное разделение труда, существующее между странами СЭВ, обеспечивает каждой стране рациональное использование природных богатств и потенциальных ресурсов экономики, укрепляя экономическую мощь социалистического лагеря».

жение о генеральной линии международного коммунистического движения» (июнь 1963 г.). Объективную историческую тенденцию к интернационализации хозяйства, получающую самый широкий простор именно при социализме и коммунизме, авторы этого документа попытались представить как некое волюнтаристское стремление перенести в социалистическую систему «существующую во взаимоотношениях между капиталистическими странами практику» и даже рассматривать «так называемую интеграцию и «Общий рынок» в качестве образца»²².

В последующие годы любой новый шаг социалистических стран в направлении развития и углубления их экономического сотрудничества китайское руководство неизменно интерпретировало именно в этом духе, изображая социалистическую экономическую интеграцию и интеграционные процессы в капиталистическом мире как однотипные по социальному содержанию явления, твердя, что-де под разрушительным воздействием экономической интеграции другие «страны — члены СЭВ переживают резкий упадок промышленного и сельскохозяйственного производства, с каждым днем ухудшается их экономическое положение»²³, что якобы интеграция осуществляется в интересах только Советского Союза²⁴, экономика которого тоже будто бы находится в тупике.

Подобные высказывания китайской печати, повторяемые из месяца в месяц на протяжении многих лет, отражают только одну реальность, а именно — стремление пекинского руководства бросить тень на социалистическое содружество и прежде всего на роль СССР в нем.

Реальности же, которые маоистские оценки социалистической интеграции призваны исказить, состоят не только в том, что экономика стран — членов СЭВ самая динамичная в мире. СЭВ убедительно демонстрирует превосходство нового типа международных экономических отношений. Так, актуальнейшая мировая экономическая проблема наших дней — проблема сырья, топлива и энергии — стала поистине проблемным камнем эффективности интеграционных связей, развивающихся в обеих мировых системах. Социалистическое содружество уверенно выдержало это испытание. Л. И. Брежнев в речи на XI съезде ВСРП (март 1975 г.) подчеркнул: «Опираясь на коренные преимущества социализма, мы имеем возможность подходить к решению возникающих в этой связи проблем — например, вопросов цен или удовлетворения растущих потребностей в энергии и сырье — по-своему, по-социалистически, добываясь, чтобы экономика братских стран была максимально ограждена от вредных последствий кризиса в мире капитала».

Взаимные поставки топлива, сырья и материалов между странами — членами СЭВ возросли за пятилетие 1971—1975 гг. более чем вдвое и превысили 12,5 млрд. руб., что позволило удовлетворить подавляющую часть потребностей содружества в этих жизненно важных для современной экономики товарах²⁵.

Даже западноевропейской экономической интеграции беззастенчиво топили друг друга, отстаивая собственные интересы в период обострения энергетического и финансового кризиса, вынуждена была признать, что «сама природа» СЭВ «поощряет его членов держаться друг за дру-

²² «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения», Пекин, 1963, стр. 49.

²³ «Жэньминь жибао», 7. VI. 1969.

²⁴ См. «Жэньминь жибао», 10. XI. 1975, 18. XII. 1976, 29. I. 1977.

²⁵ См. «Внешняя торговля», 1977, № 5, стр. 3.

га в бурю, вместо того, чтобы каждому в отдельности искать спасения, как это склонно делать западное сообщество»²⁶.

Реальности, сознательно искажаемые Пекином, состоят и в том, что социалистическое содружество, СЭВ, который китайская пропаганда изображает как «орудие для насаждения неокOLONиализма»²⁷, служат надежной опорой и союзником борьбы народов бывшей колониальной периферии империализма за укрепление своей независимости, за преодоление экономической отсталости. Как отмечает Х. Хуммель в статье «СЭВ и развивающиеся страны», страны — члены СЭВ оказали экономическое и техническое содействие почти 70 развивающимся государствам. При помощи СЭВ они построили более двух тысяч промышленных предприятий и объектов в основных отраслях своего хозяйства. При содействии СЭВ в развивающихся странах продолжается строительство еще около тысячи важных народнохозяйственных объектов. Эти страны получили по состоянию на 1. I. 1975 г. от государств — членов СЭВ долгосрочные кредиты на сумму 13 млрд. руб.²⁸

Содействие стран — членов СЭВ развивающимся странам²⁹

Предоставленные кредиты	13 млрд. руб.
Оказание содействия в строительстве	3000 объектов
в том числе:	
профессиональных учебных заведений	140
высших и специальных учебных заведений	51
машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий	180
Мощность установок для электростанций, сооруженных при содействии стран — членов СЭВ	8 млн. кВт. (35—40 млрд. кВт·ч в год)
Мощность объектов, сооруженных при содействии стран — членов СЭВ:	
для производства чугуна	14 млн. т в год
для производства стали	16 млн. т в год
для переработки нефти	18 млн. т в год
для добычи угля	20 млн. т в год
Число лиц, получивших профессиональное образование в странах — членах СЭВ	20 тыс.
Число лиц, повысивших свою квалификацию в странах — членах СЭВ	30 тыс., половина из них — инженеры
Число лиц, обучающихся в высших учебных заведениях за счет стипендиального фонда стран — членов СЭВ	700

Реальности, сознательно искажаемые китайской пропагандой, состоят и в том, что, исходя из достигнутых успехов интеграции, страны СЭВ свои планы дальнейшего развития теснейшим образом увязывают

²⁶ Цит. по кн.: Б. С. Родонов. Социалистическое содружество наций. М., 1975, стр. 26.

²⁷ «Жэньминь жибао», 12. II. 1975.

²⁸ «Wirtschaft», 1977, № 4.

²⁹ См. там же.

с расширением и углублением взаимного сотрудничества. В соответствии с тщательно скоординированными между странами СЭВ народно-хозяйственными планами на 1976—1980 гг. совокупный национальный доход данной группы государств возрастет на 30—34%, а промышленная продукция — на 42%. В абсолютном выражении такой прирост промышленной продукции превысит объем всего совокупного промышленного производства за 1966—1970 гг.³⁰ Именно на основе согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 гг., а также на основе планов двустороннего сотрудничества будут решены многочисленные кардинальные проблемы экономического развития стран СЭВ. При этом в текущей пятилетке еще больше возрастет роль СССР в решении, например, острых топливно-энергетических и сырьевых проблем стран СЭВ. Объем поставок из СССР топливно-энергетических ресурсов увеличится на 43%. (Это, пожалуй, самый краткий комментарий к маоистским домыслам о «разграблении» Советским Союзом сырьевых запасов стран СЭВ.) В то же время на 65% увеличатся взаимные поставки машин и оборудования, что окажет заметное влияние на процесс модернизации и обновления производственного аппарата всех стран СЭВ. Межгосударственная кооперация в производстве атомного и энергетического оборудования позволит увеличить к 1980 г. суммарную мощность атомных электростанций до 30 млн. кВт. На пятилетку и более длительный период разработаны основные направления научно-технического сотрудничества, которые включают более 100 важных комплексов тем³¹.

Намеченные странами СЭВ целевые программы сотрудничества призваны решить проблемы в топливно-энергетической и сырьевой областях, в области машиностроения, в обеспечении основными видами продовольствия, в расширении производства и взаимных поставок промышленных товаров народного потребления, в развитии транспортной сети. Рассчитанные на 10—15 лет, такие программы являются новым крупным шагом в укреплении и развитии материальной основы, в деле всесторонней консолидации социалистического содружества. Как подчеркивалось на съездах коммунистических и рабочих партий стран СЭВ, реализация перспективных планов социально-экономического развития этих стран немислима без взаимного сотрудничества, без совершенствования и углубления социалистической экономической интеграции. «Мы живем в мире, где интеграция стала единственно возможной альтернативой для любого народа, стремящегося достичь развития в области материальной культуры и науки и занять достойное место в будущем, — заявил Ф. Кастро в речи на открытии 79-го заседания Исполкома СЭВ в Гаване в январе нынешнего года. — ...Важно понять, что блага и возможности, которые предоставляет интеграция социалистических стран, до сих пор используются недостаточно, что нужно разрабатывать новые методы и программы, нацеленные на то, чтобы приумножить имеющиеся уже плоды согласованного планирования, специализации и начинающейся интеграции некоторых отраслей промышленности»³².

Успехи и все более широкие перспективы развития СЭВ вызывают в Пекине раздражение и ярость. Стремясь во что бы то ни стало очернить эту экономическую организацию братских стран, китайская пропаганда сплошь и рядом прибегает к фальсификации фактов, к откоро-

³⁰ «Коммунист», № 16, 1976, стр. 82.

³¹ Там же, стр. 83.

³² «Коммунист», № 4, 1977, стр. 78, 81.

венным подлогам. В частности, 31 января 1977 г. «Жэньминь жибао» опубликовала материал под заголовком «Совместное строительство в рамках СЭВ не пользуется авторитетом». Газета упоминает «некоторые публикации» и две книги, вышедшие в Болгарии, в которых якобы «указывается, что «совместное строительство» приносит пользу только одному Советскому Союзу». Никаких цитат, отражающих такую оценку, якобы содержащуюся в болгарских публикациях, газета не приводит, поскольку там их попросту нет. В данном случае, по мнению составителей информации, видимость правдоподобия антисоветским домыслам должна была придать «впечатляющая» ссылка на названия двух монографий.

В числе объектов совместного строительства, будто бы крайне разорительного для восточноевропейских стран, газета упоминает и Оренбургский газопровод. Но она, разумеется, обходит молчанием тот факт, что, например, Румыния, вполне обеспеченная собственным природным газом, тоже сочла выгодным для себя присоединиться к осуществлению совместного проекта.

Но, что бы там ни писали недоброжелатели социалистического содружества из Пекина, по мере развертывания деятельности СЭВ все ярче проявляется его роль как международной организации нового типа, раскрывающей все новые и новые грани эффективного экономического сотрудничества стран, строящегося на основе братской взаимопомощи, полного равенства, взаимной выгоды, уважения национальных интересов и суверенитета всех участников сотрудничества. Интернационалистский характер СЭВ, демократизм структуры и функционирования этой организации снискали ей международное признание. Все более активно участвует в работе СЭВ и его специализированных органов Югославия; систематически направляют своих наблюдателей на сессии СЭВ и другие формы этой организации СРВ и КНДР. Договорные отношения с СЭВ установили Иракская Республика, Мексика. Оформлено договором сотрудничество Финляндии с СЭВ. Экономическая организация социалистических стран получила статус наблюдателя в ООН.

На прочной основе быстро развивающихся экономических отношений, углубляющегося процесса хозяйственной интеграции усиливается взаимодействие стран социалистического содружества в области политики, идеологии, культуры. Все интенсивней становятся связи и контакты между руководством социалистических стран. Только за время после XXV съезда КПСС три раза — в Берлине, Бухаресте, Москве — встречались руководители братских стран. Продолжались их ставшие традиционными встречи в Крыму. В начале 1977 г. состоялась четвертая встреча секретарей ЦК по международным и идеологическим вопросам. В конце мая с. г. было проведено первое заседание Комитета министров иностранных дел стран Варшавского Договора. «Во всеобъемлющую работу по развитию сотрудничества братских стран, — подчеркнул Л. И. Брежнев в речи на XVI съезде профсоюзов СССР, — вовлечены не только центральные руководящие органы, но и практически все звенья нашего партийного, советского и хозяйственного организмов, а также широчайшая сеть общественных организаций, в том числе, конечно, и профессиональные союзы нашей страны»³³.

Безусловно, в ходе всестороннего сближения социалистических стран возникают проблемы, и подчас весьма сложные. Эти проблемы решаются коллективными усилиями коммунистических и рабочих пар-

³³ «Коммунист», № 5, 1977, стр. 12.

тий, братских народов. Их решение на подлинно интернационалистической и равноправной основе способствует росту сплоченности социалистического содружества на базе испытанных принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма.

* * *

Националистические силы, временно возобладавшие в руководстве КНР, не только застопорили движение своего народа по социалистическому пути, но и все более тесно блокируются с империализмом и реакцией в попытках подорвать позиции социалистического содружества. И хотя в лице китайского руководства империализм получил крупного и активного союзника, есть все основания констатировать, что потерпели крах их длительные совместные усилия, направленные на разъединение социалистического содружества. Оно встречает 60-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало эпохе освобождения человечества от социального и национального гнета, как самая динамичная сила современного мира, как незыблемый оплот сокровенных надежд людей труда на всей планете.

К итогам XXXIII сессии ЭСКАТО

*В. Л. Борисов,
И. А. Рогачев,
кандидат исторических наук*

Столица Таиланда — Бангкок принимала в апреле нынешнего года участников очередной XXXIII сессии Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Свидетельством крепнущего авторитета этой региональной комиссии явился широкий представительный характер сессии. Для участия в ней прибыли делегации 32 стран — членов и ассоциированных членов ЭСКАТО, а также наблюдатели от 17 не входящих в комиссию государств, в том числе Болгарии, Венгрии, Кубы, Польши, Чехословакии. Делегации 12 стран возглавлялись на уровне министров. На сессии присутствовали представители ООН и таких ее органов, как ЮНИДО, ЮНКТАД, ЮНЕП, ЭКЛА и др., всех специализированных учреждений и ГАТТ, 11 межправительственных организаций (СЭВ, Общего рынка и др.), а также 12 международных неправительственных организаций, в их числе ВФП, МКСП и ВКТ.

Впервые в работе сессии ЭСКАТО приняла участие делегация единого вьетнамского государства — Социалистической Республики Вьетнам. В число полноправных членов комиссии вошли два молодых независимых государства — Папуа—Новая Гвинея и Мальдивская Республика.

Председателем сессии был избран министр промышленности, торговли и образования Непала Х. Б. Гурунг, одним из его заместителей — заместитель министра иностранных дел Лаосской Народно-Демократической Республики Нуфан Симпасет.

Пожалуй, наиболее отличительной особенностью прошедшей сессии явилась дальнейшая активизация выступлений развивающихся стран региона за перестройку современных международных экономических отношений на началах равноправия и справедливости. Эти страны решительно ставили вопрос об обеспечении своих законных прав в мировой системе хозяйства. В выступлениях представителей СССР, других стран отмечалось, что неуклонное возрастание роли молодых независимых государств на международной арене стало возможным в результате коренного изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, последовавшего за этим улучшения мирового политического климата, приобретения сотен миллионов людей на всех континентах к активной общественной жизни. Нет сомнения в том, что положительное воздействие на общую атмосферу работы сессии оказали предпринимаемые Советским Союзом и другими социалистическими странами меры, направленные на укрепление мира и безопасности, углубление и материализацию разрядки, распространение ее на все районы мира. Благодаря этому и в Азии сейчас развиваются положительные тенденции, выражающиеся в стремлении разрешать спорные вопросы мирными средствами, укреплять взаимопонимание и сотрудничество как на региональном, так и субрегиональном уровнях между всеми странами района. Это нашло непосредственное отражение при обсуждении на сессии проблем, имеющих жизненно важное значение для народов Азии и бассейна Тихого океана. Комис-

сия подчеркнула, что «всеобщий мир и безопасность содействуют международному сотрудничеству и создают благоприятные условия для экономического и социального развития района».

В повестку дня были включены такие вопросы, как оценка социально-экономического положения в странах Азии и Тихого океана в плане осуществления задач II десятилетия развития; комплексная программа развития сельских районов; экономическое сотрудничество между развивающимися странами региона; деятельность Комиссии в истекшем году в области промышленности, сельского хозяйства, планирования, торговли, судоходства, транспорта и связи, природных ресурсов, социального развития, народонаселения и статистики; региональные учебные и исследовательские институты и центры ЭСКАТО; осуществление региональных проектов; программа работы Комиссии на 1978—1979 гг. В ходе развернувшейся дискуссии многие делегаты в своих выступлениях затрагивали как международные аспекты этих вопросов, подчеркивая необходимость перестройки международных экономических отношений, так и внутреннее, указывая прежде всего на неотложность разработки и осуществления национальных планов экономического развития, нацеленных на разрешение социальных задач.

* * *

При обсуждении вопроса об экономическом положении стран региона Комиссия констатировала, что, несмотря на некоторое улучшение экономических показателей в истекшем году, среднегодовые темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства значительно отстают от уровня, предусмотренного в рамках Второго десятилетия развития ООН; продолжается рост инфляции, внешней задолженности, безработицы.

В подготовленном секретариатом Комиссии обзоре выполнения заданий Второго десятилетия развития ООН в районе ЭСКАТО справедливо указывалось, что одним из главных факторов, негативно влияющих на развитие стран региона, является неустойчивость мирового капиталистического хозяйства. Характерно, что даже относительное улучшение в 1976 г. экономических показателей ряда развивающихся стран района связано прежде всего с цикличным, нестабильным развитием экономики капитализма и поэтому не может рассматриваться как долгосрочная перспектива. Привязанность развивающихся государств к мировому капиталистическому рынку тормозит создание ими подлинно национальной экономики, делает их наиболее уязвимыми для хронических кризисных явлений, переживаемых капиталистическим миром.

В выступлении главы советской делегации, посла СССР в Таиланде Б. Л. Ильичева было вновь подчеркнуто, что для достижения экономической самостоятельности стран региона первостепенное значение имеет последовательное осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований, в частности, в области укрепления государственного и кооперативного секторов, расширения плановых основ хозяйствования, ограничения деятельности иностранного капитала. Эта мысль была проиллюстрирована богатым фактическим материалом, достижениями СССР в социальной и экономической областях за 60 лет Советской власти.

На рассмотрение делегатов был представлен доклад Секретариата по вопросу о региональной стратегии Третьего десятилетия развития ООН, в котором в качестве главной цели выдвигались задачи удовлетворения «основных потребностей» человека, «экономического роста при социальной справедливости». Основное внимание в докладе уделялось

сельским районам, в которых проживает подавляющее большинство населения развивающихся азиатских стран.

Представители капиталистических государств активно поддерживали эту концепцию, явно стремясь использовать трудности азиатских стран для того, чтобы затормозить начинающийся процесс индустриализации развивающихся стран, закрепить их в положении поставщиков сырья и рынка сбыта своей промышленной продукции.

Делегаты развивающихся стран, выступая за необходимость увязки экономического роста с разрешением социальных задач, вместе с тем придерживались различных позиций по вопросу о том, на что должно быть нацелено Третье десятилетие развития. Например, Индия, Иран, Индонезия указывали на необходимость более широкого комплексного подхода к этому вопросу с учетом долгосрочных целей развития, подчеркивали значение индустриализации как прочной основы прогресса. Другие — Малайзия, Шри Ланка высказывались за то, чтобы во главу угла стратегии развития поставить задачу практической реализации в полном объеме решений ООН об установлении нового международного экономического порядка, причем некоторыми отмечалось, что он должен дополняться и новым национальным экономическим порядком. Представители ряда малых стран — Папуа — Новой Гвинеи, Непала соглашались с запиской Секретариата, настаивая попутно на необходимости и впредь учитывать особые нужды островных и внутриконтинентальных стран.

Советская делегация поддержала высказанную рядом развивающихся стран идею тесной увязки планов экономического развития с разрешением социальных задач. Советский Союз выступает за то, чтобы социальные цели III Десятилетия были четко определены и отвечали коренным долгосрочным интересам народных масс, чтобы планы экономического роста, призванные обеспечить достижение поставленных социальных целей, исходили из реальных материальных ресурсов. Было вновь отмечено также первостепенное значение прогрессивных преобразований для развития производительных сил — основы устойчивого экономического роста.

Из-за существенных разногласий в подходах к направлениям развития предложенный Секретариатом проект резолюции «Региональная стратегия развития на 1980-е годы с акцентом на борьбу с нищетой» был снят с обсуждения. Комиссия поручила Исполнительному секретарю Д. Б. Марамису изучить возможность созыва на высоком уровне встречи плановиков стран ЭСКАТО для «формулирования эффективной стратегии на 1980-е годы с целью содействия росту при социальной справедливости».

* * *

Считая установление нового международного экономического порядка важным фактором, призванным способствовать достижению целей экономического и социального развития, страны региона ЭСКАТО выражали неудовлетворение по поводу отсутствия прогресса в деле осуществления соответствующих решений VI и VII спецсессий Генассамблеи ООН, IV сессии ЮНКТАД. В их выступлениях содержалась критика негативной позиции, занятой в данном вопросе развитыми капиталистическими странами, которых обвиняли в том, что они стремятся уйти от конкретных действий, прикрываясь затяжными переговорами типа Парижской конференции по экономическому сотрудничеству. Один из ораторов сравнил переговоры, которые ведет Запад, с ярмарочной каруселью, сопровождаемой громким шумом шарманки — буржуазной прессы, радио,

телевидения — о «доброй воле», якобы проявляемой развитыми капиталистическими странами. Представители развивающихся стран давали понять, что в случае отсутствия прогресса в новом туре парижских переговоров и на совещании лидеров семи главных капиталистических государств в Лондоне им придется занять более решительную позицию по вопросам перестройки международных экономических отношений на XXXII сессии Генассамблеи ООН.

Известно, что Советский Союз с первых дней своего существования выступает за перестройку международных экономических отношений на основе равноправия и справедливости. Фундамент этой принципиальной позиции был заложен В. И. Лениным, который указывал, что социализм создаст «совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета».

Представители СССР и других стран социалистического содружества в своих выступлениях констатировали, что в том, что касается установления нового международного экономического порядка, как и во многих других областях, интересы социалистических и развивающихся стран сходятся. Участники сессии с интересом восприняли сообщенные делегацией СССР данные о разносторонней помощи Советского Союза странам района с учетом конкретных условий каждой страны и своих возможностей. На плановой основе развивается экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с 21 страной Азии, в том числе с Монгольской Народной Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Афганистаном, Бангладеш, Бирмой, Индией, Ираном, Малайзией, Непалом, Пакистаном, Шри Ланкой и др. Причем это сотрудничество носит с согласия обеих сторон целенаправленный характер. Около 90% всего объема экономического и технического содействия СССР развивающимся странам приходится на сферу производства, в том числе свыше трех четвертей на развитие промышленности и энергетики. Советский Союз еще 10 с лишним лет назад отменил все тарифы на товары из развивающихся стран, причем предоставляет наибольшие льготы их промышленному экспорту. За последние годы среднегодовые темпы прироста импорта в СССР готовых изделий из развивающихся стран составляют от 20 до 35%.

СССР оказывает развивающимся странам — членам ЭСКАТО содействие и в области подготовки национальных кадров. В дополнение к двусторонним соглашениям со многими странами Азии Советское правительство ежегодно предоставляет Комиссии десять стипендий для обучения в высших учебных заведениях СССР граждан развивающихся стран района. Готовится практическая реализация разработанного совместно с Секретариатом ЭСКАТО перспективного плана ежегодного проведения в СССР 4—5 семинаров для повышения квалификации специалистов развивающихся стран Азии.

Представитель СССР заявил, что наша страна и впредь намерена развивать сотрудничество со странами района в рамках ЭСКАТО, активно участвовать во всех направлениях деятельности Комиссии. Эти вопросы были всесторонне обсуждены в Москве с Исполнительным секретарем ЭСКАТО Д. Б. Марамисом во время его визита в Советский Союз в 1976 г.

* * *

В работе сессии нашла свое отражение нарастающая тенденция к развитию сотрудничества между самими развивающимися странами.

Этой теме было уделено серьезное внимание при обсуждении вопроса о региональном, субрегиональном и межрегиональном сотрудничестве.

В докладе Секретариата отмечалось успешное развитие в районе ЭСКАТО субрегиональных экономических группировок, давалась положительная оценка деятельности при участии или содействии ЭСКАТО Ассоциации стран-производителей натурального каучука, Сообщества по перцу, Азиатско-тихоокеанского кокосового сообщества. В дни работы сессии представители Индонезии, Малайзии и Таиланда подписали соглашение о создании центра оловодобывающих стран Юго-Восточной Азии. По инициативе ЭСКАТО образован Азиатский клиринговый союз. Ведется работа по созданию Азиатского резервного банка, Азиатской перестраховочной корпорации, региональной сети перестрахования экспортных кредитов. Вступило в силу Бангкокское торговое соглашение. В рамках Комиссии начинает действовать Региональный Центр по передаче технологии. В Индии создается Центр по грубым зерновым, бобовым и корнеплодам. Осуществляется проект совместного освоения бассейна реки Меконг прибрежными странами.

Комиссия приняла специальную резолюцию по вопросу экономического сотрудничества между развивающимися странами, соавторами которой выступили Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри Ланка и Непал. Рассматривая эту совместную инициативу государств Южной Азии на фоне уже сложившихся устойчивых торгово-экономических связей между ними, можно уже сейчас говорить о стремлении к активизации сотрудничества в южноазиатском районе, чему, несомненно, будет способствовать наметившийся прогресс в преодолении известных трудностей в двусторонних отношениях между некоторыми южноазиатскими странами.

Развиваются интеграционные тенденции в южной части Тихого океана. На сессии делегации Науру, Папуа—Новой Гвинеи, островов Кука, подопечной территории островов Тихого океана вместе с делегациями Австралии и Новой Зеландии выступили соавторами резолюции об участии развивающихся тихоокеанских стран в деятельности ЭСКАТО, в которой Исполнительному секретарю предлагается оказать содействие экономическому развитию этого субрегиона.

Делегаты развивающихся государств призвали Комиссию к поискам новых путей и форм развития межрегионального экономического сотрудничества между развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки для содействия достижению ими целей «коллективного самообеспечения» на основе решений «группы 77» и движения неприсоединения. Представитель Шри Ланки высказался также за развитие сотрудничества стран Региона со странами ОПЕК, сославшись на успешное проведение в марте с. г. первой афро-арабской конференции в верхах, на которой были приняты решения о финансовом содействии развитию африканских государств со стороны арабских нефтедобывающих стран.

Развитые капиталистические страны, особенно Япония, стремятся использовать растущие тенденции к субрегиональному сотрудничеству в различных странах Азии и Тихого океана в своих интересах.

Делегации социалистических стран, выступая в принципе в поддержку стремления развивающихся государств к развитию экономического сотрудничества между собой, как одного из важных инструментов более эффективного использования имеющихся у них ресурсов в целях развития, вместе с тем указывали, что этот процесс не должен вести к самонзоляции и противостоянию отдельных групп стран и ослаблению их экономического сотрудничества на общерегиональном уровне и со странами других районов. Эта мысль нашла отражение и в докладе Комиссии, где

указывается, что расширяя экономическое сотрудничество между собой, развивающиеся страны «должны интенсивно развивать торговые и экономические связи с другими странами с целью обеспечения рационального международного разделения труда».

* * *

Участники сессии уделили большое внимание обсуждению вопроса об интегрированной программе сельского развития. Представители капиталистических и ряда развивающихся стран (в частности, Таиланда, Индонезии, Малайзии) трактовали интегрированное сельское развитие прежде всего как программу мероприятий по обеспечению «основных нужд» населения путем улучшения снабжения продовольствием и культурно-бытового обслуживания на селе.

Советская делегация подчеркнула роль прогрессивных аграрных преобразований, интенсификации сельскохозяйственного производства, укрепления государственного и кооперативного секторов как радикальных средств развития производительных сил деревни и создания прочной базы для решения всех других проблем села. По инициативе СССР, поддержанной делегациями МНР, СРВ, ЛНДР, Индии, эта позиция отражена в принятой по данному вопросу резолюции, в которой подчеркивается значение аграрных реформ и кооперирования крестьянства для развития сельскохозяйственного производства и содержится поручение Исполнительному секретарю принять эффективные меры по обеспечению регионального вклада в подготовку к Всемирной конференции по аграрным реформам и сельскому развитию, включая изучение возможности созыва соответствующей региональной конференции.

Обсуждение вопросов промышленности, жилищного строительства и окружающей среды показало, что развивающиеся страны придают проблеме индустриализации возрастающее значение. Комиссия отметила, что процесс индустриализации должен основываться на плановом развитии базовых отраслей промышленности, учитывать наличие материальных и людских ресурсов. Представители Индии, Шри Ланки, Индонезии, Бирмы и ряда других развивающихся стран призывали уделять больше внимания развитию отраслей тяжелой промышленности, таких как металлургия, нефтехимия, отмечали необходимость более широкого использования местных природных ресурсов, внедрения современной технологии и оборудования. Здесь уместно сказать, что относительное улучшение экономического положения в минувшем году в регионе ЭСКАТО наблюдалось прежде всего в тех развивающихся странах, которые достаточно продвинулись в промышленном развитии. Иными словами, прочная индустриальная база позволяет эффективно противостоять пагубному воздействию кризисов мировой капиталистической системы. Показательно, что в то же время представители Австралии, Франции и других капиталистических стран говорили о нецелесообразности строительства крупных промышленных предприятий в развивающихся странах региона, призывали к «сдержанности» в финансовых затратах на индустриализацию. Комиссия приняла решение создать в этом году Региональную конференцию министров промышленности для обсуждения проблем индустриализации и дальнейшего развития сотрудничества в этой области между странами — членами ЭСКАТО.

Комиссия одобрила деятельность Секретариата по содействию созданию ведущих отраслей промышленности в наименее развитых странах, внедрению современной технологии в сельскохозяйственное производство, подготовке обзора по вопросам сотрудничества в осуществле-

нии региональных промышленных проектов, исследований в области развития промышленной технологии в регионе. Утвержден доклад о создании Центра по передаче технологии в Индии. Было принято решение о проведении в ноябре с. г. конференции министров промышленности стран ЭСКАТО, а также о подготовке к региональной конференции по вопросам законодательства в области охраны окружающей среды.

Комиссия призвала страны-члены принять активное участие в подготовке на региональном уровне к Конференции ООН по науке и технике в 1978 г. и отметила предложение советской делегации принять участие в подготовке соответствующих документов. В докладе также выражается благодарность Советскому Союзу за предложение провести в 1978 г. семинар по агропромышленным комплексам для специалистов развивающихся стран Азии.

Дискуссия в Бангкоке показала, что ЭСКАТО уделяет недостаточное внимание проблеме планирования развития. Подготовленный Секретариатом Комиссии небольшой документ по этому вопросу содержал лишь сообщение о планах подготовки исследования по региональной стратегии к III десятилетию развития и о создании подразделения Секретариата по транснациональным корпорациям. Делегаты развивающихся стран призвали Комиссию уделить больше внимания содействию национальным плановым органам, в том числе по линии учебных и исследовательских институтов ЭСКАТО. Заявление советской делегации о необходимости более широкого подхода Комиссии к проблемам планирования и активного содействия странам региона в укреплении плановых начал в экономике на основе изучения опыта всех стран ЭСКАТО получило поддержку ряда делегаций развивающихся государств, в том числе Индии, Шри Ланки, Филиппин.

В одобренной сессией программе работы запланирован созыв II сессии Комиссии ЭСКАТО по планированию в декабре 1977 г.

Комиссия отметила важное значение разработки природных ресурсов для национальных программ экономического и социального развития. Много выступлений было посвящено проблемам минеральных и водных ресурсов и электрификации, необходимости координации деятельности в этих областях с общими экономическими планами. Представители развивающихся стран призвали к принятию эффективных комплексных мер в области разведки, разработки, охраны природных ресурсов и нормализации рынков сырья. Участники сессии одобрили проводимую Секретариатом работу по развитию нетрадиционных источников энергии, методов дистанционной разведки полезных ископаемых. Комиссия с удовлетворением отметила готовность советской стороны провести в 1978 г. семинары по сельской электрификации, по бурению, а также сообщение о подготовке издания в СССР гидрогеологических карт Азии.

Сессия отметила большую работу, проводимую Комиссией в области транспорта. С удовлетворением говорилось о начале осуществления второго этапа проекта Трансазиатской железной дороги (ТАЖД), в ходе которого особое внимание будет уделено развитию национальных транспортных систем, выходящих на ТАЖД. Положительную оценку получила деятельность передвижной группы экспертов железнодорожного транспорта, в составе которой работали и советские специалисты. Эти группы, по просьбе правительств, выезжали в Непал и Иран. Представитель Афганистана сообщил о включении в национальный экономический план программы развития железнодорожной сети, которая соединит железные дороги Азии с Европой, через территорию Советского Союза.

Советская делегация подтвердила готовность СССР провести в 1977—1978 гг. семинары по развитию транспорта в сельских районах и по методам подготовки инженерно-технического персонала железнодорожного транспорта.

Что касается вопросов судоходства, то развивающиеся страны выступили с критикой политики западных линейных конференций, устанавливающих монопольные фрахтовые ставки. В этой связи была подчеркнута необходимость создания развивающимися государствами своих судоходных компаний, улучшения системы подготовки национальных кадров. Комиссия отметила значение эффективного использования внутренних водных путей в планах сельского развития.

Значительное внимание участников сессии привлекла тема социального развития и народонаселения. Комиссия отметила значение интегрирования социальных и демографических программ в общих социально-экономических планах, указала на необходимость изучать тенденции социального развития в регионе и принимать соответствующие рекомендации с учетом опыта стран, достигших успехов в проведении социальных преобразований. Представители развивающихся стран призывали к разработке стратегии обеспечения «экономического роста при социальной справедливости». Комиссия выступила за повышение роли женщин и молодежи в жизни общества и в этой связи приветствовала создание в Тегеране регионального Центра ЭСКАТО по вопросам участия женщин в процессе социально-экономического развития.

При обсуждении вопросов торговли в регионе делегации развивающихся государств выразили недовольство медленным осуществлением многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ, обвиняли развитые капиталистические страны в усилении протекционистских мер путем введения тарифных и нетарифных ограничений, установления количественных квот на импорт и требовали улучшения условий доступа своих товаров, в частности, готовых изделий, на рынки капиталистических государств.

Советская делегация высказалась в пользу развития взаимовыгодных торговых связей между всеми странами ЭСКАТО и приветствовала встречную инициативу развивающихся стран региона в развитии торговли с СССР, их усилия по изучению советского рынка с целью приспособления своих экспортных предложений к потребностям нашей страны, а также с целью расширения закупок советских товаров. Основными торговыми партнерами СССР из числа развивающихся стран региона ЭСКАТО в 1976 г. продолжали оставаться Индия, Иран, Афганистан и Малайзия, на долю которых пришлось около 87% всего внешнеторгового оборота СССР с указанной категорией стран. С Афганистаном, Ираном и Индией торговля осуществляется на основе долгосрочных торговых соглашений на период 1976—1980 гг., которые предусматривают расширение товарооборота и являются залогом дальнейшего увеличения взаимной торговли.

Значительную активность в вопросе стимулирования внешней торговли проявила делегация Индии, она поддержала инициативу Филиппин о созыве совещания по проблемам торговли в регионе на уровне министров и предложила провести его в Дели. Была принята резолюция, поручающая Исполнительному секретарю изучить возможность проведения такого совещания до XXXIV сессии ЭСКАТО.

При обсуждении вопроса региональных проектов внимание участников сессии сконцентрировалось на проблеме возобновления работы Комитета по освоению водных ресурсов бассейна реки Меконг, деятельность которого распространяется на территории СРВ, ЛНДР, Таиланда

и Кампучии. Комитет фактически не работал в связи с многолетней иностранной агрессией в Индокитае. В ходе сессии Комиссии между делегациями СРВ, ЛНДР и Таиланда был проведен ряд консультаций по вопросу возобновления деятельности Комитета. Несмотря на известную напряженность в отношениях между СРВ и ЛНДР, с одной стороны, и Таиландом — с другой, им удалось достигнуть взаимоприемлемой договоренности, которая и была отражена в совместном коммюнике трех стран, распространенном на сессии. В коммюнике, в частности, говорится, что до ожидаемого возобновления участия Кампучии в проекте СРВ, ЛНДР и Таиланд создадут временный трехсторонний Комитет по освоению Меконга и что будут проделаны переговоры между СРВ, ЛНДР и Таиландом во Вьентьяне по этому вопросу.

Комиссия с удовлетворением отметила достигнутую договоренность между тремя странами.

При обсуждении других региональных проектов Комиссия позитивно отнеслась к предложению советской делегации об оказании содействия Комитетам по разведке минеральных ресурсов в шельфовых районах Азии и Тихого океана в форме предоставления соответствующих данных, полученных в ходе запланированных экспедиций советских исследовательских судов в эти районы.

В результате обсуждения вопроса о деятельности региональных учебных и исследовательских институтов и центров Комиссия подчеркнула важное значение деятельности Азиатского института развития, Азиатского статистического института, Азиатского центра по социальному обеспечению и развитию, Азиатского центра по вопросам участия женщин в процессе развития в оказании помощи странам Азии и Тихого океана в вопросах социально-экономического развития и высказалась за необходимость улучшения координации их работы, поручив создающемуся объединенному Межправительственному совету институтов обратить на это особое внимание.

Как это уже бывало не раз в прошлом, попытку внести разлад в конструктивное обсуждение злободневных вопросов предприняла китайская делегация. Не выдвинув никаких практических предложений по разрешению стоящих перед государствами региона проблем социально-экономического развития, пекинский делегат обрушился с клеветой на политику мира, разрядки и разоружения. Китайское выступление было расценено как желание замаскировать трескучими «антигегемонистскими» разлагольствованиями свои великодержавные экспансионистские цели в районе Азии и Тихого океана.

Принятые XXXIII сессией ЭСКАТО решения, несмотря на ряд недостатков, в целом направлены на расширение и углубление сотрудничества стран района в области экономических, торговых и научно-технических отношений. Практическое претворение их в жизнь, несомненно, поведет к дальнейшему укреплению взаимопонимания в регионе.

Следует сказать, что конструктивный вклад в создание деловой обстановки на сессии был внесен делегациями Вьетнама и Лаоса. В их выступлениях, вызывавших широкий резонанс, были раскрыты маневры тех сил, которые хотели бы создать напряженность в отношениях между странами Индокитаея. Вьетнамская делегация официально предложила, чтобы представители СРВ и Таиланда провели во Вьетнаме встречу для обсуждения мер по выполнению тайско-вьетнамских соглашений от 6 августа 1976 г. Представители вьетнамского народа еще раз подчеркнули свою готовность развивать экономическое и техническое сотрудничество на базе взаимных интересов как в двусторонней, так и в многосторон-

ней форме со всеми странами, независимо от их социально-экономической системы.

Очередная сессия ЭСКАТО явилась заметным событием в жизни стран Азии и Тихого океана. Судя по ее итогам, представители развивающихся стран придают Комиссии все возрастающее значение в новой обстановке, складывающейся в этом районе. Они справедливо настаивают на том, чтобы эта региональная организация ООН активизировала свою деятельность по разработке концепций социально-экономического развития стран района и практических рекомендаций по их реализации. Советский Союз вместе с другими братскими социалистическими государствами энергично способствовал принятию на сессии таких решений, которые в наибольшей степени отвечали целям социально-экономического прогресса всех стран — членов ЭСКАТО, обеспечения их экономической и политической независимости, а также взаимовыгодного сотрудничества на основе мира и безопасности в регионе.

ИСТОРИЯ

Знаменательная страница истории народной революции в Китае

(к 30-летию начала стратегического наступления
китайских народных войск)

О. М. Михайлов

В июле 1947 года части Народно-освободительной армии Китая развернули широкое стратегическое наступление против вооруженных сил гоминьдановской реакции, располагавших широкой и разносторонней поддержкой американского империализма. Это наступление ознаменовало собой начало заключительного периода борьбы Китая за свое национальное освобождение.

Период 1946—1949 гг. занимает особое место в истории многолетней упорной борьбы китайского народа под руководством Коммунистической партии Китая против иностранных империалистов, китайских помещиков и компрадорской буржуазии. Одержав в этой борьбе решительную победу над гоминьдановскими войсками, китайский народ в октябре 1949 г. создал Народную республику и открыл для своей родины возможность осуществления глубоких прогрессивных социально-экономических преобразований.

Разгром в 1945 г. советскими войсками при поддержке вооруженных сил Монгольской Народной Республики, при участии народно-освободительных сил Китая и корейских партизан отборной Квантунской армии сыграл решающую роль в поражении милитаристской Японии и полном изгнании японских оккупантов с китайской земли, явился важнейшим международным фактором победы китайской революции. Освобожденная советскими войсками, Маньчжурия стала надежным военно-стратегическим плацдармом революционных сил Китая, новым политическим центром китайской революции, опираясь на который китайские коммунисты повели народ на решительную борьбу против прогнившего гоминьдановского режима.

Советский Союз, твердо следуя интернационалистскому курсу, оказал решающую помощь революционному движению Китая на наиболее ответственном этапе его развития. Эта помощь осуществлялась в дипломатической, политической, экономической и военной областях.

Международный фактор, и прежде всего поддержка борьбы китайского народа со стороны Советского Союза, мирового революционного движения, сыграл определяющую роль в достижении окончательной победы в Китае. Общая международная обстановка после разгрома фашистской Германии и особенно милитаристской Японии создавала весьма благоприятные условия для успешного развития китайской революции.

Исключительное и самое непосредственное значение для победоносного исхода освободительной борьбы китайского народа имела ликви-

дация основного плацдарма японского милитаризма на территории Китая — Маньчжоу-го, разгром Квантунской армии.

* * *

В конце июня 1946 г. после тщательной подготовки гоминьдановское правительство Чан Кай-ши с благословения своих американских покровителей начало широкие военные действия против освобожденных районов Китая. Для наступления на эти районы чанкайшисты сосредоточили 193 бригады (дивизии) общей численностью около 1600 тыс. человек — то есть 80% всех регулярных гоминьдановских войск¹. К началу августа 1946 г. гражданская война в Китае стала всеобщей.

Накануне развертывания военных действий соотношение сил для революционных войск, находившихся под контролем КПК, было неблагоприятным.

Регулярная армия гоминьдановцев насчитывала 2 млн. человек, кроме того имелось свыше 1 млн. солдат нерегулярной армии, более 1 млн. тыловых войск и персонала тыловых частей и учреждений — всего 4,3 млн. человек. Из 248 бригад регулярной армии 60 располагали новым американским вооружением. Гоминьдановцы контролировали все крупные города, основные линии коммуникаций, территорию с населением свыше 300 млн. человек.

Развязывая в стране гражданскую войну, гоминьдановские реакционеры уповали на широкую поддержку и помощь со стороны американского империализма. США предоставили Чан Кай-ши огромную военную и финансовую помощь, превысившую к 1949 г. 6 млрд. долларов. Сам сигнал к началу войны был подан из США: 14 июня 1946 г. государственный секретарь Бирнс внес в сенат «Законопроект о военной помощи Китаю», в соответствии с которым предусматривалось подготовить личный состав гоминьдановской армии и флота, предоставить гоминьдану техническую информацию, боеприпасы, вооружение и оборудование; 26 июня, когда комиссия по иностранным делам палаты представителей США одобрила законопроект, гоминьдановские реакционеры начали войну по всему Китаю. Хотя предлог для высадки американских войск в Китае — разоружение и репатриация японских войск — отпал к концу 1945 г., американские официальные представители прямо заявляли, что США не намерены выводить свои войска. Оккупация китайской территории, помимо пребывания морской пехоты в различных пунктах Северного Китая, включала и контроль над портами и аэродромами — по существу превращение их в военно-морские и военно-воздушные базы США. Порт Циндао был оккупирован американцами, объявлен запретной зоной и превращен в военно-морскую базу и стоянку 7-го тихоокеанского флота США. Американские войска неоднократно принимали непосредственное участие в военных действиях гоминьдановцев против народных войск; так например, т. н. аньпинский инцидент в июле 1946 г. перерос в настоящее сражение, длившееся несколько дней, в котором участвовала не только американская пехота, но танки и авиация. Личный состав ВВС США совершал на американских самолетах, переданных гоминьдану, боевые вылеты, бомбя и обстреливая как народные войска, так и мирное население. Американский флот и авиация производили интенсивную переброску

¹ Третья гражданская революционная война в Китае. Пер. с кит. яз. М., 1957, стр. 33

гоминьдановских войск в Северный Китай и Маньчжурию (Северо-Восточный Китай). Стремление США утвердить господствующее положение американского капитала в Китае полностью выявилось, когда 4 ноября 1946 г. в Нанкине был заключен китайско-американский договор о «дружбе, торговле и мореплавании»². По этому договору американские монополии получали свободный доступ и по существу неограниченные возможности для деятельности в любом районе Китая. Договор вызвал всеобщее возмущение в Китае. Известный китайский писатель Мао Дунь с полным основанием охарактеризовал его как «рабский». Американское вмешательство в Китае в союзе с гоминьдановской реакцией было направлено на то, чтобы затормозить и сорвать революционные процессы в Китае, подчинить интересы китайской нации иностранным и компрадорским монополиям, превратить Китай в плацдарм «холодной войны» и агрессии.

Народно-освободительная армия в это время насчитывала всего 1200 тыс. человек, уступая противнику в численности примерно в 3,5 раза, не говоря уже о значительном превосходстве гоминьдановских войск в вооружении и боевой технике. В освобожденных районах проживало всего 136 млн. человек и имелся всего один крупный город с населением свыше 500 тыс. человек (Харбин).

Революционные силы Китая не были одинокими перед лицом наступления гоминьдановской реакции, поддерживаемой американским империализмом. На их стороне были прогрессивные силы всего мира, на их стороне была разносторонняя и действенная помощь и поддержка Советского Союза. Разгром милитаристской Японии, решающую роль в котором сыграл СССР и его вооруженные силы, создал благоприятную обстановку для борьбы трудящихся Китая за дело народной революции. В период гражданской войны политика Советского правительства, его активные дипломатические акции воспрепятствовали развязыванию широкого и непосредственного военного вмешательства американских вооруженных сил в гражданскую войну. Советский Союз оказал эффективное содействие политическому, военному и экономическому укреплению Маньчжурской революционной базы, которая в ходе гражданской войны превратилась в главный плацдарм китайской революции и ее вооруженных сил; именно в Маньчжурии была создана основная ударная сила китайской революции — Объединенная демократическая армия, переименованная затем в 4-ю полевую армию. Интернационалистическая братская помощь оказывалась Китаю советским народом в тот период, когда Советский Союз еще не успел залечить тяжелые раны гитлеровского нашествия. «Известна большая помощь, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — оказанная нашей страной китайским коммунистам в их борьбе против японских агрессоров и китайской буржуазии. Известна и та роль, которую сыграл для победы народно-демократической революции в Китае разгром Советской Армией японских войск, оккупировавших Китай».

Военное превосходство гоминьдановцев позволило им в первые месяцы войны добиться определенных успехов и заставило Народно-освободительную армию ограничиться ведением оборонительных действий на всех фронтах. Освобожденные районы оказались в очень трудном положении³.

² Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае и ее поражение. (1945—1949 гг.). М., 1958, стр. 150—172.

³ В. П. Глунин. Третья гражданская революционная война в Китае. (1946—1949). М., 1958, стр. 67—69.

Развязав гражданскую войну, гоминьдановские реакционеры рассчитывали одним ударом, в течение короткого срока разгромить руководимые Компартией Китая народные войска, уничтожить освобожденные районы и установить свое господство на территории всей страны. В начале гражданской войны возглавлявший гоминьдановский генштаб генерал Чэнь Чэн заявил, что за пять месяцев он покончит в военном отношении с китайской компартией⁴. Но этим расчетам не суждено было осуществиться. Вследствие несправедливого характера развязанной чанкайшистами войны, органических пороков антинародного гоминьдановского режима и его откровенно лакейской позиции в отношении иностранного империализма, а также в результате братской разносторонней помощи революционным силам Китая со стороны КПСС, Советского Союза, временное превосходство гоминьдановских войск стало постепенно сходить на нет.

Компартия Китая призвала народ к защите освобожденных районов, сплотила широкие народные массы на патриотическую войну самообороны с тем, чтобы впоследствии превратить ее в мощное наступление революции. Сразу же после начала гражданской войны в освобожденных районах начала повсеместно и энергично проводиться аграрная реформа: только в 1946 г. в результате проведенной Коммунистической партией интенсивной политической и организационной работы землю получили 60 млн. крестьян. Крестьяне — бедняки, получившие землю, добровольно вступала в Народно-освободительную армию, в народное ополчение, обеспечивали потребности тыла народных войск, предоставляя гужевой транспорт, носилки и обслуживая их. В тылу гоминьдановских войск под руководством КПК развертывались партизанские действия против чанкайшистских воинских частей и помещичьих банд. Учитывая временное военное превосходство противника на фронтах боевых действий, командование войск КПК использовало тактику маневренной обороны, ставя своей основной целью не удержание или захват территории, а уничтожение живой силы противника. Народно-освободительная армия успешно использовала то обстоятельство, что гоминьдановское командование периодически концентрировало крупные силы на отдельных участках фронта, оголяя при этом другие участки; народные войска умело маневрировали, накапливали превосходящие силы на слабых участках противника, нанося ему серьезные потери в живой силе, захватывая вооружение и боеприпасы.

В результате огромной работы КПК по мобилизации народных масс на вооруженную патриотическую борьбу против гоминьдановской реакции, поддерживаемой американским империализмом, умелой и стойкой борьбы Народно-освободительной армии с ноября 1946 г. на фронтах гражданской войны стал намечаться перелом. Хотя гоминьдановские войска и пытались продолжать наступление на освобожденные районы, однако с ноября 1946 г. по февраль 1947 г. они не добились никаких успехов и фактически топтались на месте. Потеряв за восемь месяцев 700 тыс. человек, Чан Кай-ши был вынужден с марта 1947 г. прекратить всеобщее наступление и перейти к «наступлению на важные пункты»

В целом гоминьдановское «наступление на важные пункты» в провинции Шаньдун и в северной части провинции Шэньси (где находился «Особый район Китая» с центром в г. Яньань) привело к крупным потерям гоминьдановских войск, не дало чанкайшистам каких-либо решающих преимуществ и было в конечном итоге разгромлено народными войсками. Вместе с тем гоминьдановская группировка генерала Ху

⁴ «Жэньминь жибао», 4. IV. 1949.

Цзуи-наня заняла (19 марта 1947 г.) и длительное время удерживала город Яньань. Последнее обстоятельство способствовало фактическому перемещению центра революционной борьбы и политической деятельности КПК из экономически отсталого района северной Шэньси в Маньчжурию⁵, где местная группировка войск КПК постепенно превращалась в наиболее мощную ударную силу Народно-освободительной армии.

Маньчжурские войска народной армии, отбив наступление гоминьдановских войск, 13 мая 1947 г. сами перешли в наступление на противника и к концу июня, разгромив четыре дивизии (бригады) гоминьдановской армии и ряд нерегулярных частей противника, освободили 42 города, полностью изолировали войска противника в Чанчуне и Гирине; кроме того, гоминьдановцы были вынуждены вывести главные силы своих войск в Маньчжурии в район Шэньяна (Мукдена) и его пригородов. В итоге к этому времени в Маньчжурии, по оценке генерального штаба НОАК, «противник оказался в критическом положении».

К концу первого года войны стратегическое наступление гоминьдановских войск в Китае полностью провалилось. Потеряв 1120 тыс. солдат и офицеров, армия Чан Кай-ши сократилась с 4300 тыс. человек до 3730 тыс., ее воинский дух и боеспособность резко снизились; гоминьдановский режим в целом вступил в полосу глубокого военного, политического и экономического кризиса. В то же время Народно-освободительная армия выросла до 2 млн. человек, приобрела боевой опыт и улучшила свое вооружение, в т. ч. и за счет захваченных трофеев.

В целом в Китае к июлю 1947 г. создались благоприятные условия для перехода Народно-освободительной армии в стратегическое наступление, конечным итогом которого было свержение реакционного гоминьдановского режима, изгнание из Китая американских империалистов и образование 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Стратегическое наступление народных войск можно разделить на три этапа:

— с июля 1947 по август 1948 г. — начальный этап: перенесение военных действий с территории освобожденных районов на гоминьдановские районы;

— с сентября 1948 по март 1949 г. — решающий этап: уничтожение главных сил гоминьдановской армии, полное освобождение Маньчжурии и Северного Китая, выход Народно-освободительной армии на рубеж реки Янцзы на широком фронте;

— с апреля по декабрь 1949 г. — заключительный этап: уничтожение остатков гоминьдановских войск в Восточном, Центральном-Южном, Юго-Западном и Северо-Западном Китае, завершение освобождения континентального Китая и образование КНР.

На первом этапе стратегического наступления народных войск полевая армия освобожденного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань под командованием Лю Бо-чэна 1 июля 1947 г. форсировала реку Хуанхэ, разгромила 56-тысячную группировку противника и к концу августа вышла в горный район Дабешань у берегов р. Янцзы. В конце августа армейская группа народной армии под командованием Чэнь Гэна форсировала реку Хуанхэ на участке между Лояном и Тунгуанем и после трехмесячных наступательных боев создала в западной части провинции Хэнань новый освобожденный район. В начале сентября восточно-китайская полевая армия под командованием Чэнь И прорва-

⁵ О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база (1945—1949). К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, стр. 205.

ла оборону гоминьдановцев у Хэцэ и вышла в тыл противника в провинциях Хэнань и Аньхой, где был восстановлен освобожденный район Хэнань — Аньхой — Цзянсу. В конце декабря 1947 г. группировки Лю Бо-чэна, Чэнь Гэна и Чэнь И соединились в районе Сипин — Суйпин (на железной дороге Бэйпин — Ханькоу), в результате чего был образован обширный освобожденный район Центральной равнины с населением 30 млн. человек.

В конце августа 1947 г. перешла в наступление северо-западная полевая армия под командованием Пэн Дэ-хуая, с 10 сентября — группа войск в провинции Шаньдун, под командованием Сюй Ши-ю.

С сентября маньчжурская группировка войск КПК (северо-восточная полевая армия) под командованием Линь Бяо развернула успешное 50-дневное наступление, разгромив четыре армии гоминьдановских войск и другие части противника и возвратив 15 городов.

После этого стратегическое наступление Народно-освободительной армии стало всеобщим, и гоминьдановцы оказались вынужденными на всех фронтах перейти к обороне. С января 1948 г. по указанию американских военных советников гоминьдановское командование разбило весь район военных действий на 20 так называемых зон умиротворения, которые располагались вокруг важнейших опорных пунктов; все усилия были сосредоточены на обороне наиболее важных крупных укрепленных городов. Надежда остановить народные войска «неприступными крепостями» не оправдалась. Наступление Народно-освободительной армии в первой половине 1948 года непрерывно нарастало. Хотя в этот период командование НОАК по-прежнему считало своей главной задачей не захват территории, а уничтожение живой силы противника. Революционные войска в начале 1948 г. сумели захватить целый ряд гоминьдановских городов-крепостей: Юньчэн (7 февраля), Аньшань (19 февраля), Ян и Сыпингай (13 марта), Кайфын (16 июня) и др.

К концу лета 1948 г. соотношение сил сторонников гражданской войны существенно изменилось. Численность Народно-освободительной армии возросла до 2800 тыс. человек. НОАК добилась превосходства над противником в артиллерии, овладела тактикой штурма сильно укрепленных стратегических пунктов, намного выросли боевой дух, выучка и политическая сознательность воинов народной армии. Для лучшего управления народными войсками важное значение имела реорганизация прежних полевых армий Северо-Западного, Центрального, Восточного и Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) соответственно в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю полевые армии. Численность гоминьдановской армии все еще заметно превосходила НОАК, достигая 3600 тыс. солдат и офицеров. Однако в результате того, что им приходилось оставлять значительные силы в тылу для «поддержания порядка», а также держать ряд частей и соединений для обороны важнейших городов-крепостей, гоминьдановцы могли использовать на фронте лишь 1700 тыс. человек.

Это означало качественное изменение обстановки на фронтах. Успешное наступление Народно-освободительной армии, осуществление демократических преобразований и укрепление народно-демократического строя в освобожденных районах создали необходимые материальные и политические предпосылки для окончательной победы народно-демократической революции в Китае. Перед Народно-освободительной армией была поставлена задача окружить и полностью уничтожить или пленить главные силы чанкайшистских войск в Маньчжурии, Северном и Восточном Китае, воспретив их отход за реку Янцзы.

Успешное выполнение этой задачи по-существу обеспечивало свержение реакционного гоминьдановского режима во всем Китае.

В сентябре 1948 г. начался решающий этап стратегического наступления народных войск Китая, успешно завершившийся к апрелю 1949 г. В этот период Народно-освободительная армия осуществила три крупнейших наступательных операции по окружению и уничтожению основных группировок противника: Ляошэньскую (Ляоси-Мукденскую), Хуайхайскую (в Восточном Китае) и Пекин-Тяньцзиньскую. «В ходе этих трех операций Народно-освободительная армия нанесла противнику огромные потери в живой силе, разгромив более чем полуторамиллионную армию гоминьдана, полностью освободив Северо-Восток, очистив от врага большую часть Северного Китая и обширные территории в нижнем течении Янцзы на ее северном побережье, одержав военную победу решающего характера. Гоминьдан оказался на грани катастрофы как в политическом, так и в экономическом отношении»⁶.

В китайских публикациях последнего времени три указанные операции продолжают характеризоваться как имевшие решающее значение для победоносного завершения войны против гоминьдановцев. Так, например, в переданной агентством Синьхуа в январе с. г. статье «теоретического кружка» военной академии НОАК говорилось о том, что «в сентябре 1948 г. освободительная война вступила в этап решающих сражений», причем «решающая победа в освободительной войне» была одержана именно в результате проведения Ляошэньской, Пекин-Тяньцзиньской и Хуайхайской операции⁷.

Главную роль в достижении успеха на решающем этапе стратегического наступления Народно-освободительной армии сыграла маньчжурская группировка войск КПК (4-я полевая армия): из трех крупнейших стратегических сражений эта группировка выиграла два (Ляошэньское и Пекин-Тяньцзиньское)⁸. ее ведущая роль была обусловлена целым рядом факторов, важнейшими из которых были нижеследующие.

Она возникла и сформировалась в важном военно-стратегическом и промышленном районе страны — Маньчжурии. За 13 лет владычества японцев этот район стал обладать значительным военно-промышленным комплексом; там было сосредоточено более 60% тяжелой промышленности и 80% производства горнопромышленной продукции всего Китая. Сокрушив молниеносными ударами японскую Квантунскую армию, Советский Союз фактически передал этот важный военно-промышленный район революционным силам Китая⁹.

В 1945—1946 гг. в Маньчжурии находилась Советская Армия. В это время в исключительно благоприятной обстановке там проводились демократические преобразования, формировались, укреплялись, проходили необходимую подготовку революционные войска. После начала гражданской войны советские войска, находившиеся в Порт-Артуре, непосредственно прикрывали Маньчжурскую революционную базу с моря, с тыла.

Революционные войска в Маньчжурии были оснащены в достаточном количестве трофейным оружием и боеприпасами, захваченными Советской Армией у Квантунской армии, а также переданными по другим каналам. Советским командованием им были переданы все вооружение и боеприпасы, захваченные у разгромленных японских войска. Только на Забайкальском и 1-м Дальневосточном фронтах было взято свыше 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около

⁶ История современной китайской революции. Под ред. Хэ Гань-чжи. Пер. с кит. яз. М., 1959, стр. 582.

⁷ См. сообщение Синьхуа от 19. I. 1977 г.

⁸ О. Б о р и с о в. Указ. соч., стр. 143, 204.

⁹ Там же, стр. 202.

12 тыс. пулеметов, свыше 2 тыс. автомашин, 679 различных складов и много других трофеев. Чтобы в полной мере оценить преимущественное положение маньчжурской группировки войск КПК по сравнению с соединениями народной армии, действовавшими в других частях Китая, необходимо учитывать тот факт, что, по свидетельству китайских историков, все вооружение миллионной японской оккупационной армии в Китае (за пределами Маньчжурии) по условиям капитуляции оказалось в руках гоминьдановской армии¹⁰. Американский синолог У. Уитсон, касаясь вопроса о передаче Советской армией японского трофейного вооружения частям народных войск в Маньчжурии, подчеркивает, что группировка войск КПК в этом районе Китая «располагала с самого начала (гражданской войны 1946—1949 гг. — ред.) внушительным арсеналом современного вооружения». «Осенью 1946 года, — отмечает он, — когда другие группировки коммунистических войск все еще вели бои ради захвата у противника (гоминьдановцев) лучшего вооружения, войска Линь Бяо уже обладали японской тяжелой артиллерией и танками»¹¹.

Именно в Маньчжурии с ее мощным промышленным потенциалом была сосредоточена значительная часть китайского рабочего класса, действовали сильные партийные организации. Союз рабочего класса и трудового крестьянства при активной руководящей роли партийных организаций КПК явился надежной опорой основной ударной силы китайской революции — Объединенной демократической армии, переименованной затем в 4-ю полевую армию. Армейские соединения Маньчжурской группировки революционных войск, крепкие в классовом и партийном отношениях, были оснащены современным оружием, имели в своем составе ядро обученных командиров.

Советский Союз оказал непосредственное братское содействие политическому, военному и экономическому укреплению Маньчжурской революционной базы, ее превращению в мощный плацдарм революционных сил. Роль и значение этой базы возросли особенно в 1947—1948 гг., когда из-за падения Яньани центр революционной борьбы и политической деятельности КПК практически переместился из «Особого района Китая» в Маньчжурию. С советской помощью Маньчжурия превратилась в развитую военно-промышленную базу, которая удовлетворяла в экономическом и военном отношении нужды не только самой Маньчжурии, но и в определенной степени революционных сил других освобожденных районов Китая.

В связи с воздействием всех этих факторов совершенно закономерен тот факт, что именно маньчжурские вооруженные силы оказались в центре освободительной борьбы и с успехом выдержали экзамен, выиграв два из трех основных сражений с гоминьдановской армией на заключительном этапе революции и во взаимодействии с другими армейскими группировками принесли народу окончательную победу.

Решающий этап стратегического наступления народной армии (сентябрь 1948 г. — март 1949 г.) был открыт наступательными действиями Маньчжурской группировки революционных сил (4-й полевой армии).

12 сентября 1948 г. 4-я полевая армия под командованием Линь Бяо начала осуществление Ляошэньской (Ляоси-Мукденской) операции в Южной Маньчжурии стремительным ударом на город и порт Цзиньчжоу, который вскоре был полностью окружен. В результате всякое сооб-

¹⁰ Хэ Гань-чжи. Указ. соч., стр. 530.

¹¹ W. Whitson. The Chinese high command. A history of Communist military politics. 1927—71. N.-Y., 1973, p. 84—86.

щение (кроме воздушного) между гоминьдановскими войсками в Северо-Восточном и Северном Китае было прервано. План операции предусматривал изоляцию маньчжурской группировки армии Чан Кай-ши и уничтожение ее по частям в окруженных крупных городах. 5 октября Цзиньчжоу был взят штурмом.

17 октября часть гоминьдановского гарнизона в г. Чанчунь — 60-я армия численностью 26 тыс. человек во главе с командующим Цзэн Цзэ-шэном — восстала и перешла на сторону революционных войск. Остальная часть гарнизона численностью 57 тыс. человек капитулировала. Шэньянский (Мукденский) гарнизон гоминьдановских войск, состоявший из пяти армий общей численностью 100 тыс. человек, по приказу Чан Кай-ши попытался прорваться в Северный Китай, но был остановлен частями 4-й полевой армии в районе Хэйшаня. Тогда вся эта группировка повернула в сторону порта Инкоу, надеясь спастись морем, но 28 октября в районе Дахушань была достигнута и разгромлена. 87 тыс. человек во главе с командующим группировкой были взяты в плен. К началу ноября 1948 г. части Народно-освободительной армии очистили от остатков гоминьдановских войск города Шэньян (Мукден) и Инкоу.

К 12 ноября 1948 г. Ляошэньская операция успешно завершилась. Вся Маньчжурия была освобождена за 52 дня. Отборные части гоминьдановской армии, насчитывавшие 33 регулярные и 10 нерегулярных дивизий численностью 472 тыс. человек, почти полностью сдались в плен. Завершилось освобождение важнейшего промышленного района Китая — центра металлургии, угледобычи, машиностроения, электроэнергетики, с развитой транспортной сетью. Одним из важных факторов победы НОАК в Ляошэньской операции была помощь СССР, в частности, в восстановлении железных дорог и мостов в Маньчжурии. Это облегчило концентрацию войск на нужных направлениях и их маневрирование. Перед революционными армиями из Маньчжурии открылся путь для наступления на крупнейшую опорную базу гоминьдановской армии в Северном Китае. Наступление революционных войск окончательно подорвало боевой дух и моральное состояние гоминьдановских войск.

Ляошэньское сражение оказалось тяжелым и, как показало дальнейшее развитие событий на фронтах, непоправимым ударом для военной машины гоминьдановцев.

Главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая Чжу Дэ следующим образом оценивал результаты и значение Ляошэньской наступательной операции, осуществленной маньчжурской группировкой революционных войск: «После этого гоминьдановская армия потеряла существовавшее долгое время свое превосходство в численности и стала уступать Народно-освободительной армии, достигшей численного превосходства над гоминьдановской армией. К этому времени общая численность гоминьдановских войск уменьшилась до 2900 тыс. человек, в то время как численность Народно-освободительной армии превысила 3 млн. человек. С этих пор ход войны начал быстро изменяться по всей стране»¹². В материале генштаба НОАК, опубликованном в Китае в июле 1949 г., подчеркивалось, что победа, одержанная в Ляошэньской операции, «имела решающее значение в освободительной войне китайского народа»¹³.

¹² Ч ж у Дэ. Как китайский народ разгромил вооруженную американским империализмом реакционную клику Чан Кай-ши. — «Народный Китай». т. 4, № 1—2, июль 1951 г., стр. 26—27.

¹³ Третья гражданская революционная война в Китае. Пер. с кит. яз. М., 1957, стр. 66.

7 ноября 1948 г. 2-я и 3-я полевые армии под командованием Лю Бочэна и Чэнь И начали проведение Хуайхайской наступательной операции. За 15 дней Народно-освободительная армия разгромила в районе восточнее и южнее Сюйчжоу восемнадцать гоминьдановских дивизий (178 тыс. человек) и создала непосредственную угрозу г. Сюйчжоу. Посланная на поддержку окруженным войскам Ду Юй-мина 12-я армейская группа не дойдя до места назначения была окружена и уничтожена в районе юго-западнее Босяня. Оборонявшие г. Сюйчжоу соединения под общим командованием генерала Ду Юй-мина 1 декабря оставили город и сделали попытку прорваться на юг, однако были вновь окружены и окончательно разгромлены северо-западнее Юнчэна. Генерал Ду Юй-мин был взят в плен. К 10 января 1949 г. уничтожение сюйчжоуской группировки гоминьдановских войск было закончено. За 65 дней Хуайхайского сражения Народно-освободительная армия разгромила 56 гоминьдановских дивизий общей численностью 555 тыс. человек. В результате Хуайхайского сражения был полностью освобожден Восточный Китай к северу от реки Янцзы (за исключением г. Циндао). Так была одержана вторая решающая победа народных войск.

Наконец, третье решающее сражение вновь было осуществлено Маньчжурской группировкой народной армии. 5 декабря 1948 г. 4-я полевая армия под командованием Линь Бяо при поддержке двух армейских групп Северного Китая развернула наступление на 400-километровом фронте от Тангу до Чжанцзякоу. К 21 декабря северо-китайская группа гоминьдановских войск под командованием генерала Фу Цзо-и была расчленена и заперта в Тяньцзине, Бэйпине (Пекине), Синьбаоане и Чжанцзякоу. 22 декабря был освобожден Синьбаоань, 24 декабря — Чжанцзякоу. В этих двух городах было уничтожено девять гоминьдановских дивизий (около 60 тыс. солдат и офицеров). 14 января 1949 г., после того как командующий тяньцзиньским гарнизоном отклонил предложение о капитуляции, войска 4-й полевой армии начали общий штурм Тяньцзиня. 15 января Тяньцзинь — самый крупный порт и промышленный центр Северного Китая с населением 2 млн. человек был взят. Из 130-тысячного гарнизона города никому не удалось вырваться из окружения. После этого положение бэйпинского гарнизона стало безнадежным, и Фу Цзо-и принял условия капитуляции. Переговоры о мирном освобождении Бэйпина начались еще в декабре 1948 г. Однако до падения Тяньцзиня Фу Цзо-и затягивал переговоры, надеясь прорваться в Суйюань или в Шаньси. В результате уничтожения главных сил личных войск Фу Цзо-и в Синьбаоане и Чжанцзякоу, а затем и взятия Тяньцзиня Фу Цзо-и пришлось пойти на заключение соглашения о мирном освобождении Бэйпина, который перешел в руки народа 31 января 1949 года.

Капитуляция 200-тысячного гарнизона Бэйпина явилась свидетельством военного и политического развала реакционного режима Чан Кайши и предвестником его близкой гибели. В результате успешного проведения Пекин-Тяньцзиньской наступательной операции была уничтожена отборная гоминьдановская группировка в Северном Китае в составе 50 дивизий (521 тыс. солдат и офицеров).

Таким образом, на решающем этапе стратегического наступления народных войск (сентябрь 1948 — март 1949 г.) в ходе трех крупнейших наступательных операций (Ляошэньской, Хуайхайской, Пекин-Тяньцзиньской), в которых основной ударной силой явилась маньчжурская группировка НОАК, были уничтожены главные силы гоминьдановской армии численностью свыше 1,5 млн. человек. В результате этих наступательных операций участь вооруженных сил гоминьдановской реакции была решена. После полного освобождения Маньчжурии и Северного

Китая и выхода соединений Народно-освободительной армии на широком фронте на рубеж р. Янцзы революционным силам оставалось лишь добить потрепанную и деморализованную гоминьдановскую армию и завершить освобождение страны.

Заключительный этап стратегического наступления НОАК, в ходе которого были уничтожены остатки гоминьдановских войск в Восточном, Центральном-Южном, Юго-Западном и Северо-Западном Китае, завершено освобождение континентальной части страны и образована КНР, начался после того, как мирное соглашение, предложенное компартией Китая, было отвергнуто гоминьдановцами. 21 апреля 1949 г. по приказу главнокомандующего Народно-освободительной армии Чжу Дэ соединения 2-й и 3-й полевых армий на широком фронте форсировали р. Янцзы, обошли с флангов гоминьдановскую столицу Нанкин и уже 23 апреля освободили город. Гоминьдановское правительство бежало в Шанхай, а затем в Кантон (Гуанчжоу).

27 мая после упорных боев соединения НОАК овладели Шанхаем; 150-тысячный гарнизон города был частично уничтожен, другая его часть сдалась в плен.

К концу июня 1949 г. весь гоминьдановский фронт распался на изолированные группировки. Отдельные попытки гоминьдановцев задержаться на промежуточных рубежах окончились провалом, и с июля НОАК после перегруппировки сил повела стремительное преследование и уничтожение остатков армий противника.

Главные бои в июле — октябре 1949 г. шли на центрально-южном направлении, где частям НОАК противостояла крупнейшая гоминьдановская группировка под командованием генерала Бай Чун-си, пытавшаяся любой ценой удержать Южный Китай. В июле 4-я полевая армия во взаимодействии с частями 2-й полевой армии начала мощное наступление на фронте в несколько сот километров — от Ичана до р. Ганьцзян с задачей очистить от войск противника Центральном-Южный Китай. Прорвав оборону противника и сломив его сопротивление в провинциях Хунань и Цзянси, соединения народных войск в начале октября разгромили остатки войск Бай Чун-си в районе города Хэньян и 12 октября освободили Кантон (Гуанчжоу) — крупнейший город Центрально-Южного Китая.

В июле 1949 г. в Северо-Западном Китае части 1-й полевой армии НОАК под командованием Пэн Дэ-хуая развернули широкое наступление против группировки гоминьдановских войск генерала Ху Цзун-наня. 26 августа был освобожден г. Ланьчжоу, а 5 сентября — центр провинции Цинхай г. Синин, после чего 1-я полевая армия двинулась на Синьцзян. Разгромив на подступах к Синьцзяну гоминьдановские войска генерала Ма Хун-куя, части 1-й полевой армии к концу октября без боя вошли в главный город Синьцзяна — Урумчи, поскольку местные гоминьдановские войска согласились порвать с гоминьданом и пошли на мирное освобождение Синьцзяна.

В ноябре — декабре 1949 г. части 1, 2 и 4-й полевых армий ликвидировали последний крупный очаг сопротивления гоминьдановцев в провинции Сычуань, куда отступили остатки войск генералов Ху Цзун-наня и Сун Си-ляна общей численностью свыше 250 тыс. человек. 30 ноября был освобожден Чунцин, а 27 декабря части НОАК взяли Чэнду — последнюю гоминьдановскую крепость на континенте.

Таким образом, в результате успешного завершения стратегического наступления народных войск к декабрю 1949 г. был освобожден весь континентальный Китай. Это означало победу народной революции, ко-

нец многолетней гражданской войны Китая, объединение страны и ее вступление в период мирного строительства.

Китайская революция, явившаяся частью мирового революционного процесса, нанесла сокрушительный удар по позициям империализма в Азии, в значительной мере способствовала изменению соотношения сил на мировой арене в пользу мира и социализма. Она дала новый толчок развитию национально-освободительного движения народов, их борьбе против империалистического рабства, за мир, демократию и социальный прогресс.

Китайская революция победила потому, что она развивалась под знаменем идей марксизма-ленинизма, Великой Октябрьской социалистической революции, открывших перед всем человечеством путь к освобождению от эксплуатации и национального угнетения. Коммунистическая партия Китая, тесно связанная с мировым революционным движением и руководствовавшаяся марксистско-ленинским учением, сумела сплотить вокруг себя широчайшие массы народа в борьбе за социальное и национальное освобождение. Китайская революция победила потому, что она пользовалась мощной поддержкой международного коммунистического движения, всех прогрессивных, миролюбивых сил. Огромную помощь и поддержку во всех областях делу китайской революции с самого ее начала оказали Советский Союз, Коммунистическая партия Советского Союза.

Решающую роль в создании благоприятных внешнеполитических предпосылок и условий для победы китайской революции сыграл разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Огромное значение для победы революции имели разгром Советской Армией совместно с монгольской Народно-революционной армией, китайскими и корейскими партизанскими отрядами миллионной Квантунской армии, освобождение Маньчжурии и создание там опорной военно-революционной базы.

Опыт всей многолетней дружбы и сотрудничества советского и китайского народов наглядно демонстрирует добрую волю Советского Союза, его дружеское отношение к китайскому народу, китайской революции и социалистическим завоеваниям, его желание, как сказал товарищ Л. И. Брежнев, «видеть Китай процветающей социалистической державой». И мы уверены, что китайский народ сможет добиться этого на путях дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Создание китайской Красной армии

(к 50-летию Наньчанского восстания)

---

*М. Ф. Юрьев,
доктор исторических наук*

1 августа — выдающаяся дата в истории китайской революции и ее вооруженных сил. В этот день в 1927 г. в городе Наньчане (центр провинции Цзянси) было поднято восстание нескольких руководимых коммунистами соединений национально-революционных войск, положившее начало армии китайских коммунистов — Красной армии Китая.

Создание вооруженных сил Коммунистической партии Китая произошло в результате всего хода развития китайской революции и было подготовлено целенаправленной деятельностью КПК в период проведения политики единого фронта с гоминьданом (1924—1927). В процессе осуществления тактики единого фронта влияние компартии на отдельные части Национально-революционной армии стало преобладающим. Они-то и составили костяк Наньчанского восстания и будущей Красной армии Китая.

После поражения в Наньчане произошли новые революционные выступления, организованные КПК: поднятые по решению Чрезвычайного совещания ЦК КПК (7 августа 1927 г.) крестьянские (иногда с участием рабочих и солдат) «восстания осеннего урожая» в Гуандуне, Хунани, Хубэе, Цзянси и некоторых других провинциях; рабоче-крестьянское восстание в Гуанчжоу — героическая Кантонская коммуна (декабрь 1927 г.); восстание в южной Хунани в январе 1928 г.; солдатские восстания в юго-западной Цзянси (начало 1928 г.) и в северо-восточной Цзянси (июль 1928 г.). В совокупности эти события, опыт которых частично был обобщен VI съездом КПК (июнь—июль 1928 г.), привели к образованию Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, на основе которой в 1937 г. были созданы 8-я и Новая 4-я армии Национально-революционной армии Китая, а в 1946 г. — Народно-освободительная армия Китая.

Однако переломным в этой цепи событий, в истории китайской революции, в истории КПК и ее армии было Наньчанское восстание. Поэтому день 1 августа отмечается в Китайской Народной Республике как день рождения Народно-освободительной армии Китая.

* * *

Весной и летом 1927 г. политическая ситуация в Китае отличалась крайней неустойчивостью, крупные победы революции сменялись тяжелыми поражениями. 21—22 марта в результате рабочего восстания и наступления Национально-революционной армии был освобожден Шанхай, а через три недели в том же Шанхае Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот, выступил против компартии и левого гоминьдана и одновременно продолжил борьбу с северными милитаристами. В провинциях Центрального Китая — Хубэе, Хунани, Цзянси, — где действовало правительство левого крыла гоминьдана, бурное развитие рабочего

и крестьянского движения вызвало ответную реакцию со стороны гоминьдановских и политических лидеров. Серия контрреволюционных выступлений вплоть до переворота в Ухане 15 июня 1927 г. привела, как стало ясно впоследствии, к окончанию революции 1925—1927 гг.

В этой трудной обстановке Коммунистическая партия Китая при помощи Коммунистического Интернационала приступила к перестройке своих рядов, сменила руководство, начала готовить контрудар по наступавшим силам реакции.

Сложность этой задачи определялась в целом неблагоприятным для КПК соотношением сил и, в частности, узостью позиций коммунистов в Национально-революционной армии. В условиях проведения в жизнь тактики единого национально-революционного фронта завоевание влиятельного положения в армии, руководимой гоминьдановским буржуазно-помещичьим генералитетом, наталкивалось на сильные препятствия. Руководство КПК не сумело или не успело их преодолеть. При подведении итогов революции на VI съезде КПК Цюй Цю-бо, выступавший с отчетным докладом ЦК, говорил о слабости работы КПК в войсках Национально-революционной армии¹. В докладе о военной работе была конкретизирована эта оценка².

Тем не менее нельзя забывать и о некоторых положительных результатах деятельности КПК в Национально-революционной армии. Одним из наиболее серьезных достижений партии в этой области стала подготовка командно-политических кадров из числа коммунистов (несколько сот человек по меньшей мере) в школе Вампу. В школе преподавали и вели политическую работу многие видные деятели КПК. Для подготовки военно-политических кадров КПК большое значение имела и работа советских специалистов — советников и представителей.

В школе Вампу уже в 1924 г. коммунисты Чжоу И-цунь и Ли Лао-гун создали общество «Искра» («Хосин шэ»), в которое вошли около 100 курсантов 2-го набора. В феврале 1925 г. был создан Союз молодых воинов Китая под руководством членов компартии Цзян Сян-юня (погиб во время Северного похода в 1927 г., командовал полком), Чжоу И-цуня, Ван И-фэя³. В политическом классе (факультете) училось 469 (по другим данным — 500) передовых курсантов, в том числе 99 коммунистов⁴. Выпускники школы Вампу направлялись на командную политическую работу в войска НРА, а также в качестве инструкторов в создававшиеся при профсоюзах и крестьянских союзах рабочие пикеты и крестьянские отряды самообороны. В дальнейшем они сыграли важную роль в организации восстаний против контрреволюционной власти и в военно-техническом руководстве ими.

В некоторых соединениях НРА коммунисты руководили политработой. Так, во 2-м и 6-м корпусах представителями партии гоминьдан (комиссарами) были коммунисты Ли Фу-чунь и Линь Бо-цуй. Наибольшим же влиянием КПК пользовалась в 4-м корпусе.

Важное значение имело формирование в ноябре 1925 г. в составе 4-го корпуса НРА отдельного полка под командованием коммуниста Е Тина⁵, сыгравшего выдающуюся роль в осуществлении Северного похода,

¹ Стенографический отчет VI съезда КПК. М., 1930, кн. 1, стр. 63.

² Там же, кн. V, стр. 3—5.

³ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 42, 245.

⁴ С. Калачев. Вампу. — «Кантон», № 1(10), стр. 181; Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае. М., 1961, стр. 131.

⁵ См. Е. В. Тесленко. Воспоминания о Е Тине. — В кн. На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев 1925—1945. М., 1974; М. Ф. Юрьев. Воин-интернационалист. — «Известия», 22. IX. 1967. В 1924 г. Е Тин по направлению Сунь Ятсена учился в СССР и вступил в это время в КПК.

в частности в захвате Уханя (сентябрь — октябрь 1926 г.). После взятия Уханя полк был развернут в 24-ю дивизию. Костяком ее служили несколько сот коммунистов и комсомольцев.

Наряду с 24-й дивизией Е Тина — основным соединением уханьского гарнизона — охранную службу в этом городе, ставшем с января 1927 г. резиденцией Национального правительства, нес полк под командованием коммуниста Лу Дэ-миня.

4-й корпус, в который входили и 24-я дивизия и уханьский охранный полк, был наиболее революционным из соединений Национально-революционной армии. Входившие в него части составили одну из главных сил восстания в НРА, которое руководство КПК намечало поднять вслед за крестьянскими восстаниями в четырех провинциях Южного и Центрального Китая⁶. В этих провинциях — Хубэй, Хунань, Цзянси, Гуандун — влияние компартии, профсоюзов, крестьянских союзов на массы в период революции 1925—1927 гг. было наиболее сильным. Впоследствии этот план пришлось изменить и ускорить выступление армейских частей, но и тогда оно рассматривалось как часть общего восстания в четырех провинциях⁷.

Подготовка к восстанию в НРА началась сразу же после антикоммунистического переворота в Ухане. Разработанный находившейся в Цзюцзяне группой членов ЦК КПК (Дэн Чжун-ся, Ли Ли-сань, Тань Пин-шань, Юнь Дай-ин) план предусматривал организацию восстания в расположенных в районе Наньчан—Цзюцзян частях армии Чжан Фа-куя и переход их в Гуандун для воссоздания там территориальной базы китайской революции. Этот план был сообщен в Ханькоу и одобрен членами Временного политбюро ЦК КПК (Цюй Цю-бо, Ли Вэй-хань, Чжан Го-тао, Чжан Тай-лэй, Чжоу Энь-лай)⁸. Был создан фронтовой комитет для руководства восстанием в составе Чжоу Энь-лая (секретарь), Е Тина, Ли Ли-саня, Тань Пин-шаня, Юнь Дай-ина⁹. Намечалось привлечь к участию в восстании либо бывшего командира 4-го корпуса, а с лета 1927 г. командующего 2-м фронтом НРА Чжан Фа-куя, либо командира 20-го корпуса НРА Хэ Луна¹⁰.

В связи с общей концентрацией войск уханьского правительства в Цзянси для операций против нанкинской армии Чан Кай-ши части, находившиеся в той или иной степени под влиянием КПК, «на законном основании» двинулись в район Наньчана.

Восстание в Наньчане началось рано утром 1 августа 1927 г. Основной силой повстанцев были три дивизии (6 полков) 20-го корпуса Хэ Луна, 24-я дивизия (3 полка) 11-го корпуса Е. Тина, 10-й учебный полк (две роты) Чжу Дэ 9-го корпуса, коммунистический отряд во главе с выпускниками уханьской Военной академии (бывшая школа Вампу). Их поддерживали два полка 25-й дивизии Ли Хань-куя и полк Чжоу Ши-ди 26-й дивизии 11-го корпуса, а также три полка 10-й дивизии Цай Тин-кая 4-го корпуса (в том числе 30-й полк под командой коммуниста Фан Цзяня). Всего эти войска насчитывали 16 полков численностью в 20—21 тыс.

⁶ Чжан Тай-лэй. Причины поражения в августовских событиях и некоторые выводы. Доклад на объединенном заседании провинциальных комитетов Южного бюро ЦК 15 октября (1927 г.). — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. X. 1927.

⁷ Там же.

⁸ Ли Ли-сань. История и уроки августовского поражения. — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. X. 1927.

⁹ На VI съезде КПК Чжоу Энь-лай говорил, что Тань Пин-шань не был членом фронтового комитета, но участвовал в его заседаниях в качестве председателя комитета народного движения (Стенографический отчет VI съезда КПК, кн. IV, стр. 6).

¹⁰ Хэ Лун вступил в КПК после начала восстания по рекомендации Чжан Го-тао и Чжоу И-цюня.

человек, в том числе примерно 1400 коммунистов (около 300 в 24-й и 25-й дивизиях, около 700 в 20-м корпусе, 400 в коммунистическом отряде). Н. А. Смоллов пишет, что в восстании участвовал охранный полк («полк жандармерии»), которым по совместительству командовал Чжу Дэ. Восставшие разоружили гоминьдановские войска (части 3-го и 9-го корпусов)¹¹.

В ходе Наньчанского восстания была сделана попытка возродить сотрудничество между КПК и левым гоминьданом во имя защиты идеалов национально-демократической революции. Руководящий орган назывался «Революционный комитет китайского гоминьдана», в его состав были включены 25 человек, в том числе 8 политических и военных деятелей гоминьдана (Сун Цин-лин и др.), не участвовавшие в восстании. Реально в состав Ревкома входили Чжоу Эн-лай, Чжан Го-тао, Ли Ли-сань, Тань Пин-шань, Чжу Дэ, Хэ Лун, Линь Бо-цюй, У Юй-чжан, Не Жун-чжэнь, Го Мо-жо. Начальником штаба (военного комитета Ревкома) был Лю Бо-чэн, начальником политотдела штаба — Чжан Шу-ши¹². В восстании участвовали также получившие в последующие периоды известность военные деятели КПК Чэнь И, Линь Бяо, Су Юй, Чжан Юнь-и, Чэнь Гэн.

Из Наньчана войска повстанцев двинулись на юг, в Гуандун, чтобы восстановить там революционную базу. Они выступили в составе трех корпусов: 20-го (командир Хэ Лун, представитель партии Ляо Гань-чжи, начальник политотдела, затем командир 3-й дивизии Чжоу И-цюнь), 11-го (командир Е Тин, представитель партии Не Жун-чжэнь), 9-го (командир Чжу Дэ). Главкомом был назначен Хэ Лун, командиром авангардной колонны — Е Тин. Политотдел возглавляли Юнь Дай-ин и Го Мо-жо, отдел политической охраны — Ли Ли-сань.

Во время похода через Цзянси в восточный Гуандун повстанцы испытывали большие трудности. За краткий период пребывания в Наньчане и в походе руководители восстания не смогли установить надежный контроль над всеми основными частями, развернуть политработу, укрепить комсостав. Большинство личного состава, как и в НРА, приходилось на наемников. Начались измены. Командир 10-й дивизии Цай Тин-кай (включенной в 11-й корпус Е Тина) увел свою дивизию к Чан Кай-ши, убив при этом около 50 коммунистов, в том числе командира полка Фан Цзяня. Изменником оказался и начальник штаба 20-го корпуса, который увел с собой полк¹³.

Исключительно тяжелыми были условия, в которых проходил переход: солдаты были сильно перегружены, в том числе оружием и боеприпасами, захваченными в Наньчане, страдали от жары, отсутствия медицинской помощи, нехватки продовольствия и воды. Они массами гибли

¹¹ Данные Ли Ли-саня, Чжоу И-цюня, Чжан Го-тао. — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. X. 1927; Н. А. Смоллов. Восстание в Наньчане и поход на Сватоу. — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 236; Большое число коммунистов в 20-м корпусе объясняется тем, что в его состав влились члены КПК, изгонявшиеся до и особенно после 15 июля 1927 г. из других частей НРА (М. Ф. Куманин. Наньчанское восстание. — В кн. Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае. Воспоминания. М., 1961, стр. 145. Автор — советский военный советник при штабе 20-го корпуса); Ли Ли-сань. Указ. соч.; Н. А. Смоллов. Указ. соч., стр. 234—235; Общая история периода новодемократической революции в Китае. Пекин, т. 2, 1960, стр. 10).

¹² Н. А. Смоллов. Указ. соч., стр. 236; Отчет Чжоу И-цюня. — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. X. 1927; Ху Хуа. История новодемократической революции в Китае. Пекин, 1953, стр. 215; Шэнь Цзэ-минь. Наньчанское восстание. — «Народный Китай», 1957, № 6, стр. 18.

¹³ Отчет Ли Ли-саня. — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. X. 1927; Н. А. Смоллов. Указ. соч., стр. 239; М. Ф. Куманин. Указ. соч., стр. 150.

в пути, дезертировали. За первые дни марша общие потери достигли трети всех сил повстанцев. Были потеряны или брошены все тяжелые пушки, тысячи винтовок, десятки тысяч патронов¹⁴.

Не удалось использовать и возможности крестьянского движения: Цзянсийский комитет КПК не сумел сообщить о восстании местным партийным организациям¹⁵.

И все же повстанческая армия героически сражалась с врагом, наносила ему сильные удары и пробилась через западную Фуцзянь в восточную часть Гуандуна. Здесь примерно 10 тыс. бойцов под командованием Чжу Дэ, Хэ Луна, Е Тина, Чжоу И-цуня, Чжоу Ши-ди в конце сентября вступили в бой в районе Чаочжоу—Шаньтоу с контрреволюционными войсками, намного превосходившими их и численно и вооружением, и были разбиты.

Наньчанское восстание потерпело поражение, главной причиной которого была неблагоприятная политическая обстановка, спад революционной войны. Военный перевес был на стороне изменившего делу революции гоминьдана. Его можно было бы компенсировать соединением военных действий революционных войск с рабочим и крестьянским движением, но этого добиться не удалось. Рабочий класс в основных центрах — Шанхае и Ухане — потерпел в апреле и июле 1927 г. тяжелое поражение и не мог активно выступить, а крестьянского движения в районах, через которые шла повстанческая армия, практически в это время не было. Ощущалась слабость политической работы в войсках и среди населения. Не оправдались и надежды на бурное развитие крестьянского движения в Гуандуне.

Ряд ошибок повстанческого руководства был связан с отсутствием информации о положении в стране. О Чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа оно узнало лишь через 1,5 месяца в Шаньтоу. Там же стало известно о решении ЦК КПК об отмене тактики восстаний под флагом возрождения революционного гоминьдана и выдвижении как пропагандистского лозунга Советов. Об отставке Чан Кай-ши 12 августа 1927 г. повстанцы узнали только через месяц¹⁶.

Поражение в восточном Гуандуне не сломило повстанцев. Чжу Дэ обратился к бойцам (1700—1800 человек) со следующими словами: «После поражения революции 1905 г. в России революция победила в России в 1917 г. Хотя китайская революция и потерпела поражение, но мы будем иметь свой 1917 г. Те, кто хочет бороться за победу революции, за мной»¹⁷. Отряд Чжу Дэ отступил через южную Цзянси в северный Гуандун, чтобы продолжить борьбу. 800—900 бойцов под командованием Е Тина отошли в уезд Луфэн в восточном Гуандуне. Хэ Лун и Чжоу И-цунь пробились в Гонконг, а затем в Шанхай, откуда были направлены ЦК КПК в западную Хунань для организации там крестьянского движения.

Наньчанское восстание, несмотря на поражение, сыграло важную роль в разработке военной политики КПК. Это был первый опыт создания вооруженных сил компартии путем откола от армии противника от-

¹⁴ Отчеты Ли Ли-сяня, Чжан Го-тао, Чжоу И-цуня. — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. IX. 1927.

¹⁵ Мяо Минь. Боевой путь Фан Чжи-миня. Пекин, 1958, стр. 53.

¹⁶ Документ ЦК КПК «Обстоятельства поражения войск Е Тина и Хэ Луна». — «Вестник ЦК [КПК]», № 7, 30. IX. 1927; Отчеты Ли Ли-сяня и Чжан Тай-лэя. — Там же; Стенографический отчет VI съезда КПК, кн. 1, стр. 79, 81. Мнение VI съезда КПК о тактических ошибках руководства восстанием изложены в Политической резолюции (Стенографический отчет VI съезда КПК, кн. VI, стр. 7).

¹⁷ Очерки по новейшей истории Китая (пер. с кит. яз.), М., 1956, стр. 95.

дельных частей коммунистами, занимавшими в них командные посты. Таким путем возникла часть соединенной Красной армии.

Другим источником их образования стали восстания, организованные коммунистами по решению Чрезвычайного совещания ЦК КПК 7 августа 1927 г. Это совещание, проведенное под руководством Цюй Цю-бо, сделало решающий шаг к переориентации партии и разработке ее стратегии и тактики (в том числе в военном вопросе) на новом этапе китайской революции. Одним из важнейших решений совещания была установка на организацию крестьянских восстаний и создание на их базе рабоче-крестьянской армии, руководимой коммунистами¹⁸. Эти восстания должны были (как Наньчанское) проходить под флагом левого гоминьдана. Повстанческие армии предполагалось образовать из отрядов самообороны при крестьянских союзах; воинских частей Национально-революционной армии, которыми командовали коммунисты или сочувствующие КПК гоминьдановцы; отрядов солдат, дезертировавших из реакционных армий. Главной силой должно было стать крестьянство. Цели восстаний — передача власти в деревне крестьянским союзам, ликвидация контрреволюционных элементов, передача бедноте собственности тухао, лешэнь, ростовщиков, земель крупных и средних помещиков, храмовых и общественных земель, уменьшение арендной платы мелким землевладельцам, аннулирование долгов, кабальных соглашений, поборов, роспуск миньтуаней и вооружение крестьян.

Главными очагами восстаний осенью 1927 г. были старые районы крестьянского движения в период революции 1925—1927 гг.: уезды Хайфэн и Луфэн на востоке Гуандуна, уезды Пинцзян, Люян, Лилин в восточной Хунани, Ичжан и другие уезды на юге Хунани, уезды Мачэн, Хуанъань, Сяоган на северо-востоке Хубэя, уезды Иян и Хэнфэн на северо-востоке Цзянси.

Обычно эти восстания называют крестьянскими. Однако их социальный состав был сложнее, в частности важную роль играли пауперы. Часто в восстаниях такого рода в качестве военного ядра участвовали отряды революционных солдат под руководством коммунистов.

В восточном Гуандуне крестьянские союзы уездов Хайфэн и Луфэн¹⁹ под руководством коммунистов Пэн Бая, Ло Ци-юаня, Ян Ци-шаня, Линь Дао-вэня ответили на контрреволюционный переворот в Гуанчжоу (15 апреля 1927 г.) восстанием в ночь на 30 апреля. Через 8—9 дней им пришлось отступить под давлением превосходящих сил противника в горную местность на стыке провинций Гуандун, Хунань и Цзянси, где была создана партизанская база²⁰. В Хайлуфэне нелегальный комитет КПК тайно закупал оружие; сезонные рабочие, отходники, батраки вооружались и обучались военному делу под руководством коммунистов — офицеров и бывших курсантов школы Вампу.

В середине августа коммунисты Хайлуфэна получили информацию о походе участников Наньчанского восстания в Гуандун и о решении ЦК КПК относительно организации «восстаний осеннего урожая», а также принятый Гуандунским комитетом КПК план восстания²¹. В начале сентября на сторону крестьян перешел взвод гоминьдановской части (солдаты полгода не получали жалованья и взбунтовались). Из солдат и крестьянских отрядов были образованы четыре колонны рабоче-кре-

¹⁸ Тезисы ЦК КПК о политическом положении и задачах партии. — Материалы по китайскому вопросу. М., 1927, стр. 9.

¹⁹ Эти уезды обычно объединялись под общим именем Хайлуфэн.

²⁰ А. М. М а л у х и н. Китайское крестьянство в революции 1925—1927 гг. М., 1974, стр. 159.

²¹ [Л о Ц и - ю а н ь]. Хайлуфэнский совет. Б/м, 1928, стр. 25—32.

стьянской армии, взявшие между 7 и 17 сентября ряд волостных центров и города Шаньвэй, Луфэн, Хайфэн²². Были созданы уездные и волостные революционные правительства и ревтрибуналы. Хотя повстанцы были вынуждены в конце сентября отойти из Хайфэна, Луфэна, Шаньвэя, в деревнях власть оставалась в их руках.

После поражения наньчанских повстанцев в восточном Гуандуне отряд Е Тина (1300—1400 солдат), пробившийся в районе Хайфэн—Луфэн, при помощи Хайлуфэнского комитета КПК был укреплен и объединился с крестьянскими вооруженными отрядами. Так была создана крепкая революционная воинская часть, которая 30 октября заняла Хайфэн, а также Луфэн и Шаньвэй, опираясь на поддержку городских рабочих, кули и бедняков-ремесленников и используя борьбу между гоминьдановскими генералами за Гуанчжоу²³.

7 ноября 1927 г. на съезде Советов рабочих, крестьян, солдат и городской бедноты было избрано советское правительство Хайлуфэна во главе с Пэн Баем. В Хайлуфэнском советском районе была образована 2-я дивизия китайской Красной армии во главе с Дун Ланом: три полка состояли из бойцов крестьянских отрядов, а 4-й полк — из солдат и офицеров отряда Е Тина²⁴.

После поражения в середине 1927 г. Кантонской коммуны 1200 солдат учебного полка (военное ядро повстанцев) прорвались из Гуанчжоу сначала в уезд Хуасян, а в январе 1928 г. — в Хайлуфэн. В пути из них была создана 4-я дивизия Красной армии Китая под командованием Е Юна (комиссар, или представитель партии Юань Го-пин, начальник политотдела Ван Кань-жу) в составе трех (10, 11, 12-го) полков²⁵. После соединения 2-й и 4-й дивизий в распоряжении Хайлуфэнского советского правительства имелись несколько тысяч бойцов с 2—3 тыс. винтовок, а также полувойсковая массовая, но плохо вооруженная организация «отряд красной самообороны» (около 38 000 членов в феврале 1928 г.) и молодежная организация «Авангард» для военного обучения молодых крестьян²⁶.

Однако этих сил оказалось недостаточно, и 20 февраля 1928 г. гоминьдановские войска, используя свое превосходство в силах и вооружении, заняли город Хайфэн. В других населенных пунктах этого района советская власть продержалась до апреля 1928 г.²⁷

Опыт вооруженной борьбы в Хайлуфэне имел большое значение для других районов советского движения. В решении Временного политбюро ЦК КПК «Историческое значение и уроки восстания в Гуанчжоу» говорилось: «Богатейшие материалы советской власти в Хайлуфэне, факт ее победы, ее опыт должны полностью использоваться во всех крестьянских восстаниях (методы проведения восстания, объединение солдат с массами, решительность уничтожения помещиков, тухао и шэньши, конфискация и раздел земли, создание советской власти, осуществление политики Советов, организация рабоче-крестьянской революционной армии, организация Советов во всех районах, опыт партизанской борьбы,

²² Чжун И-моу. Восемь лет борьбы крестьян Хайлуфэна. — «Цзиндайши цзыляо», 1955, № 1, стр. 203.

²³ [Ло Ци-юань]. Хайлуфэнский совет, стр. 42—44; А. М. Малухин. Указ. соч., стр. 159; Советы в Китае. М., 1934, стр. 131.

²⁴ Сюй Сян-цянь. От Душцзяна до берега р. Вэйгунхэ. — «Дружба», 4. VIII. 1957.

²⁵ Там же.

²⁶ Советы в Китае, стр. 133, 136, 138.

²⁷ Советы в Китае, стр. 133—134; Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов. М., 1929, стр. 302.

геронческая борьба за обеспечение существования революционной базы)»²⁸.

Другим центром крестьянского движения были уезды восточной Хунани. Здесь в «восстании осеннего урожая» также сочетались вооруженная борьба крестьян (их отряды самообороны возглавлялись коммунистами, имевшими опыт военной работы²⁹) и «откол» от гоминьдановской армии воинской части, руководимой коммунистами. В данном случае речь идет об охранном полке уханьского национального правительства под командованием Лу Дэ-миня. Кроме того, в восстании участвовал отряд аньюаньских шахтеров. Все эти силы с добавлением отряда дезертиров из гоминьдановской армии составили «1-ю дивизию рабоче-крестьянской революционной армии» под командованием Юй Ша-доу в составе четырех полков. Представителем партии в дивизии (комиссаром) Хунаньский комитет КПК назначил Мао Цзэ-дуна. План восстания предусматривал наступление на уездные центры Пинцзян и Люян, а затем на столицу провинции — Чанша. Однако этот план не был выполнен из-за неблагоприятного соотношения сил и ошибок руководства: отсутствия единого командования частями, невыполнения указания ЦК КПК о необходимости поднять на восстание массы крестьян. Полк, состоявший из гоминьдановских дезертиров, изменил. Все это привело к поражению восстания и большим потерям. Оставшиеся бойцы и офицеры были сведены в один полк, от которого во время движения в горы Цзинганшань отделился еще один батальон. В октябре 1927 г. отряд (видимо, около 200 человек) пришел в Цзинганшань³⁰. Контроль в этом районе находился в руках руководителей двух отрядов (Ван Цзо и Юань Вэнь-цая), с которыми повстанцам удалось вначале договориться, затем сблизиться и объединиться. Тем не менее положение все же оставалось неустойчивым до апреля 1928 г., когда в Цзинганшань пришло относительно сильное революционное воинское соединение во главе с одним из руководителей Наньчанского восстания — Чжу Дэ.

После поражения наньчанских повстанцев в восточном Гуандуне отряд Чжу Дэ отступил через Фуцзянь в южную Цзянси, а оттуда в северный Гуандун. Там он вместе с другими революционными отрядами из тактических соображений временно присоединился к войскам юньнаньского генерала Фань Ши-шэна (своего земляка и однокашника по военной школе). В январе 1928 г. отряд Чжу Дэ перешел в южную Хунань, установил контакт с местной организацией КПК и занял уездный центр Ичжан. Там были созданы советское правительство, части Красной армии, Красной и Молодой гвардии. Победа отряда Чжу Дэ над гоминьдановскими карательными войсками стала сигналом к мощному крестьянскому восстанию в уездах южной Хунани, в результате которого была создана «Крестьянская армия южной Хунани».

Полк Чжу Дэ (2 тыс. бойцов) и «Крестьянская армия южной Хунани» (8 тыс. бойцов) были переформированы в 4-й корпус рабоче-крестьянской армии (в память о 4-м корпусе — наиболее боеспособном и революционном соединении Национально-революционной армии).

²⁸ «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 13, стр. 417.

²⁹ Цзян Юн-цзян. Бородин и уханьское правительство. Гонконг, 1963, стр. 342; «Хунци ляоляо», 1960, № 14, стр. 8—9 (воспоминания Чэнь Бо-цзюня); Всюду красные знамена. М., 1957, стр. 23.

³⁰ Описание важнейших событий в Хунани за последние 100 лет. Чанша, 1959, стр. 536—540; Хэ Чан-гун. Красное знамя на Цзинганшане. — «Дружба», 1. XII. 1956; Е Хо-шэнь. Красное знамя Цзинганшаня. Пекин, 1953, стр. 2; Восстание осеннего урожая. Сост. Линь Цзинь. Пекин, 1953, стр. 9.

В апреле 1928 г. восстание в южной Хунани было подавлено и 4-й корпус под командованием Чжу Дэ направился в Цзинганшань³¹. Прибыв туда, он объединился с отрядами Мао Цзэ-дуна, Ван Цзо и Юань Вэнь-цая. После перестройки управления 4-го корпуса Красной армии его командиром стал Чжу Дэ, представителем партии — Мао Цзэ-дун, начальником политотдела — Чэнь И. Приход в Цзинганшань корпуса Чжу Дэ сделал возможной борьбу за укрепление и расширение революционной базы на границе провинций Хунань и Цзянси.

Через несколько месяцев советское движение в Хунани получило новый импульс в результате организованного коммунистами Пэн Дэ-хуаем, Хуан Гун-люэ, Хэ Го-чжуном в июле 1928 г. в Пинцзяне восстания частей 5-й гоминьдановской дивизии, посланной на подавление борьбы крестьян против властей и помещиков. Было провозглашено создание 5-го корпуса Красной армии Китая (командир — Пэн Дэ-хуай, представитель партии — Тэн Дай-юань)³².

Части 5-го корпуса развернули партизанскую войну против гоминьдана и создали обширный советский район на стыке провинций Хунань, Хубэй и Цзянси. В декабре 1928 г. они по указанию Хунаньского комитета КПК соединились в Цзинганшане с 4-м корпусом.

На северо-востоке Цзянси части Красной армии были созданы в результате партизанской борьбы крестьян, начавшейся осенью 1927 г. под руководством коммунистов Фан Чжи-миня, Шао Ши-пина, Хуан Дао. В 1928 г. здесь действовало несколько десятков партизанских отрядов, которые заняли уездные центры Иян и Хэнфэн. Из них были созданы регулярные части, ставшие впоследствии основой 10-го корпуса Красной армии Китая³³.

Вооруженная борьба развернулась также в западной Фуцзяни и в других районах, из которых наибольшее значение имел район северо-восточного Хубэя, вблизи границ Хэнани и Аньхуэя. Здесь осенью 1927 г. коммунисты У Гуан-хао, Чжэн Вэй-сань, Дай Цзи-ин, У Хуань-сянь подняли восстание в уездах Мачэн и Хуанъань, в результате которого была создана партизанская база в горном районе Дабешань, возникли сначала небольшие отряды красных бойцов, а затем и регулярные части, из которых образовался 1-й корпус Красной армии Китая³⁴.

В Западной Хунани революционную борьбу возглавил уроженец этого района Хэ Лун. Действия партизан распространились и на западную часть Хубэя³⁵. В них участвовал ряд впоследствии видных деятелей КПК: Ван Чжэнь, Ван Шан-жун, Ван Энь-мао, Ляо Хань-шэн, Сюй Гуанда, Хуан Синь-тин.

Еще одним очагом советского движения, но уже в Северном Китае был район северной Шэньси, где в 1927 г. под руководством коммунистов Лю Чжи-даня и Гао Гана была начата вооруженная борьба против гоминьдана.

Выдающееся значение в развитии вооруженной борьбы КПК и строительства Красной армии Китая имело героическое восстание рабочих и

³¹ У Хань-цяо. Восстание в Ичжане. — Из искры может разгореться пожар. Т. 1, ч. 1, стр. 115—118; Ли Гуан. Новая армия Китая. М., 1936, стр. 18. Последний автор пишет (как и авторы КНР), что 4-й корпус был образован после прихода войск Чжу Дэ в Цзинганшань.

³² О восстании в Пинцзяне см. Ли Гуан. Новая армия Китая, стр. 45—85.

³³ См. Советы в Китае, стр. 336.

³⁴ См. Чжэн Вэй-сань. Красный Хуанъань. — Из искры может разгореться пожар. Т. 1, ч. 2, стр. 737.

³⁵ См. Хэ Лун. Начальный период революционной борьбы в Хунани и западном Хубэе. — Из искры может разгореться пожар. Т. 1, ч. 2, стр. 603.

солдат Гуанчжоу. Здесь ядром повстанческих сил были отряды рабочих-красногвардейцев и учебно-инструкторский полк. Общее и военное руководство восстанием осуществлял Чжан Тай-лэй, возглавлявший Военно-революционный комитет, а после его гибели — Е Тин. Восстание началось в ночь на 11 декабря. В тот же день был создан Совет Народных Комиссаров и принята программа советского правительства, одним из пунктов которой была организация Рабоче-крестьянской Красной армии³⁶.

Хотя в современных материалах понятие «Красная армия» упоминается и в связи с событиями, происходившими до Кантонской коммуны, можно предположить, что именно программа советского правительства Гуанчжоу положила начало такому наименованию вооруженных сил КПК. До этого они, как правило, назывались «Рабоче-крестьянская революционная армия». Изменение названия армии КПК было связано с отказом от лозунга возрождения левого, революционного гоминьдана и выдвижением лозунга Советов (19 сентября 1927 г.). Возможно, что в отдельных районах слова «Красная армия» появились и до Кантонской коммуны, но во всекитайском масштабе — лишь после восстания в Гуанчжоу.

Курс на создание регулярных частей Рабоче-крестьянской Красной армии Китая закрепил VI съезд КПК. Съезд особо обсудил военный вопрос. В военной комиссии участвовали как делегаты съезда, имевшие опыт военной и политической работы, так и советские военные специалисты³⁷. В разделе «Задачи партии в советских районах» политической резолюции подчеркивалась задача «максимального развития регулярной Рабоче-крестьянской Красной армии»³⁸. В резолюцию по вопросу об организации Советской власти были включены специальные разделы об армии, в которых подчеркивались задачи реорганизации повстанческих частей и партизанских отрядов в регулярную Красную армию с включением в ее состав актива профсоюзов и крестьянских союзов, создания надежного комсостава из рабочих и крестьян и подготовки политработников-коммунистов, которые должны обеспечить политическое воспитание личного состава и местного населения. Указывались мероприятия по организации снабжения войск, борьбы с контрреволюцией, взаимоотношениям с бандитами, миньтуанями, тайными обществами³⁹.

На основе решений VI съезда КПК с учетом опыта вооруженной борьбы в Китае создавались и укреплялись корпуса, а затем армейские группы и фронты китайской Красной армии. На них легла главная тяжесть отпора контрреволюционным силам, организации населения, расширения советских районов. Имея свои войска, Коммунистическая партия Китая смогла стать общенациональной политической силой, которая в конечном счете, опираясь на интернациональную поддержку Советского Союза, привела китайскую народно-демократическую революцию к победе, одержанной в 1949 г.

³⁶ [Чэнь] Шао-юй. Кантонское восстание. — В сб. Кантонская коммуна. М., 1929, стр. 84.

³⁷ А. М. Григорьев. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930). — В кн. Коминтерн и Восток. М., 1969, стр. 323.

³⁸ Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая, кн. VI, стр. 16. Об этом же говорилось в резолюции о крестьянском движении (раздел «Партизанская война»).

³⁹ Там же, стр. 5—10.

Образование единого национального фронта в Китае (сентябрь 1937 г.)

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

А. С. Титов

7 июля 1937 г. японские войска начали военные действия в Северном Китае, к югу от Пекина. Они захватили старинный мост Лугоуцяо, построенный еще при династии Юань, а также соседний железнодорожный мост, перерезав пути, связывавшие Пекин с центральными и южными китайскими провинциями. Нападение на Лугоуцяо должно было, по замыслу японских захватчиков, поставить под их контроль важнейший промышленный и торговый район в Северном Китае — Пекин — Тяньцзинь.

События у Лугоуцяо явились одной из вех истории японской агрессии в Китае, развертывавшейся непрерывно с момента вторжения Японии в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. В течение 1931—1936 гг. японские империалисты отторгли от Китая Маньчжурию, превратив ее в свою колонию и плацдарм для дальнейшей агрессии под вывеской марионеточного «государства Маньчжоу-го». Японские войска и банды, возглавляемые японскими агентами, постепенно захватили провинции Жэхэ и Чахар, северо-восточную часть провинции Хэбэй — почти до стен Пекина и Тяньцзиня. На оккупированной территории создавались марионеточные правительства во главе с маньчжурским императором Пу И, с монгольским князем Дэ-ваном, с китайским изменником Инь Жу-гэном. В июле 1937 г. японская военщина перешла в широкое наступление на Китай.

Развязав войну, Япония не рассчитывала встретить серьезное сопротивление. Она полагала, что через несколько месяцев Китай капитулирует. Японские агрессоры надеялись на военно-техническое превосходство своей армии, а также на прояпонские и капитулянтские элементы в правящих кругах Китая (в частности, на группировку, возглавлявшуюся Ван Цзин-вэем, занимавшим в 1935 г. посты премьер-министра и министра иностранных дел Нанкинского правительства), с тем чтобы заставить гоминьдановское правительство пасть на колени. Китаю оставался один выход: национально-освободительная война против японского империализма.

Важным фактором в этой национально-освободительной войне стал единый национальный антияпонский фронт, инициаторами и застрельщиками которого были китайские коммунисты, активно поддерживаемые Коминтерном и КПСС. Единый фронт сплотил патристические силы китайской нации на борьбу против японской агрессии.

Борьба китайских коммунистов за создание единого национального антияпонского фронта была длительной и трудной.

Так, после захвата Японией Маньчжурии (1931—1932 годы) китайские коммунисты, работавшие в Маньчжурии, приступили к созданию единого антияпонского фронта всех патриотических сил, к которому были привлечены и остатки гоминьдановских войск, оказывавшие сопротивление японским оккупантам. В результате была создана объединенная антияпонская армия Маньчжурии. Однако в 1933—1934 гг. действия китайских коммунистов, направленные на создание единого фронта, в целом носили разрозненный и ограниченный характер, не всегда проводились последовательно и правильно.

Между тем наступление японского империализма и угроза превращения всего Китая в японскую колонию привели к тому, что в освободительной борьбе народов Китая на первый план выдвинулась задача отстаивания национальной независимости, а это вызвало изменения в расстановке политических и классовых сил. Складывались реальные возможности создания самого широкого национального единого фронта. Перед китайскими коммунистами встала неотложная и первоочередная задача вовлечения в национально-освободительную борьбу самых широких, не только революционных общественных элементов, но и неустойчивых, колеблющихся союзников и попутчиков из различных классов.

Поворот к политике создания широкого единого национального фронта Коммунистическая партия Китая совершила после VII конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.) на основе его исторических решений, опиравшихся на ленинское учение о характере и движущих силах национально-освободительных войн, на ленинское положение о необходимости создания единого антиимпериалистического фронта. Основы этой политики были изложены в ряде документов КПК, и прежде всего в «Обращении КПК к народу об отпоре Японии и спасении родины» от 1 августа 1935 г. В этом документе компартия впервые обратилась ко всем партиям и политическим группировкам Китая с призывом прекратить гражданскую войну, мобилизовать все силы на борьбу за священное дело сопротивления Японии и спасения родины. Без прекращения гражданской войны и сплочения всей нации нельзя было всерьез думать о реальном отпоре японским захватчикам.

В то время революционные силы Китая переживали трудный момент своей истории. Пятый карательный поход Чан Кай-ши нанес тяжелый удар по движению под лозунгом Советов. Китайская Красная армия вынуждена была оставить свои базы в южном и центральном Китае и совершить полный опасностей и жертв великий поход в северо-западные провинции. В 1935 г. в руководстве коммунистической партии Китая произошел раскол, образовались два ЦК, причем во главе одного стояли Мао Цзэ-дун и Чжан Вэнь-тянь, во главе другого — Чжан Го-тао. Оторванные от больших городов, не имея до лета 1936 г. прямой связи с международным коммунистическим движением, многие руководящие деятели КПК с большим запозданием узнали о решениях VII конгресса Коминтерна и не сразу смогли оценить их значение.

В этих условиях важную роль сыграла китайская делегация в Коминтерне, которую возглавлял член Политбюро ЦК КПК Ван Мин (Чэнь Шао-юй). Постоянно располагая широкой информацией о положении в Китае и во всем мире, имея контакты с виднейшими деятелями международного коммунистического движения, китайская делегация активно участвовала в выработке Коминтерном стратегии, единого антифашистского фронта. Хотя детали обстановки в советских районах Китая были из-за отсутствия связи недостаточно известны в

Москве, что, несомненно, затрудняло принятие оперативных решений по некоторым текущим вопросам борьбы в Китае, Коминтерн и китайская делегация в нем смогли выработать по основным принципиальным проблемам правильные установки, указавшие компартии Китая единственно верный путь.

Ван Мин подготовил проект «Обращения от 1 августа 1935 года», который обсуждался на специальном заседании китайской делегации в Коминтерне.

Обращение, распространенное в дни VII конгресса Коминтерна, как и статьи Ван Мина, опубликованные в последующие месяцы в журнале «Коммунистический Интернационал», подробно разъясняли, как именно понимают коммунисты политику единого национального фронта. Так, в статье «Новые задачи Китайской компартии» Ван Мин, излагая суть обращения КПК к народу, указывал, что содержание и формы антиимпериалистического фронта, предложенные КПК в этом обращении, то есть образование правительства национальной обороны и объединенной антияпонской армии, «являются лишь конкретным выражением основного курса и направления новой политики коммунистической партии Китая. Отсюда, однако, нельзя делать вывод, что коммунистическая партия и советы Китая считают, что создание единого антиимпериалистического фронта можно начать только с полного осуществления этих требований и тем самым недооценивают различные национальные формы этого единого фронта, возникающие вокруг самых элементарных антиимпериалистических требований. ЦК КПК и центральное советское правительство Китая, выдвигая свои предложения об основном содержании и высших формах антиимпериалистического фронта, обязывают всю партию и советы обратить удесятеренное внимание на организацию массового антиимпериалистического движения, хотя бы на основе примитивных форм, и вокруг самых элементарных требований»¹.

Несмотря на то, что в момент принятия обращения позиция Чан Кай-ши выглядела настолько непримиримо антикоммунистической, что надежды на возможность вступления гоминьдана в единый национальный фронт казались проблематичными, в обращении содержался прямой призыв к соглашению между гоминьданом и компартией:

«Коммунистическая партия, — говорилось в нем, — снова со всей серьезностью заявляет, что если только гоминьдановские войска прекратят наступательные действия против Красной армии, если какая-нибудь воинская часть включится в антияпонскую войну, то Красная армия не только немедленно прекратит всякие враждебные действия, но и будет готова рука об руку с нею, дружными совместными усилиями спасти родину независимо от того, существовала ли раньше и существует ли теперь между ними вражда или ненависть, и независимо от того, существуют ли какие-либо разногласия между данной воинской частью и Красной армией по вопросам внутренней политики»².

В обращении еще не называлось в качестве возможного союзника правительство Чан Кай-ши; на первый план выдвигались отдельные гоминьдановские «воинские части». Компартия и прежде, в 1933 г., заявляла о своей готовности сотрудничать с гоминьдановцами перед лицом общего врага — империалистической Японии. Но теперь пре-

¹ Ван Мин. Новые задачи китайской компартии. — М., «Большевик», 1935, № 20, стр. 56.

² Материалы по истории китайской революции, т. III. Пекин, 1957, стр. 142—143

крашение гражданской войны и создание единого национального анти-японского фронта ставились в качестве главной задачи.

Значение обращения 1 августа 1935 г. для сплочения нации становилось с течением времени все яснее. Так, оценивая роль этого документа, орган ЦК КПК — журнал «Цзефан» — спустя три года писал: «Все знают, что это один из самых великих документов в истории китайской нации, который указал ей единственно возможный путь к спасению — единый национальный антияпонский фронт. Этот документ оказал на всех соотечественников независимо от рода занятий и партийной принадлежности очень глубокое воздействие и влияние, и китайские коммунисты в Северном Китае немедленно стали воплощать в жизнь линию ЦК КПК и во всех отношениях стали перестраивать свою работу»³.

Даже некоторые органы печати, находившиеся под контролем гоминьдана, откликнулись на обращение КПК от 1 августа 1935 г. Так, широко распространявшаяся в Китае газета «Дагунбао» писала: «Все еще говорят о коммунистической опасности, но компартия — это китайский народ, ее действия направлены на улучшение жизни крестьян, а коммунистическая молодежь, не сгибающаяся от трудностей и лишений, — разве она не относится к героическим элементам Китая?» И газета требовала далее «отбросить во внутренней политике узко-классовые интересы и развивать национальную организованность»⁴.

В поддержку обращения КПК выступило и командование Объединенной антияпонской армии Маньчжурии. 10 октября 1935 г. оно обратилось с воззванием к гоминьдановскому правительству, ко всем командирам и солдатам китайской армии, в том числе Красной армии Китая, полностью солидаризируясь с обращением КПК от 1 августа 1935 г. Ссылаясь на свой опыт объединения всех антияпонских вооруженных сил Маньчжурии в единую армию, оно призывало «немедленно прекратить гражданскую войну, повернуть оружие против внешнего врага, объединиться на борьбу с японскими захватчиками, завоевать независимость и единство китайского народа, отстоять целостность китайской территории»⁵.

При помощи Исполкома Коминтерна китайской делегацией в Коминтерне было организовано издание и распространение в Китае и за границей органа КПК «Цзюго бао» («Спасение родины», позднее газета стала называться «Цзюго шибao»), памфлетов, листовок, прокламаций, брошюр⁶. Все крупные города и промышленные центры Китая регулярно получали «Цзюго бао», тираж которой в 1936 г. увеличился до 17 300 экземпляров (из них свыше 8000 экз. направлялось в Китай, главным образом в Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ухань, Гуанчжоу и другие города). Газета «Цзюго бао», а также другие материалы, направлявшиеся делегацией КПК в Коминтерне, сыграли большую роль не только в развертывании движения за единый нацио-

³ «Цзефан», Яньань, 1938, № 58, стр. 14—19.

⁴ «Дагунбао», 10. X. 1935.

⁵ «Цзюго вэньсюань», Париж, 1935, стр. 59 (на кит. яз.).

⁶ Издание китайской делегацией указанных и других материалов, равно как и выступление Ван Мина на Конгрессе, вызвало протест Нанкинского правительства, выраженный послом Китая заместителю Наркома по иностранным делам Б. С. Стомонякову (в устной форме). Б. С. Стомоняков возразил послу: «Наше правительство оказалось бы в неудобном положении перед общественностью своей страны, если бы оно стеснило свободу действий иностранных революционеров на своей территории». Что касается «издания в Москве книг», Б. С. Стомоняков заявил, что «в старину мы сами печатали подобные книги в других странах и нелегально привозили их в Россию и не можем запретить иностранным революционерам поступать таким же образом».

нальный антияпонский фронт, но и в оказании помощи местным организациям КПК, отдельным коммунистам и сочувствующим, оказавшимся без связи и руководства ввиду того, что после ухода в 1934 г. основной массы коммунистов и большинства членов ЦК КПК вместе с главными силами Красной армии в северо-западный поход и провала Шанхайского Бюро ЦК КПК в том же году целостность партии была нарушена. Многие местные партийные организации и коммунисты оказались вне связи с директивными и руководящими органами партии; они черпали необходимые указания из газеты «Цзюго бао», листовок, прокламаций, брошюр, нелегально распространявшихся в Китае, и вели борьбу за претворение в жизнь новой политики КПК — политики единого национального антияпонского фронта.

В связи с намерением японских империалистов отторгнуть Северный Китай и создать там по образцу «Маньчжоу-го» «Хуабэй-го» («Северо-китайское государство») компартия Китая вновь обратилась 25 ноября 1935 г. с двумя воззваниями к народу и вооруженным силам Китая, развивавшими и дополнявшими обращение КПК от 1 августа 1935 г. В этих воззваниях компартия призывала китайский народ и вооруженные силы, включая войска Чан Кай-ши, приступить к конкретным практическим действиям по организации и мобилизации всех сограждан и всех войск, желающих сопротивляться японским захватчикам⁷.

Обнародование этих документов и нелегальное распространение их в виде листовок и брошюр сыграло немаловажную роль в мобилизации патриотических сил. Огромную работу проводили китайские коммунисты, комсомольцы и сочувствующие им патриоты, работавшие в неимоверно трудных условиях подполья в крупнейших городах. Первыми на призыв КПК откликнулись патриотические студенческие и культурно-просветительные организации Северного Китая, где более остро ощущалась угроза японского порабощения и где сохранилась, несмотря на жесточайший белый террор и репрессии, наиболее дееспособная организация КПК, издававшая свои печатные материалы.

Воссозданный 18 ноября 1935 г. Пекинский городской студенческий союз, ставший центром полулегальной деятельности коммунистов и комсомольцев, сыграл большую роль в подготовке и организации в Пекине массовой студенческой демонстрации 9 декабря 1935 г. Демонстранты требовали сохранения территориальной целостности и политической независимости Китая, прекращения гражданской войны, вооруженного отпора японской агрессии. Эти события, известные как «движение 9 декабря», превратились затем в мощное всенародное анти-японское движение.

Сразу после событий «9 декабря» по инициативе и под руководством Коминтерна, Коммунистического интернационала молодежи, а также коммунистических и рабочих партий разных стран во всем мире была развернута широкая кампания солидарности с патриотическим движением китайского студенчества.

Политическое значение «движения 9 декабря», открывшего новый этап национально-освободительной борьбы китайского народа, состояло в том, что лозунги о прекращении гражданской войны и об организации отпора японской агрессии, выдвинутые КПК 1 августа 1935 г., встретили единодушную поддержку масс, и прежде всего городского населения, в том числе китайского рабочего класса. Центр национально-освободительной борьбы вновь переместился в города. Китайские

⁷ «Цзюго вэньсюань», 1935, стр. 59.

коммунисты и комсомольцы, находившиеся в подполье в городах, были активными участниками и организаторами движения. Именно они связали патриотическое студенчество с широкими народными массами, побудили студентов и учащуюся молодежь пойти к рабочим, крестьянам, солдатам с целью их мобилизации и организации на борьбу за спасение родины. В ходе патриотического движения во всех крупных городах, провинциальных и уездных центрах на отдельных предприятиях были созданы ассоциации национального спасения, включавшие рабочих, крестьян, учащихся, преподавателей, деятелей культуры и науки, торговцев, служащих, военных. В мае 1936 г. была создана Всекитайская ассоциация национального спасения. Деятельность этих организаций, проходившая в целом под руководством и лозунгами КПК, способствовала мобилизации всех патриотических сил на отпор японским захватчикам и спасение родины. В национально-освободительной борьбе принял непосредственное участие рабочий класс. В феврале 1936 г. произошла забастовка 18 тыс. рабочих японских текстильных предприятий Шанхая; поводом к ней послужило убийство японским надсмотрщиком китайского рабочего.

Таким образом, начавшееся 9 декабря 1935 г. патриотическое движение, проходившее под лозунгами компартии, сыграло исключительно важную роль в формировании единого национального антияпонского фронта и подготовке китайского народа к борьбе против империалистической агрессии.

Своеобразие обстановки того периода состояло в том, что правящая в Китае националистическая партия гоминьдан не растеряла еще к 1935—1936 гг. весь моральный багаж, накопленный ею благодаря участию в национальной революции 1925—1927 гг. Значительная часть мелкой буржуазии рассматривала гоминьдановское правительство в качестве центра сплочения всех китайских национальных сил против Японии. Люди помнили куцые буржуазные реформы, проведенные гоминьдановским правительством в первые годы пребывания у власти (1928—1931), ценили попытки нанкинского режима централизовать страну, добиться некоторых уступок от империалистических держав. В то же время японская агрессия представляла угрозу и для китайской буржуазии и помещиков — классов, служивших опорой гоминьдана. Чан Кай-ши и его сторонники в 1932—1935 гг. все больше склонялись к мысли о необходимости оказать вооруженное сопротивление Японии.

Части китайской Красной армии насчитывали к началу 1937 г. (то есть после завершения перебазирования основных сил в Северо-Западный Китай) во всех районах, где они действовали, всего 50—60 тыс. бойцов. По сравнению с несколькими миллионами штыков, находившимися в распоряжении гоминьдановских генералов, революционная армия была, конечно, невелика, и было очевидно, что в случае перехода Японии к широкому наступлению на Китай первый удар придется принять на себя гоминьдановским вооруженным силам.

Сложившаяся обстановка настойчиво диктовала компартии и гоминьдану необходимость заключения соглашения о едином фронте для отпора японской агрессии. В ноябре 1935 г., то есть непосредственно после VII конгресса Коминтерна, в статье Ван Мина «Новая ситуация и новая политика» впервые прямо был сформулирован вывод, что возможен союз компартии против Японии не только с гоминьданом вообще, но конкретно с лидером гоминьдана Чан Кай-ши, в случае если тот изменит проводившуюся им с 1927 г. антикоммунистическую линию.

Китайская делегация в Коминтерне делала все возможное для установления связи с ЦК КПК и передачи ему решений VII конгресса Коминтерна. Специальная делегация, направленная в Китай из Москвы, продвигавшаяся по китайской территории под видом купцов, подверглась нападению бандитов и погибла. Только в конце 1935 г. в Северную Шэньси, где находилось в то время большинство членов ЦК КПК, удалось пробраться участнику VII конгресса Коминтерна, кандидату в члены ЦК КПК Линь Юй-ину (другие имена: Линь Чжун-дань, Чжан Хао, Ли Фу-шэн). Перед отъездом из Москвы он заучил на память все установки и рекомендации, касавшиеся новой политики КПК, направленной на создание широкого единого национального антияпонского фронта. Эти установки сыграли большую роль в выработке ЦК КПК курса, отвечавшего условиям того периода. Однако выработка правильного курса потребовала немало времени.

25 декабря 1935 г., ознакомившись с решениями VII конгресса Коминтерна и рекомендациями совещания китайской делегации на этом конгрессе, Политбюро ЦК КПК в Северной Шэньси приняло «Решение о современном положении и задачах партии». В решении провозглашалась политика единого антияпонского национального фронта, декларировалось прекращение в советских районах Китая конфискации земель кулаков (не прибегающих к феодальным формам эксплуатации) и создание в них более благоприятных условий для национальной буржуазии. Но в решении отсутствовало признание необходимости соглашения с правящей группировкой Чан Кай-ши, которая, как и японские агрессоры, рассматривалась в качестве главного врага китайского народа; был выдвинут лозунг «сочетать гражданскую войну с национально-революционной войной» и продолжать борьбу на два фронта — против «японского империализма и главного предателя китайского народа Чан Кай-ши»⁵. Это показывало, что в руководстве КПК все еще сильны настроения против единого фронта с гоминьданом и за продолжение гражданской войны. Эти настроения отразились, в частности, в докладе Мао Цзэ-дуна на совещании политбюро ЦК КПК 25 декабря. В результате в 1936 г. в политике Политбюро ЦК КПК слишком большое место занимали еще поиски соглашений с отдельными оппозиционными Чан Кай-ши местными милитаристскими группировками: гуансийской во главе с Ли Цзун-жэнем и Бай Чун-си, северо-западной во главе с Чжан Сюэ-ляном и Ян Ху-чэном. Такая политика противопоставления Чан Кай-ши его отдельных генералов таила в себе определенную опасность расширения гражданской войны в Китае. Общественное мнение Китая не поддерживало сепаратистских выступлений местных милитаристских группировок против центрального правительства, не без основания считая, что они ослабляют Китай перед лицом внешнего врага.

Восстановление летом 1936 г. радиосвязи между ЦК КПК в Северной Шэньси и Коминтерном содействовало исправлению ошибочных представлений, мешавших движению КПК по пути создания единого антияпонского фронта. Вместо лозунга советской республики ИККИ рекомендовал компартии лозунг всекитайской демократической республики. 25 августа 1936 г. от имени ЦК КПК было опубликовано письмо к гоминьдану, подготовленное китайской делегацией в ИККИ. В письме прямо предлагалось создание единого фронта КПК и гоминьдана.

⁵ См. Мао Цзэ-дун. Избр. прозв. Изд. Бюро ЦК КПК провинций Шаньси, Хэбэй, Шандун, Хэнань, б. м., 1948, стр. 343 (на кит. яз.).

Примерно в это же время был ликвидирован раскол в КПК: Чжан Го-тао распустил свой «второй ЦК» и заявил о подчинении ЦК КПК, находившемуся в Северной Шэньси. К концу 1936 г. в так называемом Пограничном районе на стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся собрались почти все корпуса китайской Красной армии, покинувшие к осени 1934 г. свои базы в южном и центральном Китае, включая части Чжу Дэ, Хэ Луна, Пэн Дэ-хуая. Единственным исключением была так называемая армия западного направления (35 тыс. бойцов), выделенная из бывших войск Чжан Го-тао, которая в конце 1936 г. вела тяжелые бои в провинции Ганьсу и в начале 1937 г. была почти целиком уничтожена превосходящими силами местных милитаристов.

На территории района Шэньси—Ганьсу—Нинся было сосредоточено приблизительно 40 тыс. бойцов китайской Красной армии. Героический северо-западный поход был завершен. Он стоил тяжелых жертв, однако уцелевшие солдаты и командиры Красной армии, закалившись в боях, составили то боевое ядро, вокруг которого могли в новых условиях наращиваться народные антияпонские вооруженные силы. База в Пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся, находившаяся в сравнительной близости от провинций, которым непосредственно угрожало японское вторжение (Хэбэй, Чахар, Суйюань), также могла быть использована как ближайший тыл для развертывания в будущем военных операций против японских захватчиков.

В августе 1936 г. японские агрессоры возобновили постепенное продвижение в глубь Китая: вооруженные ими войска монгольского князька Дэ-вана и генерала-бандита Ли Шоу-сина — начали наступление, стремясь захватить провинцию Суйюань. Неожиданно для захватчиков, части гоминьдановского генерала Фу Цзо-и оказали им стойкое сопротивление. В ходе боев, продолжавшихся до ноября, банда захватчиков были разбиты, китайские войска взяли приступом городок Байлиньмяо, ранее взятый Дэ-ваном и превращенный им в свой оплот.

События в Суйюани вызвали во всем Китае порыв патриотического воодушевления. В ноябре почти все рабочие японских текстильных фабрик в Китае бастовали. Со всех концов Китая поступали поздравления и денежные подарки защитникам Суйюани. В таких условиях Чан Кай-ши, оказывая сопротивление Японии, в то же время предпринял действия прямо противоположного характера; он приказал, в частности, арестовать семь лидеров шанхайской Ассоциации национального спасения (Шэнь Цзюнь-жу, Ли Гун-пу и др.), а сам, прилетев в Сиань, предпринял попытку заставить командующих расположенных здесь гоминьдановских войск — Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна — возобновить операции против Красной армии. В ответ Чжан Сюэ-лян и Ян Ху-чэн 12 декабря 1936 г. арестовали Чан Кай-ши.

«Сианьские события», несмотря на патриотические побуждения многих участников этого выступления, были чреватые новым взрывом гражданской войны. Арест главы гоминьдана и накинского правительства мог быть на руку японским империалистам. ЦК КПК в Северной Шэньси, который был в курсе всех планов Чжан Сюэ-ляна, не сразу занял правильную позицию, но в конце концов по рекомендации Коминтерна принял участие в мирном урегулировании «сианьских событий»: делегация компартии во главе с Чжоу Энь-лаем убедила Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна освободить Чан Кай-ши. Вместо катастрофы «сианьские события» объективно стали исходным пунктом нового развития единого фронта, показав невозможность продолжения граждан-

ской войны и сделав возможным и переговоры между гоминьданом и компартией.

После «сианьских событий» компартия в феврале 1937 г. официально обратилась к III пленуму ЦИК гоминьдана с телеграммой, содержащей требования полного прекращения гражданской войны и сплочения всех сил для сопротивления внешнему врагу. КПК заявила, что она со своей стороны готова прекратить вооруженную борьбу против нанкинского правительства; переименовать Советское правительство в правительство Особого района Китайской республики, а Красную армию — в Национально-революционную армию (название, которое официально носили гоминьдановские войска); отказаться от конфискации помещичьей земли и проводить в жизнь общую программу единого антияпонского национального фронта.

Поворот в политике КПК был закреплен на конференции партийных организаций Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся в начале мая 1937 г.

Со своей стороны руководство гоминьдана к 1937 г. в конце концов убедилось в неизбежности прекращения гражданской войны и соглашения с КПК. Японские империалисты, опасаясь сплочения всех сил китайской нации, всячески стремились сорвать возможное сотрудничество гоминьдана с компартией и предлагали гоминьдановскому правительству «помощь» для «борьбы против коммунистов». Еще 28 октября 1935 г. японский министр иностранных дел Хирота сформулировал требования к нанкинскому правительству, известных как «Три принципа Хирота»:

- 1) пресечение антияпонского движения;
- 2) признание Китаем «Маньчжоу-го» и экономическое «сотрудничество» его с Японией и с «Маньчжоу-го»;
- 3) совместная «борьба против коммунизма», то есть допуск японских войск во внутренние районы Китая под предлогом военных действий против китайской Красной армии.

«Три принципа Хирота» были выработаны, по существу, как противовес новой политике КПК, провозглашенной в Обращении 1 августа 1935 г. Япония сама как бы предлагала гоминьдану «союз», рассчитывая в конечном счете на подчинение Китая.

В гоминьдане к этому времени сложились три основные группировки, по-разному решавшие вопрос об отношении к японской агрессии. Отдельные патристически настроенные гоминьдановские деятели типа маршала Фэн Юй-сяна выступали за отпор Японии. Прояпонское крыло во главе с Ван Цзин-вэем стояло за соглашение с японскими империалистами. Ключевые позиции в партии гоминьдан и в гоминьдановском правительстве принадлежали сторонникам виднейшего лидера гоминьдана Чан Кай-ши. Они колебались, опасаясь завоевания Китая Японией, но и не желая идти на соглашение с компартией.

Одновременно Чан Кай-ши и его сторонники вынуждены были считаться с тем обстоятельством, что без прекращения гражданской войны и налаживания отношений с КПК они не могут рассчитывать на помощь СССР, в которой они очень нуждались.

К 1935 г. угроза расширения японской агрессии в Китае стала серьезно беспокоить империалистические державы, от которых фактически зависел режим Чан Кай-ши, — Англию и США. Правящие круги этих государств предприняли некоторые шаги к укреплению позиций Нанкина: так, английский финансист Лейт-Росс помог нанкинскому правительству провести реформу китайских финансов, содействовавшую их централизации и усилению экономической роли шанхайской

банковской группировки, служившей непосредственной опорой гоминьдановского правительства. Однако руководители гоминьдана отдавали себе отчет в том, что ни Англия, ни США не расположены оказать Китаю более решительную помощь против агрессии. Политика англо-американских империалистов в канун второй мировой войны строилась в расчете на столкновение Японии с СССР при условии, что сами останутся в стороне. Гоминьдан, возглавляемый Чан Кай-ши, тоже возлагал надежды на советско-японскую войну, думая, что она избавит его от угрозы Японии⁹. Однако продолжающееся наступление Японии на Китай заставляло правительство Чан Кай-ши подумать и над тем, на чью помощь оно могло бы надеяться в случае, если Китаю все-таки придется воевать самому.

Зондаж позиции СССР был предпринят Нанкином в начале 1935 г. Определенным толчком для пересмотра Чан Кай-ши и его окружением своей позиции в отношении Советского Союза явилось также заявление председателя Совета Народных Комиссаров СССР о политике Советского правительства в отношении Китая. Выступая на VII съезде Советов 28 января 1936 г., председатель СНК СССР говорил: «Восстановлены также нормальные отношения с Китаем, которые были прерваны Китаем в 1929 г. под напором его антисоветских элементов. С тех пор китайское правительство, видимо, убедилось в том, что этот разрыв не может служить на пользу Китайской республике и только ухудшает ее международное положение. Может быть, кому-нибудь и нужен был этот практический урок, но это уж их дело. Для нас и без того было ясно, что правильные отношения между СССР и Китаем — в интересах обеих стран и всеобщего мира. Поэтому мы с удовлетворением приняли предложение китайского правительства восстановить отношения, что должно служить укреплению дружественных отношений между нашей страной и великим китайским народом»¹⁰.

Спустя примерно 10 дней после этого заявления Советского правительства посол Китая в Великобритании Го Тай-ци по поручению своего правительства посетил полпреда СССР И. И. Майского, и, проинформировав его о том, что союзники Китая — Англия и США — в сущности, предают Китай, сообщил, что возвращение китайского посла в СССР Янь Хой-цина в Москву следует «рассматривать как серьезный поворот в китайской политике по отношению к СССР»¹¹.

Осенью 1935 г. Чан Кай-ши и его окружение в беседах с работниками полпредства СССР в Китае настойчиво стали ставить вопрос о необходимости заключения военного соглашения между СССР и Китаем, намекая при этом на готовность гоминьдана пойти на сотрудничество с КПК. Так, редактор журнала «Китай и СССР» Симон Чжунхуа, а затем и заведующий орготделом ЦИК гоминьдана Чэнь Ли-фу (одно из ближайших к Чан Кай-ши лиц), в беседе с ответственными

⁹ Так свою позицию в отношении Японии неоднократно объяснял сам Чан Кай-ши. В лекциях в Гулине в лагере подготовки высших офицеров (1934 г.) Чан Кай-ши говорил, что сопротивление Японии неизбежно, но сейчас Китай к нему не готов. Следует ждать, — сказал он, — пока в войну вступят Англия, США или СССР. Япония в такой войне потерпит поражение.

(The Collected Wartime messages of Generalissimo Chiang Kai-shek. N.-Y. 1946, v. 1, p. 7). (см. также Документы внешней политики СССР. М., 1968, т. XIV, стр. 528, 534—535). Во второй лекции в Гулине Чан Кай-ши заявил: «Япония не принимает Китай всерьез. Ее основной противник — Советская Россия. Для того чтобы уничтожить влияние России в Восточной Азии, Япония считает необходимым овладеть частью китайской территории».

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. XVIII, стр. 44—45.

¹¹ Там же, стр. 72.

сотрудниками советского посольства в Китае сообщили, что в определенных кругах гоминьдана есть настроение в пользу сотрудничества с КПК. На заявление представителя посольства, что затронутый вопрос является вопросом внутривластного аспекта и посольство воздерживается от вмешательства во внутренние дела Китая, Симон Чжунхуа заметил, что руководящее влияние ВКП(б) в Коминтерне общеизвестно, да и СССР, как пролетарское государство, является основным революционным антифашистским фактором». Он сделал оговорку, что круги, от имени которых он выступает, понимают разницу между Коминтерном и Советским правительством.

Чэнь Ли-фу в развитие этих соображений попытался наметить и конкретные предложения по сотрудничеству гоминьдана с КПК. Они сводились к следующему: заканчивается гражданская война, части Красной армии Китая переформируются в регулярные войска центрального правительства, которое может быть чем-то вроде «народного правительства», о котором говорил Ван Мин на Конгрессе Коминтерна, и такое правительство решается на оказание отпора японскому агрессору.

9 октября 1935 г. Кун Сян-си, нанкинский министр финансов, в беседе с советским послом Д. В. Богомоловым прямо поинтересовался, может ли Китай рассчитывать на советскую материальную помощь в войне с Японией¹². 18 октября вопрос об улучшении советско-китайских отношений был предметом беседы Чан Кай-ши с советским послом. Чан Кай-ши при этом сказал, что китайское правительство пойдет по пути улучшения отношений с СССР, так как, как подчеркнул Чан Кай-ши, «если имеется угроза, то из одного источника». Одновременно он обратился к послу с предложением обсудить возможность заключения секретного военного соглашения¹³.

При встречах с ответственными сотрудниками советского посольства в Китае представители правительства и ЦИК ГМД, как правило, проводили мысль, что Китай нуждается в большей помощи, чем равноправные договоры, что «ему нужны танки, самолеты» и прочее. 18 ноября 1935 г. полпреду Д. В. Богомолову в связи с этим было дано указание сообщить китайскому правительству, что Советское правительство готово продавать военное снаряжение Китаю.

Как вспоминает Ван Мин, в начале декабря 1935 г. военный аташе Китая в Москве полковник Дэн Вэнь-и был уполномочен Чан Кай-ши обратиться в качестве его личного представителя к Советскому правительству и Коминтерну с просьбой разрешить вести переговоры с Ван Мином, как представителем китайских коммунистов, о единстве действий в войне с Японией.

Активно добываясь советской военной поддержки и сделав предварительные шаги по пути урегулирования отношений с КПК, Чан Кай-ши одновременно пытался договориться и с Японией. Так, он согласился обсудить с японцами «три принципа Хирога» и выразил желание лично вести переговоры о дружбе с Японией и т. д.¹⁴. Он все еще стоял перед дилеммой: встать ли на путь отражения японской аг-

¹² Документы внешней политики СССР, т. XVIII, стр. 537.

¹³ Согласно письму посла Д. В. Богомолова в НКВД, Чан Кай-ши спросил: «Готово ли Советское правительство заключить с Китаем соглашение?.. При этом он подчеркнул, что делает это предложение не как представитель китайского правительства, а как командующий китайской армией, давая этим понять, что имеет в виду секретное военное соглашение». — Документы внешней политики СССР, т. XVIII, стр. 537.

¹⁴ Growly J. Japan's quest for autonomy national security and foreign policy: 1930—1935. Pr. 1963, p. 234; China press weekly. 1935. Dec. 1.

рессии или продолжить переговоры с японцами, чтобы ограничить японскую агрессию определенными районами Китая, в надежде, что такая политика рано или поздно приведет Японию к столкновению с СССР.

Известным отражением этой позиции было выступление Чан Кай-ши на V съезде гоминьдана по вопросам внешней политики, в котором он подчеркнул, что «мы не должны пренебрегать миром до тех пор, пока существует надежда на мир. Мы не должны необдуманно говорить о жертвах до тех пор, пока мы не будем доведены до крайности». При этом Чан Кай-ши особый упор делал на необходимость достижения главной цели — построения сильного Китая как предварительного условия начала войны.

Советский посол, анализируя политику нанкиннского правительства в конце 1935 г., резюмировал, что «нанкинские лидеры... хотели бы ускорить возможное столкновение между нами и Японией»¹⁵.

Но время шло. По мере расширения масштабов японской агрессии росло недовольство политикой нанкиннского правительства в стране. На V съезде гоминьдана в ноябре 1935 г. 70% делегатов требовало отпора Японии и только 30% поддерживало Ван Цзин-вэй и его про-японскую группировку¹⁶. Правда, и сторонники немедленного вооруженного сопротивления Японии оказались в меньшинстве, они не были даже избраны в ЦИК гоминьдана¹⁷. Вскоре Ван Цзин-вэй был ранен китайским патриотом и, вынужденный оставить свой пост в правительстве, до начала 1937 г. лечился в Европе. Пост премьер-министра нанкиннского правительства взял на себя Чан Кай-ши. К этому времени группировка Чан Кай-ши не могла не отдавать себе отчета, что над страной (не только над отдельными районами) нависла японская угроза.

Советский Союз исходил из того, что полной гарантией мира является всеобщее и полное разоружение. Однако, поскольку советские предложения по этому вопросу были отклонены Женевской конференцией по разоружению, Советское правительство стало искать другие пути предотвращения войны и агрессии. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о развертывании борьбы за создание системы коллективной безопасности. В соответствии с этим постановлением Советский Союз выдвинул предложение о заключении регионального Тихоокеанского пакта, с тем чтобы коллективными усилиями сорвать захватнические устремления японских милитаристов. Возможными участниками этого пакта были названы США, СССР, Китай, Япония. На протяжении почти четырех лет (с ноября 1933 г. до середины 1937 г.) СССР неоднократно предпринимал попытки склонить западные державы к заключению регионального пакта, но безуспешно¹⁸.

Важным фактором, положительно влиявшим на обстановку в Китае, была политика СССР.

Ведущими элементами советской политики по отношению к Китаю были: морально-политическая поддержка китайского народа; борьба за создание системы коллективной безопасности и принятие совместных с крупнейшими державами мира мер по пресечению агрессии¹⁹. В этот период Советский Союз концентрировал свои усилия на том, чтобы убедить правительство ведущих стран капиталистического ми-

¹⁵ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, стр. 587.

¹⁶ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. W., 1935, v. 3, p. 420.

¹⁷ China press weekly. Dec. 1.

¹⁸ История внешней политики СССР. 1917—1945. Т. 1, М., 1976, стр. 292.

¹⁹ См. М. С. Каплиця. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 233—267.

ра в необходимости совместных действий по организации защиты мира против агрессии. Из этих принципиальных установок вытекало содействие объединению внутренних сил Китая против агрессии.

19 декабря 1935 г. проблема урегулирования отношений между гоминьданом и КПК стала предметом новой беседы советского посла и Чан Кай-ши. Посол сообщил Чан Кай-ши, что СССР — сторонник политического единства и экономической стабилизации Китая. При этом Советский Союз, подчеркнул посол, руководствуется не только симпатиями к китайскому народу, но и убеждением в том, что единый Китай будет важным фактором мира на Дальнем Востоке.

Чан Кай-ши выразил удовлетворение тем, что «СССР сочувствует достижению единства в Китае». Далее он сказал, что «был бы очень рад, если бы Советское правительство могло способствовать достижению единства». Фактически это было обращено к Советскому правительству с просьбой о посредничестве между гоминьданом и КПК.

В январе 1936 г. Чан Кай-ши вновь имел беседу с советским послом. Он говорил, что готов согласиться на легализацию КПК, но не может допустить существования китайской Красной армии и просит Советское правительство использовать свой авторитет в глазах китайских коммунистов, чтобы убедить Красную армию признать фактическое правительство Китая.

Следуя своей принципиальной ленинской внешней политике, Советское государство дало понять Чан Кай-ши, что если он захочет, то может договориться с китайскими коммунистами без какого-либо посредничества. Будучи крайне заинтересован в получении военной помощи от Советского Союза на случай войны с Японией, Чан Кай-ши был вынужден пойти на переговоры с китайскими коммунистами. В беседе с Д. В. Богомолловым 22 января 1936 г. он заявил, что считает возможным договориться с компартией на следующей основе: Красная армия признает авторитет центрального правительства и командования и, сохраняя свой теперешний состав, принимает участие в войне против Японии²⁰.

Во время встречи с Д. В. Богомолловым 21 марта 1936 г. Кун Сян-си секретно информировал его, что Чан Кай-ши уже ведет переговоры с Китайской компартией о едином фронте. Он лично надеется на успех²¹.

Следует подчеркнуть, что ход начавшихся переговоров между Чан Кай-ши и правительством СССР свидетельствовал о том, что вопросы улучшения отношений с Советским Союзом и примирения гоминьдана с китайскими коммунистами были тесно связаны между собой.

В докладе полпредства СССР в Китае от 24 июля 1936 г. говорилось: «Популярность идей единого фронта среди китайской молодежи (как это показало студенческое движение, среди массы интеллигенции, как это показывают многие официальные и неофициальные выступления их), среди рядовых гоминьдановцев и, наконец, среди части лидеров гоминьдана не оставляет никаких сомнений в том, что вопрос о едином фронте в Китае безусловно назрел»²².

Переговоры Советского правительства с нанкинским правительством Чан Кай-ши в 1935—1936 гг. проходили в очень сложной и трудной обстановке. В связи с неопределенной позицией и маневрированием Нанкинского правительства переговоры затягивались, но не прекращались. Они являлись важным фактором, удерживавшим Чан Кай-ши от дальнейших уступок Японии.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. XIX, стр. 35—36.

²¹ Там же, стр. 724.

²² Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. XIX, стр. 741.

После мирного урегулирования «сианьских событий», в первой половине 1937 г., Советский Союз и Китай приступили к обсуждению конкретных вопросов советской материально-технической помощи Китаю (вся подготовительная работа в этом плане была проделана раньше). Правительство СССР предлагало нанкинскому правительству заключить широкий договор, а также военно-техническое соглашение, предусматривающее: а) продажу Советским Союзом Китаю самолетов, танков и другого военно-технического снаряжения и предоставление для этой цели нанкинскому правительству кредита в 50 млн. ам. долл. с использованием в течение 2—3 лет и с покрытием стоимости доставляемого военного имущества равными долями в течение 10 лет поставками китайских товаров; б) подготовку в Советском Союзе китайских летчиков и танкистов, а также направление в крайнем случае советских инструкторов-преподавателей в соответствующую китайскую военную школу в одном из пунктов Северо-Западного Китая; в) в случае угрозы со стороны японцев единственной коммуникационной линии, связывающей Китай с СССР через Ганьсу, и в случае просьбы о том командования китайской армии посылку нескольких советских авиационных и танковых соединений для включения в китайскую армию, защищавшую эту коммуникационную линию²³.

Хотя нанкинское правительство Чан Кай-ши не торопилось с заключением пакта с СССР и военно-технического соглашения, все еще не теряя надежды договориться с Японией, тем не менее в переговорах с японцами оно заняло теперь более твердую позицию, отказавшись от японских условий «японо-китайского сотрудничества», выдвинутых Хирота в развитие его «трех принципов». Во внутренней политике нанкинское правительство более активно стало принимать меры к подготовке на случай вынужденной войны с Японией.

Вышел в отставку министр иностранных дел нанкинского правительства Чжан Цюнь, считавшийся сторонником уступок Японии; его место занял Ван Чун-хуэй, политик англо-американской ориентации, в руках которого внешняя политика гоминьдана оставалась потом, с некоторым перерывом, в течение всей войны с Японией. Одновременно с Чжан Цюнем лишился портфеля известный сторонник Ван Цзин-вэя, министр связи Гу Мэн-юй.

В апреле—мае 1937 г. в Снани уже шли переговоры между представителями КПК (Чжоу Энь-лаем) и гоминьдана (Чжан Цюнь), в июне гоминьдановский представитель появился в центре Пограничного района — Яньане, а Чжоу Энь-лай посетил резиденцию Чан Кай-ши в Гулине. Проявлением же противоположной, реакционной тенденции в политике гоминьдана в эти месяцы было то, что Чан Кай-ши продолжал военные операции против отрядов китайской Красной армии в южном и центральном Китае, остававшихся там после ухода главных сил в северо-западный поход в 1934 г. Как свидетельствовал генерал Е Тин (под командование которого впоследствии поступили части, уцелевшие в южном и центральном Китае после 1937 г.), гоминьдан после «сианьских событий» не только не согласился распространить на эти отряды Красной армии фактическое перемирие, установившееся между главными силами компартии в северо-западном Китае и гоминьданом, но «война против частей Красной армии и партизан на Юге была возобновлена с еще большей энергией. Вплоть до времени, последовавшего за японским нападением на Лугоуцяо, правитель-

²³ Документы внешней политики СССР, т. XX, стр. 701—702.

ственные силы, боровшиеся с коммунистическими войсками на Юге, не были отозваны. В этой ожесточенной кампании зимы 1936 и весны 1937 г. коммунистические силы на Юге потеряли около половины своих войск»²⁴.

Гоминьдановские власти продолжали подавлять и национально-освободительное движение в городах. Чжан Сюэ-лян, главный виновник ареста Чан Кай-ши в Сиани, был арестован, содержался Чан Кай-ши в заключении много лет и даже был позже вывезен на Тайвань. Позже был схвачен также и спустя годы убит в концлагере другой инициатор «сианьских событий» Ян Ху-чэн. В июне 1937 г. в центре провинции Цзянсу, городе Сучжоу, начался суд над арестованными в ноябре 1936 г. семью лидерами шанхайской Ассоциации национального спасения.

Подобные действия гоминьдановских властей вызывали возмущение и протест китайской общественности. Группа видных деятелей во главе с вдовой великого революционера Сунь Ят-сена Сун Цин-лин и вдовой его соратника Ляо Чжун-кая Хэ Сян-нин подала петицию в суд провинции Цзянсу, требуя, чтобы их также арестовали и судили заодно с семьей обвиняемыми: «Если патриотизм — не преступление, — писали они, — то мы будем оправданы вместе с ними. Мы готовы рисковать своей жизнью, чтобы проверить, является ли патриотизм преступлением»²⁵.

Всего за несколько дней до нападения японских войск на Лугоуцяо 12 человек во главе с Сун Цин-лин приехали в Сучжоу и, явившись в зал суда, заявили, что не уйдут, пока их тоже не арестуют²⁶. Только война с Японией прервала, а затем прекратила суд над семьей лидерами шанхайской Ассоциации национального спасения.

Кризисные явления в японской экономике в 1936 — начале 1937 г., а также стремление японских империалистов предупредить возникновение в Китае единого национального антияпонского фронта ускорили переход Японии к широкому наступлению на Китай. 31 мая 1937 г. в Токио было сформировано правительство во главе с одним из главных японских военных преступников — принцем Коноэ; целью этого правительства был захват Китая. 7 июля последовал «инцидент» у Лугоуцяо.

К моменту событий у Лугоуцяо в ряде районов Китая народ уже вел освободительную войну против японских оккупантов. В Маньчжурии против них несколько лет сражались партизанские части, возглавляемые коммунистами; в провинции Чахар в мае 1937 г. вспыхнуло антияпонское восстание, распространившееся также на провинцию Жэхэ. А вскоре после событий у Лугоуцяо, в июле, в г. Тунчжоу (восточнее Пекина), столице марионеточного правительства Инь Жү-гэна, восстали китайские охранные войска, которые перебили всех японцев, живших в Тунчжоу, и сожгли их дома.

Наступление японских захватчиков в Северном Китае, куда в течение июля — августа было перебросено несколько десятков тысяч солдат, требовало от Китая мобилизации всех сил на отпор врагу. Японцы заняли Пекин и Тяньцзинь; их авангард под командованием другого главного японского военного преступника, генерала Итагаки, выдвинулся на запад, где в августе овладел важным стратегическим пунктом Нанькоу²⁷. Стремясь нанести нанкинскому правительству ре-

²⁴ Autobiography of General Yeh Ting. "Amerasia". N. Y., 1941, № 1, p. 28.

²⁵ «Правда», 28. VI. 1937.

²⁶ «Правда», 7. VII. 1937.

²⁷ Г. Михайлов, М. Степанов. Японо-китайская война. М., 1941, стр. 26. 29—30.

шающий удар, японское командование высадил десант в Шанхае. 13 августа начались ожесточенные бои за овладение этим крупнейшим промышленным и торговым центром. В такой обстановке правительство Чан Кай-ши не могло больше откладывать принятие решений об установлении союза с прогрессивными антифашистскими силами на международной арене и в самом Китае.

Всего через неделю после открытия боевых действий в Шанхае министром иностранных дел нанкинского правительства Ван Чун-хуэем и советским послом в Китае Д. Богомолковым 21 августа 1937 г. был подписан Договор о ненападении между СССР и Китайской республикой сроком на 5 лет с правом последующего продления каждый раз на 2 года. Обе договаривающиеся стороны торжественно осуждали обращение к войне как средству разрешения международных споров, обязуясь воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами. Уже в этой первой статье договора фактически осуждалась японская агрессия.

Еще более определенный характер носила вторая статья, согласно которой в случае нападения на одну из договаривающихся сторон со стороны третьей державы (или держав) другая договаривающаяся сторона обязывалась «не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи такой третьей или третьим державам в продолжение всего конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающими или нападающими к невыгоде Стороны, подвергшейся нападению»²⁸.

Известно, что СССР добросовестно выполнил взятые обязательства. На протяжении всего японо-китайского конфликта 1937—1945 гг. не только симпатии СССР целиком были на стороне Китая, но Советским Союзом была оказана китайскому народу большая помощь в виде займов, поставок оружия, предоставления услуг специалистов, отправки добровольцев-летчиков, сражавшихся в небе Китая против японских агрессоров. Китайские политические и общественные деятели, в особенности коммунисты и другие прогрессивные элементы, не раз выражали благодарность СССР за помощь Китаю в этой трудной войне. В течение 1937—1941 гг. СССР оставался единственной державой, оказывавшей Китаю серьезную помощь.

Естественно, руководство гоминьдана понимало, что, заключая договор с СССР, оно должно предпринять шаги, направленные на достижение соглашения о едином фронте с компартией Китая. В конце июля в Гулине состоялось совещание по вопросу о сотрудничестве гоминьдановских войск и Красной армии, делегацию гоминьдана возглавлял Чан Кай-ши, компартии — Чжоу Энь-лай.

Компартия со своей стороны принимала меры к конкретному выполнению пунктов намеченного соглашения. Была официально прекращена конфискация помещичьих земель в Пограничном районе, избирательные права в этом районе были распространены на нетрудовое население (буржуазию, помещиков, кулаков и монахов). Красная армия, как это предлагалось уже несколько месяцев назад, была переименована в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая. Во главе 8-й армии остались коммунисты: Чжу Дэ (командующий), Пэн Дэ-хуай (заместитель командующего), Линь Бяо (командир 115 дивизии), Хэ Лун (командир 120 дивизии), Лю Бо-чэн (командир

²⁸ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, стр. 162.

129 дивизии). Несколько позже, в октябре — ноябре 1937 г., из частей Красной армии, действовавших в южном и центральном Китае, была сформирована еще одна армия — Новая 4-я под командованием Е Тина. 6 сентября 1937 г. бывший советский район, Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся, был переименован коммунистами в Особый район Китайской республики.

22 сентября ЦК компартии опубликовал официальное заявление об установлении сотрудничества с гоминьданом (текст заявления был передан гоминьдановскому правительству для согласования еще 15 июля). Наряду с пунктами о прекращении восстаний и конфискаций помещичьих земель, о реорганизации Особого района и Красной армии там же содержалось принципиальное положение о том, что КПК «будет вести борьбу за осуществление трех народных принципов Сунь Ят-сена».

Эти три принципа (национализм, демократия и народное благодеяние) долгое время считались программой китайской революции. Гоминьдан во главе с Чан Кай-ши, стремясь представить себя в виде единственного наследника и воспреемника учения Сунь Ят-сена, хотел бы изобразить дело так, будто, принимая три принципа Сунь Ят-сена, компартия якобы переходит тем самым на гоминьдановскую платформу. Фактически, однако, именно коммунисты, а не гоминьдан последовательно боролись за независимость своей родины, за демократию и улучшение жизни народа; именно компартия была подлинной наследницей того прогрессивного, что содержалось в учении Сунь Ят-сена.

Компартия в своем заявлении 22 сентября выдвинула также некоторые условия: требование к гоминьдану вести войну с Японией «быстрыми темпами и по-настоящему», осуществить демократизацию режима, улучшить жизнь народа. Фактически эти условия и являлись конкретным приложением к современной действительности трех принципов Сунь Ят-сена.

По предварительной договоренности с компартией гоминьдан одновременно должен был опубликовать декларацию о сотрудничестве с компартией. 23 сентября Чан Кай-ши выступил с соответствующим заявлением. Несмотря на то что Чан Кай-ши постарался придать своему заявлению максимально общую форму, все же оно означало официальное признание легального положения компартии на территории, контролируемой гоминьданом, и установление сотрудничества между обеими партиями.

Заявления компартии и гоминьдана от 22 и 23 сентября 1937 г. означали, что в Китае впервые с 1927 г. установлен единый национальный фронт. Рабочий класс и крестьянство, мелкая городская буржуазия, национальная буржуазия и помещики — все классы и основные группы китайского общества (кроме части крупной буржуазии и помещиков, пошедших на капитуляцию перед Японией) были представлены в рамках этого национального единства. Возникший в 1937 г. единый антияпонский фронт значительно отличался от единого национального антиимпериалистического фронта, существовавшего в Китае в 1923—1927 гг. Тогда, в двадцатые годы, речь шла о единстве двух революционных партий, имевших общих врагов — империалистов всех стран и реакционных китайских милитаристов. В 1937 г. единый фронт был установлен между партиями, которые в течение десяти лет ожесточенно воевали друг с другом, но в данный момент имели одного общего врага — японский империализм.

В 1923 г. компартия в отличие от гоминьдана не имела собственной территориальной базы и армии, была крайне малочисленна, ее

влияние в стране не шло ни в какое сравнение с влиянием, каким пользовался гоминьдан при Сунь Ят-сене. Формой единого фронта явилось в тех условиях вступление коммунистов в партию гоминьдан, при одновременном сохранении своей независимой партийной организации. В 1937 г. обе партии договаривались как две независимые силы, имевшие каждая свою территорию, свою армию и кадровый аппарат. Правда, количественно компартия, как и размеры ее армии и контролируемой ею территории, выглядела в 1937 г. очень скромно, но влияние партии в массах уже было довольно значительным.

В августе 1937 г. 8-я армия, возглавляемая коммунистами, выступила из Северной Шаньси на фронт; три дивизии, составлявшие эту армию, вступили с запада в провинцию Шаньси, на которую с северо-востока и востока уже надвигались войска японских агрессоров. В конце сентября 115-я дивизия 8-й армии столкнулась в районе горного прохода Пинсингуань, у Великой китайской стены, с авангардной 5-й японской дивизией Итагаки. Командир 115-й дивизии Линь Бяо на свою ответственность принял решение и дал бой наступающим японцам. 7-я бригада дивизии Итагаки была разбита наголову, японцы потеряли убитыми 3 тысячи человек²⁹. Хотя после этой битвы части 8-й армии, перейдя к партизанской войне, избегали давать новые крупные сражения японской армии, победа под Пинсингуанем имела большое значение: она развеяла миф о непобедимости японских самураев, высоко подняла в глазах китайского народа авторитет войск, руководимых КПК. Пинсингуань явился как бы первым проявлением единого антияпонского фронта в действии.

Поскольку общее наступление японских войск в Северном Китае продолжалось, части 8-й армии оказались в тылу японцев и немедленно приступили к созданию опорных баз сначала на границах провинции Шаньси, а затем и в других провинциях. Впоследствии из этих баз выросли управляемые компартией Освобожденные районы Китая с десятками миллионов населения.

В ноябре 1937 г. один из руководителей 8-й армии Пэн Дэ-хуай говорил в беседе с корреспондентом: «Мы решили оставаться в Шаньси, Хэбэе и вообще в Северном Китае вплоть до того момента, когда японские империалисты будут изгнаны из Северного Китая и Маньчжурии.

Мы готовы разделить свою судьбу с судьбой населения Северного Китая, тесно сотрудничать с ним и бороться против японской агрессии. Японские империалисты проглотили Северный Китай, как проглотили бы бомбу, которая рано или поздно взорвется... 8-я армия решила не переходить через реку Хуанхэ и оставаться в Северном Китае вместе с его стомиллионным населением. Мы организуем и вооружим мужчин и женщин Северного Китая, сделаем все сто миллионов населения борцами против японского империализма»³⁰.

Создание единого национального антияпонского фронта благотворно отразилось на всей обстановке в Китае. Единый фронт помог мобилизовать силы нации для отпора внешнему врагу.

В 1937—1938 гг. гоминьдан, хотя и не последовательно, в общем соблюдал обязательства, взятые на себя при заключении соглашения о едином фронте. В этот период Китай, несмотря на поражение в войне с могущественным противником, в своем политическом развитии

²⁹ См. Д. Бертрам. На фронтах Северного Китая. М., 1940, стр. 73.

³⁰ Беседа с Пэн Дэ-хуаем о текущем моменте (письмо из Шаньси от 15 ноября 1937 г.). — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 1, стр. 77—78.

шел вперед, легально действовали прогрессивные организации, народ воспитывался в духе патриотизма, из партизанской войны в тылу японских оккупантов вырастали Освобожденные районы, сохранившиеся и после войны. В этот период прогрессивные силы Китая надеялись, что гоминьдан сможет принять участие в общем процессе демократизации, что его реакционное крыло будет изолировано, и из огня народной войны против иностранного империализма родится новый Китай.

Когда же гоминьдан с 1939 г. стал все больше поворачивать вправо и проявлять в войне против Японии все большую пассивность, китайская компартия и ее вооруженные силы взяли на себя гораздо большую долю участия в национально-освободительной войне.

На всех этапах войны Китаю была обеспечена бескорыстная помощь Советского Союза. Прямая помощь оказывалась им в широких масштабах в 1937—1941 гг. В 1941—1945 гг. главной помощью китайскому народу стала борьба СССР против основной силы фашистского блока — гитлеровской Германии. Одержав победу на Западе, СССР разгромил затем на Дальнем Востоке империалистическую Японию, оказав решающее содействие освобождению Китая.

Создание единого национального фронта в Китае и заключение советско-китайского договора в 1937 г. содействовали не только избавлению китайского народа от японской агрессии, от оккупации, но также усилили в конечном счете демократический лагерь в Китае, за которым было будущее.

Проблема наследия

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Наряду с изучением литературного процесса современности советские востоковеды, синологи в частности, не прекращают исследование литератур прошлых эпох, в том числе древности и средневековья. Одна из главнейших задач — закономерности литературного процесса в странах Азии, выявление в национальных литературах различных народов соотносимости противоборствующих факторов — прогрессивных, демократических и феодально-аристократических. Усилия ученых направлены на то, чтобы обнаружить в словесном творчестве народные его истоки, взаимосвязь мироощущения автора с окружающей его жизнью, отношение к борьбе антагонистических начал и т. п. И здесь существенным фактором выступает фактор времени. Время едва ли не самый суровый судья, который беспристрастно отвергает все посредственное и неполноценное, отбирает и хранит наиболее совершенное, самое достойное.

Мы исходим из того понимания, что научные исследования филологов, историков, социологов и эстетиков, в которых проливается новый свет на различные стороны человеческого бытия, содержатся оригинальные наблюдения и творческие суждения, могут играть позитивную роль в интеллектуальном развитии современного человека, обогащении его эстетического мира.

Сам круг идей, представлений, мыслей и чувств, создающий окружающую нас дивную атмосферу: образ мышления, наше видение мира и человека, обретаемые нами благодаря усвоению интеллектуальных ценностей, — все это становится нашим достоянием под воздействием художественных творений прошлого, эстетического наследия человечества, в том числе наследия китайского народа как составной части общемировой культуры. Иными словами, речь идет о синтезе художественных культур человечества, основанном на неотвратимом взаимообогащении идей и творческих достижений различных народов и стран.

Общезвестно, что многие вещи — произведения литературы и искусства прошлого — не отвечают нынешнему времени, но мы их оберегаем, продолжаем ценить. И в этом мы видим свидетельство непреходящего значения подлинного творчества, великих ценностей человеческого созидания.

Не переставая восхищаться неумирающими памятниками материальной и духовной культуры различных народов и цивилизаций, мы стараемся осмыслить особенности и своеобразие этих великих ценностей. Памятники египетской скульптуры, конечно же, доносят до нас эпоху древности с ее высоким мастерством ваятелей и архитекторов, но памятники эти, при всей их неповторимой самобытности, не обладают той личностью, которую, к примеру, таит в себе великая поэзия античного мира или китайской древности. С уверенностью можно сказать, что никто еще до конца не исчерпал Гомера, Цюй Юаня, Ли Бо, Данте, Шекспира, Пушкина, Толстого, Достоевского, Лу Синя — им нет границ, нет полной им меры.

Благодаря памятникам прошлого, истории и литературы минувшие эпохи постоянно обращены к последующим поколениям. Они предстают перед нашими глазами и мыслью, напоминая нам о глубине времени, о корнях человеческой родословной. В этом нельзя не замечать связь времен, неотвратимость исторического процесса, как и нескончаемость художественного творчества, словесно-речевого искусства.

«Я в раздумьях о древнем; о, раздумья мои глубоки!» — говорит великий Тао Цянь (IV—V вв.) в своем поэтическом откровении, как говорили об этом до него, как продолжало мыслить и воспевать священную древность, восхищаться поэтическим наследием прошлого неисчислимо множество певцов и после, вплоть до современности.

Что же уносят люди из прошлого, отряхивая с ног своих его прах и устремляясь в неизведанное будущее? Перед исследователем неизбежно возникает вопрос о том, входят ли эти ценности в современность, которая пролегает между хранилищем прошлого и тем будущим, которое закладывалось в минувшем и создается человеком в настоящем. Проблемы слова и его выразительности занимали человечество с незапамятных времен. То, что говорилось во времена античности, в Греции и Риме, в древнем Китае или Индии, во многом сохраняет свое значение и поныне. Писатели и поэты, филологи и эстетик в потоке современной мысли не устают спорить, высказывать свои суждения по различным сторонам содержания и формы данной проблемы. То есть по проблемам поэтики как совокупности художественных принципов и средств того или иного литературного течения, писателя, как теории литературы, изучающей структуру поэтических произведений, поэтическую форму, приемы поэтического творчества, словесно-речевого искусства.

Современный человек обращается к мощи всей культуры, стремясь раздвинуть границы духовного мира, вместить в своем сознании небывалый поток сведений, новейшей информации, но вместе с тем пытается устоять перед ее нарастающим потоком, перед захватывающим дух ошущением нескончаемости мироздания. Неостановим поток времен. В наше нынешнее входит непременно часть от прошлого и какая-то часть от будущего. И разве взаимодействие и противоборство этих составляющих частей не является тем, что мы называем современностью? Но что представляет собой понятие времени для литературы? Время — это прежде всего человек, типы и образы людей. Человек в самой своей сущности и есть живое воплощение времени, истории. Много, бездна самих предпосылок идет от прошлого. И потому невозможно осмыслить настоящего без знания минувшего, наследия прошлого. Нельзя увидеть и будущее. Здесь должна быть усвоена живая связь времен. Примечательны в этом отношении слова Николая Рериха: «Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое и будущее не только не исключают друг друга, но наоборот, лишь взаимукрепляют... Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Но разве прошлое не является чудесными вратами к тому будущему достижению?»

У каждой исторической эпохи есть свой взгляд на минувшее, на творцов духовных ценностей прошлого. По слову Гейне, позднейшие поколения откроют в Гёте, помимо способности пластически созерцать и мыслить, многое другое, о чем мы не имеем теперь никакого представления. При этом Гейне отмечал также, что каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового. Движение времени, то есть жизни, в литературе определяется тем, что в ней возникают характеры, типы, образы, которые, в особенности, воплощают в себе, помимо прочего, приметы времени, черты эпохи. И нередко на типичных этих персонажах лежит ответ будущего.

Мы знаем, что марксистская наука отвергает культ абстрактного человека, человека вообще, вне истории, вне социальной среды. Человек всегда принадлежит исторически определенной социальной системе. Он формируется в определенной общественно-экономической формации, принадлежа к своему классу, нации, первичному коллективу. Конкретный человек, личность обладает определенными чертами, свойственными каждому, всем без исключения. Это способность трудиться, мыслить, говорить. Присущи ему и свои особенные черты, характеризующие его как индивидуальность, как личность. Таким образом, конкретная личность

есть продукт общества, социальной среды, в которой она развивается и действует.

Личность формируется общественными отношениями, социальными условиями и обстоятельствами. В свою очередь она влияет и формирует саму общественную жизнь. Нельзя забывать, писал К. Маркс, что «обстоятельства изменяются именно людьми».¹ Формирование общественной жизни и отношений осуществляется человеком посредством его труда, социальной активности, воли и разума, творческой деятельности. Несомненно, что мера воздействия людей на социальную среду зависит от многих обстоятельств, в особенности от качеств человеческой личности, интеллектуальных и творческих ее особенностей.

Поколения людей воспитывались классической литературой, тем огромным наследием, которое создавалось светлыми гениями человечества. Мы и сегодня продолжим жить в сфере действия ее гуманизма. Священный долг новых поколений — бережно хранить наследство, ценить высшие творения человеческого духа, национальной культуры, общемировые художественные ценности. Это и есть путь познания человека, человека в мире и мира в человеке.

Читатель, обращаясь к художественному произведению, всматривается в раскрывающуюся перед ним со страниц книги как бы вторую жизнь, стремясь найти здесь то, что более всего его волнует: созвучность своим мыслям и переживаниям, ясность ответов на личные вопросы, невольно сопоставляя чужую долю и чужие поступки со своей судьбой, поведением, чертами личного характера. И кто знает, какова бывает глубина и мера чувств, разочарований и мужества, сколько сомнений, отчаяния, слез, волнения, сострадания и счастья приносит чтение человеку. Таково воздействие художественного творения, которое, по замечанию Льва Толстого, и есть — «заражение чувствами».

При исследовании памятников древнекитайской литературы важнейшее методологическое значение для нас имеют высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о возможном несоответствии экономического уровня развития общества состоянию искусства. Мы знаем, сколь глубокое историко-материалистическое истолкование получило в марксистском литературоведении положение о том, что античное искусство сохраняется и в настоящее время может «...в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом».² Это означает нерасторжимость времени, существование прошлого сегодня, прошлого, как и будущего.

Литературные памятники древнего Китая мы рассматриваем не изолированно, не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737.

обособленно, но в их взаимосвязях и обусловленности общественной жизнью, раскрывающейся во всем ее многообразии и противоречивости. Мы также исходим из необходимости исследования специфики словесного творчества, своеобразного выражения общественных закономерностей в литературе как виде идеологии, как виде искусства слова.

Сохраняя живую связь со своим временем, подлинное искусство обращено не только к своим современникам. Настоящее обретает свое значение и смысл в свете будущего. Однако будущее — это не просто продолжение или экстраполяция, исходящая из настоящего. Оно сопряжено с корнями минувшего. Опыт прошлого, историческая перспектива — нерасторжимы с формированием мира грядущего.

Таким образом, будущее возникает из настоящего. Это, конечно, так. Но настоящее не единственный здесь источник. Будущее своим путем происходит также из минувшего, из опыта всего нескончаемого числа предшествующих поколений. Это тоже, видимо, так. Современный человек — результат миллионов лет существования и развития земли, ее цивилизации. Он содержит в себе все прошлое жизни, но он несет и будущее человеческого рода.

Прошлое и настоящее постоянно сосуществуют в каждом человеке. Мы несем себе прошлое, которое неотвратимо проявляет свою сущность. Не все уходило и уходит бесследно, хотя трудно определить, что остается и что исчезает, навсегда уносится рекою времени. Помимо всего, разве не все в реальности, включая прошлое, предстает в свете будущего? Из этого вытекает задача исследователя: смотреть в будущее, вглядываться в то, что ждет искусство слова, а следовательно, искусство мысли.

В свете изложенных соображений возникает, в частности, вопрос о том, насколько правомерно о «Шицзин» — памятнике, отстоящем от нас на целые тысячелетия, говорить как о произведении нам близком, современном?

Следует прежде всего отметить, сколь удивительна роль, которую в течение веков играло в Китае искусство слова, поэзия как нерасторжимая сущность каждодневного существования человека. Свод народных песен и древних гимнов «Шицзин», который приобрел значение классического канона, на протяжении тысячелетий занимал особое место, как книга откровений и жизненного опыта. Литературные источники сохранили наставления Конфуция своему сыну — читать и изучать «Шицзин». «Почему не учите вы стихи?» — обращался мудрец и указывал на незаменимость этого поэтического источника в постижении окружающей реальности.

Поэтическая антология «Шицзин» представляет собой первый письменный памятник китайской поэзии и является неповторимым образцом самобытного художественно-

го творчества народа. «Шицзин» — подлинная энциклопедия, живая история поэтического искусства, богатейший мир своеобразных образов, многочисленной и оригинальной поэтики. Поэзия «Шицзин», хранящая в себе национальное поэтическое богатство, глубоко вошла в жизнь китайского народа и до сих пор не утратила свою непреходящую художественную ценность.

В этой связи, однако, необходимо также сказать, что время — не единственный критерий при рассмотрении произведения искусства, в частности произведения искусства слова. Высоту, разумеется, может оценить и современник, но прочность фундамента — только потомки. Это применимо и к явлениям, возникающим в процессе развития искусства слова в Китае. Поэзия живет в своем возвышении и уничтожении. В вечном отборе. С древнейшего периода в литературном творчестве идет неостановимый процесс накопления художественных ценностей. Накопления и отбора всего наиболее значимого и действительного. Следовательно, благодаря такому селекционному процессу лишь подлинно талантливые произведения не утрачивают своей притягательной силы для читателя, воспринимаются нами как современные, независимо от того, к какой эпохе относятся их происхождение.

Разумеется, «Шицзин», то есть его древний иероглифический текст, отнюдь не прост для восприятия современного читателя по ряду причин: из-за архаичности лексики, стиля, множества бытовых подробностей, бесконечно далеко от нас отстоящих и со временем растворившихся в тумане истории. Но есть в «Шицзин» слова не нынешние, а вечные, хотя и тронутые патиной времени. Чтение «Шицзин», как и любого древнего памятника литературы, требует специальных знаний, прежде всего филологических и исторических.

Чтение «Шицзин» требует не просто знания иероглифических знаков и сочетаний. Здесь необходимо вживаться в текст, вживаться наиболее активным образом в запечатленный в нем процесс, понять, осмыслить его во всей глубинной первородности, возникшей под воздействием времени, самобытной общественной реальности. Вокруг этого памятника возникла огромная литература и выросла целая наука, получившая название «Шицзинсюэ» («шицзинноведение»).

Время возникновения поэзии «Шицзин» явилось основополагающим периодом в художественном движении китайского народа. Именно в эту пору складывались национальные традиции древнекитайской поэзии, определялись ее специфические качества и свойства, ее своеобразие — все то, что составило ее вклад в историю мировой поэзии. Произведения «Шицзин» обладают самобытной афористичностью, тонкостью наблюдений: выразительностью, народной мудростью. Древнекитайская фразеология, лексика, стилистика поэзии «Шицзин» представляет большой семантический и лексико-логический интерес.

Язык песен «Шицзин», думается, не всегда разумно раскладывать на составные части, перебирать и сортировать ожерелья метафор, сравнений, параллелей. В них самоцветы народной речи и мудрости. И природа поэтических таинств, и скрытый смысл вещей.

Дело не в самих словах, а в волшебстве их порядка. «Шипенье пенных бокалов и пунша пламень голубой» — разве слова здесь не самые обычные? В чем же тайна? В их расстановке, в музыкальном расположении слов. Именно в этом таинство искусства, поэтическая магия.

Язык, особенно в стихотворной части, не всегда дает точный зрительный образ. Для него порой характерна некоторая расплывчатость, незаконченность. Все это идет от песенной традиции глубокой древности, сочетающей в себе предметную простоту и улубленность.

Слова в поэтической связи выражают больше, чем они значат, будучи взяты отдельно. Одной из существенных причин эмотивного богатства поэтической речи является социальный контекст, ее породивший и обеспечивающий ассоциации и нюансы, соответствующие авторскому заданию. Помимо того, в языке «Шицзин», как и в каждом языке, особенно поэтическом, слова, кроме всего, имеют как бы свой вкус, свой аромат, свою окраску.

Нередко здесь не законченный образ, а лишь намек, набросок, своеобразная посылка, которая не без труда поддается расшифровке. Часто в строках нелегко обнаружить точность, быть может, оттого, что делается это сознательно. Тут скорее не точность, а как бы недосказанность, намеренная многозначность. Песни «Шицзин» словно бы оставляют читателю, как невидимому соавтору, закончить стихотворение. И в этом заключена некая грация непринужденности, интимности, доверия. В них свои свет и тени, не просто черно-белые краски. Здесь разноплановое световое восприятие реальности, окружающего мира.

Художественное впечатление, которое производит песенно-поэтическое искусство на человека, представляет собой не просто воздействие на него, но и возникновение ответного сигнала, который подтверждает определенное восприятие произведения.

Мы говорим о послышке и ответе в импровизации, в сотворчестве, в результате чего возникает множество приспособлений и ярких индивидуальных красок, подчиненных основной мысли художника. Важно при этом не только сотворчество, но и сама таящаяся в человеке способность к дальнейшему соучастию в творчестве, к углублению и обогащению образа.

Существенно при этом и соблюдение меры в пропорциях. Чем меньше сказанных слов, чем экономнее выразительные средства, тем больший простор для размышлений, воображения, для довоссоздания картины. В поэзии «Шицзин» всего выше ценились краткость, тонкий намек. Этим часто и объ-

ясняется стремление авторов песенно-поэтических произведений к самоограничению: минимум слов, крайняя скупость выразительных средств.

Иными словами, подводить читателя, пользуясь современной терминологией, к творческим решениям, дать ему самому обнаружить в едином акте осмысления и переживания все таящееся в произведении, то есть представить мир людям, чтобы они могли преобразовать его силою своего разума и сердца. В этом, быть может, одна из причин того, что на одни и те же мелодии «Шицзин» в дальнейшем создавалось огромное, не поддающееся учету, множество песенно-поэтических различных по содержанию произведений.

Искусство, на наш взгляд, теряет, когда нет ничего недосказанного, сокрытого, загадочного, а есть только то, что лежит на поверхности, перед нашими глазами, когда все самоочевидно. Искусство проигрывает, если оно остается во власти этого поверхностного, самораскрытого материала вместо того, чтобы стимулировать читателя или зрителя — проникнуть в сущность явления и обогатиться внутренним содержанием, движимым озарением в человеческой душе.

Искусство, в том числе словесное, способствует гармонизации чувственных восприятий человека. Эмоциональные ощущения в свою очередь сопрягаются с эстетическими отношениями, которые взаимосвязаны с нравственными, то есть духовными, этическими. Искусство слова призвано пробуждать в человеке способность чувствовать себя непосредственным участником воссоздаваемого средствами живописи и словесного творчества. Способность к сопереживанию помогает нам познать самих себя и окружающую жизнь. Процесс этот постоянный, саморазвивающийся. И едва ли кто-либо решится сказать, что все уже сделано, завершено, достигнуто и нечего больше совершенствовать, развивать, не к чему более стремиться в творчестве.

Фольклорные песни «Шицзин» затрагивают такие вечные темы, как любовь к родному краю, отчему дому, и это делает их созвучными всякой эпохе. Чувства любви и дружбы получили в «Шицзин» свое обычное и многообразное выражение, свободное от вычурности, красноты, декоративности. Но, как это бывает в жизни, часто это — трагическая поэзия, горькие струны: многие песни исполнены печали и скорби по убитым и погибшим, неизбывной горечи, вызванной разлукой с родными, одиночеством, обидами за невзгоды и неурядицы. Здесь особенно ощутимы черты жизненности, эмоциональный настрой поэтического рисунка всегда исполнен непосредственности и чистоты.

Необходимо отметить, что отношение к китайскому фольклору, видимо, как и вообще к фольклору, едва ли не во все времена было различным. Накопленный в этой области опыт позволяет выделить несколько тенденций, обозначившихся с давних пор.

Это, во-первых, натуралистичность, подражательность, копирование поэтических образов, которые создавались в процессе народного творчества. Такое обращение с фольклором не приносит ничего существенно нового, не обогащает и не развивает достигнутого ранее. Оно лишь повторяет и ограничивается имитированием, в лучшем случае — фотографической пересъемкой. Известно, однако, что копирование, хотя и лишено права на существование, никогда не достигало силы выразительности и обаяния творчества оригинального. Речь здесь, разумеется, идет не о плодотворных традициях, имеющих положительное значение и получающих преемственное развитие, в частности развитие художественных принципов, выработанных и найденных ранее. В данном случае мы имеем в виду своего рода эпигонство, лишенное творческой оригинальности и чуждое новаторству.

Во-вторых, это упрощенчество, опoшление и вульгаризация фольклорного творчества. Псевдонародные подделки грубо искажают саму природу фольклорного искусства, несовместимы со всем его образным строем — поэтичностью, лиризмом, художественным вкусом. Это, по сути, — разрушительная тенденция, чуждая подлинному народному творчеству, которому она наносит ущерб, делает его вульгарным. Нигде и никогда, однако, народ не был вульгарным.

И наконец, третья тенденция, которой на наш взгляд, присуща уважительность к народному творчеству, проникновение в саму природу фольклорного искусства. Для нее фольклор, как и всякое народное творчество, есть своеобразный автопортрет народа. Отсюда стремление постигнуть первоисток, внутреннее его содержание, жанровые и стилистические особенности, осмыслить сюжетность, которая в самой природе фольклора, связанного с традициями, обрядами, историческими и бытовыми особенностями народа. Иными словами, направление это преследует цель творческого освоения лучших образцов народного искусства, дальнейшего развития всего ранее достигнутого.

В этой связи нельзя не указать на творческое отношение художников к народному искусству слова, которым характеризуется подход к фольклору таких гениев китайской поэзии, как Цюй Юань, Тао Юань-мин, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Су Ши, многих других. Поэтическое их творчество органически связано с фольклором. Из этого основного родника они черпали темы, сюжеты, образы, характеры, мелодии и вновь возвращали их народу в еще более совершенном и прекрасном виде, возвращали преобразованными поэтической фантазией, волшебством своего искусства.

И здесь трудно преувеличивать значение фольклорных песен «Шицзин», в которых отражена изначальная система прекрасного, как она формировалась на ранней стадии эстетического развития в Китае, прекрасного как смысла человеческого су-

ществования. Каждая песня «Шицзин» рассказывает что-то неповторимое из далекой истории, жизни и быта китайской древности. При этом раскрытие духовного мира поэта, мыслителя происходит одновременно с раскрытием естественного мира природы. Окружающая природа и человек существуют в нерасторжимом единстве: они друг друга не подменяют, не навязывают, не стремятся к взаимному отрицанию и доминированию.

«Шицзин», безусловно, является ценным источником разнообразных сведений о том далеком времени, которое отображено в этом памятнике. Несмотря на интерес, который представляет данный источник сведений, едва ли было бы обосновано в каждой поэтической строке пытаться обнаруживать реальные факты и достоверные исторические события. Следует иметь в виду, что в песнях «Шицзин», как и вообще в художественных произведениях, правомерны известные отступления от реальности, поэтические вольности, несоблюдения исторической точности и т. п.

Поэзия «Шицзин» — это всегда открытие, открытие неожиданное, рождаемое в сокровенных глубинах сознания и эмоций. Отсюда проблема искусства и действительности. Проблема специфического в соотношении с общим, в их взаимосвязях. Тайна их взаимопроникновения. Часто проходят века, но искусство словно бы лишь сосредоточивается. Наступает, однако, какое-то мгновение в действительности, которое порождает чудо искусства. Неумирающего, неповторимого, вечного.

Возникает также вопрос о том, каково соотношение в поэзии «Шицзин» вымысла и реальности, какова была мера поэтической вольности в древности, насколько совпадают законы художественного творчества китайской старины и современности. Несомненно, соотношение факта и вымысла в поэзии «Шицзин» отличается от того, что мы наблюдаем в китайском поэтическом творчестве позднейших эпох. Древние певцы своими путями искали смысл вещей. Можно констатировать, что поэтическая вольность в древности была более ограничена, и для творцов песен «Шицзин» в основном характерна ориентация на достоверность. Они преимущественно писали из своего живого опыта.

Чистый вымысел здесь — явление редкое, хотя условность как средство поэтического изображения применялась довольно широко. Многие же здесь находило выражение в своих бесконечно далеких от нас символах. Песни «Шицзин» — это, конечно, не документальное свидетельство о подлинных событиях и явлениях, но скорее зафиксированное впечатление или поэтическое к ним отношение создателей этих песен. Они, разумеется, не могут нам заменить последовательное историческое повествование или летопись с ее точно обозначенными датами, именами конкретных лиц, географическими названиями и т. д.

Мы не можем предъявлять к ним такие же требования, как к достоверному документу. Но «Шицзин» дает нам столь же правдивую, сколько и красочную картину самобытной жизни периода глубокой китайской древности. Песни «Шицзин» неизменно выводят мысль к рассказу о живой непосредственности, о времени, его движении, особенностях его цвета. В них порыв человеческого духа.

Мы вправе поставить также вопрос и о том, не восходит ли вообще лирическое начало китайской поэзии древности к возникновению сознания или самосознания человека? Все пути ведут к человеку, его образу жизни, мировосприятию. Поэтическое видение жизни людям всегда было желанным. Поэзия со временем приобрела особую актуальность и как нравственное самопознание, как постижение общественного призвания человека, и как эстетическая мера вещей. При всей их неизбежной исторической ограниченности создатели песен «Шицзин» обладали умением наблюдать и думать, искать, изображать. И не только то, что перед глазами, но и то, что они чувствовали, знали, запоминали. Многие стихи «Шицзин» отнюдь не предназначены потрясать читателя. Они, скорее, создавались для того, чтобы вас затронуть, пробудить определенные эмоции, настроения. Фольклорные эти песни предстают перед нами и теперь как искренние, чистые, мудрые, проникнутые нравственной покоряющей силой. Иной вопрос: как влияет время? Разве время одинаково влияет на всех? Едва ли. На разные умы оно может влиять по-разному. То же самое можно сказать и о восприятии человеком реальности и искусства слова, поэзии в частности.

Песенные строки «Шицзин» вместили в себя бесконечный мир китайской древности. Лирика этого памятника поэтически насыщена, отличается непосредственностью и «прелестью нагой красоты». Язык и образы «Шицзин» порождены духовной и материальной связью с природой, отшлифованы внутренним человеческим чувством, высветлены зрением и разумом. Здесь органически сплавляются мир человека и мир природы, создавая неразрывную земную связь. Перечеркивая поэзию «Шицзин», невозможно понять значение китайской поэзии вообще как могучего воздействия на мысли и душу человека.

Эпоха «Шицзин» — это время повсеместного звучания песенно-поэтической стихии. Напевные строки не сходили с уст не только современников создателей этих песен. Они не уходили из памяти сердца поколений. Они словно бы звали потомков в далекие путешествия, но не отрывали от корней. Напротив, ощущение корней еще более усиливалось.

«...Младенческий, древний мир, — пишет Маркс. — ...действительно возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее

установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — пошло»³.

Иное дело, когда мысль исследователя соотносит современность с прошлым, ищет новые решения, создает концепции, опирающиеся на тщательный анализ материала, когда обобщаются конкретные явления и открываются новые перспективы для дальнейшего изучения предмета. Именно в таком подходе таится секрет новаторства теоретических трудов литературоведения.

Произведения «Шицзин» историчны. В них запечатлены бесценные детали быта, языка, устремлений людей столь отдаленной от нас давности. Они как бы высвечивают внутреннюю логику многосложного процесса, который объемлет прошлое и нынешнее, былое и современность. И противоположения минувшего и будущего, современности и истории обретают черты относительности, условности, диалектической обусловленности.

Необходимо также иметь в виду, что значение художественной детали в поэзии «Шицзин» весьма велико. Творцы фольклорных песен, несомненно, понимали, что раскрытие окружающей реальности через образную деталь, умение добиться отражения мира словно в прозрачной капле — большое мастерство. Порой это способность угледеть и ощутить в былинке целую бездну, огромный мир бытия, увидеть и восхититься чем-то безыскусным, едва приметным, ненавязчивым. При этом одного лишь мастерства здесь еще недостаточно. Нужен еще отбор, сознательный отбор именно такого впечатляющего частного события, которое действительно может послужить своеобразной моделью воссоздаваемого мира.

Значение художественной детали, восходящей к «Шицзин», трудно переоценить в последующем развитии китайской поэзии. Поэты разных эпох в создаваемых ими произведениях неизменно обращали внимание на подробности и детали, которые часто играют значительно большую роль, чем просто деталь. В лучших песенных стихах более позднего времени подробности — бытовой ли, пейзажной — придавалась особая цель и тем самым определялась ее значение в широком контексте. При этом учитывалась природа художественного образа с точки зрения его особых коммуникативных возможностей, содержательности и сущности доставляемого им эстетического удовлетворения.

Интерес, разумеется, представляет происхождение сюжетов и мотивов песен «Шицзин», обстоятельства и время их возникновения, социальные и эстетические их корни, но задача эта крайне сложная, а то

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 1, М., «Искусство», 1957, стр. 181.

и просто непостижимая в наше время, столь отдаленное от эпохи возникновения произведений этого памятника. Одно представляется бесспорным: содержание песен «Шицзин», отобранное в них своеобразии исторических условий, мироощущение, весь строй этих художественных творений дают основания утверждать, что мы имеем здесь дело с самостоятельным и самобытным творчеством китайского народа. Уместно, пожалуй, привести слова А. С. Пушкина, относящиеся к характеристике миропонимания и творчества: «Есть образ мыслей и чувствований, есть те же обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»⁴.

Что же в поэзии «Шицзин» всего важнее? Темы, сюжеты, образы? В поэзии главное — сама поэзия. По слову мудреца, наука вышла из поэзии. Порой поэтическое постижение идет рядом с научным познанием, отнюдь не противореча ему, напротив, в полной мере соотносясь с ним.

Поэзия обогащает художественную культуру не только благодаря наблюдательности и впечатлительности творческой личности, но и за счет глубины ее философского воздействия. Однако в отличие от философского познания мира поэзия не сводит неизвестное к известному. Ощущение неизвестности, недосказанности или невыраженности, ощущение индивидуальности в поэтической находке обуславливает специфику эстетического наслаждения, получаемого от эмотивного высказывания.

Наука, оперирующая категориями понятий, системами, формулами, способна на раскрытие великих тайн окружающего мира и природы, на логическое объяснение причинной связи и закономерности общественного развития. Возможности науки поистине неизмеримы. Но есть область, где одной лишь науки недостаточно: это — чувства человека, его эмоциональный мир, в котором возникают образы во времени и определенной социальной атмосфере. Эту роль выполняет художественная литература, поэзия, словесно-речевое искусство. Ничем другим специфическая эта область творчества человека перед безмолвной тайной бытия заменена быть не может. При этом поэзия, как и философия, является постижением не собственно объектов, а их отношений, взятых с эмотивной стороны. Круг объектов, которые могут быть доступны поэтическому освоению, практически безбрежен, ничем не стеснен.

Песня неразрывно связана с жизнью народа, развитием вкусов, изменением мироощущения. Ценность песен «Шицзин» в том и состоит, что поэтические создания древних китайцев донесли до нас национальное своеобразие и социальную специфику. Качественные эти особенности оказа-

лись настолько устойчивыми, что они явились как бы канвой для дальнейшего развития китайской словесности, ее обогащения, поиска новых стилей, нового движения слова, вбирания в речевое искусство всего лучшего. Все это помогало народу сохранять в своем сознании жизнь во всей ее многогранности.

Марксизм, как известно, отнюдь не отрицает национальные и исторические особенности развития духовного творчества различных народов как в прошлом, так и в настоящем. Особенности, происходящие из общественного движения, национальных, этнических, психологических и других своеобразных условий жизни и развития того или иного народа.

При взаимосвязях с другими литературами, общемировым искусством слова важнейшим фактором остается национальная самобытность литературы. Словесное творчество каждого народа сохраняет свои национальные черты. И терять этого нельзя. Иначе национальные литературы не будут интересны. Они окажутся все на один лик, поблекнут, как цветы, вырванные из родной почвы. Чтобы сохранить свои краски и аромат, цветам нужна непререженная корневая система.

Художник всегда интересен как воплощение самобытной национальной культуры. Важную роль при этом играет также индивидуальный стиль каждого писателя. И если справедливо, что писатель создает свой стиль, то не менее справедливо и то, что стиль создает писателя. Потому взаимное общение и обогащение литератур тогда плодотворны, когда в этот процесс вовлечены самые высокие достижения, творения крупных, самобытных художников. Оставаясь верным сыном своего народа, художник должен стремиться возвысить национальный материал до общемирового значения и смысла.

Как нет писателя без индивидуальности, так и нет взаимообогащения в том, чтобы поднимать художника выше, приобщать к тому, чего не смог он достигнуть сам. Но общение художнику необходимо не затем, чтобы он обезличивался. Любая творческая личность, любой крупный художник — явление общественное. Он всегда занимает определенную жизненную, а следовательно, идейную позицию — как человек и художник.

Каждый писатель может быть интересен для нас лишь в том случае, если у него найдется свое, особое, неповторимое слово. Создания поэта, ставшего великим для своего народа, становятся неотъемлемой частью культуры человечества. Рано или поздно они находят пути ко всем народам, превращаясь в общее их достояние.

Важнейшая проблема соотношения национального и интернационального, подлинно общечеловеческого — это, с одной стороны, глубокое освещение самого ценного, животворного наследия прошлого, а с другой — защита неповторимого своеобразия

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, изд. АН СССР, М., 1958, стр. 39—40.

зия национальной культуры от влияния многого универсализма. Иными словами, речь идет об обогащении национальной литературы теми истинно универсальными, общечеловечески значимыми ценностями, которыми обладает сокровищница мирового искусства слова. Культурные ценности, плоды художественного и научного творчества должны служить целям духовного развития и обогащения народов всех стран и континентов, всего мира. Попытки подходить к другим культурам с помощью схем предвзятости подобны чувству ослепленности. Как гласит народная мудрость, «одержимый золотом не замечает людей».

Древнекитайские литературные памятники — это отображение процесса духовного развития, сложного и противоречивого. В них утверждение и отрицание: диалектическое движение мысли, развитие мировоззрения, познание общественно-исторических условий, порождавших на разных этапах сознания веру в силы добра, разума, гуманности, свободомыслия, справедливости.

Литературные памятники — «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин» — это хранители духовных ценностей минувших веков и событий. Особенно это относится к «Шицзин» — началу начал словесности, художественного творчества китайского народа.

Что знали бы мы об условиях общественной и частной жизни, нравах, обычаях, умонастроениях, подвигах и сражениях людей давно ушедших эпох, если бы это далекое прошлое не было сохранено в памятниках древнекитайской литературы, способных вновь раскрыть перед нами биографию китайского народа? Раскрыть в иероглифическом знаке историческую самобытность, многосложные сплетения событий и обстоятельств, поиски истины и смысла бытия, раскрыть при этом не в частности, но в явлениях закономерных — в этом мы видим важность научного изучения памятников старины, обладающих неоспоримой духовной ценностью, незаменимых при поисках подлинной картины минувшей жизни. Из этого вытекает задача пробиться сквозь все перекрытия, разглядеть действительную структуру и состав исследуемых памятников и произвести расчленение литературного материала, вошедшего в состав изучаемых произведений.

Рождение поэтического слова вызывается определенной потребностью. Потребностью человека. Его стремлением выразить свои чувства, мысли, настроения. Его желанием что-то сказать другим. Высказать радость или грусть. Поделиться сокровенными своими ощущениями, переживаниями, надеждами. Так было в самые отдаленные времена. Древнейшие памятники песенной поэзии, особенно такие, как «Шицзин», дают нам основание утверждать, что явления эти художественно отображены в глубокие доисторические времена. Похоже, что для создателей «Шицзин» поэзия, истина, песня были понятиями почти однозначными. Для

жизнеутверждения авторов «Шицзин» важнейшими факторами выступали прежде всего песня, музыка, гармония. Именно в них они обнаруживали созидательное начало, чарующее обаяние, многообразие красок и тональностей. Питаясь живыми впечатлениями, творцы «Шицзин» не утрачивали поэтической своей талантливости, неизменно сохраняя изящество и неиссякаемую творческую силу. Древняя поэзия, вобравшая в себя традиционную культуру китайского народа, донесла до наших дней отзвуки словесного чуда.

Мудрому человеку принадлежит замечание: «Литература — духовное завешание, которое одно поколение оставляет другому». И мы должны быть признательны творцам неумирающих человеческих ценностей, завешание которых не передается забвению неисчислимыми поколениями.

Известно, однако, что пекинские теоретики уже не один год ведут фронтальное наступление против исторического и духовного наследия, в особенности против наиболее самобытных традиций китайского народа.

События последних лет в Китае достаточно убедительно обнаруживают важность и актуальность марксистского исследования литературного и философского наследия прошлого, всего того, что на протяжении веков создавалось мыслью и творческими усилиями китайского народа и что входит ценным его вкладом в сокровищницу мирового речевого искусства. Именно из-за китайской стены доносились весьма странные суждения о ненужности культуры прошлого, о предании анафеме литературного наследия китайского народа, призывы к уничтожению прежних ценностей под видом ликвидации «феодалной отравы», чтобы навсегда убить традицию, бережно сохраняемую народом с незапамятных времен. Уничтожить источники прекрасного — значит уничтожить общечеловеческое словесное творчество. Но если вычеркнуть из памяти китайского народа великие его традиции и культурное наследие, что же останется? Убить традицию — значит уничтожить наследие прошлого, вековые сокровища культуры. Значит посягнуть и на самого человека — творца материальных и духовных ценностей. Убивать традицию — значит уничтожать не только прошлое и настоящее. Это значит уничтожить перспективу будущего. Разве труды поколений, творения ума и сердца неисчислимых мастеров слова не являются частью великой культуры, живой реальностью словесного искусства китайского народа?

Лишить китайский народ культурного наследия означало бы лишить его духовного потенциала, жизненной перспективы. Это — путь самоуничтожения, гибели, грозящей тем, что с лица земли были бы стерты бесценные творения искусства и культуры, создававшиеся неисчислимыми поколениями китайского народа. Это привело бы к опасно-

му подрыву моральных сил, опасности и для самого человека.

Вот цепь событий, свидетельствующих о деструктивной этой линии. 1942 г. обозначился яньаньским выступлением Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства, а также «кампанией по упорядочению стиля». В 1951 г. была развернута критика кинофильма «Жизнеописание У Сюня». 1954 г. прошел под знаком осуждения известного профессора Юй Пин-бо за его «ошибочные взгляды» о романе «Хунлоумэн» и разоблачения «идеологических ошибок» видного писателя Фэн Сюэ-фэна. В 1955 г. — травля крупного литератора Ху Фэна за его «антипартийные выступления». В 1957 г. — кампания против «правых» взглядов выдающихся писателей Дин Лин, Ай Цина, Чэнь Ци-ся и других, а затем, в 1965 г., в канун «культурной революции», преследование известных писателей и публицистов: У Ханя, Дэн То, Ляо Мо-ша. Все началось с осуждения театральной пьесы, написанной У Ханем об одном древнем чиновнике, Хай Жуе, которого отлучили от занимаемого им поста из-за проявленного бесстрашия перед деспотическими властителями. Согласно «Жэньминь жибао» (16 мая 1967 г.), вопрос о критике У Ханя возник в сентябре — октябре 1965 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, где было сказано, что «соль драмы» У Ханя «Разжалование Хай Жуя» — это защита осужденной «группы» Пэн Дэ-хуая: автор в аллегорической форме пытался изобразить Мао Цзэ-дуна императором Цзя Цингом, а Пэн Дэ-хуая — в образе Хай Жуя.

В 1966 г. началась «великая пролетарская культурная революция», которую ленинское руководство охарактеризовало как самую важную из побед. Сигналом к началу «культурной революции», по свидетельству «Жэньминь жибао» (24 мая 1967 г.), явилась публикация статьи Яо Вэнь-юаня «О новой редакции исторической драмы „Разжалование Хай Жуя“» («Вэньхуэй бао», 10 ноября 1965 г.).

В официальной печати клич к проведению «культурной революции» был брошен армейским органом «Цзефанцзюнь бао», опубликовавшим передовую «Высоко держать великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, активно участвовать в великой социалистической культурной революции». В другой статье этой же газеты подчеркивалось, что на культурном фронте действует «антипартийная, антисоциалистическая черная линия, которую необходимо до конца искоренить» («Цзефанцзюнь бао», 18 апреля 1966 г.).

Вскоре кампания травли, названной «острой классово-борьбой, борьбой большого принципиального значения в защиту идей Мао Цзэ-дуна», распространилась на страницах шанхайских «Цзефан жибао» и «Вэньхуэй бао», опубликовавших статью Яо Вэнь-юаня «О селе трех или реакционная суть «Вечерних бесед в Яньшани» и „Записок из села трех“» (10 мая 1966 г.). Статья

носила обличительный характер: в ней говорилось, что автором фельетонов, печатавшихся в «Бейцзинь ваньбао» в разделе «Вечерние беседы», являлся Дэн То, а «Записки из села трех» сочинялись «черным приетоном» — Дэн То, Ляо Мо-ша и У Ханем. Теперь сам обвинитель — Яо Вэнь-юань — стал одним из «банды четырех».

Чудовищный, однако, парадокс: в разгар «культурной революции» проявлялось истинное варварство: был разрушен памятник Пушкину в Шанхае, сжигались на кострах книги Шекспира, Гёте, Лермонтова, Драйзера, Достоевского, Данте; «отлучению» подверглись книги Диккенса, Байрона, Гюго, Рабле, Бальзака, Стендаля, Флобера, Бодлера, Верлена, Рембо, Тургенева, Толстого, Гончарова, Горького, Фадеева, Шолохова, Симонова, многих других выдающихся художников слова современности.

Не менее поразительно и то, что писала «Жэньминь жибао» о классической музыке: «Последняя часть 9-й симфонии Бетховена исполняется оркестром, хором и солистами, что пропагандирует идеологию буржуазного гуманизма и индивидуализма. Эта часть симфонии Бетховена направлена на то, чтобы готовить общественное мнение к замене феодализма буржуазным господством, и является идеологическим ядом».

Вторил этому позднее и теоретический орган ЦК КПК «Хунци» в номере за апрель 1974 г., подчеркивая: «...Некоторые дошли до того, что заявляют, будто классическая музыка вдохновляет нас на еще более самоотверженную борьбу за мир, социальный прогресс и светлое будущее всего человечества. В действительности это не так. Литература и искусство, особенно классическая литература и искусство, являются, в сущности, врагами пролетариата и ничего, кроме вреда, ему не приносят. Классические произведения... могут произвести на нас разведающее действие. Здесь стоит вопрос: кто кого преобразует?».

Десятый съезд КПК в 1973 г. официально провозгласил кампанию типа «культурной революции» в качестве эталона политической активности в Китае. Съезд выдвинул требование «закреплять и множить завоевания великой пролетарской культурной революции».

В 1974 г. вспыхнула очередная кампания «на всех уровнях» под девизом «критика Линь Бяо и Конфуция». Два «злодея и супостата» — Линь Бяо и Конфуций — оказались главными контрреволюционерами в Китае и во всем мире. Раздались призывы — разожем пламя ненависти к презренным изменникам и контрреволюционерам — Конфуцию и Линь Бяо. «Жэньминь жибао» от 2 февраля 1974 г. писала в передовой статье: «На всех фронтах нашей страны ширится политическая борьба — массовая и углубленная критика Линь Бяо и Конфуция, развернутая и руководимая лично великим вождем председателем Мао Цзэ-дуном».

В сентябре 1975 г. вспыхнула очередная кампания, проводимая под лозунгом «об-

суждение» широко известного классического романа «Шуйху чжуань» — «Речные заводи»⁵, который был написан шесть веков назад. «Жэньминь жибао» подчеркивала, что эта «еще одна исключительно важная битва на идейно-политическом фронте» была начата «согласно указаниям великого вождя председателя Мао Цзэ-дуна».

Яростная атака на Сун Цзяна, одного из ста восьми героев романа «Речные заводи», далеко вышла за рамки критики «капитулянтства» и приобрела важнейшее значение в борьбе, охватившей высшие сферы китайского руководства по поводу проблем Китая. «Цель кампании против «Речных заводов», — подчеркивала «Гуанмин жибао» 4 сентября 1975 г., — заключается в том, чтобы научить весь народ выявлять и узнавать сторонников капитулянтства и бороться с ними. Образ Сун Цзяна в «Речных заводах» — это прообраз капитулянтства... Мы должны извлечь из этой книги необходимые уроки».

Далее газета поясняла: «Более чем пятидесятилетняя история нашей партии свидетельствует, что каждый, кто занимается ревизионизмом, является капитулянтом, проводящим классовое капитулянтство внутри страны и национальное капитулянтство во внешних отношениях. Таковы были Лю Шао-ци и Линь Бяо. Оба они пошли на капитуляцию перед социал-империализмом советских ревизионистов».

Не менее примечательна статья некоего Инь Мина «Реальное значение обсуждения романа „Речные заводи“», в которой говорится: «На примере капитулянтской деятельности Сун Цзяна в целом можно ясно видеть, сколь опасно для революционного дела извращение революционной линии, проведение ревизионизма и капитулянтства. Разве не является критика капитулянтской линии, воспеваемой в романе «Речные заводи», прекрасным отправным пунктом для того, чтобы мы в наши дни глубоко осознали опасность ревизионизма?» («Хунци», январь 1976 г.).

Показательно, что скрытые и косвенные нападки на носителей «еретических идей» в Пекине давно уже превратились в особое искусство аллегорического лицедейства, стали приемом скрытой критики, эзоповского языка. «Культурная революция» явила миру образец изощренности этого ремесла, когда все началось с внешне безобидной критики в адрес сценических представлений.

Затем искусство это было продемонстрировано во время критики наследия Конфуция, как если бы архаический этот проповедник нравственности, живший две с половиной тысячи лет назад, загадочно укрывался в запретном дворце и готовил ко-

варный свой заговор против пекинского руководства. И снова поднялась общенациональная суматоха, напомнившая разгул «культурной революции», хотя и без диких эксцессов «красных охранников».

Однако в своей ненстойвой кампании «борьбы против реакционной философии Конфуция» пекинские идеологи добрались и до мировой организации. Собравшиеся на XXIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН делегаты обнаружили исчезновение мраморной доски с изречением Конфуция, украшавшей на протяжении шести лет одну из стен зала заседаний Ассамблеи. Изречение древнего мудреца призывало к обеспечению благосостояния для всего мира, установлению взаимного доверия и добрососедских отношений. Видимо, кто-то не мог простить такой «крамолы» Конфуцию, и, как сообщил представитель генерального секретаря ООН, из Пекина потребовали снять доску. Вместо неудобного им изречения предложено гобелен с изображением Великой китайской стены, возведение которой связано с именем Цинь Ши-хуана.

Далее была развязана кампания в защиту «революции в области образования», порожденной «культурной революцией»: за «преподавание при «открытых дверях», то есть, проведение учебных занятий непосредственно на производстве или на полях, а не в стенах вузов»; за «ориентацию учебной программы на усвоение трудов Мао Цзэ-дуна и его установок относительно ведения классовой борьбы, борьбы двух линий».

В феврале 1976 г. в результате созревших подспудных катаклизмов в Пекине возвестили о развертывании новой кампании, поддерживаемой «стихийным» возмущением населения. выражаемым через «дацзыбао», — борьбы против буржуазной идеологии и деятелей, «идущих по капиталистическому пути», борьбы на более углубленной основе по сравнению с «культурной революцией». Атака оказалось направленной прежде всего против Дэн Сяопина и всех прочих «попутчиков капитализма», подвергшихся «чистке» и развенчанных в ходе «культурной революции», но затем вновь пробравшихся на политическую сцену и к высокой власти. Именно Дэн Сяопину напомнили во время этой кампании «стенных газет» и «уличных плакатов» политическое его кредо: «Мне безразлично, белая или черная кошка, важно, чтобы она хорошо мышей ловила». Стены университетских зданий в Пекине и Шанхае опять были оклеены несчетными бумажными полосами с «дацзыбао», между содержанием которых и редакционными статьями «Жэньминь жибао», как и во время «культурной революции», наблюдалась высокая степень согласованности. В этом нельзя не видеть существования единого центра направления «спонтанной» активности населения и средств массовой пропаганды против всех «нераскаившихся» элементов в партии. В одной из радиопередач Шанхая было сказано

⁵ См. Ши Най-ань. Речные заводи. Перевод с китайского А. П. Рогачева. М., 1955.

по этому поводу: «Наш великий вождь председатель Мао видел и знал все, он в надлежащий момент воспользовался возможностью для борьбы и лично стал инициатором этой революционной массовой дискуссии».

Несомненным представляется, что возникновение цепи идеологических кампаний в Китае обусловлено политическими причинами, непрекращающейся борьбой за высшую власть. И одна из целей пекинской дворцовой политики заключается в том, чтобы упрочить легенду о всемогуществе и непогрешимости «великих идей». «Правильная линия» при этом выдается за всеобщую и извечную истину в Китае и во всей Вселенной. Показательна в этой связи формулировка «Жэньминь жибао»: «Разбор и обсуждение «Речных заводей» имеет огромное и глубокое значение... для того, чтобы последовательно проводить революционную линию председателя Мао Цзэ-дуна как сегодня, так и в будущем, как в нынешнем, так и в следующем столетии». Стремление это утвердить догмат в качестве «необратимого» курса Китая на грядущие века и тем самым обеспечить незыблемость режима выражено в требованиях «борьбы с ревизионизмом», «борьбы с капитулянтством», «борьбы против правых уклонистов», «против капиталистического пути» и т. п.

В китайской печати всемерно подчеркивалось, что все эти кампании ведутся под единым руководством и являются продолжением «культурной революции». Современному китайскому обществу, согласно догмату, необходима «перманентная революция». Пекинские идеологи неоднократно заявляли: «Борьба будет продолжаться два, а то и три столетия», хотя многие в Китае уже и теперь более чем сыты «культурными революциями». Догматики начали напоминать пародию на самих себя. Но стали ли люди после всех этих мучений и унижений новых для человека сцен лучше, мудрее? «Перманентные» эти революции практически означают непрерывное самоизуречение, преодоление самих себя, деструктивизм.

При всем нигилизме и нескрываемой враждебности к культурному наследию пекинские идеологи не брезгают, однако, использовать его в своих политических целях, прибегая к грубому утилитаризму и вульгаризаторству. Обращает на себя внимание концепция «Гу вэй цзин юн» — «использовать древность ради современности», возрожденная в 1972 г. Дело сводится к пересмотру исторических фактов, утилитарному их истолкованию. Концепция эта служит целям осовременивания некоторых исторических явлений прошлых эпох, при этом невыгодные положения, «упрямые факты» истории тщательно обходятся, замалчиваются или искажаются, а подчас грубо фальсифицируются. Достаточно здесь сослаться на историю с императором Цинь Ши-хуаном. Историю столь же показательную, сколь и поучительную.

В любом китайском учебнике до недав-

него времени было написано, что Цинь Ши-хуан, правивший в Китае с 221 по 210 г. до н. э., был жесточайшим в истории императором. К этому периоду относится завершение в Китае процесса становления и укрепления централизованной государственной власти. Абсолютная монархия августейшего императора Цинь Ши-хуана достигает своего могущества. Это укрепление централизованной власти совершалось ценой чудовищных репрессий. Именно в период его тирании классические памятники древнекитайской литературы и философии, связанные с конфуцианской традицией, были преданы анафеме и сожжены на кострах. По всей стране Цинь Ши-хуан испепелял такие творения народного гения, как «Шицзин», «Шуцзин», «Чуньцю» и др. Всем ученым того времени за попытку собраться вместе для обсуждения конфуцианских канонических сочинений угрожала смертная казнь. Более того, после истечения тридцати дней со дня обнародования императорского вердикта, запрещающего еретические книги, всем, кто мог оказаться заподозренным в их хранении, грозило быть сосланным на «исправление» и «перевоспитание», то есть на принудительные работы по возведению Великой китайской стены, соорудившейся по повелению Цинь Ши-хуана. Сотни ученых были погребены заживо как еретики по указу этого императора, что породило столь же крылатое, сколь и зловещее выражение: «Фэншу кэнжу» — «Книги — в огонь, ученых — в яму». К этому времени относится возникновение идеи цензурского надзора и учреждение института всевластных цензоров «юйши», осуществлявших беспощадный контроль над мыслью и поведением интеллектуального сословия.

Разительным образом переменялось в китайской печати отношение к Цинь Ши-хуану, когда он оказался воспетым в стихах Мао Цзэ-дуна. Из ненавистнического еще вчера тирана Цинь Ши-хуан стал любимым героем. Едва ли не самую мрачную фигуру в истории Китая пекинские идеологи принялись всячески облагораживать. В многочисленных панегириках, посвященных Цинь Ши-хуану, он стал изображаться исторически прогрессивным, первым китайским императором, великим преобразователем и реформатором, а жесточайшие методы его владычества — истолковываться как беспримерная благодать. Как это ни парадоксально звучит, но именно Цинь Ши-хуан, оказывается, проводил «правильную линию» в борьбе с его политическими противниками. Все здесь проецируется на современность, на сложившуюся в Китае действительность. Создается до странности схожая ситуация: было все так, как теперь, все, как у нынешних пекинских идеологов.

Цинь Ши-хуан прославился как «основатель первой в истории Китая единой феодальной династии» и «могущественный владыка, выполнивший дело феодального объединения всего Китая». Этому посвящены многочисленные выступления и работы, в

частности статья «Борьба между реставрацией и антиреставрацией в процессе становления династии Цинь»⁶. Вне всякого сомнения, единая империя, или феодальная монархия, представляет собой явление поступательного развития китайского государства, прогрессивного по сравнению с феодальной раздробленностью, когда в стране существовало множество враждующих между собой княжеств и удельных владений. Тем не менее, во-первых, едва ли с исторической точки зрения верно представлять все дело как личную заслугу Цинь Ши-хуана. Известно, что он наследовал императорский трон в детском возрасте, когда ему было лишь тринадцать лет. Управление государством фактически находилось в руках главного министра Люй Бу-вэя, который, по утверждению китайских историков, был настоящим отцом Цинь Ши-хуана и которого Цинь Ши-хуан впоследствии принудил к самоубийству. К совершеннолетию монарха, когда в двадцатидвухлетнем возрасте он начал заниматься делами, в действительности уже были заложены фундаментальные основы могущества империи. Во-вторых, нельзя не принимать во внимание того, какой ценой достигалось создание единой феодальной династии Цинь Ши-хуана. Исторические записи свидетельствуют, что на пути к установлению своего господства циньские правители не останавливались ни перед какими жертвами, огнем и мечом покоряли соседние народы, обращая их в своих зависимых и рабов. Достаточно напомнить, что в результате разгрома войск княжества Чжао циньские победители живо погребли одновременно четыреста тысяч пленных. В-третьих, монархия Цинь Ши-хуана держалась на деспотическом господстве, жесточайших репрессиях, варварских расправах с огромными массами народа. Именно этим объясняется то, что на тринадцатом году существования династии Цинь, всего лишь год спустя после смерти Цинь Ши-хуана, вспыхнуло крестьянское восстание во главе с Чэнь Шэном и У Гуаном. Народное восстание, которое, в сущности, предопределило крушение монархии. Тремя годами позже «единая феодальная династия» Цинь Ши-хуана навсегда рухнула под сокрушительными ударами повстанческих войск Сян Юя и Лю Бана.

Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, одно из повелений Цинь Ши-хуана, санкционировавшего рекомендацию царедворца Ли Сы, предписывало, чтобы «чиновники-летописцы сожгли все записи, кроме циньских анналов; все в Поднебесной, за исключением лиц, занимающих должности ученых [при дворе], кто осмелится хранить у себя Шицзин, Шуцзин и сочинения ученых ста школ, должны явиться к начальнику области или командующему войсками области, чтобы там свалить [эти книги] в кучу и сжечь их. Всех,

кто [после этого] осмелится толковать о Шицзине и Шуцзине, [подвергнуть] публичной казни на площади; всех, кто на [примерах] древности будет порицать современность, [подвергнуть] казни вместе с их родом; чиновников, знающих, но не доносящих об этом, карать в той же мере. Тех, кто за тридцать дней после издания указа не сожжет [эти книги], [подвергнуть] клеймению и принудительным работам на постройке [крепостных] стен»⁷.

Карательные меры при Цинь Ши-хуане приняты чудовищные масштабы. Так, Сыма Цянь, в частности, отмечает, что на строительство императорского дворца Эпан пригнали «более семисот тысяч преступников, осужденных на кастрацию и на каторжные работы...»⁸.

Сыма Цянь приводит в своем труде многочисленные случаи беспощадной расправы Цинь Ши-хуана с людьми, ни в чем не повинными. Так, «на тридцать шестом году (211 г.) планета Инхо задержалась в созвездии Синь. Падающая звезда упала в области Дун-цзюнь. Достигнув земли, она превратилась в камень. Кто-то из черноголовых (простолюдинов) вырезал на камне такие слова: «Ши-хуанди умрет, и землю [империи] разделят. Узнав об этом, Ши-хуан послал цензоров произвести дознание, но никто не сознался. Тогда забрали и казнили всех живших вблизи от места, где упал камень, а сам камень расплавили на огне»⁹.

О жестокости и бесчеловечности Цинь Ши-хуана говорится также в сочинениях ученого и литератора Цзя И, включенных в «Исторические записки» Сыма Цяня: «...Циньский ван отличался алчностью и грубостью, действовал исключительно по своему разумению: не доверяя заслуженным чиновникам, не был близок к служилым людям и к народу. [Он] отверг пути [совершенных] правителей, утвердил единоличную власть, запретил ученость и книги, ужесточил законы о наказаниях, [поставил] на первое место хитрость и силу и только затем человеколюбие и справедливость; так жестокость и насильные легли в основу [управления] Поднебесной»¹⁰.

Именно с циньским режимом связывается в китайской исторической литературе широкое применение жестоких мер пресечения. Так, в число тяжелых телесных наказаний входило: клеймение лба, отрезание носа, отрезание ног, кастрация, уничтожение родни в трех коленях, смертная казнь. История, однако, свидетельствует, что суровая кара постигала самих же законодателей и палачей. Так, Ли Сы — императорский фаворит,

⁷ Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Перевод с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. Г. Таскина. М., 1975, т. II, стр. 77.

⁸ Там же, стр. 78.

⁹ Там же, стр. 81.

¹⁰ Там же, стр. 107.

⁶ «Хунци», 1973, № 11.

верховный судья, один из самых ловких царедворцев,— согласно свидетельству Сыма Цяня, в свою очередь разделил трагическую участь: он был подвергнут тяжелым пыткам, разрублен пополам на базарной площади, а род его был полностью уничтожен.

Как видно, Ли Сы не принадлежал к наиболее осмотрительным вельможам, не был из числа тех, кто помнит, что если «шею вытягивать слишком далеко, то можно потерять голову».

Интерес в этой связи представляет также рассказ «Смерть Цинь Ши-хуана», написанный Го Мо-жо в 1936 г. Ирония, однако, в том, что Го Мо-жо в то время не предполагал той разительной перемены в оценке Цинь Ши-хуана, которая произойдет через какие-нибудь тридцать—сорок лет, когда новые пекинские властители сотворят из античного деспота своего идола, которому начнут поклоняться.

Сами по себе личные недостатки Цинь Ши-хуана, говорится в этом рассказе, быть может, и не имели бы большого значения, если бы не тяжелая болезнь мозга, из-за которой с ним даже в самые цветущие годы случались припадки эпилепсии, со временем становившиеся все более частыми. Поскольку все эти неизлечимые недуги появились у него в детстве, его избаловали чрезмерными заботами. «Став главой государства,— продолжает Го Мо-жо,— он возненавидел людей, обладавших крепким здоровьем, и это породило в нем жестокость; кроме того, он слепло верил в духов и позволял всяким шарлатанам-гадателям обманывать себя». Далее автором приводятся слова самоосуждения Цинь Ши-хуана: «И я же заставил своего собственного отца принять яд!» Речь шла о его настоящем отце—Люй Бу-вэе, которому, как мы уже отмечали, Цинь Ши-хуан через двенадцать лет после своего восшествия на престол приказал покончить жизнь самоубийством.

«Но больше всего,— порицал себя Цинь Ши-хуан,— я заслуживаю осуждения за то, что сжигал книги и живьем закапывал в землю конфуцианцев! Я уничтожил книги всех философских школ и однажды велел зарыть живьем более четырехсот шестидесяти человек. Я мечтал добиться этим самым единомыслия в Поднебесной, чтобы все люди с радостью и готовностью повиновались мне, а на деле оказался самым великим дураком. Разве можно добиться единомыслия с помощью жестокости? Вся Поднебесная смотрит на меня с неприязнью, мне трудно уберечься даже от своих приближенных, которые уже не раз пытались погубить меня. Разве в Поднебесной не молятся о моей смерти? Где же плоды моего владычества? Люди, которых я собрал вокруг себя,— шарлатаны, умеющие рассуждать только о силах мрака и света, о пяти стихиях, о духах и бессмертных, о колдовстве и магии. Все они сговорились морочить меня. И самый большой мерзавец— это Ли Сы. Он подбил меня сжечь книги

и закопать конфуцианцев: теперь я вынужден носить на себе клеймо позора, а он радуется и по-прежнему носит личину какого-то Чжоу-гуна или Конфуция».

В 1958 г. на втором пленуме ЦК КПК Мао Цзэ-дун сказал о Цинь Ши-хуане: «Он издал вердикт, который гласил: «Кто ради древности отрицает современность, род того будет искоренен до третьего колена». Если ты привержен к старине, не признаешь нового, то вырежут всю твою семью. Цинь Ши-хуан закопал живьем всего только четыреста шестьдесят конфуцианцев. Ему, однако, далеко до нас. Мы во время чистки расправились с несколькими десятками тысяч человек. Мы поступили, как десять Цинь Ши-хуанов. Я утверждаю, что мы почище Цинь Ши-хуанов. Он закопал четыреста шестьдесят человек, а мы—сорок шесть тысяч, в сто раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу и похоронить—это тоже означает закопать живьем. Нас ругают, называют циньшихуанами, узурпаторами. Мы это все признаем и считаем, что еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше»¹¹. Таковы корни воинствующего антигуманизма маонистской идеологии.

Ясно, что обращение к историческим событиям и личностям понадобилось отнюдь не ради объективной оценки истории китайского народа, не для изучения прошлого в поучение на будущее, но ради ясно поставленной политической цели, в сугубо утилитарных интересах. Привлечение китайской истории здесь всецело подчинено проводимым политическим кампаниям.

В статье «Китай: борьба между конфуцианцами и легистами», помещенной в еженедельнике «Чайна ньюс анализис», говорилось, что периодические издания и ежедневные газеты заполнены запутанной историей времен Ханьской династии и до нее, цитатами из древних текстов, которые трудно понять даже специалисту. Создается впечатление, что вся галактика Древнего Китая вновь появилась в небе над Пекином в 1974 г. Но это не так. Более внимательный осмотр небосвода показывает, что появилось вновь не очень много, менее полудюжины древних политических звезд. Упор делается не на научную работу, а на политическую доктрину, прилагаются огромные усилия, чтобы популяризировать немногие идеи и распространять их как можно шире.

Что касается научной стороны, если ее можно так назвать, то всего лишь несколько отдельных иероглифов отобрано из трудов древних легистов, переведено на разговорный язык и аннотировано. В журнале «Бэйцзин дасюэ» были помещены переводы на разговорный китайский язык отрывков из Шан Яна, Хань Фэя, из «Янтьелуня» и Ван Ань-ши. Там также была помещена статья, опровергающая мне-

¹¹ Сб. «Десять тысяч лет идеям Мао Цзэ-дуна». Пекин, 1967.

ние о том, что Конфуций был против человеческих жертвоприношений¹².

Это вновь возвращает нас к теме о почтении и подражании кумиру Цинь Ши-хуану.

Пекинские идеологи возвеличивали этого деспота, разумеется, не для того, чтобы дискутировать по проблемам истории и политики двухтысячелетней давности, тем более с научных позиций, но для того, чтобы изобразить политические проблемы того времени во взаимосвязи с реальными политическими проблемами настоящего времени. В центре этих проблем — дело Линь Бяо, который в период пресловутой «культурной революции» преданно следовал «ортодоксальной линии», но к концу этой кампании стал отходить от этой линии. Похоже, что впоследствии Линь Бяо убедился, что в Пекине возникло стремление играть роль Цинь Ши-хуана в наше время. Об этом свидетельствует одно из высказываний Линь Бяо, писавшего: «Взгляните на историю прошедших десятилетий; где можно найти человека, которого он поднял высоко и не приговорил позднее к политической смерти? Некоторые из его бывших секретарей совершили самоубийство, другие были арестованы. Его немногие товарищи по оружию и близкие друзья были заточены в тюрьму. Он довел до безумия собственного сына. Он подозрителен и жесток. Голая истина состоит в том, что один человек за другим падает от его руки, все они служат ему козлами отпущения»¹³.

Известно, что в последний период было репрессировано, морально и физически уничтожено множество видных деятелей, пользовавшихся авторитетом и уважением до того, как имена их оказались опозорены и втоптыты в грязь: Гао Ган, Пэн Дэ-хуай, Лю Шао-ци, Линь Бяо, Ло Жуй-цин, Пэн Чжэнь, Чжан Вэнь-тянь, Ван Цзя-сян, Бо И-бо, Дэн Сяо-пин, Лу Дин-и, Ян Шан-кунь, Дэн То и многие другие — всех не перечить. Список этих жертв огромен.

Все китайцы, даже не приобщенные к иероглифической грамоте, знают, что Цинь Ши-хуан был самым бесчеловечным деспотом и что сожжение книг было делом его рук. Теперь, однако, пекинские правители утверждают, что Цинь Ши-хуан был прав, когда по его воле книги полетели в огонь, а конфуцианцев заживо зарывали в землю.

Варварские поступки Цинь Ши-хуана являлись предметом бесконечных дискуссий на протяжении всей истории Китая. Цинь Ши-хуан был осужден историками и поэтами Ханьской и Танской династий, покаяниями разных эпох. А теперь Цинь Ши-хуан удостоился реабилитации, образ жестоких его действий вызывает восхищение у приверженцев маонизма.

«Жэньминь жибао» поместила статью

под заглавием «В защиту сожжения книг и закапывания ученых», пафос которой — превознесение жестокости Цинь Ши-хуана. Автор, однако, «объективности ради» признает, что «сожжение книг и закапывание ученых» было «важным политическим событием в период правления Цинь Ши-хуана. Об этом событии в истории до сих пор весьма много комментариев. Хотя мнения не у всех совпадали, большинство людей считало, что сожжение книг и закапывание ученых, произведенные Цинь Ши-хуаном, были деспотическими и жестокими действиями, реакционными мероприятиями, непосредственно приведшими к гибели династии Цинь»¹⁴.

В статье затем цитируются строки из произведения известного ученого и литератора Цзя И (201—169 гг. до н. э.) «Проездом через Цинь», где «фэншу, кэнжу» называется «отказом от пути прежних правителей, преданием огню учений ста школ, чтобы одурманить народ... книги сожжены, а наказания ужесточены... поэтому следовало ожидать скорой гибели династии». Отмечается также, что взгляды Цзя И имели большое влияние в истории.

Затем в статье воспроизводится стихотворение поэта Танской династии Чжан Цзэ (VIII—IX вв.) «Могилы сожженных книг», в котором говорится, что вместе со сгоревшими в огне «бамбуком и шелком»¹⁵ погибло и могущество империи. Еще не остыл пепел костров, как в Шаньдуне вспыхнуло восстание во главе с Лю Баном и Сян Юем, хотя книг они, собственно, и не читали.

Вслед за этим, однако, в статье «Жэньминь жибао» выражается решительное несогласие с Цзя И, Чжан Цзэ и другими критиками, осуждавшими Цинь Ши-хуана. «Сожжение книг и закапывание ученых» Цинь Ши-хуаном, говорится далее, были мерами прогрессивными, а «книги сжигались ради идейного единства».

Таковы приемы фальсификации исторических событий и фактов, получившие особенную популярность во время «культурной революции», которая нанесла невосполнимый ущерб китайской литературе и искусству.

Нужно ли доказывать, что подъем и рост национального сознания неразотрывны с традициями народа, с его культурой во всем ее богатстве и многообразии. Процесс формирования культуры непрерывен и преемствен. Он нераздельно связан со всей системой духовных ценностей, создаваемых народом в ходе его исторического движения. Отказ от национального культурного наследия неизбежно приводит к разрыву с историческим прошлым народа, к умирщвлению национальной памяти, гнибельному беспамятству.

¹² «Бэйцзин дасюэ», 20. VI. 1974, № 3.

¹³ «Чайна ньюс анализес», 9. I. 1976.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 28. IX. 1973.

¹⁵ «Бамбук и шелк» — то есть книги.

По-инному, однако, рассуждают иные авторы. В статье некоего Лю Дао-гана, опубликованной в газете «Жэньминь жибао», обсуждался вопрос: можно ли одинаково объективно и с одобрением относиться к литературным произведениям прошлого и к памятникам древней материальной культуры? Можно ли, восхищаясь ими с нынешней дистанции, гарантировать, что возникающие у нас эмоции не породят некоей связи с ними? Нет, отвечает автор, нельзя, и пускается в такие рассуждения: в музее, к примеру, в стеклянном шкафу, выставлена древняя бронзовая утварь, старые кубки для вина с зелеными пятнами окиси. Посетители музея с удивлением и восхищением смотрят на эти произведения искусства, которые свидетельствуют о мастерстве умельцев далекой старины. Но никому не придет в голову такая странная мысль: выпить бы из этого бокала свежее вино! Поэтому, пишет автор, проблема отравления ядовитым налетом, покрывающим бронзу, здесь и не возникает. Совсем другое дело, когда речь идет о связи между литературным наследием и массами: «Человек берет древнюю книгу — китайская она или иностранная, все равно, — читает ее с захватывающим интересом, а это равносильно тому, что он жадно пьет вино из древнего кубка, делая эту антикварную вещь предметом обихода. Читателю трудно избежать опьянения от этого пропитанного древностью напитка; в его идеологии уже намечаются незаметные перемены; ее трудно предохранить от „бронзового яда“».

Отсюда и вывод: классическая литература, своя и чужая, — ядовитый напиток, отравляющая! А между тем речь идет о созданных в прошлом художественных ценностях китайского народа. К этому народному достоянию, к истокам культуры призывают повернуться спиной. Никакой преемственной связи. Полный разрыв со всем предыдущим развитием, уничтожение традиций народа. Методологическая несостоятельность такой позиции самоочевидна. Что общего у этих нигилистических и деструктивных взглядов с марксистско-ленинским учением?

Новая культура, согласно этим взглядам, может возникнуть только на развалинах старого, только как антитеза дореволюционной культуре, которую необходимо сломать, разрушить с той же решительностью и бескомпромиссностью, с которой революция разрушает старый общественный строй, ломает государственную машину.

Хунвэйбины и цзаофани, которые еще не успели даже раскрыть книг великого наследия китайского народа, стали самыми рьяными проповедниками полного уничтожения прежней культуры и искусства. Их «дацзыбао» возвестили миру парадоксальную «истину»: чтобы быть новатором, надо сначала отказать от традиций. Хунвэйбинам не пристало любоваться древними памятниками, напоминающими музейные

экспонаты, которые нагоняют тоску. Они были полны решимости уничтожить все это наследие прошлых веков как врага, чтобы от него и следа не осталось. К чему нам, бойцам «великой пролетарской культурной революции», феодальная культура? Почему мы терпим и не уничтожаем все это старое наследие феодального и буржуазного духа, когда уничтожаем феодалов, помещиков, все эксплуататорские элементы? В течение ряда лет «культурной революции» в стране царил хунвэйбинизм — подростки и дети, которые с восторгом бросили школы, опозорили своих наставников и влились в стихию, подобную лесному пожару.

Возникает, однако, законный вопрос: что же останется после отказа от традиций и уничтожения культурного наследия? Остаются «идеи», возвещающие начало «новой эры». Начало отсчета времени. Так раскрывается стремление заставить народ уверовать в непогрешимость догмата, уверовать в то, что «идеи» отвечают идеологическому и философскому развитию Китая во все времена — в настоящем и будущем. Попытка создать новую концепцию «национальной судьбы» Китая, провести переоценку духовных ценностей нации и на этой почве сформировать человека, свободного от наследия прошлого, то есть форсировать программирование послушного носителя «идей, как единственно достойных, совершенных, извечных».

Известно положение, яростно выдвигавшееся в ходе «культурной революции»: «Без разрушения нет созидания. Разрушение — это критика, это революция... Прежде всего разрушение, а в самом разрушении заложено созидание»¹⁶. Когда же более сдержанные представители интеллигенции пытались противопоставить этой установке принцип «без созидания не может быть и настоящего, окончательного разрушения», они немедленно подвергались преследованиям и расправам. И не только те, что выступали накануне или во время «культурной революции». Никто не был забыт. Не пощадили и Чжоу Яна, который еще в 1963 г. позволил себе заявить: «Разрушение — это расчистка пути, расчистка базы, но нельзя расчищать до пустыни, нельзя только разрушать, не созидая... Не надо больше убивать, рубить голов. Разрушать легко, а создавать трудно, ибо не каждое разрушение одновременно означает созидание»¹⁷.

Последствия? Линь Бяо, по свидетельству журнала «Чжан ван», потребо-

¹⁶ Великая пролетарская культурная революция. Важные документы. Пекин, 1970, стр. 101—102, 108.

¹⁷ См. Л. Кю з а д ж а н. Идеологические кампании в КНР. 1949—1966. М., стр. 221.

вал: «Одних — уничтожить, других — изолировать, третьих — подвергнуть трудовому воспитанию, четвертых — исключить из партии, пятых — снять с занимаемых постов»¹⁸. Вскоре, однако, и самого Линь Бяо постигла трагическая участь.

Общезвестно убеждение К. Маркса и В. И. Ленина в том, что все культурные богатства, созданные человечеством, являются достоянием народа и без овладения ими невозможно развитие подлинно социалистической идеологии и культуры. Глубокое это убеждение основоположников научного коммунизма сохраняет свое значение и в наше время. Более того, этот марксистско-ленинский взгляд приобретает особую актуальность теперь в борьбе с разного рода проявлениями нигилистического отношения к культурному наследию прошлого со стороны анархических и ревизионистских течений, стремящихся подменить истинное противоборство тезисами «радикального» ниспровержения «старого» и «феодалного» искусства и эстетики.

Проблема культурного наследия наша ясное свое освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма. Предельно четкая формулировка дана В. И. Лениным: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹⁹.

Всякое противопоставление минувшего и будущего, современности и истории не имеет под собой серьезного научного обоснования. В ленинских работах создана цельная концепция марксистских взглядов в отношении духовной деятельности человека, являющаяся научной основой художественной политики нашей партии. Речь идет не только об истолковании проблемы культурного наследия, но и об основополагающих взглядах на проблему литературных традиций и новаторства. О внутренней логике многосложного процесса, который объемлет прошлое и настоящее, историю и современность.

Ленин неустанно подчеркивал: ни коммунистическое мировоззрение, ни социалистическая культура не могут быть построены без опоры на прочный фундамент того, что создано предшествующими поколениями. Подлинную культуру нельзя выдумать, слепить наспех — она результат развития народов, следствие их социальных движений, итог колоссальных затрат труда. «...Вы сделали бы огромную ошибку, — подчеркивал Ленин, — если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоп-

лено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм»²⁰.

Но Ленин никогда не воспринимал наследие прошлого как нечто академически застывшее, лишенное живого соприкосновения с проблемами и злободневными заботами текущего времени. И лучший пример актуального глубоко современного подхода к классическому наследию преподал он сам — своими высказываниями о русской и мировой литературе, своей практической деятельностью по сохранению культурных ценностей прошлого.

Знаменательно, что уже в первый год революции был принят ряд декретов Совнаркома, объявлявших бесценные памятники старины государственной собственностью и достоянием молодой Советской республики. «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое», — говорил Ленин. — Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо?»²¹.

И самые жесткие времена оказались не властны над красотой: многовековая культура, в том числе китайская, дошла до нас в прекрасной поэзии, в утонченном вкусе орнаментов, покрывающих керамические и бронзовые изделия, в неповторимых свитках живописи и каллиграфии.

Сохранение и овладение накопленным человечеством культурным достоянием, сокровищами художественной мысли представляют собой неотъемлемое условие духовного и нравственного формирования человека нашего времени. Существенно при этом замечание В. И. Ленина, что «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»²².

Ленин воспринимал классическое наследие как фундамент, на котором должна строиться социалистическая культура. Важно подчеркнуть, что и по отношению к наследию прошлого Ленин являлся величайшим диалектиком. Ему были чужды как пролеткультовский нигилизм, кичливое отрицание традиций, так и всеядность, безоглядное принятие художественного наследия. Ленинское учение о двух культурах в каждой нации в условиях антагонистического общества и сегодня является испытанным методологическим оружием советской теоретической мысли, которое позво-

²⁰ Там же, стр. 303.

²¹ «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1969, стр. 663.

²² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 2, стр. 542.

¹⁸ «Чжан ван», 1970, № 203.

¹⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 304.

ляет правильно подходить к оценке сложных, неоднозначных явлений прошлой и современной культуры.

Из этого совершенно ясно, что художественную культуру прошлых эпох нельзя ни разрушать, ни безрассудно отвергать. Из этого также ясно, что именно народ является наследником классических произведений литературы всех времен и народов. «...Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно»²³.

При этом задачи как революционной пропаганды, так и произведений литературы и искусства Ленин видел в том, чтобы «поднимать рабочих до революционеров»²⁴. Процесс формирования социалистического мировоззрения Ленин представлял как процесс длительный, требующий кропотливой работы.

Обращаясь к вопросам эстетического воспитания народа, Ленин оставался верен тем же принципам: не опускаться до «среднего» культурного уровня масс, а поднимать их, приобщать к величайшим эстетическим ценностям. «Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство», — говорил Ленин в беседе с Кларой Цеткин²⁵.

Приобщение к литературному наследию народа и развитие художественного творчества — задачи столь же существенные, сколь и постоянное повышение уровня материальных условий жизни народа.

У китайского народа, как и у всякого другого народа, существует великая традиция преемственности, являющейся закономерным развитием всей предыдущей культуры китайского народа. Для развития словесно-речевого искусства в Китае характерна историческая взаимосвязь литературного процесса. Непрерывность традиции китайской литературы возникает на почве движения и наследия. Движения, разумеется, не простого, но противоречивого и многосложного. Относится это к природе преемственности, которая выражает непрерывное взаимодействие противоборствующих начал, их столкновение и вместе с тем укоренение друг в друге. Классические национальные традиции служили китайскому народу той функциональной основой, на которой развивались поэзия и проза, разносторонне отражая движение идейных и эстетических воззре-

ний в различные эпохи. В этом нельзя не видеть воплощения связи времен, живой связи в движении человеческого духа, мышления и слова, быть может не менее действенной, чем личный опыт художника.

В ходе долгой истории Китая возникали и рушились империи и царствовавшие династии, одни деспотические режимы сменялись другими, еще более жестокими. Движимые страхом перед опасностью низвержения, тиранствующие властители, стремясь подавить народный гнев, тщетно пытались обрести панацею в жестоких инквизициях, в расправах над вольнодумцами, в чудовищном сжигании книг в варварских костров, в предании анафеме бесценных сокровищ поэтического гения китайского народа. Но и самые лютые времена оказались бессильны в отношении развития словесного творчества: ветер истории развеял в прах царствовавших мафияков и бесноватых, а творения искусства слова, многовековые памятники человеческого духа сохранились до наших дней и в лучших своих образцах вошли в сокровищницу общемировой литературы.

Существенными поэтому представляются для нас задачи изучения литературного наследия китайского народа, в том числе проблемы, непосредственно относящиеся к самим произведениям. Мы имеем в виду вопросы генезиса жанров, их анализа, своеобразия стилей и языка, особенностей мироощущения творцов песенно-поэтических произведений. Вопросы поэтики как совокупности художественных принципов и средств литературного явления, творчества поэтов. Изучение сюжетно-композиционных и идейно-образных особенностей произведений. Разбор внутренней цели поэтического творчества, этического и эстетического начал и т. д.

Иным представляется труднодостижимым: эпоха высвобождения ядерной энергии, электронных микроскопов, космических кораблей и — древности, наследие, поэзия тысячелетней давности, «преданья старины глубокой». Не обходится и без недоумения: а к чему, собственно, вся эта арханка в условиях и без того усложнившейся жизни современного человека? Не стоят ли памятники древней литературы и искусства где-то «по ту сторону облаков»? Зачем оглядываться на прошлое, вместо того чтобы с надеждой, твердостью и терпением всматриваться в будущее, стремиться ему навстречу?

Полное и безоговорочное отрицание наследия прошлого в такой же мере бесплодно, как и безудержное его восхваление, идеализация. Гете принадлежат слова о том, что, «нет ничего в прошлом, возврата чего следовало бы желать. Есть лишь вечное новое, сложившееся из расширенных элементов прошлого. Истинная тоска о прошлом всегда должна быть продуктивной, должна быть стремлением создать нечто лучшее».

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 46.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 131.

²⁵ «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 665—666.

Прошлое — не бесследно, как не бесследно духовное движение человечества.

Внимание, проявляемое к художественному наследию — отечественному и зарубежному, — в наше время все более усиливается. Нынешние условия духовной жизни в нашей стране сделали реальным приобщение народа к первоначальным ценностям словесного искусства, ко всему прекрасному, что создано человечеством на Востоке и Западе за многовековую историю. Все истинно ценное, что порождено в веках художественным гением всех народов, может и должно служить современному человеку, обогащать его интеллектуально и эстетически, раздвигать рубежи духовного его мира. И, быть может, именно тем близки нам соз-

данные китайским народом в далекую старину «Книга песен», «Чуские строфы», «Музыкальная палата», подобно другим бессмертным памятникам словесного искусства, что они как бы воплощают извечную идею человека, его призвание — выразить гармонию жизни в стремительной реке времени, ощутить себя в человеческой истории и тем самым преодолеть барьер отчужденности и одиночества.

Изложенные мысли свидетельствуют о том, что углубленное и всестороннее изучение идейной и художественной сущности литературного наследия китайского народа — одна из столь же существенных, сколько и актуальных задач отечественной востоковедческой науки.

ПУБЛИКАЦИИ

Путевые заметки о новой России

Цюй Цю-бо

Четвертого января мы распростились с Читой и вечером прибыли в Верхнеудинск¹... Поздней ночью пятого января поезд подошел к реке Селенге. Все вокруг было объято непроглядной мглой. На современной политической карте — это граница Дальневосточной республики и Советской России.

Длившаяся годами военная смута стала лишь теперь затихать. Жизнь в этих местах едва теплится, как у больного после тяжелой болезни, которому ценой невероятных усилий удалось лишь в самой незначительной степени восстановить свою жизнеспособность. Но хотя жизненные силы края сильно подорваны и не полностью устранены причины болезней и неудач, будущая судьба страны, к счастью, в руках трудящихся.

— Проверка билетов! Предъявите паспорта! Паспорта!

Пробуждаюсь от неверного дорожного сна: тускло мерцают свечи, слабо гудит ветер. Поезд остановился. За окном волнами летают и выются снежинки. В вагоне шумно — идет проверка паспортов. Выхожу из купе и предъявляю свой паспорт. Глубокая ночь, холодно. Возвращаюсь и снова укладываюсь спать. Из соседнего купе доносятся голоса — видно, оттуда еще не ушел контролер...

...Поезд тронулся, когда небо посветлело.

Шестого января я проснулся чуть свет. Мы подъезжали к станции Межовая. Все было покрыто снегом, и не было ему ни конца, ни края. По обочинам полотна лежали срубленные вековые деревья, тоже укрытые снегом, — точь-в-точь как на картине Ван Ши-гу «Семь деревьев на берегу реки»... Межовая — первая станция на восточной границе Советской России. Здесь предстояла смена паровоза. Старый паровоз возвращался в Дальневосточную республику...

...Мимо нашего поезда, который стоит на южном конце станции, в обоих направлениях идут и идут воинские эшелоны. Бойцы в изодранных шинелях и меховых папахах то и дело высовываются из теплушек и жадно глядят на наш завтрак — рисовую кашу, говядину и капусту. Спустя некоторое время напротив наших окон останавливается еще один эшелон. Бойцы делают нам знаки руками, просят закурить. Мы угощаем их сигаретами, и, не переставая благодарить нас, они едут дальше. С самого начала наш поезд шел вне расписания, и министр транспорта Дальневосточной республики Шатов выделил для него специальный паровоз. Начальник станции Межовая сменил паровоз, и наш прежний машинист пришел прощаться... Прибыл «красный» паровоз и потащил наш поезд в новую, Советскую Россию.

Ранним утром седьмого января, едва проснувшись, я вскочил на ноги и стал пристально вглядываться в бледно-серую пелену за окном, в мир, закованный в лед. Оказалось, что мы уже движемся по берегу озера Байкал. Извиваясь и кружа, наш длинный состав миновал более сорока туннелей в горах вдоль берега озера. Он двигался наискосок, через снежные отроги, отражаясь в оледеневших волнах, и, казалось, сотрясал неподвижный мир исконных сибиряков, как бы символизируя величие и власть цивилизации. Вдалеке, словно заколдованные, смутно виднелись горы, а может, это были тучи. Потом вдруг появилось облако, светлое, насквозь пронизанное холодом, задумчивое. Оно то поднималось выше, то опускалось и вдруг застывало на месте, равнодушное ко всему на свете в своей величавой неподвижности. Ледяные волны на берегу озера, будто камни, громоздились друг на друга, образуя недоступные кручи. Неизвестно, сколько времени прошло с тех пор, как свирепый ветер вздымал ввысь гулявшие на свободе бурные волны и вмиг заморозил их, нагнав лютей холод. И хотя его адская сила давно иссякла, он продолжал бесчинствовать — беспощадный, упорный, жестокий. Поодаль от берега остались полоски совершенно

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2.

¹ Ныне Улан-Удэ. — Прим. перев.

гладкого льда, в которых отражались небо и земля,— ковры, сверкающие, словно хрусталь. Эта разглаженная водная даль, идущая за волнами, символизировала постоянное стремление к покою. Но безжалостная природа вдруг сковала ее, превратила в неподвижную красоту, ослепительную в своем блеске. В прозрачной, как лед, студеной воде отражались тучи и снежинки. Временами она начинала ежиться, словно от страха, и по ней пробегали угрюмые волны. Перемешиваясь с льдинками, она покрывалась морщинами. Но несмотря на мрачный вид, в котором она предстала перед закончившимися, насквозь продрогшими землянками, вода силилась выразить тягу к жизни, все еще теплившейся в огромном, поистине необъятном озере, будто хотела сказать: «Вот до чего разгневался бессердечный дух холода! Разошелся, безумствует, как неприкаянная душа. Лишь в самой середине озера оставил крошечное место — и то пригодное для жизни только в период затишья, при весеннем ветерке. И никто не знает, когда же, наконец, этот дух холода уступит место теплой, ласковой поре...»

...В три часа пополудни седьмого января поезд прибыл в Иркутск. Наш вагон отцепили и поставили на самый дальний путь.

...Полное безлюдье. Снега, простирающиеся до самого горизонта. Гнетущее, словно навеянное духом смерти, безмолвие. Из-за туч, которые застыли в своей упорной неподвижности, как будто тоже скованные лютой предрассветной стужей, не видно отблесков утренней зари. И кажется, что сейчас не утро, а глухая ночь. Только уснувшие деревья подрагивают ветками, измученные неисчислимыми бедами и напастьями, и молчаливо ждут наступления далекой весны. Беспощадный северный ветер налетает порывами, то завоет, зашуршит, словно метлой по снегу, то, обессиленный, издает хриплый стон.

Река за станцией уже наполовину скована льдом, обледенела, и покрыта снегом срубленная из бревен пристань. Отсюда переправляются в Иркутск. Платы за перевоз не взимают. Но чтобы попасть на советский паром — небольшой, недавно реквизируемый для общего пользования парходик, надо добраться до края настила, сплошь покрытого льдом. Я шел, то и дело рискуя растянуться. Паром оказался ужасно грязным, насквозь прокуренным. И, несмотря на холод и ветер, мы предпочли стоять на носу парохода, а не изнывать от духоты в каюте. Над нами простиралось пасмурное, мрачное небо, и только высокие деревья вблизи железнодорожной станции словно улыбались и, покачивая вершинами, издали приветствовали нас.

Через реку мы переправлялись вместе с вице-консулом Лю Шоу-цином и через двадцать минут уже были на противоположном берегу. Лю намеревался разыскать комиссара по иностранным делам Сибири, мне же предстояло уточнить, в порядке ли у нас документы на право въезда в Россию, и выяснить, как нас здесь будут принимать и обслуживать. На берегу нашему взору открылись пустынные улицы, занесенные снегом, лишь кое-где тронутым следами человеческих ног. Жалкие лавчонки с плотно закрытыми двойными ставнями казались обезлюдившими. Шли мы медленно и у редких встречных спрашивали, как найти комиссара по иностранным делам. Но никто не мог толком ничего объяснить. Вконец измотавшись, мы тщетно пытались нанять извозчика. Свернули раз, другой, третий и вдруг заметили вдаль, в конце длинной улицы нескольких прохожих. Мы бросились их догонять, но тут к тротуару подкатили сани. Кучер заломил такую цену, что мы предпочли дальнейший путь проделать также пешком. К счастью, нам попался наконец-то человек, который довел нас до самого дома комиссара по иностранным делам.

Войдя во двор, мы увидели нарядно одетую девушку с топором в руке (в тот день у православных как раз праздновали рождество), которая перетаскивала поленья и сама их колола. В восточном углу двора перед двумя небольшими домиками стояли какие-то люди. Издали разглядеть их было невозможно. Но неожиданно им услышали китайскую речь и очень удивились. В это время разговаривавшие приблизились к нам, и оказалось, что оба они китайцы. Мы разговорились.

— Эй, Василий²! — вдруг громко позвала девушка. — Помоги мне, ради бога!..

Тот, кого звали Василием, ушел, а второй китаец стал звать нас к себе в дом. Вышла его жена — тоже русская, и завязался обычный в таких случаях разговор, начались расспросы. Они живут в одном дворе с комиссаром по иностранным делам, но он занимает верхний этаж, а они нижний. В тот день комиссара дома не оказалось. И нам пришлось передать нашу просьбу через наших новых знакомых, которые, кстати, и проводили нас к иркутскому вице-консулу Китая господину Се.

Итак, я в «голодном крае». Голода, правда, я здесь еще не испытывал. Впервые советский черный хлеб нам довелось отведать у иркутского вице-консула Се. Горький, кислый, пахнет прелой соломой. Однако в этот день к столу у вице-консула подавали кур и рыбу. От наших хозяев мы узнали, что их продали им из-под полы знакомые крестьяне: ведь большевики полностью «запретили» торговлю. Зашел разговор о жизни рабочих, а также служащих (так здесь называют чиновников). По сло-

² Василий — русское имя одного из китайцев. — Прим. автора.

вам вице-консула, их продовольственный паек делится на несколько категорий — от пятнадцати до сорока пяти фунтов³ черного хлеба в месяц, а максимальное жалованье не превышает восьми тысяч рублей⁴.

После сытной еды одолевает приятная истома. Хорошо нежиться в мягких креслах, пробежав несколько часов по холодному ветру, сидя в тепле, слушать пыхтение самовара, стоящего на столе, и вести неторопливую беседу, с жадностью впитывая в себя все, что касается голодной и холодной страны, хотя многое, о чем рассказывают, зиждется на совершенно невероятных, пусть порой и свежих слухах...

Итак, все дела улажены, и в восемь утра девятого января мы тронулись в дальнейший путь. От Иркутска, где мы провели всего два дня, сохранились лишь мимолетные впечатления. Мы ехали на запад, постепенно приближаясь к европейской части России. Насквозь продрогший паровоз пыхтел и дрожал, и в такт с его вздрагиваниями и рывками колебались и мои мечты.

Одиннадцатого января мы проехали Ук и Замзор, вечером двенадцатого — Красноярск, вечером четырнадцатого — Новониколаевск⁵. Был как раз первый день Нового года по русскому стилю. Но, находясь в поезде, никак невозможно было познакомиться со старинными русскими нравами и обычаями. Пятнадцатого января проехали Барабинск, а на следующий день прибыли в Омск. Поезд тащился страшно медленно, и вдоль всего пути нас сопровождали бескрайние снега да вой ветра. В Омске нам необходимо было провести переговоры, и мы сделали остановку.

Пассажиров на вокзале, где мы сразу же успели побывать, собралось очень много. Неподалеку от железнодорожной станции, на пустынной площади, напоминающей базар, толпились множество народа. Я купил коробку русских папирос за тысячу семьсот пятьдесят рублей. Люди на толкучке — в ужасных лохмотьях.

...Последние десять дней для меня пролетели очень быстро, но как-то бесцветно и в общем скучно. Вот и Сибирь уже скоро останется позади, а от всего пережитого у меня лишь одно впечатление: будто всю вселенную окутала мрачная атмосфера холода и безмолвия. Сам я нахожусь в крайне подавленном, удрученном состоянии и чувствую, что мне надо бы как-то встряхнуться и прийти в себя. Чтобы взбодриться, я то и дело говорю себе: взгляни, как тихие, милые «русские мужички» вот уже сто лет ведут героическую борьбу за свободу...

Чтобы понять общество, необходимо исходить из того, что это — нечто органически целое, конкретное. Если же предположить, что «общество» — понятие отвлеченное, тогда этот термин ничего не даст. Средневековое общество Сибири с его полуфеодальным экономическим укладом — как оно далеко от коммунизма! И все-таки титанические силы пролетарской революции России постепенно, шаг за шагом проникают, вгрызаются в него. Перед моим мысленным взором — одна лишь реальная действительность: политика царизма, мировая и гражданская войны, взволновавшие океан вселенной и одновременно всколыхнувшие маленькую лодку — Сибирь.

Социальная революция вообще, русская социальная революция в частности не являются результатом одного только бурного подъема общественного сознания. Они — явление, отражающее две стороны, гармонически сочетающиеся между собой, — общественную психологию, то есть духовную сторону реальной жизни, и бытие, то есть материальные условия реальной жизни. До приезда в Россию я всегда полагал, что современная Россия представляет собой «лабораторию коммунизма», что русские большевики — это как бы химики, которые в соответствии с формулами теории социализма экспериментируют над народами, населяющими Россию, как над химическими элементами, смешивая и взбалтывая их в «пробирке Советов», и что они тут же получают осязательный результат — социалистические соединения. И только путешествие по Сибири помогло мне понять всю глубину моих заблуждений.

Учиться можно только у реальной жизни, только она воспитывает человека, только реальная жизнь порождает общественное сознание, которое является всего лишь производным, надстроечным явлением. И народы Сибири учатся под руководством сурового наставника...

...Последние десять дней между тем принесли с собой также множество впечатлений, которые слились в сложное гармоническое соединение и стали фактором моей духовной жизни. Здесь все, буквально все: и вечерний звон на закате в Иркутске, окутанном густой мглой... и окаменевшие фигуры людей в лохмотьях вдоль всего пути; и грохот движущегося поезда, и завывание ветра, и шелест падающего снега; и мои собственные фантастические мечты, рождаемые, видимо, под влиянием средневековых мистических учений; и другие глупые мысли, порожденные современными всеобщими

³ Русский фунт соответствует $\frac{3}{4}$ китайского цзиня. — Прим. автора.

⁴ Тогда по биржевой котировке рубль стоил восемь китайских мао. — Прим. автора. Мао — одна десятая юаня. — Прим. перев.

⁵ Ныне Новосибирск. — Прим. перев.

законами; и смешение в Сибири дальневосточной и западной цивилизации; и стоны от бесчинств империализма, и горячка, в которой задыхается культура человечества. Мне хотелось бы сберечь все эти впечатления в глубинах своего сердца, чтобы донести их до самого далекого захолустья, до медвежьих углов, находящихся в стороне от «современной, цивилизованной Европы»...

Восемнадцатого января выехали из Омска, а двадцатого прибыли в Тюмень — важный пункт на пути между Европой и Азией. В тот же вечер добрались до Екатеринбурга⁶. Места здесь чрезвычайно богаты залежами рудных ископаемых. Обильная и щедрая природа словно смотрит и усмехается: вот, мол, погрязло человечество в «домашних» дрязгах и мышинной возне и никак не удосужится пригласить меня, то бишь природу, чтобы отметить великую радость — установление мира и спокойствия на земле. Смутные, неясные иллюзии, сопровождаемые множеством зыбких, вихрем проносащихся дорожных снов, оказываются погребенными под саваном, сотканным из зимней стужи.

Проснулся на рассвете двадцать первого января — мы уже на Урале и стоим на станции Кордон. Белый снег, кругом горы. Они полностью скрыли от глаз, заслонили собой те богатства, которыми славится здешняя природа. Скрыто от взора и извечное противоборство пролетариев и промышленников, видна лишь чистая, непорочная красота, звонко воспетая поэтами.

По вознесшимся ввысь вершинам и невысоким горам тянутся густые леса. Они то выют по гребням горных хребтов, то буйно растекаются по склонам, стремясь показать себя во всем своем могуществе и величии. В искрящемся, отливающим кристаллическим блеском снегу отражается раннее солнце — суровое, холодное, но совершенно неодолимое и бесстрашное. Даже из-за черной тучи, закрывшей его, неизменно чуть-чуть проглядывает его темный, скорбный, но всегда прекрасный лик. Изумрудные сосны и ели облачились в царский наряд — серебряные ланциры и блестящие латы, что при их и без того очевидной величавости и горделивости, несомненно, придает им надменный вид, но вместе с тем подчеркивает их великодушие, указывает на огромное самообладание, выдержку и способность противостоять любым жестокостям природы. Но вот в одно мгновение налетает яростный ветер, и его бешеный рев эхом отзывается в окрестных горах. Мириады ветвей разом приходят в неистовое возбуждение и начинают произвольно ронять с себя хлопья снега, которые с шуршанием валяются на землю. Несмотря на явную жестокость здешней лютой, суровой зимы, в глаза сразу же бросаются мелькающие там и сям изумрудные пятна. Они, словно восхищенные красавицы, с безошибочной достоверностью ощущают первые признаки тепла, которое сулит манящая, ласковая весна. Пока же каждый ствол, каждая веточка на дереве старательно кутаются в холодный снег, чтобы защитить себя от стужи, свирепствующей вокруг. Внутренние силы деревьев поддерживаются мечтой, страстным желанием тепла и влаги, и их не одолеть даже великим силам вселенной, заполняющим собой небеса и землю. Неукротимый безжалостный ветер, сотрясающий все на своем пути и вздымающий громадные волны, попав в непроходимые леса, сбивает все в кучу, клокочет, раскачивает, крушит и валит все на своем пути. В такой момент никак не распознать в этом полного развертывания внутренних сил природы — в сущности, подобная попытка выглядела бы как возня вслепую. Ведь невозможно же мгновенно определить на вкус и испить ароматную росу, которая содержится в налетевшем всего лишь на одно мгновение весеннем ветре. Точно так же совершенно невозможно какими-то заклинаниями и призывами к небесному провидению повернуть вспять ревуший и рокошущий могучий прибой. Тем более невозможно определить те внутренние силы, благодаря которым величественные горные вершины Урала заняли на материке восточного полушария такое господствующее положение, пронизав, как стеновой хребет, сверху донизу территорию целого государства. Своими вершинами Урал встречает быстро летящие гряды облаков, по его склонам катятся и шумят ручьи и потоки. В них — намек всему свету на невиданную доселе в мире энергию.

Извиваясь длинной змеей, поезд не спеша движется через Урал. Все время в окна вагона врывается чистый, непорочный горный пейзаж, образуя из стремительно сменяющихся один другим цветов — изумрудного и белого — единую картину.

Спускаясь по западному склону хребта, мы остановились у маленькой станции. Вдруг в окне вагона среди густого леса в урочище показалось милое русское село — сбившиеся в кучу маленькие деревянные избы, укрытые белым снегом, а в середине — возвышающаяся над ними православная церковь. Ее бронзовый купол без устали сверкает и блестит, как бы перекликаясь с мириадами укутанных снегом древесных ветвей вокруг. Их таинственная, задушевная беседа неожиданно прерывается, когда в полдень до пади доносится звук от первого удара церковного колокола. А вот за окнами вагонов появился старик в выдавшей виды, рваной и засаленной ушанке. Из-под включенной бородавки проглядывает его простое и честное лицо. Он при-

⁶ Ныне Свердловск. — Прим. перев.

нимается за очистку железнодорожного полотна от слежавшегося снега. Лопата за лопатой он старательно сгребает его в кучу. Подталкивая друг друга и хохоча, вихрем несутся два малыша, лет этак по семь-восемь. Кажется, что старик что-то говорит им. Один из малышей хватается за лопатку и начинает помогать сгребать снег, другой — руками перетаскивает слежавшиеся комки. Так продолжается минут десять. Малыш, который сгребал снег, отбрасывает в сторону лопату и вытаскивает из потертой сумки кусок черного хлеба. Второй паренек тоже успешно оставляет свое занятие и стремглав бросается за своей долей хлеба. Некоторое время они стоят друг против друга, за милую душу уписывают хлеб, смеются и вроде бы мирно разговаривают между собой. Вдруг тот малыш, который таскал снег, поднял снежок и швырнул его в спину другому. Они сплелись в клубок и начали тузить друг дружку. Один из них повалился на землю, другой бросился наутек. Упавший вскочил на ноги и бросился вдогонку. Но вот старик поднял лопату, и стало видно, как под его всклокоченной бородой и усами задвигались губы. Казалось, он произносит большую тираду вдогонку малышам, но ни один из них даже не обернулся.

Как зачарованный смотрел я на все происходящее. Тут неожиданно раздался паровозный гудок, поезд тронулся, и старик с малышами постепенно пропали из виду. Однако в моей душе глубоко запечатлелись и покойная, мягкая, доброжелательная, светящаяся блаженством и радостью улыбка старика, занятого физическим трудом, и вид ребятишек — таких веселых, подвижных, живых и непосредственных.

Вечером двадцать второго января спустились к подножию западных склонов Уральского хребта. На небольшой станции русская крестьянка меняла целую корзинку куриных яиц на поваренную соль. У нас с собой соли не было, и за сотню яиц нам пришлось заплатить ей тридцать тысяч советских рублей. При этом мы спросили у нее, почему она так неохотно берет деньги.

— А что в них проку? — отрезала она. — Ведь на них все одно ничего не купишь. Разве что помаленьку сменяем на разные товары, которые везут иностранцы. Нет вот совсем соли, сахара, разной материи. А эти... Эти цветастые зеленые бумажки — на что они! Вот мы и меняем одно на другое, а начальство не велит...

Двигаясь все дальше и дальше на запад, мы на каждой станции покупали что-нибудь, правда украдкой, из-под полы. На всем пути от Иркутска до Урала на железнодорожных станциях, где останавливался наш поезд, абсолютно отсутствовала мелкая торговля. И только после Урала мы увидели натуральную экономику, характеризующуюся обменом товара на товар. Впоследствии Коммунистическая партия изменит свою экономическую политику. После трехлетней передышки и определенной стабилизации она сможет приступить к реконструкции хозяйства, начнет организовывать экономику на основе восстановленной промышленности и торговли или же, постепенно двигаясь вперед по пути современной цивилизации, начнет создавать базу коммунистического общества. Но все эти дела относятся уже к марту—апрелю 1921 г. Пока же нам оставалось наблюдать все тех же жалких торговцев из-под полы.

Двадцать третьего января утром мы проехали Вятку⁷, двадцать четвертого — прибыли в Вологду. По мере продвижения на запад мы все больше и больше приближались к индустриальным районам России и уже перекочевали из средневековья в современность. Постепенно все больше и больше стало ощущаться наличие торговли. Пассажиры на станциях, следующие в разных направлениях, одеты значительно лучше, аккуратнее и своим видом уже не напоминают людей, оказавшихся в крайне стесненном положении, — тех, что попадались нам на каждом шагу в Восточной Сибири. Такая, в сущности, простая идея, как прогресс материальной культуры, всегда имела громадное значение для культуры человечества. Ликвидация системы частной собственности, основанная на «самообладании и восстановлении хороших манер» или же на любви к людям как к самому себе, а также идеалистический социализм в конечном итоге приносят удачу и счастье тем, кто их придумал, да их семьям. Склонность к филантропии у подобного рода социалистов сложилась под воздействием воспитания и культуры нескольких поколений их предков. Где уж таким социалистам знать, что и система воспитания, и сама культура — продукт эксплуатации труда в условиях вполне материальной экономической системы!

Среди населения этой полосы новой России в силу отсталости ее экономики нет людей, которые придерживались бы взглядов полного отрицания частной собственности — несмотря даже на то, что власть здесь находится в руках Коммунистической партии. И еще. Район этот — восточная часть европейской России — присоединился к советской территории только через год-полтора после Октябрьской революции. Бурные, клокошущие волны сражений за свободу побудили народ здешних мест выгнать вон помещиков, нанести сокрушительный удар по феодальным пережиткам и кумирам. Одержав победу, крестьяне первым делом приступили к разделу земли. Правда, еще не раз белые, играя на мелкобуржуазной психологии, устраивали длительные смуты и беспорядки. Такова несомненная очевидность уроков реальной жизни,

⁷ Ныне Киров. — Прим. перев.

так проявляются внутренние силы общественной психологии. На долю же «экспериментаторов» идеалистического социализма ничего другого, кроме саркастической улыбки, не остается.

Вологда — промежуточная станция на линии северной железной дороги. От нее до Петрограда шестьсот с лишним русских верст⁸, а если от Вологды свернуть на юг, то, проехав четыреста семьдесят верст, попадешь в Москву.

От постукивания колес в вагоне стоял непрекращающийся грохот. Но на душе, переполненной неясными надеждами, было радостно и легко. Словно в бурной пляске, она рвалась вперед. Вот мы проехали над великой русской рекой Волгой — в верхнем ее течении. Когда миновали железнодорожный мост, справа и слева сначала неясно, а затем все отчетливее то здесь, то там замелькали заводские трубы.

Двадцать пятого января, поднявшись чуть свет, я принялся торопливо укладывать: более чем сорокадневная жизнь на колесах близилась к концу. Стояла ясная погода. Суровый, холодный ветер ворвался в толщу белоснежных облаков, словно сплетенных из причудливых узоров, и те как бы с опаской посторонились от него. Мир озарила мягкая улыбка; она согрела мне душу и вселила в нее безмятежный покой. Во все глаза гляжу я на лес. Он весь в снежном уборе и радостно приветствует меня — гостя, приехавшего из далекого далека, за десять тысяч ли. Но вот темно-голубая вечерняя мгла постепенно окутывает небо и скрывает землю под своим покровом. Мне вспоминаются проводы на далекой родине, но выплывший откуда-то холодный диск луны тут же выводит меня из горького раздумья. В такт пыхтению паровоза нас слегка потряхивает. Вылетающие наружу пышные хлопья дыма и пара стелются по земле и вьются белыми облаками. Когда в топку паровоза подбрасывают дрова, в воздухе мимо окон вагона проносятся снопы искр. На темном фоне леса, на белом снегу промерзших далее они ярко разгораются бесстрашными красным светом. А поезд-дракон, стремительно несущийся вперед, разбрасывает их по сторонам, словно тысячи гибких и нежных золотых крыльев. Справа и слева от дороги проплывают подмосковные места. Зажатый между двумя рядами заснеженных деревьев, то редящих, то снова встающих плотной стеной, поезд идет вперед, а по вагонам бегут тени от множества ветвей. Неожиданно деревья исчезают, и тут же снова появляется сверкающая, как снег, бледная, остывшая луна. Ее холодные лучи, прямые и острые, падают на окна вагонов. Сверкая стеклами, поезд быстро мчится вперед, приближаясь к Москве. Вот вдали уже показался город с мерцающими кое-где электрическими огнями. В темноте едва заметно дышат заводские трубы. Еще несколько минут — и мы прибываем на Ярославский вокзал Москвы. Около одиннадцати часов вечера 25 января 1921 г., или 17 числа двенадцатого месяца по лунному календарю. В небе по-прежнему светит холодная луна, вокруг стоит разноголосый гомон, я знаю — мы добрались наконец до «голодного края» — края обетованного.

Центр столицы Красной России — старый дворец времен Московской Руси, существовавший еще четыре века назад. Три с лишним года прошло с тех пор, как Москва оказалась на гребне моря чаяний европейского пролетариата и заклокотала бурными волнами энтузиазма трудящихся России. Она стала одиноким островом, сотрясаемым капиталистическими бурями.

В первый же вечер Красная столица произвела на меня глубокое впечатление. Юнец с Востока начал мало-помалу постигать ее внутреннюю силу. Она зажглась как светоч, как маяк, необходимый для культурных связей человечества, и если голод, свирепствующий в «голодном краю», не раздавит, не удушит Красную столицу, то в будущем ей, несомненно, обеспечено спокойное плавание по морской глади без ветра и волн. Ей предстоит множество хлопот и дел, но, подготовив заблаговременно паруса, руль и оснастку, она, подобно мореплавателям древности, сможет спокойно и уверенно отправляться в неведомое.

Красная столица, где вздымались могучие волны социальной революции, стала густком, квинтэссенцией общественных взглядов трудящихся России. Из-за новизны общественного устройства или же, можно сказать, в связи с тем, что современная культура человечества находится на данном уровне, психология масс, их умонастроения и взгляды проявляются в большинстве случаев, как у голодного младенца, который требует есть. Пока над древней, старой, мрачной Россией в течение последних трех лет стремительно пронеслись, рокоча, как прибой, горячие волны, жизнь трудящихся проявлялась только в смелых, решительных и яростных атаках. Конкретным воплощением всего достигнутого ими, всех их успехов стала современная Москва. В высоком, как волны, взлете их воли — исторические дела социального прогресса новой России. В бескрайней, как море, широте их души — непреложные принципы общественного устройства новой России. В процессе реальной жизни общественная психология претерпевает все новые и новые изменения, она находится в постоянном движении. И коль скоро далекое будущее действительно сулит трудящимся России великие победы, следует прежде всего уговориться о том, чтобы успехи, достигнутые ими в школе практической жизни, чем была для них революция и гражданская война,

⁸ Одна верста равна двум ли. — Прим. автора.

стали бы авансом, подтверждением кредитоспособности их основного капитала для побед в мирном строительстве.

...За плотной пеленой густого снега скрывается огромное шестиэтажное здание. Напротив вдалеке виднеются башни Кремля — бывшего царского дворца. Одной стороной здание примыкает к Большому театру, над порталом которого установлены могучие кони, отлитые из бронзы. В старое время шестиэтажный дом был самой большой гостиницей в Москве, а теперь здесь Народный Комиссариат РСФСР по иностранным делам.

Канцелярия на четвертом этаже. Через роскошные, но уже ветхие шторы проникает тусклый свет. Пропитанные вековой пылью мягкие диваны, великопепные столы и стулья как бы приветствуют гостей издали. Ни на секунду не прекращается треск пишущих машинок, поскрипывает под облепленными снегом и грязью калошами гладкий, блестящий паркет. Сотрудники работают, не снимая поношенных кожаных пальто. Они без устали подписывают какие-то бумаги. На фоне кипучей деятельности трубы парового отопления, втихомолку улыбаясь, украдкой излучают холод. Они — словно вены больного, только что оправившегося от серьезной болезни, у которого еще не наладилось кровообращение.

Здесь же находится кабинет Янсона — заведующего отделом стран Востока Наркоминдела.

— Вот у нас здесь как!.. — с улыбкой обращается Янсон к приехавшим издали гостям. — Страшный холод. Видите, так и работаю, не раздеваясь... Разумеется, трудящиеся Китая относятся к нам очень сердечно. К сожалению, во время блокады нашей страны Антантой о Советской России распространялось множество злостных слухов, китайские трудящиеся были лишены объективной информации о подлинном положении дел у нас, и у них могли сложиться неправильные представления. Ваш приезд к нам может открыть честным и порядочным китайцам глаза на истинное положение вещей, он предвещает установление взаимопонимания между Китаем и Россией. Мы от всей души приветствуем вас! Только вот из-за стесненного экономического положения, в котором мы оказались, мы не сможем как следует обеспечить вас всем необходимым. Так что вы уж не взыщите!..

На третий день после нашего приезда в Москву мы получили в Наркоминделе продуктовые карточки и нас проводили в наркоминдельскую столовую. Питание здесь неважное, но по нынешнему положению России оно считается самым что ни на есть лучшим: все-таки дают сливочное масло, сахар. Столуются здесь главным образом сотрудники Наркоминдела. Пообедав, они заворачивают остатки своего хлеба, масла и сахара и уносят с собой. Наш случайный спутник объяснил это тем, что в России сейчас все ресурсы сосредоточены в руках государства и каждый получает паек на работе, так как нигде больше продуктов он не найдет...

...Общественная столовая в том же здании, где раньше находилась гостиница. Большинство сотрудников Наркоминдела живет прямо здесь же, что чрезвычайно удобно. Через несколько дней, второго февраля, нас на наркоминдельском автомобиле перевезли в другое общежитие. До революции там тоже была гостиница, «Княжий Двор». Втроем мы разместились в двух комнатах, где имелось все необходимое — столы, стулья, кровати, постельные принадлежности, электричество. Так что нам оставалось только наспеш прибратся да расставить все по местам. Калориферное отопление в полной исправности, в комнатах тепло, и столовая прямо здесь же, при общежитии. В общем, живем в сытости и тепле. Выглянешь в окно — в глаза ударит ослепительный блеск сверкающих золотом куполов соборов и церквей, окруженных небольшими рощицами притихших деревьев, сплошь припорошенных холодным снегом и погруженных в крепкий, беспробудный сон.

При всех достаточно серьезных изъянах общего довольствия в подобных материальных условиях жизни вполне можно было спокойно работать. Мне все представлялось удобным — и то, где размещалась старая гостиница, и само ее устройство, и совместное с товарищами проживание, и общие с ними расходы...

Итак, юнец с Востока прибыл в «голодный край» — на землю обетованную. Но мысли мои обращены к соотечественникам, оставшимся на Востоке: «Как они там сейчас?» Через десять дней после приезда в Москву мы сразу попали на Всероссийский съезд китайских рабочих. На нем присутствовало около двухсот делегатов из различных мест, представлявших более сорока тысяч человек, проживавших только в европейской части России. Некоторые из них, попытавшись в годы европейской войны возвратиться на родину из Франции и Германии, осели здесь, другие долгое время занимались торговлей или работали в России... Они очень обрадовались нашему приезду и оказали нам теплый прием. Лишенные в течение длительного времени какой бы то ни было информации о положении в Китае, они выглядели жаждающими, которым дали наконец напиток, и слушали нас буквально с раскрытыми ртами. Мы рассказали им вкратце о студенческом движении на родине, и после этого последовало несколько патристических выступлений. По неизвестным причинам приехавший вместе с нами в Москву китайский генконсул Чэнь Гуан-пин не решился участвовать в работе съезда, и это вызвало недовольство делегатов.

...Условия для нашей деятельности складывались довольно благоприятные. Янсон порекомендовал нам множество мест, где можно было собирать материал, встречаться с крупными деятелями. Первым, кого мы посетили и с кем повидались, был главный редактор центрального органа Российской Коммунистической партии — газеты «Правда» — Мещеряков. Он разъяснил нам порядок проведения экскурсий и всякое другое. Одновременно Отдел стран Востока Наркоминдела выделил в наше распоряжение переводчика Го Чжи-шэна⁹. Он вырос в Китае и потому имел китайское имя... Кроме того, у нас был также переводчик с английского языка, тоже присланный Наркоминделом. Впоследствии мы с Го Чжи-шэном стали неразлучными друзьями. Он сообщил мне множество интересного о революции, рассказывал о событиях, не зафиксированных в официальной истории, о том, как проходила революция в практической жизни. Таким образом, наше официальное исследование жизни страны, сбор сведений о ней начались со встречи с Мещеряковым, а, так сказать, неофициальное — со дня знакомства с Го Чжи-шэном.

...Величественное, красивое здание, тихие, безмолвные залы. В некоторых из них у больших полотен толпятся девушки с карандашами и бумагой в руках. Это — Третьяковская галерея, первое место в Москве, куда мы совершили экскурсию. Здесь огромное множество картин. Смотришь картину, изображающую пейзаж, и кажется тебе, что сам находишься среди гор, в лесу — до такой степени все это похоже на то, что окружает нас в жизни.

Отгремели годы войны и революции, а светоч русской культуры не померк — он по-прежнему сверкает и искрится. Разрушенные войной железные дороги, отсутствие достаточного количества книг и газет — все это забывается, когда оказываешься в Третьяковской галерее. Вспоминая ее основателя — Павла Михайловича Третьякова (1832—1898), чья гранитная скульптура возвышается на том самом месте, где он лежал на смертном одре, невольно задумываешься об истинном значении культуры. Величие и благородство русской культуры, ее высокий, подлинно гражданский пафос, необыкновенные таланты, заложенные в ней, порожденные ею поразительные шедевры, потрясшие весь мир, — все это убеждает в том, как велико значение русской революции! Культура общества — это квинтэссенция общественного духа, прогресс общества — это вечная пульсация общественной идеологии. Непосредственное восприятие реальной жизни, уроки, извлеченные из нее, в какой-то мере научили меня новому подходу к изучению общественной философии. Юнец с Востока, приехавший в Красную столицу, готовится испытать до дна живительную влагу национальной культуры новой и старой России. В интеллектуальной учебе он отдает предпочтение научному социализму, в поисках духовной пищи — с упоением растворится в том волшебстве, которым является Россия. Маяк уже виден, и хотя море и беспокойно, поворачивай штурвал — и вперед, вперед к цели!..

*Публикация и перевод с китайского
кандидата филологических наук
М. Е. Шнейдера*

⁹ Го Чжи-шэн — В. С. Колоколов, известный советский китаевед. — Прим. перев.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность

*В. С. Мясников,
кандидат исторических наук*

Советская научная общественность отмечает двухсотлетие со дня рождения выдающегося русского китаеведа Никиты Яковлевича Бичурина. Имя его занимает особое место в истории отечественного востоковедения. Ни один из ученых-востоковедов не стал центральной фигурой такого количества художественных произведений, как это произошло с русским синологом первой половины XIX в., известным в свое время под именем отец Иакинф¹. При этом Н. Я. Бичурин был первым российским ученым-китаеведом, удостоившимся высших научных степеней и наград. Его жизненный путь не был непосредственно связан с крупными историческими событиями в жизни нашей страны или Китая, коллизии и перипетии его личной судьбы не сравнимы с драматизмом биографий многих его современников. В чем же секрет личности Н. Я. Бичурина — ученого и гражданина, — сделавший его широкоизвестным не только у нас, но и далеко за пределами нашей страны?

Бесспорно, что сегодняшняя популярность Н. Я. Бичурина в известной степени обусловлена общим возрастанием интереса к истории русского дореволюционного китаеведения, — интереса, вызванного, во-первых, успехами советского китаеведения, достижением им того уровня развития, когда оно, как наука, может осуществлять процесс самопознания², во-вторых, обострением идеологической борьбы во всех сферах исследования китайского общества, когда китаеведение отражает в концентрированной форме не только различие индивидуальных научных точек зрения, но и противоположность методологических подходов марксистско-ленинского обществоведения и буржуазной и буржуазно-националистической науки³.

Но не только эти общие процессы определяют интерес к жизни и творчеству Н. Я. Бичурина. Ведь не случайно именно его мы сегодня выделяем среди значительного числа предшественников, современников и последователей, отдававших силы, знания и труд благородному делу установления связей, взаимного понимания и добрососедских отношений между народами России и Китая. Разумеется, ответ на поставленные вопросы, касающиеся личности Н. Я. Бичурина, не может быть однозначным. Однако о корифее русского китаеведения XIX в., ныне опубликован целый ряд работ⁴, которые помогают дать ответ на интересующие нас вопросы.

¹ См. А. Таланов, Н. Ромова. Друг Чжунго. М., 1955; пьеса В. П. Романова «Никита Бичурин», ставилась в Чебоксарском государственном театре (П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, стр. 319); В. Н. Кривцов. Путь к Великой стене. М., 1972; С. Н. Марков. Неутомимый Иакинф Бичурин, в кн.: «Вечные следы». М., 1973, стр. 272—276; В. Н. Кривцов. Время собирать камни. — «Нева», 1976, № 11, стр. 34—93, № 12, стр. 3—78.

² См. В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970; В. С. Мясников. Становление и развитие отечественного китаеведения. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2; П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

³ См. «Лиши явьцзю», 1975, № 4; E. C. Kirby. Russian studies of China. L., 1975; E. Widmer. The Russian ecclesiastical mission in Peking during the 18th century. Cambridge (Mass.), 1976; W. H. Lin. China studies in the Soviet Union. — "Issues and studies", 1976, v. 12, № 11, p. 35—51.

⁴ 250-летие Академии наук СССР было отмечено публикацией статей: Н. Т. Федоренко. Иакинф Бичурин, основатель русского китаеведения. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1974, т. 33, № 4, стр. 341—351; Д. И. Белкин. А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин). — «Народы Азии и Африки», 1974, № 6, стр. 126—134; П. Е. Скачков. «Бичуринский период» русской синологии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, стр. 180—186 (последняя работа является фрагментом соответствующего раздела «Очерков истории русского китаеведения», вышедших в 1977 г., см. П. Е. Скачков. Очерки..., стр. 89—123, 310—319, 408—416).

* * *

В течение многих лет исследователи истории и географии, языка и культуры Китая, Монголии, Тибета, народов Средней Азии постоянно обращались к трудам Н. Я. Бичурина, черпая материалы из этого богатого источника. Когда в первой половине XIX в. выходили в свет книги и многочисленные статьи Н. Я. Бичурина, они печатались в России и переводились на иностранные языки, о них писали рефераты и делали сообщения. Однако, несмотря на успех и общее признание, работы выдающегося сиолога не были переизданы в последующие годы. Никто не взял на себя труда составить собрание его сочинений, отыскать и издать его рукописи. Никто не анализировал взглядов Н. Я. Бичурина, не вскрывал его исторической концепции, не характеризовал его деятельности и роли в создании и развитии русской и мировой синологии. Правда, в русских и иностранных журналах, словарях и справочниках неоднократно появлялись статьи и заметки о Бичурине⁵, но все они кратки⁶, не могут дать полного представления о подлинной научной ценности трудов Бичурина и часто повторяют оценки, данные неспециалистами.

Перед советскими китаеведами с первых же дней становления нашего советского востоковедения встала задача по-новому раскрыть мощный и яркий образ Бичурина — исследователя Востока, сиолога, историка, друга китайского народа.

Бичурин всегда привлекал внимание советских исследователей. Еще в 1923 г. В. В. Бартольд замечал, что благодаря трудам русских китаистов, и особенно Бичурина, «русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую»⁷. Достоиную оценку трудам Бичурина Бартольд дал и в своих лекциях по истории изучения Востока в Европе и России⁸.

⁵ Н. И. Адоратский. Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд). — «Православный собеседник». Казань, 1886, ч. I, стр. 164—180, 245—278, ч. II, стр. 53—80, 271—316; Н. И. Веселовский. Иакинф. Русский биографический словарь, т. И—К. Спб., 1897, стр. 153; В. Миротворцев. К биографии о. Иакинфа Бичурина. — «Православный собеседник». Казань, 1886, ч. II, стр. 410—426; Н. С. Моллер. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки. — «Русская старина». Спб., 1888, август—сентябрь, стр. 270—300, 525—560; М. И. Моллесон. К 50-летию смерти о. Иакинфа Бичурина (1853—1903). — Труды Троице-Савско-Кяхтинского отделения императорского Русского Географического об-ва, 1903, т. VII, в. I, стр. 73—77; М. П. Погодин. Биография отца Иакинфа Бичурина. — «Беседы в обществе любителей Российской словесности при императорском Московском университете», вып. 3, М., 1871, стр. 62—68; Н. Шуккин. Отец Иакинф Бичурин. — «Журнал мин-ва народного просвещения», 1857, сентябрь, стр. 111—126; Н. Шуккин. Некролог (Н. Бичурин). — «Северная пчела», 1853, № 105, стр. 418; Н. Ядринцев. Судьба талантов и ученых (по поводу биографии отца Иакинфа Бичурина). — «Восточное обозрение», 1888, № 41, стр. 8—10.

⁶ Наиболее полными из них являются статьи Н. Шуккина, Н. И. Адоратского, Н. Моллера. Существует также так называемая автобиографическая записка Н. Я. Бичурина, изданная П. С. Савельевым (П. С. Савельев. Иакинф Бичурин (Автобиографическая записка). — «Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему отделениям», т. III, вып. 6, 1885, стр. 665—672). В предисловии П. С. Савельев указывает, что «Записка» написана самим Бичуриным, но это — явная ошибка, т. к., во-первых, из текста явствует, что «Записку» составил кто-то другой, хорошо знавший Бичурина, Китай, китайский язык, но не сам Бичурин. Во-вторых, аналогичная биография Бичурина напечатана М. П. Погодиным. (М. П. Погодин. Биография о. Иакинфа Бичурина (написанная в 1847 г.). — «Беседы в Обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете», 1871, вып. 3, стр. 62—68.) Текст погодинской «Биографии» идентичен тексту «Записки» П. С. Савельева, но М. П. Погодин указывает, что хотя «Биографию» ему и прислал Бичурин, но писал ее, очевидно, кто-то по его поручению, и позже Бичурин сам просил у Погодина сведений из нее. По некоторым данным можно предположить, что автором «Записки» и «Биографии» является друг Бичурина, синолог, член Пекинской миссии архимандрит Аввакум, бывший в 1847 г. (год составления «Записки» и «Биографии») в Петербурге и находившийся в этот период «в живом обмене мыслей и чувств своей доброй души с о. Иакинфом» (Н. И. Адоратский. Отец Иакинф Бичурин... — «Православный собеседник», 1886, ч. II, стр. 312).

⁷ В. В. Бартольд. *Анналы*, 1923, стр. 261.

⁸ См. В. В. Бартольд. *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925, стр. 268, 271, 274.

В 1929 г. со статьей «О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея)», помещенной в «Известиях Академии наук СССР», выступил академик С. А. Козин. С. А. Козин довольно подробно показал рукописное наследие великого сиолога, хранившееся в архиве тогдашнего Азиатского музея (ныне сектор Восточных рукописей) Института востоковедения Академии наук СССР. Причем, характеризуя бичуринские переводы династийных историй и статистическо-географических описаний, С. А. Козин указывал, что «издание переводов этих ценнейших памятников китайской культуры, лишь отчасти и не вполне безупречно выполненное в Европе, у нас все еще на очереди. А потому обсуждение вопроса об издании этих трудов нашего сиолога далеко не сводится к одному из способов увековечения его и без того славного имени»⁹.

В том же 1929 г. С. А. Козин опубликовал еще одну статью, посвященную рукописному наследию Бичурина¹⁰. Но незнание Козиним той части рукописного наследия Бичурина, которая хранится в Центральном архиве Татарской АССР и в Библиотеке Казанского университета, привело к тому, что перечень работ великого китаеведа, составленный Козиним, оказался неполным.

Исключительный интерес для биографа Бичурина представляла работа, проделанная начавшим изучение истории отечественного китаеведения П. Е. Скачковым. К 80-летию со дня смерти Бичурина в 1933 г. П. Е. Скачковым была опубликована статья «Иакинф Бичурин (1777—1853)»¹¹, в которой автор дал краткий очерк жизни и деятельности Бичурина и большое собрание архивных материалов, относящихся к его биографии. Архивные документы были систематизированы П. Е. Скачковым в хронологическом порядке. Дополненные имеющимися воспоминаниями о Бичурине, критическими обзорами его трудов, рецензиями и большим рукописным и печатным наследием Бичурина, они должны были, по замыслу автора, «лечь в основу будущей биографии И. Бичурина»¹². П. Е. Скачков первым из биографов указал на активное отношение Бичурина к общественной жизни страны и подчеркнул его связь с передовыми людьми эпохи.

Следующей работой, посвященной изучению творческого наследия Н. Я. Бичурина, явилась статья А. А. Петрова «Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве Татарской АССР и Библиотеке Казанского университета»¹³. Статья являлась как бы отчетом о творческой командировке А. А. Петрова в Казань для выявления в архивах рукописных работ русских востоковедов. Как указывал А. А. Петров, ближайшей своей задачей он ставил отыскание рукописей Иакинфа Бичурина. А. А. Петрову удалось обнаружить 10 рукописей Бичурина, относящихся к истории и географии Китая и сопредельных стран и китайскому языку. Автор дал полное описание этого рукописного наследия Бичурина и сделал вывод, что «необходимо принять меры к дальнейшему разысканию других частей казанского наследия знаменитого китаеведа, имеющего большое значение для истории науки»¹⁴.

В последующие годы изучение и собрание наследия Бичурина ведется в Институте востоковедения Академии наук СССР, на отделениях Востока филологического и исторического факультетов Московского университета, на восточном факультете Ленинградского университета, на китайском отделении Московского института востоковедения и в других востоковедческих центрах страны.

В 1948 г. была опубликована статья Л. В. Симоновской «Бичурин как историк Китая»¹⁵. Основанная на большом фактическом материале, эта статья, несомненно, представляла интерес, так как была первой попыткой в советском китаеведении дать анализ основных трудов Бичурина по истории Китая. Однако автор, ставя проблему «ученый и эпоха», несколько несправедливо относил Н. Я. Бичурина к официальной дворянско-чиновничьей части петербургских научных кругов, даже противопоставила передовым кругам русской общественности. «Этот человек (Бичурин. — В. М.) в мо-

⁹ «Известия Академии наук СССР». Л., 1929, № 5, VII серия, отделение гуманитарных наук, стр. 412.

¹⁰ С. А. Козин. К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина. — «Доклады Академии наук СССР», серия В, 1929, № 13, стр. 245—247.

¹¹ П. Е. Скачков. Иакинф Бичурин (1777—1853). Архивные материалы к биографии. — «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933). Л., 1934, стр. 79—90.

¹² Там же, стр. 90.

¹³ Там же, вып. 10 (1936). Л., 1937, стр. 139—155.

¹⁴ Там же, стр. 146.

¹⁵ «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 7, 1948, стр. 46—61.

нашеской рясе, влюбленный в «азиатскую мудрость», близкий к светским салонам русской знати, не вызывал симпатий передовой молодежи, — писала Л. В. Симоновская. — Ученая молодежь рукоплескала противникам Бичурина, что его жестоко огорчало»¹⁶. При этом из поля зрения автора выпадала оценка и критика трудов Бичурина В. Г. Белинским, А. С. Пушкиным, его связи с декабристами.

Некоторые неточности вкрались и в раздел статьи, относящийся к биографии Бичурина. Так, Л. В. Симоновская указывала, что Бичурин был избран членом-корреспондентом в 1837 г.¹⁷, тогда как установлено на основании архивных данных, что это событие произошло в декабре 1828 года¹⁸. Недочеты такого рода были обусловлены недостаточной разработанностью в то время документальной базы источников, касавшихся жизни и творчества Н. Я. Бичурина, но они не умаляют значения статьи как первого марксистского анализа исторических концепций Бичурина.

В 1950 г. Институт этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР переиздал одну из самых фундаментальных работ Н. Я. Бичурина — «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (М. — Л., 1950, т. I, 464 стр.; т. II, 333 стр.). Выход в свет двух томов этой книги совпал со столетней годовщиной появления ее первого издания в 1851 г.

В новом издании было ценно то, что коллектив, работавший над переизданием, с большой тщательностью сверил текст книги, исправил ошибки и неточности, неясности стиля и выражений. Таким образом, работа Бичурина была сохранена во всех деталях, и вместе с тем в ней были исправлены явные упущения и опечатки, вкравшиеся в первое издание.

Новому изданию «Собрания сведений о народах...» предпосланы вводные статьи. Первая из них принадлежит профессору А. Н. Бернштаму и называется «Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд „Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“»¹⁹. Она содержит биографию Бичурина и оценку издаваемой книги для китаеведения и историков СССР. Наиболее яркие страницы очерка о Бичурине посвящены характеристике его как представителя передовой общественно-политической и литературной среды, патриота, человека, не имевшего религиозных и расовых предрассудков, искренне любящего китайский народ. На основании ряда новых документов подтверждены связи Н. Я. Бичурина с лучшими людьми его времени — А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским, Н. А. Бестужевым.

Вторая из вступительных статей, написанная профессором Н. В. Кюннером и носящая название «Работа Бичурина над китайскими источниками для „Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“»²⁰, в полной мере характеризует ту гигантскую работу, которая была осуществлена Бичуриным при создании книги. Именно здесь упоминается и о переводе Бичуриным «Исторических записок» Сыма Цяня.

Советская общественность широко откликнулась на переиздание трудов Бичурина. В «Вестнике древней истории» появилась по этому поводу рецензия Л. В. Симоновской²¹, в которой автор дала сжатую характеристику труда Бичурина и оценивала его переиздание как «еще одно свидетельство многолетней дружбы русского и китайского народов»²², а также отмечала то, что, «по-видимому, это только начало и дальше будут собраны и изданы рукописи Бичурина и переизданы его книги и многочисленные статьи»²³. Л. В. Симоновская указывала также на то, что советским историкам, изучающим прошлое народов советской Средней Азии, удалось при помощи работ Бичурина разрешить совершенно не изученные и не разрешенные ранее вопросы. Так, С. П. Толстов, исследуя историю древнего Хорезма, нашел прямые подтверждения своим открытиям в трудах Н. Я. Бичурина²⁴.

Новому изданию работ Бичурина была посвящена и рецензия А. А. Семенова «Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии

¹⁶ «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 7, 1948, стр. 59.

¹⁷ Там же, стр. 56.

¹⁸ См. Протоколы Академии наук, 1828, XII, 17, § 620 и справочник «Список членов Академии наук 1725—1907», сост. Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908, стр. 183.

¹⁹ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М. — Л., 1950, стр. V.

²⁰ Там же, стр. VI—XXXVI.

²¹ Л. В. Симоновская. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — «Вестник древней истории», 1951, стр. 137—142.

²² Там же, стр. 142.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 138.

в древние времена», напечатанная в «Известиях Академии наук Таджикской ССР»²⁵. Семенов также указывал, что «нельзя не приветствовать весьма важного решения Института этнографии им. Миклухо-Маклая — переиздать замечательный труд знаменитого русского синолога о. Иакинфа (Бичурина), потому что вышедшее сто лет тому назад (в 1851 г.) издание этого труда стало библиографической редкостью. Между тем огромное научное значение его продолжает быть и поныне неувядаемым»²⁶. Причем Семенов вносил несколько критических поправок в статью профессора А. Н. Бернштама, посвященную биографии Бичурина, в частности он указывал на недостаточное освещение А. Н. Бернштамом деятельности Бичурина в Пекинской духовной миссии²⁷.

Некоторым итогом изучения творческого наследия Бичурина советскими китаеведами явилась научная сессия в Институте востоковедения Академии наук СССР, посвященная Н. Я. Бичурину в связи со столетием со дня его смерти, исполнившимся 23 мая 1953 г.

На сессии был заслушан целый ряд докладов, посвященных жизни и различным сторонам творчества Н. Я. Бичурина. Профессор В. И. Авдиев в кратком вступительном слове охарактеризовал Бичурину как крупного ученого, отличавшегося большой широтой интересов и громадными знаниями, ученого, который по праву может считаться первым китаеведом своего времени не только в России, но и за рубежом²⁸.

С обобщающим докладом на тему «Н. Я. Бичурин — один из основоположников русского востоковедения» выступил Л. И. Думан, подчеркнувший, что по количеству использованных и переведенных китайских источников, по точности и полноте переводов Н. Я. Бичурин стоит далеко впереди западноевропейских сиологов того времени и своими трудами вывел русскую синологию в середине XIX в. на первое место в мире. О жизненном пути и творческой деятельности Бичурина рассказал в своем докладе «Жизнь и творчество Н. Я. Бичурина» Д. И. Тихонов, который особенно подробно остановился на разносторонней общественно-научной деятельности замечательного китаеведа²⁹.

Профессор Н. В. Кюнер в докладе «Иакинф Бичурин и изучение истории Центральной Азии» охарактеризовал значение труда Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», переизданного Институтом этнографии Академии наук СССР в 1950 г. В своем докладе Н. В. Кюнер указал, что Бичурин сумел дать широкую, продуманную классификацию народов Центральной Азии по трем этническим группам. Эта классификация, ранее часто подвергавшаяся сомнению, ныне почти полностью получила признание³⁰.

Доклад на тему «Н. Я. Бичурин как филолог» был сделан Б. К. Пашковым, который отметил важность переводов Бичуриными памятников китайской классической литературы и исследований великого сиолога в области грамматики китайского языка. Как указал Б. К. Пашков, грамматика, созданная Бичуриным, по существу, была первой в Европе научной грамматикой китайского разговорного и письменного языка³¹.

О ценности трудов Бичурина как экономиста и географа рассказал в своем докладе «Иакинф Бичурин как экономист и географ» А. И. Стадниченко. А Л. В. Симонская посвятила свое выступление Н. Я. Бичурину как историку Китая. Она отметила прогрессивность исторических взглядов Бичурина и отсутствие религиозных и расовых предрассудков в его оценках исторических явлений и событий³².

Н. П. Шастина остановилась в своем докладе «Значение трудов Н. Я. Бичурина в истории русского монголоведения» на смелом решении Бичуриным одного из центральных вопросов современного ему монголоведения — проблемы происхождения монголов.

О той роли, какую представляют из себя неопубликованные работы Бичурина, в особенности его переводы конфуцианских канонических сочинений, а также словари, подробно рассказывала в своем докладе «Неопубликованные труды Н. Я. Бичурина» З. И. Горбачева.

Кроме докладов, на сессии, посвященной Бичурину, были заслушаны краткие выступления ученого из Чувашии П. Г. Григорьева и сотрудника Института востоковедения А. Л. Гальперина. П. Г. Григорьев сообщил, что общественность Советской Чувашии широко отметила столетие со дня смерти Н. Я. Бичурина, привел дополнительные данные о ранних годах жизни Бичурина и о его семье, обосновал необходимость создания полной научной биографии Бичурина.

²⁵ «Известия Академии наук Таджикской ССР», отделение общественных наук, вып. 1, 1952, стр. 57—60.

²⁶ Там же, стр. 57.

²⁷ Там же, стр. 58.

²⁸ См. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 172.

²⁹ Там же, стр. 172—173.

³⁰ Там же, стр. 174.

³¹ Там же.

³² Там же.

А. Л. Гальперин указал на большое значение переводов Бичуриным китайских династийных историй для исследования древней истории Японии и Кореи, а также отметил, что изучение вопроса о влиянии Бичурина на последующие поколения русских сиологов дает возможность проследить размежевание прогрессивной и реакционной линий в дореволюционном китаеведении.

Отчеты о работе сессии были напечатаны в журналах «Вопросы истории»³³ и «Вестник Академии наук СССР»³⁴.

Столетию со дня смерти Бичурина была посвящена и статья Н. Л. Корженевского «Н. Я. Бичурин (Иакинф) (1777—1853)», опубликованная в «Известиях Академии наук УзССР»³⁵, в которой наиболее интересным является упоминание о критических замечаниях Н. Я. Бичурина на работу русского географа П. А. Чихачева «Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир»³⁶, где Бичурин пронизательно и точно определил источник ошибок Чихачева как результат не критического отношения к западноевропейским авторитетам.

В 1954 г. в «Ученых записках ЛГУ» были опубликованы две большие статьи, охватывающие в целом жизнь и творчество Н. Я. Бичурина и его рукописное наследие. Первая статья принадлежала Д. И. Тихонову и называлась «Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин»³⁷; вторая была написана З. И. Горбачевой и носила название «Рукописное наследие Иакинфа Бичурина»³⁸.

Статья Д. И. Тихонова освещала в основном научно-публицистическую деятельность Бичурина. Как одну из положительных сторон данной статьи необходимо отметить содержащуюся в ней характеристику эпохи, в которой жил и работал Бичурин, и критическое отношение автора к ранее опубликованным работам о Бичурине, в частности к статье Л. В. Симоновской «Бичурин как историк Китая»³⁹. Статья Д. И. Тихонова являлась, пожалуй, наиболее полным для того времени очерком научной деятельности Н. Я. Бичурина и его общественно-литературных связей. Она была создана на основе привлечения нового документального материала.

Работа З. И. Горбачевой, дающая весьма полное представление о рукописном архиве Бичурина, являлась как бы продолжением работ академика С. А. Козина и А. А. Петрова, о которых мы уже упоминали.

С 21 по 28 августа 1954 г. в Кембридже (Англия) проходил XXIII Международный конгресс востоковедов, где присутствовали 900 ученых, представляющих около 30 стран. Среди докладов, сделанных на конгрессе советской делегацией, был доклад Е. Ф. Ковалева «Изучение Китая в Советском Союзе». Автор подчеркнул, что советское китаеведение опирается на лучшие традиции дореволюционной русской синологии, отражавшей прогрессивное, гуманистическое направление общественной мысли в России. Труды «основоположника русского китаеведения монаха Иакинфа Бичурина (1777—1853) и его преемников — архимандрита Палладия (П. И. Кафарова) (1817—1878), В. П. Васильева (1818—1900) — и других русских востоковедов высоко оцениваются советской наукой. Произведения этих ученых проникнуты горячим сочувствием к китайскому народу, твердой верой в его лучшее будущее, искренним восхищением самобытной культурой Китая, подчеркивают исторически сложившуюся дружбу русского и китайского народов»⁴⁰.

Таким образом, к середине 50-х годов советские китаеведы воссоздали творческий портрет Н. Я. Бичурина, дали оценку его общественной и научной значимости. Какие же характерные черты выделяли Н. Я. Бичурин из числа его современников и привлекали и продолжают привлекать к нему внимание в наши дни?

Во-первых, Н. Я. Бичурин первым из отечественных китаеведов переступил профессиональные рамки и стал крупной общественной фигурой 30—40-х годов XIX в. Причем конфликт между социальным положением (монашество) и социальными идеалами, формировавшимися в нем под влиянием дружественных отношений с декабристами и А. С. Пушкиным⁴¹, стал основой его духовной трагедии.

³³ См. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 172—175.

³⁴ «Вестник Академии наук СССР», 1953, № 7, стр. 98—102.

³⁵ «Известия Академии наук УзССР», 1953, № 4, стр. 116—117.

³⁶ П. Чихачев. Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. — «Записки Русского географического общества», кн. III. СПб., 1849.

³⁷ «Ученые записки ЛГУ», 1954, № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4. История и филология стран Востока, стр. 281—306.

³⁸ Там же, стр. 307—316.

³⁹ Л. В. Симоновская. Бичурин как историк Китая. — «Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета», вып. 7, 1948, стр. 46—61.

⁴⁰ Академия наук СССР. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Дальнего Востока. М., 1954, стр. 71—72.

⁴¹ См. М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. — В сб.: «Пушкин и Сибирь». Москва — Иркутск, 1937, стр. 108—145; Д. И. Белкин. А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин). — «Народы Азии и Африки», 1974, № 6, стр. 126—134.

Разночинец, ставший известным ученым и публицистом, сблизившийся с лучшими представителями дворянского периода освободительного движения в России, Н. Я. Бичурин не случайно привлекал постоянное внимание того, кого В. И. Ленин называл «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»,⁴² — В. Г. Белинского.

Для Бичурина, прожившего 14 лет за границей и потом 4 года в ссылке в Валаамском монастыре, было нелегко разобраться в общественных взглядах публицистов и ученых, в позициях, занимаемых тем или иным журналом, отделить официальную дворянскую идеологию от демократической, революционной.

Н. Я. Бичурин в поиске демократического идеала общественного устройства пытался найти его в Китае того времени, опираясь на обширные познания в истории развития китайской политической культуры. В книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии» вольнодумец в рясе, характеризуя китайские законы, подчеркивал: «...они сорок веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близко к истинным началам народоуправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что позаимствовать из них»⁴³. В. Г. Белинский, отметив, что «книга почтенного отца Иакинфа — истинное сокровище для ученых по богатству важных фактов», категорически высказывал мнение, что благоденствие народа, находящегося под правлением Цинской монархии, — «это только мираж, разлетающийся прежде, чем взглядишь в него! Это такой же призрак, как и политическое могущество Китая...». Социальная гармония невозможна при имущественном неравенстве, справедливо считал великий критик, поэтому «все эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только к обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки»⁴⁴. Однако важно отметить, что, будучи страстным полемистом, постоянно и активно отстаивавшим свои взгляды на страницах журналов, Н. Я. Бичурин принимал критические замечания В. Г. Белинского как дружественную помощь, не пытаясь их оспаривать, так как, вероятно, ценил смелость и глубину проникновения демократической мысли в сущность явлений.

При рассмотрении научной и общественно-политической деятельности Бичурина необходимо учитывать и личное положение Никиты Яковлевича, которое ограничивало его общение, особенно за пределами Петербурга. Но и в самом Петербурге каждый шаг ученого был под наблюдением агентов святейшего Синода — монахов Александро-Невской лавры. Несмотря на тяжелый режим интеллектуального подавления Бичурин старается поддерживать связи с передовыми кругами петербургских литераторов и ученых, сотрудничает в прогрессивных журналах, откликается на насущные запросы читателей, отстаивает интересы русской науки, осуждает слепое преклонение перед иностранными учеными, страстно пропагандирует подлинные знания о Китае и народах Центральной Азии.

Во-вторых, творческая деятельность Н. Я. Бичурина — подвиг во имя науки. Им опубликовано свыше шестидесяти работ по истории, географии, политическому устройству, языку и этнографии Китая и сопредельных стран. Почти такое же количество трудов осталось в рукописях⁴⁵. И это при том, что в силу сложившихся обстоятельств Н. Я. Бичурин сравнительно поздно начал публиковать свои труды. Его первая книга вышла в свет, когда ему был 51 год.

Основной целью научной деятельности Н. Я. Бичурина было стремление правдиво рассказать о Китае и других азиатских странах. «Я привык писать одно дельное, высказываться откровенно, и притом в коротких словах»⁴⁶, — говорил Бичурин о методе своей работы.

Современники очень высоко ценили точность сведений, дававшихся Бичуриным при описании Китая и сопредельных с ним стран. Автор «Биографии» Бичурина, изданной М. П. Погодиным, указывает, что Бичурин в своих трудах «не основывался на предрассудках или на сведениях, сообщенных прежними путешественниками, и потому каждую вещь видел в подлинном ее виде. Сему-то благоразумному правилу о. Иакинф обязан своими успехами в раскрытии разных превратных сведений и ложных мнений, сообщенных Европе прежними путешественниками и ориенталистами»⁴⁷.

Безусловно, трудам Н. Я. Бичурина были присущи и определенные недостатки, обусловленные в первую очередь общим уровнем развития науки того времени. Некоторые современники пытались даже упрекать его за то, что он писал свои труды... на русском языке. «Мы часто сожалеем, читая труды почтенного отца Иакинфа, —

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

⁴³ Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Спб., 1848, ч. 1, стр. II—III.

⁴⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Пг., 1917, т. XI, стр. 155, 157.

⁴⁵ П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения, стр. 408—416.

⁴⁶ «Москвитянин», 1849, № 9, стр. 4.

⁴⁷ «Беседы в обществе любителей российской словесности», 1871, вып. III, стр. 86.

заявлял О. И. Сенковский, — что он не издает сочинений по-французски или английски. Русский язык до сих пор оставался и долго еще останется вне круга ученых европейских прений о предметах восточных, и самая запутанность, в которую повергнуты эти предметы гипотезами известных ориенталистов, еще увеличивается от появления нового диспутанта, изъясняющегося на языке, не получившем права гражданства в ориенталистике»⁴⁸.

Однако профессионалы-китаеведы, крупнейшие ученые, развивавшие бичуринские традиции в русском китаеведении, исключительно высоко оценивали труды Н. Я. Бичурина. «Заслуги покойного нашего синолога (Бичурина. — В. М.) так велики, труды его так обширны, — говорил В. П. Васильев, — что мы почитаем с своей стороны дерзостью разбирать недостатки, которые неизбежны во всяком издании о предметах, в которых не только публика, но даже и ученый свет принимает еще так мало участия»⁴⁹.

В-третьих, Н. Я. Бичурин был первым из русских китаеведов, кто от изучения на базе маньчжурских источников истории и современного положения Цинской империи перешел к исследованию Китая и сопредельных стран во всей динамике их взаимодействия в прошлом и настоящем. Известный русский археолог-востоковед, профессор Петербургского университета Н. И. Веселовский следующим образом охарактеризовал научную деятельность Бичурина: «Он в полном смысле слова положил у нас начало изучению Китайской империи и ее вассальных земель, возбуждив интерес в обществе к крайнему Востоку, показал, какую возможность имеет для изучения Средней Азии богатейшая китайская литература, проложил путь для работы другим синологам. К этому надо прибавить, что труды Иакинфа доселе почти не устарели, и ни один исследователь прошлого Средней Азии и Северо-Восточной Азии не может обойтись без них»⁵⁰. Это было результатом реализации Н. Я. Бичуриным той научной программы, которая была выработана им в самом начале творческой деятельности. Бичурин решает при издании своих научных трудов сначала ознакомить русскую общественность со странами, сопредельными с Китаем (Тибетом, Монголией, Джунгарией и Восточным Туркестаном), а потом перейти к собственно Китаю. В таком порядке он подготавливает к печати свои работы. «Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Туркистан и Монголию, то есть те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и через которые самый Китай имеет связи с Индией, Среднею Азиею и Россиею», — писал сам Бичурин⁵¹.

В-четвертых, во всех своих трудах Н. Я. Бичурин выступал как искренний и верный друг китайского народа. Столь естественная увлеченность ученого предметом научного поиска и исследований приобретала в то время высокое общественное звучание. С особой яркостью общественная роль выступлений Н. Я. Бичурина проявилась в статьях по истории отношений Китая с Европой и об английском вторжении в Китай. В европейской печати в эти годы была поднята волна обвинений против Китая, который якобы не желал иметь связи с европейскими государствами. Это получило отражение и в части русских журналов. Тогда Н. Я. Бичурин выступил со статьей, освещавшей историю отношений европейцев с Китаем. Статья эта называлась «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816-м году»⁵². В этой статье Бичурин доказывал, что у Китая не было стремления прекращать связи с державами Запада.

Когда английские войска начали силой оружия навязывать Китаю кабальные условия опиумной торговли, Бичурин выступил в защиту китайского народа со статьями «Обозрение приморских пунктов Китая, служащих ныне театром для военных действий англичан»⁵³ и «Сведения о Европе, сообщенные китайцам католическими вероисповедниками»⁵⁴.

Статья «Обозрение приморских пунктов Китая...» имела предисловие редактора «Отечественных записок» Краевского, где небезынтересно отметить следующие слова: «Толками о Китае наполнены теперь целые столбцы и страницы в журналах иностранных, которые по недостатку сведений о Китае повторяют нелепости, составленные другими, искажают имена и представляют вещи совершенно в превратном виде. Наши газеты и журналы усердно переводят эти статьи и по возможности искажают их еще более. Не желая подражать в этом другим русским журналам и в то же время зная, как интересно было бы читателям получить достоверные известия о

⁴⁸ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. VI. Спб., 1859, стр. 27.

⁴⁹ В. Васильев. История и древности восточной части Азии. Спб., 1857, стр. 1

⁵⁰ Русский библиографический словарь, т. II, И—К. Спб., 1897.

⁵¹ Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. Спб., 1842. Предисловие, стр. III—IV.

⁵² «Северный архив», 1825, № 16, стр. 134—151; 1828, № 32, стр. 199—218; № 34, стр. 3—39.

⁵³ «Отечественные записки», 1841, т. XV, 2, стр. 1—12.

⁵⁴ Там же, 1845, т. XI, 6, стр. 91—97.

театре этой борьбы (первой опиумной войны. — В. М.), которая, по всем вероятностям, должна будет иметь неизмеримо важные последствия, мы не решились заимствовать из английских и французских журналов их кривые толки, а обратились к прямому и, может быть, единственному теперь источнику достоверных сведений о Китае — к познанию и опытности отца Иакинфа»⁵⁵.

На страницах «Отечественных записок» в это время выступали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, М. Ю. Лермонтов и А. В. Кольцов. И разумеется, это придавало особую окраску публикациям здесь статей Н. Я. Бичурина⁵⁶. Конечно, следует учитывать, что читателю было сложно разбираться в проблемах Китая, что Н. Я. Бичурин не все и не всегда мог объяснить по цензурным соображениям. В этом плане чрезвычайно характерна оценка работ Н. Я. Бичурина журналом «Телескоп», где автор рецензии на «Историческое обозрение ойратов...» писал: «Трудолюбивый о. Иакинф не перестает разрабатывать обширные поля, на которых у нас не только не имеет соперников, но даже людей, которые б могли ценить его заслуги, любоваться, гордиться ими»⁵⁷.

* * *

Разработка советскими китаеводами рукописной части творческого наследия Н. Я. Бичурина была начата в середине 30-х годов с подготовки к публикации бичуринского перевода известного китайского исторического труда «Цзы чжи тун цзянь» («Зерцало всеобщее, правительству помогающее»). Н. Я. Бичурин выполнил перевод еще в бытность свою в Пекине⁵⁸, но не успел напечатать его. Объем этого труда огромен⁵⁹, и, проработав несколько лет, Л. И. Думан, В. Н. Кривцов и З. И. Горбачева не смогли довести до конца работу по изданию⁶⁰. Но даже во время Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Средней Азии, академик В. М. Алексеев совместно с А. А. Драгуновым, составив в 1943 г. программу очередных задач китаеведения, внесли в нее продолжение работы по подготовке к публикации «Цзы чжи тун цзянь»⁶¹. Однако возобновлена эта работа была лишь в 1951 г. К 1953 г. Г. Ф. Смыкалову, Б. И. Панкратову, З. И. Горбачевой и Д. И. Тихонову удалось закончить подготовку четырех томов, к сожалению так и не вышедших из печати⁶².

Одновременно продолжалось начатое еще А. А. Петровым выявление рукописей Н. Я. Бичурина в архивах и рукописных хранилищах. Усилиями П. Е. Скачкова и Л. И. Чугуевского для изучения открывались все новые и новые работы Н. Я. Бичурина в самых различных областях китаеведения, а также его эпистолярное наследие⁶³.

Еще в 1849 г. Н. Я. Бичурин пожертвовал в библиотеку своей альма матер — Казанской духовной академии — несколько рукописей географических сочинений и переводов. Советские исследователи Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван на основе бичуринских рукописей «Землеписание Китайской империи», «Алфавит губерниям и городам в Китае» и «География 13 китайских губерний» опубликовали исключительно ценный труд по исторической географии Азии⁶⁴. Подготовка бичуринских рукописей к из-

⁵⁵ «Отечественные записки», т. XV, 2, стр. 1.

⁵⁶ В «Отечественных записках» (1841, т. XIX, стр. 59—63) была опубликована также статья Н. Я. Бичурина «О воспитании военных людей в Китае», перепечатанная в следующем году «Журналом министерства народного просвещения» (1842, март, отд. 6, стр. 153); тематически к этим статьям примыкала и напечатанная в «Сыне отечества» статья Н. Я. Бичурина «Китайские военные силы» (1840, т. V, вып. 2, стр. 261—274).

⁵⁷ «Телескоп», 1836, № 46.

⁵⁸ См. Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. II. Пребывание в Пекине. Спб., 1824, стр. 22.

⁵⁹ 15 томов разделены на 45 тетрадей ин-фолио, в которых насчитывается 8384 листа. (П. Е. Скачков. Очерки..., стр. 410, № 13.)

⁶⁰ Л. И. Чугуевский. Бичуринский фонд в архиве Института востоковедения. — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 136—147; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, стр. 93.

⁶¹ Азиатский музей — Ленинградское отделение..., стр. 118.

⁶² Там же, стр. 122.

⁶³ См. П. Е. Скачков. О рукописном наследии Н. Я. Бичурина (рукописи Н. Я. Бичурина, хранящиеся в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина). — «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1957, стр. 198—206; Письма Н. Я. Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, стр. 100—102; Л. И. Чугуевский. Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина. — «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, стр. 127—130.

⁶⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.

данию носила оригинальный и творческий характер, она состояла из нескольких этапов: «Сначала был восстановлен оригинальный текст, затем проверены интерполяции и на основании их внесены дополнения, подчас весьма существенные. Для того чтобы облегчить читателю-некитаисту пользование книгой, составлены две статьи, посвященные объяснению китайских хронологических и топонимических терминов»⁶⁵. Этот единственный пока опыт публикации крупной части рукописного наследия Н. Я. Бичурина следует признать удачным и способствующим осуществлению дальнейших стремлений в этой области.

Несомненно, реализации остающихся до сего дня не решенными задач в значительной мере поможет появившийся наконец свод рукописей Н. Я. Бичурина⁶⁶. Дополняя сведения о его опубликованных работах, этот перечень свидетельствует и о том, что несколько крупных переводов и оригинальных сочинений автора, касающихся в первую очередь истории Китая, еще ждут, когда к ним прикоснется заботливая рука издателя. Очевидно, первым шагом на этом поприще должно быть продолжение подготовки к изданию «Цзы чжи тун цзянь» и публикация этого уникальнейшего труда.

Имя Н. Я. Бичурина стало символом неустанного научного поиска, широких демократических взглядов, исключительной талантливости и целеустремленности в работе по классическому и современному Китаю, того истинного патриотизма, который не исключает, а, наоборот, предполагает внимание к судьбам других народов, дружественное отношение к ним. Изучение жизни и творчества великого русского синоведа стало ныне своеобразной вспомогательной китаеведческой дисциплиной — «бичуриноведением», в области которого работали и продолжают работать многие востоковеды. Это свидетельствует не только о грандиозности научного вклада Н. Я. Бичурина в мировую синологию, но и о нетленности его творческого наследия. Сам процесс познания Китая, становление и развитие отечественного китаеведения, достижение им высшего мирового уровня — все это невозможно ныне понять без глубокого знания бичуринского творчества.

Отмечая бичуринский юбилей, советские востоковеды с особым вниманием и бережливостью относятся к заложенной Н. Я. Бичуриным в нашем китаеведении традиции посвящать всю свою деятельность делу укрепления и расширения взаимопонимания между народами нашей страны и Китая. Эта традиция, умноженная на интернационалистический характер марксистско-ленинского китаеведения, в полной мере согласуется с указаниями XXV съезда КПСС о том, что наша страна готова нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Если же в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то в этом случае откроется возможность «для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма»⁶⁷.

⁶⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960, стр. 9—10.

⁶⁶ П. Е. Скачков. Очерки..., стр. 408—416.

⁶⁷ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 11.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Современный Сингапур*

В последние годы в Советском Союзе появилось несколько новых книг и статей по Сингапуру¹, которые расширили наше представление об этой небольшой, но интересной стране Юго-Восточной Азии. Одна из последних таких работ — справочное издание «Современный Сингапур». Выпуск подобного справочного издания представляется весьма своевременным именно сейчас, когда в отношениях между Советским Союзом и Сингапуром наметилась прочная тенденция к расширению взаимного сотрудничества.

Известно, что сразу же после создания самостоятельного, суверенного государства — Республики Сингапур в августе 1965 г. правительство СССР предприняло шаги по налаживанию межгосударственных отношений между двумя странами. В ноябре 1965 г., во время пребывания в Москве делегации Сингапура во главе с заместителем премьер-министра То Чин Чаем, была достигнута договоренность об учреждении в Сингапуре торгового представительства Советского Союза и корреспондентского пункта ТАСС. В июне 1966 г. Сингапур посетила советская торговая делегация. Соглашение, заключенное ею с сингапурской стороной, положило начало торговому обмену между нашими странами.

С тех пор торговые отношения между двумя странами заметно расширились, товарооборот увеличился более чем в 3 раза.

В 1968 г. между СССР и Сингапуром были установлены дипломатические отношения. В 1970 г. в нашей стране по пригла-

шению советского правительства находился с визитом премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, в ходе которого он имел беседы с советскими руководителями по актуальным проблемам международной жизни и вопросам взаимных отношений между СССР и Сингапуром.

За последние годы расширение сотрудничества между нашими странами идет по самым разнообразным направлениям. В 1967 г. начала работать совместная советско-сингапурская пароходная компания «Соснаклайн», которая открыла регулярные линии, соединяющие порты стран Юго-Восточной Азии с Европой и западным побережьем США и Канады. Регулярно в сингапурский порт заходят для заправки и для ремонта советские морские суда. В 1975 г. объем такого ремонта в денсжном выражении составил примерно 9 млн. ам. долл. Ежегодное увеличение заказов на ремонт советских судов способствует стабилизации и развитию экономики Сингапура, что особенно важно для этой страны в связи с переживаемым в капиталистическом мире экономическим кризисом. В феврале 1969 г. СССР и Республика Сингапур подписали соглашение об установлении прямой воздушной связи между Москвой и Сингапуром. Полеты самолетов Аэрофлота начались с апреля 1969 г.

В июне 1975 г. между Сингапуром и Советским Союзом было заключено соглашение о создании совместной сингапуро-советской компании «МАРИССКО» по добыче и обработке рыбопродуктов моря. Уже с конца года данная компания приступила к работе.

В Сингапуре успешно функционируют местное отделение Московского народного банка, отделение АПН.

В последние годы укрепляются научно-технические и культурные связи между Советским Союзом и Сингапуром.

Уже несколько лет в стране постоянно работает магазин «Советская галерея», где можно купить советскую книжную продукцию, произведения народного творчества из СССР, грампластинки, почтовые марки для филателистов и т. д. Галерея участвует в выставках книг, постоянно проводящихся в Сингапуре зарубежными и сингапурскими издательствами. С 70-х годов в некоторых сингапурских средних школах введено изучение русского языка. Кадры преподавателей русского языка готовятся в Сингапурском университете, где имеются специальные курсы, преподавание на которых ведется специалистами из СССР. На протяжении нескольких лет между двумя странами производится взаимный обмен студентами-стажерами, учеными, работниками культуры и искусства. Доброй традицией стало проведение

* Ю. Л. Ю. Современный Сингапур (справочное издание). М., 1976, 164 стр.

¹ К примеру: Л. Демин. Сингапур многоликий. М., 1975, 80 стр.; Т. Лёвина. Некоторые вопросы китайско-сингапурских торговых связей. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 66—73; З. Лапина. Использование традиций китайской культуры в социальном и политическом курсе Сингапура. — В сб. Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае» ИВАН СССР. Тезисы и доклады. М., 1974, стр. 473—479; О. Барышников, В. Курзанов. В стране сказочного льва. — «Азия и Африка сегодня», 1975, № 11.

фестивалей советских фильмов в Сингапуре. Регулярными стали поездки в Сингапур туристов из Советского Союза и других социалистических стран.

Таким образом, заложена хорошая основа для развития дружественных отношений между Советским Союзом и Республикой Сингапур.

Именно в связи с расширением рамок сотрудничества между двумя странами, обмена туристами, студентами, работниками культуры, увеличением числа советских судов, ремонтируемых в порту Сингапура, а также его растущим значением как одного из центров промышленности, международной торговли, мореходства, банковского дела в Азии и встала задача по созданию справочника по Сингапуру, с которой успешно, на наш взгляд, справился Ю. Лю.

Книга состоит из предисловия и 9 разделов — описания страны, ее населения, исторического очерка, характеристики государственного строя, разбора внутривосточного положения. В ней рассматриваются внешнеполитические отношения, экономика Республики Сингапур, положение рабочего класса, дается характеристика профсоюзов страны. Специальный раздел посвящен многонациональной культуре Сингапура; в конце книги приводится хронология основных событий, связанных с борьбой Сингапура за свою независимость и сегодняшним днем страны.

В справочном издании Ю. Лю используется множество таблиц, наглядно показывающих экономическое развитие страны, торговые связи Сингапура с зарубежными партнерами, положение в среднем и высшем образовании и т. д. Все это является заслугой автора книги. Однако некоторые стороны жизни современного Сингапура остались в стороне от внимания автора. На наш взгляд, было бы целесообразно значительно расширить и выделить в особый раздел вопрос о старых и современных традициях

основных этнических групп Сингапура: китайцев, малайцев, индийцев и пакистанцев. Видимо, следовало бы более подробно осветить развитие советско-сингапурских отношений с момента их зарождения до сегодняшнего дня.

Приходится сожалеть, что автор не использовал ряд последних работ советских авторов, которые мы уже указывали в рецензии, а также книгу И. П. Труфанова «Сингапур»², статьи Д. Воскресенского «О национальной специфике современной «массовой культуры» зарубежных китайцев»³, Л. Демина «Сингапурские зарисовки»⁴ и др.

Не использованы и некоторые довольно интересные работы, вышедшие в последние годы за рубежом⁵.

Однако данные пожелания и замечания в целом не умаляют заслуг автора, сделавшего большую и кропотливую работу по написанию справочного издания о современном Сингапуре. Рецензируемая работа будет полезна для всех интересующихся современным положением стран Юго-Восточной Азии.

В. Н. Усов,
кандидат исторических наук

² И. П. Труфанов. Сингапур. М., 1967, 86 стр.

³ Д. Воскресенский. О национальной специфике современной «массовой культуры» зарубежных китайцев. — В сб. Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае» ИВАН СССР. Тезисы и доклады. М., 1973, стр. 276—287.

⁴ Л. Демин. Сингапурские зарисовки. — «Дальний Восток», 1973, № 10, стр. 122—130.

⁵ Korn Fritjef. Malaysia, Singapore, Brunei. München. 1974. 100 p.; Towards Tomorrow. Singapore, 1973, 165 p.

• • •

«Белая книга» о милитаризации Японии

В июне 1976 г. военное ведомство Японии — Управление национальной обороны — выпустило в свет новую «Белую книгу по вопросам обороны»¹, в которой изложило официальную точку зрения правительст-

ва Японии по вопросам военной политики страны, называемой правящими кругами «политикой обеспечения безопасности». В книге содержится также анализ современной обстановки в мире и в сопредельных с Японией районах, рассматриваются состояние и перспективы дальнейшего развития вооруженных сил Японии. Издание снабжено значительным количеством схем и таблиц. Предисловие к книге написал быв-

Первая «Белая книга» была издана в 1970 г. по инициативе видного деятеля правящей Либерально-демократической партии Я. Накасонэ, занимавшего в то время пост начальника Управления национальной обороны Японии.

¹ Нихон-но боэй. Хакусё (Белая книга по вопросам обороны Японии). Токио, 1976.

ший начальник Управления национальной обороны Японии (УНО) М. Саката.

Согласно мнению М. Саката, публикация новой «Белой книги» преследует цель «разъяснить народу Японии идеи обороны, способствовать более широкому обсуждению оборонных проблем как среди населения, так и в парламенте страны». «Пришло время,— заявляет М. Саката,— когда проблемы обеспечения безопасности Японии и проблемы обороны должны занять соответствующее место в государственной политике и социальной жизни» (стр. 1).

В «Белой книге» признается, что в последние годы произошло определенное смягчение напряженности в некоторых районах мира, наметились элементы разрядки во взаимоотношениях двух крупнейших военных держав — СССР и США. Вместе с тем ее авторы всеми силами стремятся доказать, что эти процессы не должны влиять на политику Японии, и призывают, по существу, к дальнейшей милитаризации страны. Они утверждают, что вакуум силы в одном из районов мира может поощрить какую-либо из сторон к агрессии, способной вызвать всеобщую войну. «Поэтому, как это ни кажется на первый взгляд нелогичным, именно укрепление военной мощи является силой, сдерживающей ядерную войну,— говорится в книге.— В этом проявляется особенность ядерной эпохи» (стр. 9).

В книге отмечается, что Корейский полуостров является одним из наиболее взрывоопасных районов мира. Пытаясь, однако, извратить истинное положение дел, авторы не только ни слова не говорят о том, что одним из основных источников напряженности является присутствие в Южной Корее американских вооруженных сил, а, напротив, пытаются приписать им миротворческие функции.

Наибольший интерес с точки зрения характеристики современной военной политики Японии представляет глава II «Белой книги». Исходя из общей предпосылки о том, что в районах, сопредельных с Японией, стабильность обстановки достигается балансом сил СССР, США и Китая и военными договорами на двусторонней основе, авторы книги стремятся убедить читателя в «нелицезнучности и необходимости» военно-политического союза с Соединенными Штатами. Выступая с позиции «баланса сил», правящие круги Японии пытаются дискредитировать усилия Советского Союза и других стран Азии, направленные на достижение прочного мира в этом районе на коллективной основе.

В книге указывается, что основой военной политики Японии по-прежнему является «Курс в области обороны», утвержденный правительством и парламентом страны в 1957 г. Этот документ, приводимый в «Белой книге», состоит из четырех положений весьма общего характера, которые позволяют правительству, прикрываясь рассуждениями о «стремлении к миру во всем мире», разрабатывать военную политику исходя из

реальностей современного мира и интересов достижения национальных целей, как их понимают правящие круги страны.

В работе постоянно подчеркивается, что оборона страны (по терминологии авторов — «обеспечение безопасности») будет осуществляться по двум основным направлениям. Во-первых, оборона Японии от мощного ракетно-ядерного удара будет обеспечиваться ядерными силами сдерживания США; во-вторых, отражение нападения ограниченного масштаба с применением обычных средств вооружения будет проводиться собственными вооруженными силами (стр. 36—38).

Поскольку ракетно-ядерные силы США рассматриваются в качестве главного элемента оборонительной системы Японии, в «Белой книге» настойчиво проводится мысль о «важной роли» японо-американского «договора о взаимном сотрудничестве и обеспечении безопасности». Подтверждая курс японского правительства на всемерное укрепление и поддержку военного союза с США, авторы подчеркивают, что, по их мнению, «сохранение тесного союза и дружеских взаимоотношений между Японией и США является неотъемлемым условием безопасности Японии...» (стр. 38).

Провозглашение подобного курса свидетельствует о готовности правящих кругов Японии участвовать в военно-стратегической системе США в Азиатско-Тихоокеанском регионе на правах «младшего партнера». Это означает, что вопреки широким протестам общественности и сил оппозиции США по-прежнему будут пользоваться правом создавать и использовать на территории Японии свои базы и другие военные объекты. Как видно из публикуемых материалов, на 1 января 1976 г. на территории Японии находилось 136 различных военных объектов США, занимавших площадь около 365,7 км² (стр. 64).

Вторым основным элементом «системы безопасности» Японии являются собственные вооруженные силы, называемые «силами самообороны». В своих попытках оправдать наличие вооруженных сил, создание которых было запрещено статьей 9-й конституции, авторы книги впервые разработали теоретическое обоснование их существования. В частности, заявляется, что «...статья 51 Устава ООН предусматривает право нации на самооборону...», а «силы самообороны» являются не чем иным, «как средством воплощения этого права...» (стр. 34). Кроме того, утверждается, что «оборонительные силы демонстрируют другим странам намерение ее народа защитить свою свободу» (стр. 34).

В книге прослеживается опасное стремление придать «силам самообороны» Японии некий «международный статус» путем рассуждений о том, что «они наряду с японо-американской системой обеспечения безопасности и в дальнейшем будут преследовать важные цели в мировой политике, направ-

ленные на поддержание мира и сдерживание военной угрозы» (стр. 33—34). Подобные рассуждения наряду с заявлениями о том, что «силы самообороны» не только «обеспечивают мир Японии», но и «служат делу поддержания стабильности международных отношений в Азии» (стр. 37), являются не чем иным, как попытками подготовить почву для оправдания возможного использования вооруженных сил за пределами Японии для достижения внешнеполитических целей.

В содержании книги нашло отражение стремление правительственных кругов продолжать наращивать мощь «сил самообороны» Японии и после завершения очередного, IV пятилетнего плана развития вооруженных сил в апреле 1977 г. На это нацелена так называемая «концепция основных оборонительных сил» — плод активного обсуждения политическими лидерами страны и руководством УНО содержания военной политики Японии и направлений наращивания ее военной мощи после провала американской агрессии в Индокитае.

Концепция впервые определяет нынешнюю мощь «сил самообороны», насчитывающих в своих рядах около 260 тыс. человек, как потенциал «мирного времени» (стр. 44), то есть устанавливает как бы потолок их численности, на чем давно настаивали демократические силы. Однако обращает на себя внимание тот факт, что правительство явно не намерено связывать себе руки в определении пределов наращивания военного потенциала. При существенных изменениях международной обстановки в сопредельных с Японией районах, утверждается в книге, концепция может быть пересмотрена в сторону увеличения численности «оборонительных сил».

В 1975 г., указывается в книге, военные расходы Японии составили 1327,3 млрд. иен, или примерно 4,4 млрд. долл. (0,9% от стоимости ВВП), что в 1,5 раза превысило военный бюджет Канады и на 5% — Италии. В том же 1975 г. Япония по величине военных расходов заняла восьмое место среди капиталистических стран (стр. 168).

Для реализации «концепции основных оборонительных сил» главные усилия предполагается сосредоточить на двух направлениях. Во-первых, исходя из положения о вспомогательной роли японских «сил самообороны» в военной стратегии США на Дальнем Востоке значительно усилить возможности противовоздушной и противолодочной обороны страны (ПВО и ПЛО) и сосредоточить с этой целью основное внимание на увеличении мощи военно-воздушных и особенно военно-морских сил. Во-вторых, создать такую военную структуру, которая позволила бы в кратчайшие сроки минимальными силами ликвидировать так называемую «косвенную агрессию», представляющую, по мнению японского руководства, главную угрозу безопасности страны в настоящее время (под «косвенной агрессией» понимаются любые вооруженные вы-

ступления населения, направленные против существующего в Японии капиталистического строя, поддерживаемые и инспирированные извне). Для достижения этих целей предполагается осуществлять модернизацию боевой техники, совершенствовать выучку личного состава и систему материально-технического снабжения и тылового обеспечения войск, довести количество вооружения, боевой техники и боеприпасов до уровня, рассчитанного на чрезвычайные обстоятельства, то есть начало военных действий.

Таким образом, концепция исходит из задач повышения роли Японии в деле ее обороны и предусматривает наращивание мощи ПВО и ПЛО в мирный период времени и подготовку к быстрому развертыванию вооруженных сил. Основное содержание концепции было положено в основу новой военной программы Японии — Общей программы национальной обороны, утвержденной правительством в октябре 1976 г.

Обширный раздел книги посвящен проблемам взаимоотношений «сил самообороны» с японским народом. Включение этого раздела в книгу не случайно. Авторы ее вынуждены признать, что значительное количество японцев, «учитывая печальный опыт второй мировой войны, не испытывают интереса к проблемам обороны Японии и даже отвергают их» (стр. 47). Именно с целью преодолеть пацифизм большинства населения Японии, убедить его в «необходимости оборонных мероприятий» в данном разделе книги приводится множество доводов и рассуждений. В частности, утверждается, что «армия является средством сдерживания войны, а не инструментом войны» (стр. 47) и что «силы самообороны» носят не агрессивный характер, а «существуют для того, чтобы у какой-либо страны не появилось соблазна напасть на Японию» (стр. 51). Для ликвидации предубеждения народа к военнотружущим авторы настойчиво рекомендуют населению «усиливать контакты с солдатами», «приглашать их в свои дома» (стр. 62—63). В книге с удовлетворением отмечается, что судя по результатам обследований общественного мнения, проведенных в 1972 и в 1975 г., несколько повысился интерес населения к проблемам обороны. В частности, в 1975 г. необходимость существования «сил самообороны» признавали 79% из числа опрошенных (в 1972 г. — 73%). Нельзя, таким образом, не видеть опасности того, что пропагандистские усилия правительства Японии, направленные на оправдание военных приговоров, начатые в первой «Белой книге» и продолженные во второй, оказывают, как и многие другие мероприятия, определенное воздействие на население Японии.

В книге подробно рассматривается современное состояние всех трех видов вооруженных сил Японии — сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Сухопутные войска являются основным ви-

дом вооруженных сил Японии. Их численность на 31 марта 1976 г. составила около 154 тыс. военнослужащих. Из них только 56 тыс. человек — рядовые, остальные 98 тыс. человек — генералы, офицеры и унтер-офицеры, что составляет примерно 70% общей численности сухопутных войск (стр. 93). Высокий процент командного состава среди военнослужащих дает возможность военному командованию сухопутных войск быстро развернуть данный вид вооруженных сил в случае необходимости и увеличить его численность примерно в четыре-пять раз. В январе 1976 г. на вооружении сухопутных войск находилось около 610 танков, 4620 единиц ствольной артиллерии, 50 тактических ракет класса «земля — земля», 160 пусковых установок ракет «Хок» класса «земля — воздух», 320 самолетов армейской авиации².

Значительную силу представляют собой ВВС Японии. На 31 марта 1976 г. численность личного состава ВВС Японии составляла около 45 тыс. человек (стр. 93). На вооружении состояло более 500 боевых самолетов (в том числе до 60 истребителей F-4EJ, свыше 170 F-104J, около 250 — типа F-86). Кроме того, имеется около 20 вертолетов и 150 пусковых установок зенитных управляемых ракет (ЗУР), «НАЙК-Ж»³.

Особое внимание правящие круги и военное командование уделяют развитию военно-морского флота. На конец июня 1975 г. ВМС Японии насчитывали около 200 боевых кораблей и катеров (без кораблей и судов торжественной охраны), в том числе два противолодочных эсминца-вертолетоносца, 29 эскадренных миноносцев, 16 подводных лодок, 14 сторожевых кораблей, 20 противолодочных кораблей, около 40 тральщиков и других судов. Авиация ВМС имеет на своем вооружении около 200 патрульных самолетов и вертолетов противолодочной обороны. Общая численность личного состава ВМС — 41 тыс. человек (стр. 93).

Для подготовки офицерских кадров в японской армии создана сеть военных учебных заведений, среди которых особое место занимает Академия обороны, в стенах которой готовится основная часть командного состава всех видов вооруженных сил. С 1952 по 1976 г. в Академии было подготовлено более 8 тыс. офицеров (стр. 120).

В целях создания собственных образцов вооружения и боевой техники, стоящих на уровне мировых стандартов, в системе вооруженных сил Японии создан Центр научно-технических исследований. В его штате находится около 1000 гражданских специалистов и 237 военнослужащих. Пять научно-исследовательских институтов, находящихся под руководством начальника Центра, разрабатывают современные образцы вооружения, боевой техники, снаряжения,

продуктов питания и т. д. В «Белой книге» отмечается, что за период с 1970 по 1976 г. в войска поступило большое количество новой боевой техники, разработанной институтами Центра совместно с крупнейшими промышленными фирмами Японии. На этой основе в «силах самообороны» было сформировано несколько новых войсковых единиц при сохранении примерно той же общей численности личного состава. Процесс насыщения войск новой боевой техникой с высокими тактико-техническими характеристиками свидетельствует о том, что дальнейшее наращивание мощи японских вооруженных сил пойдет по пути качественного совершенствования, а не количественного увеличения. В этих же целях значительно повышается боевая выучка войск.

Идея качественного совершенствования японской армии была заложена и в основу IV плана развития вооруженных сил, на выполнение которого была выделена огромная сумма — 4600 млрд. иен, что вдвое превысило расходы по III пятилетнему плану (1967—1971). Таких темпов роста военных расходов не знает ни одна империалистическая страна мира.

По оценкам иностранных военных специалистов, после завершения IV пятилетнего плана возрождаемая японская армия по всем основным показателям займет седьмое место в капиталистическом мире. Однако правящие круги страны не намерены сдерживать процесс «наращивания мускулов» японских вооруженных сил. 13 ноября 1975 г. УНО Японии определило ориентировочную сумму расходов на пятилетний период после IV плана. Новый военный бюджет более чем вдвое превысит расходы по IV плану и составит гигантскую сумму в пределах от 8350 до 10 440 млрд. иен. Это является ярким свидетельством стремления правительства Японии реализовать новую «Общую программу национальной обороны», в основе которой лежит так называемая «концепция основных оборонительных сил», приведенная в «Белой книге».

Опубликовав вторую «Белую книгу по вопросам обороны» за последние пять лет, правящие круги Японии пытаются оправдать свои военные приготовления в глазах широкой общественности Японии и всего мира. За попытками теоретического обоснования необходимости наращивания военной мощи ясно просматривается намерение и в будущем продолжать политику укрепления военного могущества капиталистического лагеря, а свои взаимоотношения с другими странами строить не с позиций стремления к миру и добрососедскому сотрудничеству, а с позиции «баланса сил». Этот курс в корне противоречит интересам японского народа и идет вразрез с тенденцией к разрядке во взаимоотношениях между странами с разными социальными системами.

² Дзизьтай нэнкан (Ежегодник сил самообороны). Токио, 1976, стр. 457.

³ Там же, стр. 528.

Л. П. Пинаев

В мире образов китайской классической драмы

Трагедия «Сирота Чжао», созданная неизвестным драматургом в XIII в., была одним из первых произведений китайской литературы, ставшим известным — в сокращенном французском переводе, изданном в 1735 г. — западной публике и вызвавшим интерес у таких людей, как Вольтер и Гёте. В следующем столетии последовали более совершенные переводы Базэна, Жюльена, Дэвиса; в нынешнем веке круг доступных западному читателю китайских классических пьес еще больше расширился, хотя пока еще охватывает лишь небольшую часть сохранившегося наследия драматургии эпохи Юань (XIII—XIV вв.).

Научное же изучение китайского театра на Западе началось сравнительно недавно: большинство серьезных работ приходится на одно-два последних десятилетия. Среди них следует выделить серию статей американских исследователей Дж. Крампа¹ и Р. Яна², работы их соотечественников Д. Джонсона и Э. Брукса³, посвященные поэтическому и музыкальному строю юаньской драмы, а также исследования английских синологов Д. Хокса и У. Долби⁴, В. Идема⁵ (Голландия) и других. Но до сих пор на западных языках не было обобщающих работ, которые создавали бы сколь-нибудь полную картину истории юаньского театра, жанрового своеобразия пьес цзацзюй, присущего им богатства тем и характеров, особенностей поэтического стиля и языка. Этот пробел в значительной мере восполняет книга заведующей департаментом китайской филологии Университета Джорджа Вашингтона проф. Ши Чжун-

вэнь, озаглавленная «Золотой век китайской драмы: юаньские цзацзюй»⁶.

Эта книга как бы подытоживает труд нескольких поколений китайских, японских и западных исследователей китайской драмы от ставших классическими пионерских работ Ван Го-вэя (1912) до недавних публикаций (опять приходится констатировать, что работы советских и польских синологов остались автору неизвестны). Имена предшественников и названия их исследований перечислены в подробной, особенно в отношении англоязычных исследований, библиографии (стр. 237—279), являющейся хорошим дополнением к изданной пятнадцать лет назад Уильямом Ху «Библиографии юаньской оперы»⁷. Но Ши Чжун-вэнь не только обобщает результаты изысканий ученых разных стран; она делится собственными содержательными наблюдениями по многим из затрагиваемых вопросов и включается в дискуссии по спорным проблемам, аргументируя свою точку зрения в пределах, допускаемых объемом книги и ее характером (как сказано в предисловии автора, книга «рассчитана на всех, кто заинтересуется ее предметом, хотя в первую очередь на изучающих китайский язык и литературу»). Основательность и разумная осторожность в суждениях, столь необходимые, когда речь идет о не полностью сохранившихся и нередко противоречивых источниках, тщательность филологической интерпретации и внимание к деталям — качества, присущие уже первой большой работе проф. Ши, посвященной знаменитой трагедии Гуань Хань-цина «Обида Доу Э»⁸, — являются несомненным достоинством и рецензируемого труда.

Он свободен от академического, суховатого объективизма, от перенасыщения специальной терминологией и статистическими выкладками. Автор не скрывает своей любви к творениям юаньских драматургов и стремится передать свою любовь читателю, представить ему написанные семь веков тому назад страницы как живые, способные дать пищу его воображению и эмоциям. Поэтому Ши Чжун-вэнь концентрирует свое внимание на поэтических достоинствах исследуемых произведений, мастерстве сюжетосложения, широте изображения жизни эпохи и на гуманистических сторонах мировоззрения авторов. «Искусным драматургам благодаря богатству их поэзии и способности проникать в мысли и чувства людей удавалось наделять своих персонажей яркой жизненностью», — пишет автор (стр. X), памятуя, конечно, что рядом с такими произведения-

¹ I. C. rump. The Elements of Yuan Opera. — JAS, XVII, № 3, (1958); The Conventions and Craft of Yüan Drama. — In "Studies in Chinese Literary genres", Berkeley, 1973, с. а.

² R. Yang Fu-Sen. The Function of Poetry in the Yuan Drama. — "Monumenta Serica", XXIX (1970—1971), с. а.

³ D. Johnson. The Prosody of Yüan Drama. — "T'oung Pao", LVI, № 1—3 (1970); E. Brooks. Chinese Asia Studies. Seattle, 1968 (Ph. D. Dissertation).

⁴ D. Hawkes. Reflection on Some Yüan Tsa-chü. — "Asia Major", XVI, № 1—2 (1971); W. Dolby. Kuan Han-ch'ing, ib.

⁵ W. Idema. De opvoering van den Yuan-Komedie. — "Forum der letteren", dec. 1972, Amsterdam.

⁶ Chung-wen Shih. The Golden age of Chinese Drama: Yüan Tsa-chü. Princeton, 1976, 312 p.

⁷ W. Hu. A bibliography for Yüan Opera (tsa-chü). — "Occasional Papers", № 1, Ann Arbor, 1962.

⁸ Chung-wen Shih. Injustice to Tou-O: A Study and Translation. Cambridge, 1972, 390 p.

ми в наследии юаньского театра можно найти немало работ ремесленнических, стереотипных, проповедующих домостроевскую мораль и суеверия, герои которых лишь персонафицируют те или иные заданные свойства. Возможно, такая манера изложения создает несколько одностороннее, «завышенное» представление о литературных качествах юаньской драматургии в целом. Но, во-первых, современного читателя в наследии прошлого интересуют в первую очередь лучшие образцы, а во-вторых, китайская классическая драма пока еще известна международной аудитории меньше, чем она того заслуживает (меньше, чем индийская или японская, не говоря уже о греческом и римском театрах), и ради исправления этой несправедливости не грех в чем-то поступиться строгой беспристрастностью.

Из широкого круга вопросов генезиса, социального бытия, поэтики, языка и музыкального сопровождения пьес цзацзюй, с той или иной степенью подробности трактуются Ши Чжун-вэнь, мы сможем остановиться лишь на немногих. Очень сжато, но точно излагая дошедшие до нас сведения о театральных и литературных предшественниках жанра цзацзюй, автор справедливо подчеркивает особую важность прозопоэтического сказа, процветавшего по крайней мере с X в., не пытаясь при этом выделить какую-либо из многочисленных разновидностей этого рода искусства в качестве прямого предка юаньской драмы. Между тем прежние исследователи часто называли таким прообразом прозиметрический жанр чжугундяо, исходя главным образом из действительно большого сходства двух произведений на сюжет о «Западном флигеле»: сказа Дун-цзеюаня и пьесы Ван Ши-фу. Однако вряд ли следует делать далеко идущие выводы на основании двух генетически связанных между собой образов, тем более что оба они, по-видимому, не являются вполне типичными представителями соответствующих жанров. Осторожная позиция проф. Ши кажется предпочтительной, но она лишь подчеркивает желательность дальнейших изысканий в данной области. Они могут иметь не только историко-литературное, но и теоретическое значение — ведь случаи, когда по письменным источникам можно хоть в какой-то степени проследить процесс формирования развитой драматургии, весьма редки как на Востоке, так и на Западе.

Автор усматривает влияние устной сказовой традиции на драму в таких особенностях построения цзацзюй, как наличие «открывающих сцену» и заключительных стихов, самопредставления персонажей публически и частые прямые обращения к аудитории со сцены, ограничение числа ведущих вокальную партию персонажей (не более одного в каждом акте), напоминание зрителям о случившемся в предыдущих сценах и чередование стихов и прозы (стр. 24—32). Во многом рассуждения проф. Ши убедительны, но следовало бы уделить больше внимания воздействию предшествовавших теат-

ральных жанров, в особенности юаньбэнь, сформировавшегося, как и цзацзюй, в Северном Китае. Заслуживает размышлений тот факт, что в существовавшем одновременно на юге страны театральном жанре наньси (по всей видимости, также тесно связанном с искусством сказа) ряд перечисленных особенностей отсутствует.

Интересны наблюдения над «типами драматической оппозиции» в юаньской драме. Автор выделяет три наиболее часто встречающихся типа: конфликт между естественными импульсами и условной моралью, мотивация действия эгонистическим интересом или страстью (с последующим отпущением) и конфликт между добром и злом, правдой и неправдой. Говоря о причинах отсутствия в китайской классической драме трагедий западного типа, основанных на жестокой борьбе в душе героя, Ши Чжун-вэнь перечисляет высказанные ранее взгляды, в конечном итоге выводящие эту черту из специфики традиционной китайской философии и национальной психологии (стр. 41—42). Эти соображения резонны, но ведь то, что в книге названо «трагедией западного» — по существу, шекспировского — типа, возникло на определенном этапе общественного и литературного развития. — Этапе, еще не достигнутом Китаем в исследуемый период, и сбрасывать это со счетов вряд ли возможно.

Одной из характерных особенностей юаньских цзацзюй, отличающей эту разновидность китайской драмы от всех остальных, нельзя не считать ее четырехактную (с факультативным добавлением одной или двух «вставных» сцен) композицию. Автор присоединяется к мнению — основанному, нам кажется, больше на терминологическом совпадении — о том, что такая структура ведет свое начало от одноименных (но, по существу, резко отличных) представлений эпохи Сун. Анализируя прославленную пьесу Ма Чжи-юаня «Осень в Ханьском дворце», проф. Ши отмечает, что развитие сюжета — экспозиция, развитие, кульминация и развязка — «хорошо соответствует делению на четыре акта» (стр. 43). Однако больше места исследователь уделяет тем случаям, когда действие в пьесах представляется «статичным» или «эпизодичным» и не укладывается в четырехчастную структуру. Такие пьесы, конечно, встречаются (иногда они напоминают по композиции шекспировские «хроники»). Но они составляют явное меньшинство и вдобавок принадлежат, как правило, малоизвестным драматургам (в случае с пьесой великого Гуань Хань-цина «Один с мечом на пиру», приводимой в качестве «статичной», следует различать между замедленным развитием внешней интриги и неуклонным нарастанием эмоционального напряжения, в данном случае являющимся главной пружиной действия). В большинстве же случаев структура цзацзюй носит отчетливый четырехчастный характер и выполняется, по нашему мнению, те же художественные функции, что известная формула

«ци — чэн — чжуань — хэ» («зачин — подхват — поворот — завершение») в классической поэзии «ши» и ритмической прозе «гувэнь», и это свидетельствует о взаимовлиянии и определенной степени эстетического родства между различными областями средневековой китайской литературы⁹.

Центральной частью исследования, как считает и сам автор, являются разделы, посвященные анализу языковых средств и поэтических приемов, используемых в ариях и диалогах пьес. Иллюстрируя свои положения многочисленными примерами — в оригинале и в переводе, — Ши Чжун-вэнь увлеченно и убеждающе говорит о разнообразии приемов версификации, умении драматургов через систему поэтических образов воспроизводить атмосферу действия и душевное состояние персонажей. Хорошо, что достойное внимание уделено не только стихотворным ариям, издавна считавшимся «венцом» цзацзюй, но и прозаическим диалогам, в которых исследовательница усматривает и искусное воспроизведение живого разговорного языка эпохи, и важнейшее средство достижения реалистического эффекта. Следовало бы только справедливости ради адресовать эти заслуженные похвалы не только драматургам XIII—XIV вв., но и тем литераторам последующих столетий, в редакции которых до нас только и дошли прозаические части юаньских цзацзюй (в сохранившихся юаньских изданиях диалоги либо отсутствуют, либо сильно сокращены).

Наследие «золотого века китайской драмы» количественно весьма велико — более полтораста пьес. Читатель книги получает, пусть в общих чертах, представление о сюжетах, темах и персонажах более чем половины из этого числа драм, в большин-

⁹ После того как автор этих строк сделал на европейском конгрессе китаеведов (Париж, 1976 г.) доклад с обоснованием этой точки зрения, д-р Э. Плакс из Принстонского университета сообщил, что по его наблюдениям указанный эстетический принцип относится также к средневековой повествовательной прозе.

стве своем на западные языки не переводившихся. Здесь нет возможности обсуждать конкретные оценки отдельных произведений, но нельзя не остановиться на одном, несколько неожиданном, высказывании проф. Ши. Она полагает, что «предположение некоторых современных ученых о том, будто юаньские драматурги посвящали себя социальному протесту или сатире, в целом не может быть доказано». Критика слабости и неэффективности императора и правительства в «Осени в Ханьском дворце», пишет она, не лишала императора достоинства в глазах тогдашней аудитории (стр. 142). С этим можно согласиться — трудно ожидать антимонархических настроений от людей XIII в. Но как быть с многочисленными, изображенными в явно непривлекательных, часто сатирических тонах фигурами тиранов, бесчестных чиновников, жестоких судей, трусливых военачальников, богатых сластолюбцев, с теми пьесами, главное содержание которых составляет борьба против несправедливостей, чинимых властью имущими? Что это, если не социальный протест (разумеется, не подымающийся до отрицания феодального строя в целом)? Наличие же традиционных «благополучных» финалов, если порой и смягчает остроту обличения, не лишает такие пьесы критического звучания.

В предисловии к рецензируемой книге проф. С. Бёрч пишет, что автор «делится с нами своим пониманием юаньского театра и восприятием его богатого наследия. Ее изложение отличается полнотой, интерпретация — содержательностью, а научный аппарат вполне современен». Присоединяясь к этой оценке, мы хотели бы выразить уверенность, что выход в свет этой полезной и основательной книги послужит стимулом для появления новых, все более детальных и углубленных изысканий в огромной сфере китайской классической драматургии — важной составной части замечательного культурного наследия китайского народа.

В. Ф. Сорокин,
кандидат филологических наук

Сотрудничество лингвистов Советского Союза и КНДР

За последние годы советское языкознание обогатилось многими трудами по лексикографии. Важное место среди этих работ занимают словари языков стран Дальнего Востока.

В 1976 г. вышел в свет «Большой корейско-русский словарь» в двух томах* — совместный труд ученых-лингвистов Института востоковедения АН СССР и Академии общественных наук КНДР. Среди переводных словарей корейского языка это наиболее крупное издание, когда-либо выходящее в нашей стране и за рубежом.

В новом словаре учтены потребности как студентов и аспирантов, изучающих корейский язык, так и научных работников, изучающих литературу, историю, этнографию и экономику Кореи.

Достигнутый успех в большой степени определяется тем, что непосредственной работе над словарем предшествовали многие годы исследований в области корейского языка и в области лексикографии. Все это нашло отражение как в трудах советских ученых-корееведов, так и в трудах лингвистов КНДР.

Сотрудничество ученых-языковедов Советского Союза и КНДР занимает важное место в научных связях наших стран. Научные контакты были установлены уже в первые годы после освобождения Кореи Советской Армией. Советские ученые оказывали всестороннюю помощь в подготовке научных кадров. Советскую аспирантуру закончили многие корейские специалисты. Среди них ведущие ныне ученые-лингвисты Цой Ден Ху, Сон Се Рён и др.

После освобождения, когда в развитии корейского языка наступил новый этап, главным направлением корейского языкознания было нормирование национального литературного языка, его демократизация. Быстрый процесс развития корейского языка обусловил развертывание научных исследований в области грамматики, лексикологии и лексикографии. Итогом этих исследований явились научные и учебные грамматики, справочники, словари.

После 1945 г. в КНДР неоднократно издавались толковые и двуязычные словари,

предназначавшиеся для разных целей и разного круга читателей, среди них: «Малый словарь корейского языка» (1955), «Правила записи иноязычных заимствований в корейском языке» (1955), «Орфографический словарь корейского языка» (1956) и др. Наряду с этим проводились и теоретические исследования, результатом которых явились фундаментальные труды по грамматике и лексике: «Грамматика корейского языка» (1960, изд. АН КНДР) и толковый «Словарь корейского языка» в шести томах (1960—1962, изд. АН КНДР).

Одним из важных направлений корейской лексикографии в тот период было создание двуязычных словарей, прежде всего русско-корейских. Это объясняется тем, что овладение теоретическими и практическими знаниями во всех областях тесно связывалось с достижениями советской науки. Знание русского языка в таких условиях приобретало особое значение. Поэтому интерес к изучению русского языка рос с каждым годом. И не случайно, что первым словарем, изданным в народной Корее 15 августа 1948 г. — в день третьей годовщины освобождения Кореи, был «Русско-корейский словарь», выпущенный издательством «Нодон синмун». Редактором первого двуязычного словаря был советский кореевед А. И. Шабшин. Таким образом было положено начало творческому сотрудничеству советских и корейских ученых в области языкознания.

В 1949 г. было заключено «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР». С развитием культурного и научно-технического сотрудничества выросла и потребность в различных словарях и справочниках. В 50-х годах широко развернулось издание русско-корейских словарей различных типов. В те годы вышли из печати «Краткий русско-корейский словарь» Ким Пхир Хуана (1954), «Словарь русской фразеологии» Ким Пхир Хуана (1955). К 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в издательстве Корейского общества культурной связи с СССР вышло юбилейное издание «Русско-корейского словаря», составленного коллективом преподавателей Университета им. Ким Ир Сена. В последующие годы стали издаваться отраслевые словари, например «Русско-корейский строительный словарь» Хван Дон Гука (1960) и др.

В те же годы в Советском Союзе были изданы: «Русско-корейский словарь» Д. М. Усатова, Ю. Н. Мазура и В. М. Моздыкова (1951, 1954), «Корейско-русский словарь» А. А. Холодовича (1951, 1958), «Краткий корейско-русский словарь» (1962). Издавались и терминологические словари, например «Русско-корейский и корейско-русский внешнеторговый словарь», составители Ким Ги Уи, Ким Ен Чер, Каршинов Л. Н. (1961).

Плановое научное сотрудничество между советскими и корейскими учеными началось после подписания в 1957 г. соглашения

* Большой корейско-русский словарь, в 2-х томах, около 150 000 слов. Под редакцией Л. Б. Никольского и Цой Ден Ху. М., изд-во «Русский язык», 1976, т. 1 — 811 стр., т. 2 — 671 стр.

о научном сотрудничестве между АН СССР и АН КНДР.

В 1960 г. учеными-лингвистами СССР и КНДР была начата совместная работа над составлением корейско-русского словаря. В авторский коллектив вошли ученые Института востоковедения АН СССР Л. Б. Никольский, Ше Дяук, Ф. В. Мальков, Ф. З. Ким, С. Ф. Ким, В. П. Пак и ученые Академии общественных наук КНДР Цой Ден Ху, Вон Ын Гук, Ли Се Ен, Ко Хён, Ким Хён Су. В основу нового словаря был положен словарь шеститомного толкового «Словаря корейского языка», изданного Институтом языка и литературы АН КНДР в 1960—1962 гг.

Успешное завершение работы над «Большим корейско-русским словарем» в двух томах свидетельствует об эффективности стн научных контактов специалистов двух братских стран.

Быстрые темпы развития корейского языка после 1945 г. обусловили значительные изменения норм литературного языка в орфоэпии, орфографии, грамматике и лексике. Это потребовало от составителей словаря исследования тенденций развития языка, наблюдений над словоупотреблением. Известно, что такая работа требует от исследователей высокой лингвистической квалификации, широкой эрудиции и большого творческого труда.

Авторы рецензируемого словаря стремились отразить те значительные изменения, которые произошли за последние десятилетия в лексическом составе литературного корейского языка. Особое внимание при этом было обращено на пополнение словаря фразеологией и терминами, имеющими актуальное общественно-политическое значение, как, например: кунбичехан (ограничение вооружений), кунбичхолпе (разоружение), кунбичхуксо (сокращение вооружений) (т. 1, стр. 146).

Общепотребительная лексика, политическая и экономическая терминология представлены в словаре наиболее полно, эта часть словарных статей рассчитана на самый широкий круг читателей.

Любой национальный язык является продуктом длительного исторического развития, продуктом взаимодействия с другими языками. Поэтому в каждой языковой системе сосуществуют различные варианты лексики и фразеологии. Значительную часть словарного состава современного корейского языка составляют заимствования из китайского языка. Все китанизмы в словаре даются не только в корейской графике, но и в иероглифике.

В словаре нашла отражение работа по упорядочению корейского языка, которая широко развернулась после освобождения страны. Главное внимание при этом уделялось очищению корейского языка от излишних иноязычных заимствований. Многие китанизмы были заменены исконно корейскими словами или неологизмами, образованными из корейских корней. К таким словам отно-

сятся: намсэ (овоши), светтол (железная руда), нолби (площадь) и др.

Следуя традиции советской лексикографии в области семантического анализа слова, составители «Большого корейско-русского словаря» много внимания уделили семантике и употреблению слов, разграничению полисемии, свободных и фразеологически связанных значений.

Систематизация обширного лексического материала потребовала от авторов решения ряда теоретических проблем, в том числе — сочетаемости слов и семантико-функциональной характеристики слов, которые относятся к наиболее актуальным научным проблемам теории лексикографии. Известно, что в результате сложных процессов развития языка возникают ряды синонимов. Часть таких слов представляет диалектную или просторечную лексику, среди них и экспрессивно окрашенные, оценочные слова. Обычно выбор того или иного варианта представляет определенную трудность для изучающего иностранный язык. Поэтому стилистическая характеристика слов, введенных в новый словарь, целесообразна и чрезвычайно полезна. Специальные пометки: разг., книжн., эпист., прост. и другие — дают ответ на вопрос, каковы стилистические и функциональные особенности языковой единицы. Это расширяет знания читателей в области корейской лексикологии. Семантико-функциональная характеристика слов выгодно отличает рецензируемый словарь от ранее издававшихся двуязычных корейских словарей.

Значительное место в словаре отведено научным и техническим терминам, что, безусловно, окажет большую помощь при чтении научных работ. Каждый термин снабжен пометкой, указывающей на отрасль науки или техники, к которой принадлежит данная лексическая единица.

Весьма важные и интересные сведения содержатся в словарных статьях страноведческого характера, которые знакомят читателя с культурой страны. Значительную часть такой лексики составляют корейские реалии, характеризующие быт и национальные традиции. Описательный перевод таких слов наиболее точно отражает реальное значение слова, например: пап (рис, сваренный на пару), чхимый (врач, лечащий глухонемыми). Некоторые слова из области этнографии остаются без перевода, поскольку они не имеют соответствующих эквивалентов в русском языке. Этнографический термин дается в русской графике, а в скобках приводится подробное объяснение, например: каягым (кор. струнный щипковый инструмент). Принимая во внимание, что в отдельных случаях русский перевод не дает полного представления о корейском слове, авторы сочли целесообразным дать более развернутую статью, раскрывающую объем и содержание соответствующей лексической единицы. Например: самдок — конф. три добродетели 1) мудрость, гуманность и

храбрость, 2) честность, твердость и уступчивость.

Словарь содержит много сведений по истории корейского народа. Примером могут служить словарные статьи о «сирхак» — философской школе, существовавшей в Корее в XVII—XVIII вв., видевшей цель науки в служении современному обществу, о Корё — государстве и династии с 918 г. по 1392 г., о корейской новеллистической литературе XII—XIV вв. — «пхэсол».

Одним из достоинств «Большого корейско-русского словаря» является иллюстративный материал в виде отдельных словосочетаний, фразеологических единиц, пословиц и поговорок. Словосочетания не только раскрывают значения слов, но дают также дополнительные сведения о правилах их сочетания. Фразеологизмы, устойчивые словосочетания отражают специфику и богатство корейского языка. Характеристика языковых фактов с помощью пословиц и поговорок раскрывает образность языка, национальное своеобразие корейского фольклора.

К числу особенностей рецензируемого словаря относится то, что в нем в значительно большей степени, чем в ранее издававшихся переводных корейских словарях, уделено внимание грамматическим аспектам. Обширный грамматический материал: аффиксы, служебные слова и частицы, включенные в корпус словаря в виде отдельных статей, — свидетельствует о большой творческой работе авторов. В этих статьях излагаются основные способы формообразования в корейском языке. Большая часть этих статей отличается четкостью, глубоким проникновением в суть грамматического явления, наглядностью и убедительностью иллюстративного материала.

Необходимость систематизации и описания огромного грамматического материала поставила перед составителями словаря ряд теоретических вопросов, среди которых особое место занимает проблема аналитической морфологии в системе агглютинативного языка. Проблема эта имеет прямое отношение к теории «тхо» в традиционном корейском языкознании¹. Поэтому лингвистическая трактовка грамматических формантов, данных в словаре, представляет большой интерес для исследователей корейской грамматики.

В этом отношении особое внимание заслуживают словарные статьи, посвященные служебным именам гот, де, па и др. Ценность этих статей в том, что в них критиче-

ски обобщены результаты исследований² категории служебных слов, приводятся грамматические модели с этими словами и их грамматическое значение. Квалифицированное изложение статей передает специфику грамматического строя корейского языка. Лаконичность формулировок, присущая словарю, отнюдь не снижает содержательность и ясность словарных статей.

К числу статей, представляющих теоретический интерес, относятся статьи, посвященные глаголам хада (делать), твэда (становиться), поскольку они имеют прямое отношение к решению проблемы сочетания лексически полнозначного глагола с вспомогательным или служебным. Заслуживают внимания и словарные статьи о глаголах: када (идти), качида (взять), ода (прибывать), где даются грамматические значения сочетаний этих глаголов с деепричастными формами других глаголов.

Грамматический материал, включенный в словарь, его интерпретация свидетельствуют о том, что составление двуязычного словаря требует системного сопоставительного анализа языков, так как только такой анализ позволяет определить и научно охарактеризовать как аналогичные явления, так и различия в языках. Значение сопоставительного анализа особенно важно и необходимо для языков, в типологическом плане далеких друг от друга, какими являются русский и корейский языки.

В рецензируемом словаре нашла отражение работа по унификации и уточнению грамматических норм современного корейского языка. Эти нормы впервые наиболее полно были изложены в «Грамматике корейского языка», изданной Академией наук КНДР в 1960 г.

Значительную трудность для иностранцев представляет корейская орфография, которая с момента создания национального алфавита претерпела значительные изменения. В текстах одно и то же слово может встретиться в различных орфографических вариантах. Поэтому включение в вводную статью раздела о правилах орфографии представляет несомненную практическую ценность.

Чрезвычайно полезны и интересны для всех, кто будет пользоваться словарем, приложения, помещенные в конце первого и второго томов: список корейских фамилий (в корейской графике и иероглифике), корейские единицы мер и веса, система летоисчисления, принятая в старой Корее, циклические знаки и циклическое летоисчисление, правила перевода циклических дат на общее летоисчисление, хронологические таблицы и др.

«Большой корейско-русский словарь» — это, несомненно, фундаментальный труд по корейскому языку. Однако он не лишен и

¹ Теория «тхо» — грамматическое учение о слове, разработанное основоположником корейского языкознания Чу Си Геном (1876—1914), который при анализе слова выделял его основную часть, имеющую лексическое значение, и формальную часть, выражающую грамматическое значение. Грамматические показатели он выделял в самостоятельную часть речи — тхо.

² См., например: Л. Б. Никольский. Служебные слова в корейском языке. М., 1962.

отдельных недостатков. В него не вошли, например, некоторые актуальные термины и словосочетания, такие, как хванрюл (обменный курс), кымпоорянь (золотой запас), чэчонъкымюньвиги (валютно-финансовый кризис), инганхвангёнпохо (охрана окружающей среды). Перевод отдельных терминов не совсем удачен. Так, «чамчэрёк» следовало бы перевести словом «потенциал», «тэгёл» — «конфронтация».

Словарь перегружен арханзмами. Можно было бы устранить ряд малоактуальных слов, в частности вышедшие из употребления термины религиозных обрядов и часть узкоспециальных наименований, как, например: пхобэ — бнол, бластула, кюам — мин, карборунд и др. Профессионализмы лучше было бы включить в специальные словари.

Словарь изобилует изобразительными (звуко- и образно-подражательными) словами, большая часть этих слов дается без перевода, с пометой: «усил. стил. вариант». Особенно много такой лексики во втором томе, где целые страницы корейских слов даются без русского перевода. См., например, стр. 446—449, 475—478 и др.

Имеются в словаре неточности: например, производные глаголы со служебным

глаголом сикхида не всегда имеют побудительное значение, как об этом говорится на стр. 763 первого тома. Например, палччон-сикхида (развивать) обычно не имеет побудительного значения. Или не указана одна из основных функций служебного глагола тведа — страдательный залог производных глаголов. Можно было бы подробнее дать синтаксические функции служебного существительного гот, частицы нын-ын и др.

Обращает на себя внимание неравномерность распределения иллюстративного материала.

С точки зрения удобства пользования словарем следовало бы сократить число отсылок к другим словарным статьям.

Отмеченные недостатки не снижают большого теоретического значения и практической ценности рецензируемого словаря.

Совместный лексикографический труд ученых Советского Союза и КНДР, несомненно, займет почетное место среди научных работ по корейскому языку и будет встречен с большим интересом корееведами в нашей стране и за рубежом.

В. Н. Дмитриева,
кандидат филологических наук

* * *

Символическая фигура феодалного прошлого*

Два тысячелетия Китайской империи оставили глубокий след в общественном сознании китайского народа. Самые мрачные стороны феодалного и полукolonиального прошлого как бы в фокусе соединились в одном лице — императрице Цыси, которая управляла цинским Китаем более пятидесяти лет, вплоть до кончины в 1908 г.

Путь Цыси к власти, ее правление отмечены интригами и убийствами, казнями и войнами, совпавшими с наиболее косным, реакционным периодом китайской истории. При ней обширная империя оказалась фактически отданной во власть иностранных капиталистических держав. Гнет деспотической власти внутри страны сочетался с позорным и унижительным бессилием перед внешним врагом — империализмом. Господство маньчжурского двора оскорбляло национальное чувство китайского народа.

* В. И. Семанов. Из жизни императрицы Цыси. М., 1976.

Книга В. И. Семанова относится к тем историческим работам, которые преимущественно основаны на литературных источниках. Между тем сложившийся в народе образ исторического лица, запечатлевшийся в народном сознании через литературные произведения, сам по себе становится фактом истории, и никакая подлинно историческая концепция не может его игнорировать. Автор не ставил себе целью вместить в небольшую книгу бесчисленное множество известных о Цыси фактов и материалов. Он выбрал только то, что непосредственно раскрывает личность правительницы империи и что легло в основу народных представлений о ней. Здесь недостает часто прямой документации. Естественно, что злодеяния царствующих особ с самого замысла и после его реализации всемерно укрывались покровом тайны. Но в Китае, с его давней традицией беллетризации истории для народного чтения, возникало обычно современное событиям литературное предание. Оно основывалось на слухах и разговорах современников и очевидцев. Оно сохраняло вполне осязаемый характер деспота и им мотивировало те события, корни которых нарочито обходились молчанием в государственных бумагах. Без учета литературного предания нельзя понять теперь кризисные ситуации верховной власти Цинской империи во второй половине XIX и начале XX в.

Время Цыси еще не слишком далеко отстоит от наших дней. Три революции с тех пор изменили многое в Китае. Но книга В. И. Семанова интересна для всех, занимающихся современным китайским обществом, поскольку в ней благодаря литературным источникам запечатлелись характерные нравы правящей верхушки Китая. Маньчжурский двор того времени полностью усвоил китайскую императорскую традицию. Недаром вслед за арестом вдовы Мао Цзэ-дуна Цзян Цин в октябре 1976 г. в Пекинском музее Гугун — бывшем дворце маньчжурских императоров — новые китайские власти сочли уместным открыть выставку исторических материалов о злодеяниях императрицы Цыси. Газеты сообщили, что при жизни Мао Цзэ-дуна его супруга любила сравнивать себя с Цыси и требовала к себе столь же раболепно подобострастия, как и старая императрица. Сохранилась и литературная традиция: известный поэт Чжао Пу-чу написал сатирические стихи о посещении Цзян Цин загородного дворца — парка Ихэюань, в котором она изображала прежнюю хозяйку — Цыси.

Хотя семья Цыси была бедной, она принадлежала по происхождению к знатнейшим маньчжурским фамилиям. В 1853 г. девушкой она попала во дворец и стала наложницей императора Сяньфэна. Уже к первым годам традиция относит проявления ее бесчеловечной жестокости: ревнуя к наложницам-китайкам, Цыси приказывала умерщвлять их у себя на глазах побоями и истязаниями (стр. 42). Рождение наследника также окутано тайной. Император тогда уже был полупарализован, так что ребенок был либо рожден от другого мужчины, либо похищен у другой, умерщвленной женщины (стр. 47). В 1861 г. император умер, причем, согласно источникам, Цыси ускорила его кончину, чтобы стать регентшей при наследнике (стр. 49). Для захвата власти ей потребовалось казнить трех министров покойного императора. К 1873 г., когда новому императору Тунчжи исполнилось 17 лет, Цыси успела привыкнуть к неограниченной власти и не пожелала с ней расстаться. Через год император умер, а его жена, невестка Цыси, была доведена до самоубийства, потому что была беременна и могла родить нового императора, сама стать регентшей. Традиция прямо обвиняет Цыси в причастности к гибели Тунчжи, считавшегося ее собственным сыном, а также невестки и внука. Цыси возвела на трон, вопреки обычаю, своего малолетнего племянника Гуансюя и снова стала регентшей при нем, хотя должна была бы по законам предков уступить власть вдове императора Тунчжи. Свою сорегентшу, первую жену императора Сяньфэна, она, по единодушному мнению всех источников, отравила в 1881 г., боясь разоблачения своего бесстыдного распутства (стр. 74).

Когда племянник Гуансюй достиг со-

вершеннолетия и вознамерился царствовать сам, Цыси в 1898 г. совершила дворцовый переворот. Шестеро сановников были казнены, а император заточен во дворце. В 1900 г. Цыси «даровала смерть» любимой наложнице императора. Когда в 1908 г. Цыси заболела, она сказала об императоре: «Раньше его я не умру!» Так и случилось, что наводит многих авторов на подозрение в отравлении (стр. 121). Следовательно, верховная правительница Китая удерживала власть с помощью длинной цепи убийств. Здесь и мужеубийство, и сыноубийство, и умерщвление невестки, внука, племянника. Казни соперниц-наложниц, вельмож, министров, свухов и слуг. Бесчеловечная жестокость под прикрытием фарисейской морали и тщательно разработанных церемоний. Цыси — последнее и самое страшное воплощение деспотизма на китайском троне.

Неисчислимы бедствия китайского народа в период свыше полувекового деспотического правления Цыси. При ней было потоплено в крови народное восстание тайпинов, удушено казнями реформаторское движение. Цыси всеми силами сопротивлялась всяким нововведениям и переменам. При ней Китай терпел поражения в войнах с Англией, Францией, Японией. Ненавидя в душе иностранцев, Цыси предпочла пойти в услужение к иностранным державам, лишь бы сохранить в стране прежние порядки. Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. она сначала науськивала восставших на иностранцев, а потом казнила их тысячами, не пощадив даже собственных ближайших советников, лишь бы сохранить свое положение и власть. Эти события, в отличие от внутренней жизни императорского двора, хорошо изучены и известны историкам. Книга В. И. Семанова дополняет портрет главы реакционного, деспотического режима картиной его нравственного и человеческого падения, превратившего Цыси в кровавое чудовище, внушающее всем приближенным смертельный страх за собственную жизнь.

Формально Цыси не была самодержавной властительницей. Она всегда старалась держать при себе либо больного, либо малолетнего, либо заточенного императора, управляя от его имени. Регентство было ее излюбленной ролью. Алчность императрицы не знала границ, взятки и подарки принимались ею на астрономические суммы. Ее личные доходы к концу жизни превышали 10 млн. ам. долл. ежегодно (стр. 136). «Цыси присвоила себе почти безграничную власть», — пишет В. И. Семанов. — С тем большим уважением наблюдаешь, как велика была оппозиция ей в условиях жесточайшего деспотического режима. Здесь и народные восстания, и деятельность реформаторов, пытавшихся устранить Цыси, и революционное движение, и заговоры одинок, и выступления так называемых цензоров, которые имели официальное право на критику, но с которыми тем не менее

часто расправлялись... Наиболее решительную оппозицию вдовствующей императрице и всей Цинской монархии создали ранние китайские революционеры во главе с Сунь Ят-сенем. Через три года после смерти Цыси им удалось провести первую в стране революцию, свергнуть маньчжурское иго и установить республиканский строй» (стр. 157, 160). Действительно, нет ничего более странного, как приписывать китайскому народу пассивность и покорность, страх перед смертью и деспотической властью. В Китае всегда находились герои, готовые пожертвовать жизнью ради народного счастья.

Долгое правление Цыси не принесло прочности прогнившему государственному и общественному строю. Его смела революция.

Правление Цыси и крах маньчжурской династии, которую она лишила последнего ореола и авторитета, — исторический урок прошлого, обращенный в будущее. Китай издавна смотрелся в зеркало истории, стараясь угадать будущие события. Богатство исторической традиции всегда предоставляло возможность находить в ней поучительные параллели. Уроки правления Цыси — это бессмысленность и обреченность твердолобой реакционной политики внутри страны, бесперспективность прислужничества перед капиталистическим Западом, ненадежность личной деспотической власти. Цыси привела к краху и те силы, которые ее поддерживали, и собственное ближайшее окружение. Она помимо своей воли обрек-

ла на гибель маньчжурскую императорскую династию.

В нашей историографии немало работ посвящено истории этого периода. Библиография в книге В. И. Семанова указывает на русском языке два десятка книг и статей, в том числе и современные Цыси публицистические отклики русской прессы. И все же большинство историков занималось более общими, широкими вопросами, а потому книга В. И. Семанова содержит новый для нашей науки конкретный материал, впервые вводимый в научный оборот. Вступлением к книге служит обзор «Цыси в исторической и художественной литературе».

В. И. Семанов написал интересную по подходу к материалу и свежую по замыслу работу, которая дает историку прежде неизвестные ему сведения из литературных источников китайской традиции, а широкому читателю — интересную книгу, раскрывающую нравы верхушки императорского Китая во второй половине XIX — начале XX в. Двойной адрес книги — и к специалисту-китаеведу, и к широкой публике — не только не должен смущать, но и является ее несомненным достоинством. Книга расширяет наши представления о недалеком прошлом соседнего государства, а знание этой истории помогает лучше осознать и современную политическую действительность Китая.

А. Н. Желоховцев,

кандидат филологических наук

* * *

К истории монгольского кино

Писать о монгольском кино трудно по многим причинам. Из них первая — умение видеть, коим наделены далеко не все. Один почтенный западный ученый, побывавший в Монголии в 50-х годах и вполне доброжелательно к ней настроенный, заявил, что монгольского кино он не заметил. Не упоминают о нем и фундаментальные труды известных киноведов Ж. Садуля и Е. Теплица. Но в Монголии уже четыре десятилетия существует кино, проделавшее совершенно удивительный, головокружительный по темпам развития скачок, в сжатом, концентрированном виде повторив путь мировой кинематографии чуть не от Люмьеров до наших дней и сегодня зашагав в ногу с передовыми кинематогра-

фиями. Что дело обстоит именно так, свидетельствуют работы М. Черненко: журнальные статьи и рецензируемая книга*.

Книга М. Черненко как бы завершает период, если воспользоваться удачно привлеченным им же самим термином, «первоначального накопления» материала по исследуемому предмету. Фильмы и их непосредственное эмоциональное восприятие — вот единственный «строительный материал», из которого автору нужно было возводить свое здание на фундаменте общих культурных познаний.

Рецензируемую книгу следует отнести к первой попытке создания у нас в стране истории монгольского кино.

Как показывает работа М. Черненко, монгольская кинематография интересна, помимо всех иных компонентов, еще и феноменом своего развития, своего бурного взлета, начало которому положила революция 1921 г.

* М. Черненко. Кино Монголии. М., 1976.

В стране в то время, образно говоря, простиралась бескрайняя кинематографическая целина: отсутствовали такие важные предпосылки кино, как реалистические традиции литературы, театра, живописи, музыки; шагая из феодализма в социализм, Монголия еще не успела обзавестись современной промышленной базой; на всю страну имелось лишь около десятка кинопередвижек, а первый стационарный кинотеатр был открыт в столице только в 1933 г. Все это требовало создания кадров будущих кинематографистов. Автор не только не обходит этих трудностей, напротив, останавливает на них внимание читателя — ему это необходимо, чтобы затем поразить контрастом взлета. «Вопреки теории» — так и называется первый раздел, представляющий читателю парадокс создания искусства в условиях, когда оно, казалось бы, не могло возникнуть.

Здесь, правда, сразу надо заметить, что этот вывод автора, пожалуй, слишком парадоксален. Скажем, он чрезмерно абсолютизирует отсутствие современных романых форм в литературе даже в XIX в. Ведь, например, роман В. Инжинаша «Одноэтажный павильон» во многом принадлежал уже не средневековой, а новой литературе, и вообще, как указывает Г. Михайлов, «литературное наследство монголов оказалось более богатым, чем недавно предполагалось»¹. А это означает, что с литературной основой у начинавшего кинематографа в Монголии дело — в теории — обстояло несколько лучше, чем оценивает автор. Также, видимо, слишком категоричен и вывод о том, что в монгольской живописи не было ничего, что могло бы стать одним из компонентов изобразительной стороны кино, — ведь ритуальная живопись знала и жанр, и пейзаж, и даже элементы психологического рисунка.

М. Черненко сумел на страницах своей весьма небольшой книги выстроить стройное и логичное повествование, в котором нашли свои места и жанровое разнообразие монгольского кино, и поиски им форм и стилей, и творческая непохожесть отдельных режиссеров, и даже периодизация, намеченная, правда, пунктиром, но уже вполне определенным. Периоды примерно такие (точных границ в книге нет, это еще только начальный этап): до 1936 г. длилась предьстория кинематографа в Монголии, включившая в себя и настойчивую кинофикацию страны, и «школу кинематографии советской» (стр. 6) как важный момент кинематографического и политического воспитания народа; период до начала 50-х годов, названный автором «пионерским», делится на этапы непритязательных агиток, военно-патриотической эпикки, стимулированной напряженной ситуацией второй мировой вой-

ны, и послевоенного жадного вглядывания в окружающую современную действительность, доверенную документалистам; вторая половина пятидесятых годов и была тем самым периодом «первоначального накопления» в освоении реалистического метода, что после 1962 г. стало приносить плоды проникновения в психологические глубины реализма сначала преимущественно в историко-революционном жанре и с налетом некоторого мелодраматизма, а в 70-е годы в этом, как пишет автор, внимания «кинематографа к человековедению, к индивидуальной психологии... центр тяжести постепенно переносится на фильмы о современности» (с. 35).

Сегодняшний критик смотрит на кинематографический мир с высот Феллини, Вайды, Куросавы. Оценивать отдельное национальное явление не в общемировом кинематографическом контексте, а в первую очередь в контексте данной национальной истории и культуры — задача весьма трудная. М. Черненко с ней справился.

К предмету своего исследования он относится скрупулезно точно. Первые пропагандистские игровые ленты конца 30-х годов справедливо названы дидактическими, хотя, казалось бы, это качество в достоинство художественного кинематографа занесено быть не может. Как и описательность фильмов 50-х годов, и эклектизм, присущий некоторым работам 60-х годов.

И тем не менее автор четко фиксирует: «Нельзя не отметить и другое — непригодность привычного эстетического инструментария к таким феноменам идеологии и эстетики, как монгольский кинематограф» (стр. 24). С такой правильной позиции ему вдруг открывается, что «в специфических обстоятельствах рождения искусства МНР эта описательность была необходимым этапом, без которого был бы невозможен реализм более высокого, обобщенного уровня» (стр. 24—25), что эклектизм, как и «многие негативные в иных обстоятельствах эстетические явления и факты, приобретали в развитии монгольского кинематографа неожиданно позитивный характер» (стр. 33). Относительно агиток конца 30-х годов автор откровенно пишет: «По прошествии тридцати пяти лет легко посмеиваться над наивностью драматургии и режиссуры, над прямолинейностью, а то и полным отсутствием мотивировок» (стр. 12). Все это, однако, временные «болезни роста», за которыми нужно и можно увидеть подлинную жизнь, диктовавшую искусству свои нелегкие требования. Чтобы окончательно прояснить свою позицию, М. Черненко указывает на возможность найти монгольским лентам агитационного характера «буквальные аналоги» среди советских 1919—1922 гг. Жаль, конечно, что он не называет их конкретно.

Взаимоотношения кинематографий Монголии и СССР — крайне интересное явление, и, естественно, оно нашло яркое отражение в книге. Становление кино в

¹ Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока. М., 1970, стр. 183.

Монголии — уникальный образец интернационального наставничества. Впервые в мировой истории более развитая страна исполнила в отношении менее развитой страны не культуртрегерскую миссию колонизаторского типа, а оказывала широчайшую, многостороннюю бескорыстную братскую помощь. Тут и упоминавшаяся уже «школа» советского кино, и создание кинофикационной сети, и строительство кинопромышленности, и подготовка кадров, и — редкий и важный элемент — совместный поиск наиболее оптимального национального стиля. Автор особо отмечает сделанный в 1936 г. советским режиссером И. Траубергом фильм «Сын Монголии», использовавший фольклорные элементы в их современном реалистическом переосмыслении, как удачный художественный поиск, сумевший «определить драматургию и стилистику кино МНР на многие годы» (стр. 8). Это в какой-то мере и определило ту тематическую, стилистическую, идейную переключку двух родственных кинематографий, которая так настойчиво подчеркивается в книге, причем автор не забывает упомянуть и другую, много более важную причину — общность исторического пути наших стран.

Тем не менее монгольское кино не стало слепком с советского, и в этом — специфика интернационалистских отношений, отвергающих насильственное навязывание внешних явлений, но создающих базу для развития своего, национального. И автор прав, завершая раздел о начальном периоде этого сотрудничества многозначительным выводом: «...почти сорокалетний опыт существования монгольской кинематографии... показывает генетическую невозможность прямого использования чужих образцов, сколь бы близки они ни были — идейно, политически, эстетически. Кинематографиям, запоздавшим родиться в эпоху Люмьеров, приходилось неминуемо проходить весь путь развития нового искусства — со всеми ошибками и находками более развитых кинематографий» (стр. 10). В этом выводе — важный аспект книги М. Черненко.

В книге очень точно прослеживаются основные вехи на пути такого развития. «Сын Монголии» был своего рода предложением; ко времени работы над фильмом «Его зовут Сухэ-Батор» профессиональный уровень монгольских кинематографистов уже поднялся до такой высоты, когда они

сумели переплавить достижения мирового кино 30—40-х годов в свои собственные; в эти годы они начали поиск в собственной эпике того, что естественно отвечало бы потребностям развития кино; вынужденно отказавшись тогда от бытописательских традиций средневековой прозы, они вспомнили о них к концу 50-х годов, перейдя от возвышенного изображения «героев-знаков» к индивидуализированным и попавшим в конкретное социально-бытовое окружение «героям-характерам»; 60-е годы дали примеры интегрирования в монгольском кино не только традиционных жанров, но и тех, которые, «казалось бы, чужды самой природе национального искусства», — например, такой образчик фарса с переодеваниями, как «Ох, уж эти девушки»; это десятилетие — время жанрового и стилистического синтеза: наконец, в 70-е годы монгольское кино возвращается к эпике, но уже не фольклорного типа, а романного — эпические полотна с глубокими проникновениями в психологию героев. Наиболее значительным в этом смысле явлением стала трилогия «Прозрачный Тамир».

Сознавая пионерское значение книги, не стоит акцентировать внимание на мелких неточностях, порой встречающихся на ее страницах. Но сказать об одном следует, учитывая, что это только начало пути и впереди — возможности для исправления.

Автор, осознавая необходимость не абстрактного подхода к оценке явления, а конкретного национального и исторического, не всегда последовательно выдерживает этот принцип. Так, правильно подчеркивая необходимость «создания минимальной кинематографической культуры зрителя» после революции 1921 г., он объясняет непонимание «утонченного языка и интеллектуального монтажа „Великого немого“» всеобщей неграмотностью. Тут дело, скорее, в ином культурном фундаменте (который есть и у неграмотного), иных национальных, этнических характеристиках.

Однако, повторяю, неточности, которых в книге не много, не мешают с интересом читать работу М. Черненко, которую можно назвать вкладом в востоковедческую и киноведческую науки.

С. А. Торопцев,

кандидат филологических наук

Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай

23 мая 1977 г. в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась конференция на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай», организованная Обществом советско-китайской дружбы, Институтом Дальнего Востока АН СССР, Институтом востоковедения АН СССР. В работе конференции приняли участие известные ученые-китаеведы, общественные деятели, бывшие военные советники, советские добровольцы — участники освободительной борьбы китайского народа, специалисты, работавшие в Китае, активисты Общества советско-китайской дружбы.

Открывая конференцию, заместитель председателя Общества советско-китайской дружбы, член-корреспондент АН СССР С. Л. Тихвинский подчеркнул актуальность темы конференции, проводимой в преддверии знаменательной даты — шестидесяти годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Октябрьская революция в России коренным образом изменила ход развития всего человечества, стала мощным фактором развития мирового революционного процесса, открыла перед народами мира путь к освобождению от эксплуатации и угнетения. Особое воздействие она оказала на страны Востока, и прежде всего на Китай. Именно под непосредственным влиянием Октября в Китае началось распространение марксизма, что привело к созданию Коммунистической партии Китая. Китайская революция развивалась под знаменем идей марксизма-ленинизма, Великой Октябрьской социалистической революции, при мощной поддержке международного коммунистического и рабочего движения, всех прогрессивных сил мира.

Буржуазная историография и китайская пресса особенно в последние годы пытаются принизить влияние Великой Октябрьской социалистической революции, политики Советского Союза на судьбы Китая. В связи с этим С. Л. Тихвинский обратил внимание на непоследовательность китайских руководителей, практически отказавшихся от своих собственных оценок Октября, сделанных ранее. Он напомнил слова Мао Цзэ-дуна: «Китайцы обрели марксизм благодаря рус-

ским. ...Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. ...Идти по пути русских — таков был вывод».

Огромную и всестороннюю помощь китайской революции с самого начала оказали Советский Союз, Коммунистическая партия Советского Союза. После образования Китайской Народной Республики в стране при самом непосредственном и активном участии СССР и других социалистических стран создавалась материально-техническая база социализма. Укреплялась дружба между народами наших стран. Однако с начала 60-х годов не по вине советской стороны отношения между нашими странами начали ухудшаться. С тех пор Советский Союз и КПСС делают все возможное для восстановления добрососедских, дружеских отношений между нашими народами и нашими странами.

С докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в Китае» выступил член-корреспондент АН СССР, директор Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковский. В своем выступлении он на большом фактическом материале показал то огромное значение, которое оказала на развитие китайской революции Великая Октябрьская социалистическая революция, подчеркнул огромную роль поддержки и помощи, оказанных Советским Союзом китайскому народу на различных этапах национально-освободительной борьбы и после образования КНР*.

Одному из важнейших вопросов развития революционного процесса в Китае — пробуждению и формированию классового самосознания китайских рабочих под влиянием Октября — посвятила свое выступление кандидат исторических наук А. И. Картунова. Для Китая исключительно важное значение имели ленинские указания о необходимости всесторонней поддержки пролетариата стран Востока в пробуждении его классового сознания, а также решения II конгресса Коминтерна. Советская власть, установленная в России в результате Октябрьской революции, стала решающим фактором развития революционной активности угнетенных народов Востока, и прежде всего рабочего класса.

Одним из главных существенных каналов воздействия идей Октября на китайских рабочих, как отметила А. И. Картунова,

* Основные положения доклада включены в статью М. И. Сладковского «Великий Октябрь озарил путь национального и социального освобождения народов Восточной Азии», публикуемую в этом номере журнала.

явилось живое слово об Октябрьской революции, которое несли в Китай десятки тысяч китайцев, в период Октябрьской революции и гражданской войны находившихся на территории России.

Большую роль в организации китайских коммунистических секций на территории Советской России сыграло Центральное организационное Бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б). Китайские коммунисты, работавшие на территории Советской России, делали попытки установить связи с прогрессивными демократическими организациями в Китае и ставили задачу создания коммунистических групп у себя на родине.

Наиболее ранним и ярким проявлением влияния Октября на китайских рабочих явилось, как справедливо отметила А. И. Картунова, их участие в антиимпериалистическом «движении 4 мая» 1919 г., в котором рабочие впервые в истории Китая объективно выступили в качестве самостоятельной политической силы, осознавшей себя как особая часть нации, но еще не ставшей классом «для себя». Впоследствии Цюй Цю-бо подчеркнет, что «эта мощная национально-революционная волна неожиданно дала толчок к пробуждению классового самосознания китайских рабочих».

Влияние Октября на китайских рабочих проявилось, далее, в росте забастовочного движения. Забастовки перестали носить эпизодический характер, а стали неотъемлемой частью рабочего движения.

Неоценимое значение имело воздействие Октябрьской революции на развитие рабочего профсоюзного движения, которое в начале 20-х годов стало приобретать к революционному движению мирового рабочего класса. А. И. Картунова обращает внимание на следующее высказывание по этому вопросу одного из деятелей коммунистического и профсоюзного движения Китая Ли Ли-сяня: «Можно сказать, что Октябрьская революция дала самый сильный толчок китайскому профдвижению. Под ее влиянием китайские рабочие в 1919 г. стали организовывать свои союзы, которые в 1922 г. охватывали 250 тыс. организованных рабочих».

Представляется несомненным, сказала в заключение своего выступления А. И. Картунова, что одной из главных причин и предпосылок огромного рывка в классово-национальном сознании китайских рабочих и их столь стремительной революционизации за такой короткий срок явилось влияние Октября и помощь международного коммунистического и рабочего движения.

Своими воспоминаниями об участии советских летчиков-добровольцев в антияпонской войне китайского народа поделился дважды Герой Советского Союза К. К. Коккинаки.

Он напомнил, что, несмотря на героическое сопротивление китайского народа в антияпонской войне, положение в Китае оставалось чрезвычайно напряженным. Пользуясь практически почти полным отсут-

ствием противовоздушной обороны в Китае, японская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Японские летчики безнаказанно бомбили китайские города, убивая беззащитных женщин, детей, стариков. Часто такие налеты совершались днем. В этих условиях китайское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать срочную помощь в борьбе с японской авиацией. Верный своему интернациональному долгу, СССР направил в Китай подразделения истребительной авиации. После приземления советских истребителей в районе города Чунцин, вспоминает К. К. Коккинаки, советским летчикам-добровольцам пришлось в первый же день вступить в бой с японскими бомбардировщиками, совершавшими дневной налет на город. В этом бою нашими истребителями было сбито 8 японских бомбардировщиков. В последующие дни было сбито еще несколько машин, после чего японцы прекратили совершать дневные налеты на Чунцин.

Население китайских городов и деревень восторженно встречало советских летчиков, старалось оказать им всяческую помощь, газеты посвящали свои материалы их героизму и отваге. Заслуга советских добровольцев состояла еще и в том, что они практически заново создали противовоздушную оборону в Китае. В дальнейшем особенно тяжелые и поэтому очень памятные воздушные бои завязались в январе 1940 г., когда японцы предприняли попытку блокировать китайско-бирманскую дорогу, по которой шли военные поставки Китаю. В те дни в воздушных боях участвовало с обеих сторон по 150—180 самолетов. Советские летчики, часто жертвуя собой, выполнили свой интернациональный долг, спасли китайские города и деревни от варварских разрушений, сохранили жизнь десяткам тысяч китайцев. Мы уверены, что китайский народ помнит и будет помнить тех советских воинов, которые отдали свои жизни за его свободу и счастье.

Шире освещать всестороннюю, бескорыстную помощь Советского Союза Китаю на всех этапах его развития — важная и актуальная задача Общества советско-китайской дружбы.

Участник национально-освободительной войны китайского народа, заместитель председателя Общества советско-китайской дружбы, генерал-лейтенант инженерных войск в отставке, бывший старший военный советник А. Я. Калягин рассказал о той огромной роли, которую сыграла помощь Советского Союза в деле укрепления единого фронта. В 1937—1940 гг. Советский Союз поставил Китаю столь большое количество различного вооружения, что дало возможность китайским войскам не только успешно сдерживать японцев, но и самим переходить в наступление. Большую работу по улучшению структуры армии, оперативной подготовке офицерского состава проводили советские военные советники. Часто эта работа, вспоминает А. Я. Калягин, осу-

шестьялась не в тиши кабинетов, а в полевых или боевых условиях. Бескорыстная помощь советского народа, подчеркнул в заключение А. Я. Калягин, помогла китайскому народу в его справедливой борьбе с захватчиками, привела к победе и в конечном результате к образованию Китайской Народной Республики.

Первым откликом в Китае на победу Великого Октября посвятила свой доклад кандидат исторических наук Р. А. Мировицкая. Она справедливо отметила, что в силу целого ряда объективных и субъективных факторов, в том числе особенностей развития общественной мысли Китая, освободительного движения в стране, а также недостатка информации, доступной китайскому народу, восприятие Октябрьской революции было процессом «от полного неведения к некоторому пониманию, от понимания меньшинством к пониманию большинством, от частного понимания к полному пониманию».

В условиях фактической изоляции Китая от России в 1918—1919 гг. только отдельным выдающимся умам китайской нации было под силу увидеть суть происходящих в России событий, увидеть в пламени Октябрьской революции судьбы мира и Китая. Среди них Р. А. Мировицкая справедливо называет имя Ли Да-чжао и подчеркивает, что его деятельность была направлена на привлечение внимания общественности к событиям в России, к опыту Октябрьской революции. Р. А. Мировицкая показала тесную связь послевоенного политического подъема, поставившего вопрос о союзниках в китайском революционном движении, с расширением в китайских кругах сторонников сближения с Россией. Октябрьская революция, проложив путь к борьбе за социализм и национальное освобождение, способствовала необыкновенному ускорению темпов политической жизни Китая. Двадцатые годы были годами становления коммунистического движения в Китае и тем временем, когда отношение к Советской России было рубежом, по которому происходило размежевание сил революции и контрреволюции в стране.

Р. А. Мировицкая подчеркнула, что китайские коммунисты-марксисты искали в ленинизме ответ на насущные проблемы Китая, видели его будущее на путях революционного преобразования страны, на путях дружбы с Советской страной.

С докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и общественная мысль в Китае» выступил профессор Н. Г. Сенин. На большом фактическом материале он показал качественный сдвиг в характере общественной мысли в Китае под непосредственным влиянием революционных событий в России и распространения идей марксизма-ленинизма.

Хотя имя Маркса и некоторые идеи его учения впервые появились в китайской эмигрантской печати еще в начале XX века, тем не менее это было весьма поверхностное знакомство с марксизмом, которое касалось лишь узкого круга китайской мелкобуржуазной интеллигенции. Представления о марксизме у этой части интеллигенции были к тому же весьма смутными и поверхностными.

Лишь после Октябрьской революции идеи научного социализма стали быстро распространяться в Китае. Во многих крупных городах страны — Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Ухани, Чанша и других — были созданы кружки по изучению идей марксизма. Появились многочисленные издания — легальные и нелегальные, пропагандировавшие идеи марксизма.

Лишь после Октябрьской революции идеи научного социализма стали быстро распространяться в Китае. Во многих крупных городах страны — Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Ухани, Чанша и других — были созданы кружки по изучению идей марксизма. Появились многочисленные издания — легальные и нелегальные, пропагандировавшие идеи марксизма.

Выдающуюся роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма, как отметил Н. Г. Сенин, сыграл Ли Да-чжао, который своими пламенными речами и статьями в защиту завоеваний Октябрьской революции, в борьбе против прогнившей феодальной и импортированной китайской буржуазией с Запада империалистической идеологии снискал уважение прогрессивных сил страны.

Под влиянием Октябрьской революции произошла эволюция идейной и политической позиции великого китайского революционного демократа Сунь Ят-сена. Интерес к русской революции, переписка и обмен информацией по взаимноинтересующим вопросам с руководителями Советского государства, знакомство с революционным опытом нашей страны привели Сунь Ят-сена к выводу, что Китаю следует учиться у России. Сунь Ят-сен пересмотрел свои прежние взгляды, пересмотрел свое учение о трех народных принципах и дополнил его тремя важными политическими установками: союз Китая с Советской Россией, сотрудничество революционного Гоминьдана с Коммунистической партией Китая и помощь рабочим и крестьянам. Эти политические установки вошли в общую программу дальнейшей борьбы китайского народа за свое национальное и социальное освобождение, принятую I-м съездом Гоминьдана совместно с представителями КПК в начале 1924 г.

В заключение Н. Г. Сенин отметил, что распространение идей марксизма-ленинизма под непосредственным влиянием Октябрьской революции коренным образом изменило весь характер идеологической борьбы в Китае в начале 20-х годов, привело к созданию Коммунистической партии Китая, ставшей во главе прогрессивных сил в стране.

Проведение конференции на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай» в год шестидесятилетия Великого Октября — важное событие в развитии советского китаеведения.

Н. В. Бирюлин,
кандидат исторических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Е. Ф. КОВАЛЕВА

1 октября 1977 г. исполняется 70 лет видному советскому китаисту, доктору исторических наук, профессору Евгению Федоровичу Ковалеву.

Начало научной деятельности Евгения Федоровича относится к студенческим годам. В 1932 г., за год до окончания Московского института востоковедения, он опубликовал свою первую научную работу «Аграрный кризис в Северной Маньчжурии», и с этого времени на протяжении 15 лет аграрные проблемы Китая стояли в центре его научных исследований. В 1947 г. вышла в свет монография «Аренда и арендные отношения в Китае». Эта проблема занимала Евгения Федоровича и в 50-е годы.

С 1935 г. по 1944 г., находясь на дипломатической работе в Китае, а с 1945 г. по 1952 г. на партийной работе, Е. Ф. Ковалев не ослаблял своей научной деятельности. В многочисленных статьях, посвященных политическому положению в Китае в годы второй мировой войны, борьбе китайского народа против гоминьдановской реакции и ее американских покровителей, победе демократических сил Китая над гоминьдановской контрреволюцией, политическим и экономическим преобразованием в Китайской Народной Республике, значению для китайского народа советско-китайской дружбы, Евгений Федорович дал глубокий анализ коренных проблем китайской революции, ее дальнейшего развития. С конца 40-х годов он сосредоточил свои усилия на всестороннем изучении истории китайского революционного движения и истории КПК.

Находясь на руководящей работе в Институте востоковедения АН СССР, Е. Ф. Ковалев продолжает публиковать серию статей по вопросам экономического и культурного развития КНР. Ему принадлежит вступительная статья к сборнику «Законодательные акты Китайской Народной Республики». Он выступает ответственным редактором ряда книг, переведенных с китайского на русский язык.

В 50-е годы Евгений Федорович проявляет большой интерес к вопросам историографии и источниковедения, к ряду методологических вопросов, публикует статью о китайских источниках и о некоторых вопросах периодизации освободительной борьбы китайского народа, посвящает специальную статью вопросам периодизации новейшей истории Китая в советской литературе.

С 1956 г. по 1959 г. Е. Ф. Ковалев вел активную работу в качестве члена редакционной коллегии журнала «Советское востоковедение». В 1957—1959 гг. являлся глав-

ным редактором журнала «Советское китаеведение», а с 1960 г. вот уже более 17 лет неизменно входит в состав редакционной коллегии журнала «Народы Азии и Африки».

В 60-е годы научная деятельность Евгения Федоровича была сосредоточена на изучении взглядов Сунь Ят-сена о возможности «предупредить» капитализм в Китае, на рассмотрении идейно-теоретических позиций современной буржуазной историографии Китая.

С 1966 г., работая с первого дня основания в Институте Дальнего Востока АН СССР, Евгений Федорович отдал много сил воспитанию молодых научных сотрудников и аспирантов. Он руководит теоретическим семинаром молодых ученых, активно участвует в организации молодежных конференций, выступает ответственным редактором сборников научных докладов молодежи.

В 1968 г. Евгений Федорович с большим успехом защитил докторскую диссертацию «Революционное движение в Китае. 1917—1934 гг.», явившуюся плодом его целенаправленной многолетней исследовательской работы.

Е. Ф. Ковалев неоднократно представлял советское китаеведение на международных форумах. Он был участником VII (Дорем, 1954), VIII (Лейден, 1955), IX (Париж, 1956) Международных конференций молодых синологов, конференции немецких востоковедов (1955), а также участником XXIII (Кембридж, 1954), XXV (Москва, 1960) Международных конгрессов востоковедов и XIII Международного конгресса исторических наук (Москва, 1970).

Е. Ф. Ковалев является членом Редакционного Совета главной редакции восточной литературы издательства «Наука», членом Специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте Дальнего Востока АН СССР и Ордена Ленина Высшей Партийной Школы при ЦК КПСС.

Свое 70-летие Евгений Федорович встречает в расцвете творческих сил, полный новых творческих планов.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Евгения Федоровича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших творческих успехов на благо дальнейшего развития советского китаеведения, служению которому он посвятил 45 лет своей жизни.

НОВЫЕ КНИГИ

Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. Сост. Т. Ф. Кузьмина, А. П. Ненароков и Е. Д. Орехова. М., Политиздат, 1977, 333 стр., с илл., 75 000 экз., 86 к.

В издание вошли свидетельства участников и современников Великого Октября из стран Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии, отклики, резолюции собраний и митингов, приветственные письма, заявления политических и общественных организаций в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией. Несомненный интерес представляют высказывания прогрессивных политических деятелей и партий Китая и Индии, Японии и Кореи, Вьетнама и Монголии. Все публикуемые документы объединены идеей интернациональной пролетарской солидарности со страной первой в истории победоносной социалистической революции, оценкой ее международного значения и всемирно-исторических последствий.

XVII съезд Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор. 14—18 июня 1976 г. Основные материалы и документы. М., Политиздат, 1977, 175 стр., 24 к.

Очередное издание серии «Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий» содержит Отчет ЦК МНРП XVII съезду, «Основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1976—1980 годы», приветствие от ЦК КПСС, речь главы делегации КПСС Ф. Д. Кулакова и другие материалы.

Освободительная миссия на Востоке. Сост. А. Е. Зорин. М., Воениздат, 1976, 245 стр., 30 000 экз., 53 к.

Книга представляет собой сборник статей выдающихся советских военачальников и военных специалистов А. М. Василевского, С. М. Штеменко, И. С. Юмашева, К. А. Мерецкова и др., воспоминания непосредственных участников заключительного этапа второй мировой войны на Дальнем Востоке, а также статьи советских военных историков и журналистов.

Издание посвящено анализу решающей роли советского народа и его вооруженных сил в разгроме империалистической Японии, значению победы СССР над японскими милитаристами для судеб народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, для развития национально-освободительного движения и образования социалистических государств в этом районе мира.

Корнеев С. Г. Научные связи АН СССР со странами Азии и Африки. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1976, 383 стр., с илл., 1500 экз., 2 р. 76 к.

Работа посвящена важной стороне сотрудничества СССР с развивающимися странами и раскрывает глубоко прогрессивный характер и высокую эффективность связей нашей страны с государствами Азии и Африки. Книга содержит обширный материал о научных контактах со странами Азии. Автор освещает также некоторые негативные аспекты политики стран Запада в области научных связей.

Березин В. Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. (Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией). М., «Международные отношения», 1977, 143 стр., 13 000 экз., 53 к.

Автор, опираясь на широкий круг источников и литературы, анализирует основные направления и главные этапы развития советско-японских отношений после 1945 г. Данное исследование раскрывает сложность этого процесса, в ходе которого миролюбивой политике СССР противостоит курс реакционных кругов Японии, которые пользуются поддержкой правящего класса США. В книге рассматриваются также проблемы мирного договора и перспектив советско-японских отношений.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 505 стр., с илл., 2900 экз., 4 р. 11 к.

«Очерки» — результат многолетнего труда известного советского ученого. В книге рассматриваются основные этапы становления и развития русского китаеведения, приведены научные биографии многих русских китаеведов, освещается история изу-

чения и преподавания истории, культуры и языка народов Китая в учебных заведениях России, деятельность научных обществ и экспедиций. Издание содержит первое описание рукописного наследия русских китаеведов, обширный справочный материал.

Нам с а р а й Ц. Социалистическая надстройка в странах, миновавших капитализм. [На опыте МНР]. М., «Мысль», 1976, 246 стр., 7500 экз., 1 р. 27 к.

Работа монгольского ученого посвящена одной из основных проблем теории и практики некапиталистического пути развития — взаимодействию процессов становления социалистического базиса и надстройки. Книга содержит анализ активной, творческой функции политической, правовой, идеологической надстройки в период создания нового общества. Ц. Намсарай подвергает аргументированной и принципиальной критике буржуазные и оппортунистические концепции, извращающие опыт, теорию и перспективы некапиталистического развития.

Скворцов В. Н. Вторая весна Вьетнама. М., Политиздат, 1977, 175 стр., с илл., 70 000 экз., 34 к.

Книга очерков собственного корреспондента «Правды» в СРВ В. Скворцова посвящена победе вьетнамского народа под руководством Коммунистической партии Вьетнама над американскими интервентами и сайгонскими марионетками. Яркие эпизоды героической борьбы, трудовые достижения народа, преодоление тяжкого наследия войны, навязанной империализмом США и его приспешниками, революционный энтузиазм и решение неотложных политических, экономических и социальных проблем воссоединения — таковы главные сюжеты очерков, темы бесед автора с воинами народной армии и вчерашними партизанами, партийными работниками, рабочими и крестьянами.

Павляк С. Политика США по отношению к Китаю [1941—1955]. Перев. с польск. В. Борисова. Редакция и вступит. статья И. Рогачева. М., «Прогресс», 1976, 25 000 экз., 1 р. 60 к.

Станислав Павляк — видный польский дипломат, доктор политических наук, специалист по истории международных отношений на Дальнем Востоке. Книга, предлагаемая читателям, отмечена премией Польского института международных проблем. Исследование американско-китайских отношений периода второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия позволяет раскрыть экспансионистскую сущность политики США на Дальнем Востоке в этот период. С. Павляк противопоставляет политике американского империализма миролюбивую, конструктивную и дружественную деятельность СССР по развитию отношений с китайским народом и всеми народами Дальнего Востока.

Вахрушев В. В. Канада и страны Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 136 стр., 2700 экз., 73 к.

Работа посвящена важной стороне современного мирового развития и международных отношений в районе Тихого океана. Автор показывает, как в результате второй мировой войны, образования мировой системы социализма и коренного изменения соотношения сил между капитализмом и социализмом произошли глубокие перемены в системе капитализма, в частности активизация самостоятельной политики Канады в районе Тихого океана, расширение этой страной внешнеэкономических связей с Японией, Китаем, Индией и другими странами региона.

Васильевский Р. С. и Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине [Сусуйская стоянка]. Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение, 1976, 271 стр., с илл., 2450 экз., 1 р. 4 к.

Монография обобщает исследования, ведущиеся в нашей стране с 80-х годов XIX в. и посвященные наиболее значительному памятнику так называемой охотской культуры на острове Сахалин — Сусуйской стоянке. Подобное обобщение позволяет опровергнуть искаженную интерпретацию археологических материалов о прошлом коренного населения Сахалина и Курильских островов. Книга снабжена приложением с большим количеством таблиц и документов.

ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Широко освещаются в журнале проблемы Китая, переживающего сейчас трудный период.

Издание журнала, который выходит на русском, английском и японском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока.

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получить его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758

Сдано в набор 29 VI 1977 г. Подписано к печати 12 VIII 1977 г.
Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6,25 Печ. л. 17,5 Уч.-изд. л. 20,1
Изд. № 24862 А11799 Зак. 1597 Цена 50 коп. Тираж 18 522 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета
Министров по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли
Москва Г-21, Zubовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области